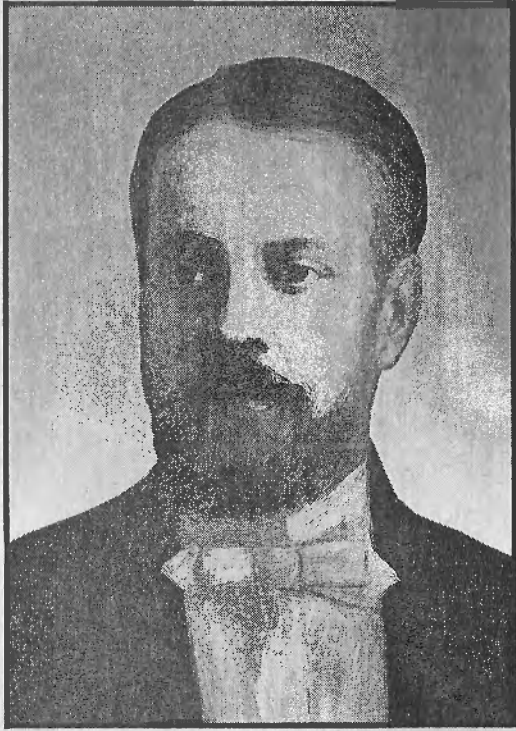

MEMORIAL

1870

1870

ДОСЬЕ БЕЗ РЕТУШИ

ВИТТЕ

ФИНАНСОВЫЙ ГЕНИЙ ПОСЛЕДНИХ РОМАНОВЫХ

А. В. ШИШОВ

Москва
«ВЕЧЕ»
2004

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной сосны, 24.
Акционерное общество «Вече».
Телефоны: 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74;
т/факс: 188-89-59, 188-00-73.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Филиал в Нижнем Новгороде
«Вече—НН»
тел. (8312) 64-93-67, 64-97-18.

Филиал в Новосибирске
ООО «Опткнига—Сибирь»
тел. (3832) 10-18-70

Филиал в Казани
ООО «ВЕЧЕ-КАЗАНЬ»
тел. (8432) 71-33-07

С лучшими книгами издательства «Вече»
можно познакомиться в интернете на сайте
www.100top.ru

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПОРА НАДЕЖД И УСПЕХОВ

1

СЕМЬЯ. РОДОСЛОВНАЯ. ЖИЗНЬ В ТИФЛИСЕ И КИШИНЕВЕ. НОВОРОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

У Сергея Юльевича Витте были все основания гордиться своими родителями и предками по материнской линии. Он в своих «Воспоминаниях» обстоятельно и интересно, со множеством деталей описывает через призму собственной биографии жизнь России и правящих кругов на рубеже двух столетий.

Отец будущего великого отечественного государственника Юлий Федорович (Христофор Гейнрих Георг Юлиус) Витте происходил из старинного рода прибалтийских немцев с голландскими корнями. Более столетия выходцы из этой семьи не могли похвастаться своими успехами ни на чиновничьем, ни на военном поприще. Потомственное дворянство Витте получили только в 1856 году, в начале царствования императора Александра II.

Витте-старший (1814—1868) стал, пожалуй, первым представителем своей фамилии, который достиг значительных чинов. Свое образование он получил в старинном Дерптском университете, а в Пруссии изучал сельское хозяйство и горное дело. Родившись в Курляндской губернии, в Фридрихштадте, он закончил жизненный путь в Тифлисе, дослужившись до чина действительного статского советника. До выхода в отставку

Ю.Ф. Витте три года исполнял должность начальника отделения канцелярии царского наместника на Кавказе. Или, говоря иначе, был директором департамента государственных имуществ на Кавказе. Он много сделал для развития землепользования в Закавказском крае и его экономического процветания.

Мать С.Ю. Витте, Екатерина Федоровна Фадеева (1819—1898) была дочерью члена главного управления Кавказского наместничества А.М. Фадеева, приехавшего в Тифлис при наместнике князе Воронцове. До этого дед будущего главы российского правительства управлял иностранными (преимущественно немецкими) колониями в Новороссийском крае, служил губернатором Саратова (в то время одного из крупнейших российских городов). Он был женат на княжне Елене Павловне Долгорукой, происходившей из старшей ветви князей Долгоруких.

Витте-младший очень гордился тем своим родством (по материнской линии) с одной из самых древних и прославленных русских княжеских фамилий. Его мать была потомком Григория Федоровича Долгорукого, сенатора при императоре Петре Великом, брате знаменитого в отечественной истории князя Якова Федоровича Долгорукого, одного из самых известных государственных деятелей петровской эпохи.

Сергей Юльевич Витте родился 17 апреля 1849 года. Его родители познакомились в Саратове, куда отец был послан министром внутренних дел Л.А. Перовским как специалист по сельскому хозяйству. Там он повстречался с интересной и образованной дочерью местного губернатора. Думается, что их брак был счастлив. Отец был лютеранином, но поскольку женитьба могла состояться только при условии его перехода в православие, то Витте-старший без долгих раздумий сменил вероисповедание. Сильно набожным человеком он, разумеется, не был.

Молодых благословили особо почитаемой реликвией — древним крестом, который по семейному преданию принадлежал князю Михаилу Черниговскому, широко известному на Руси. Он был убит в столице Золотой орды Сарае по приказу разгневанного хана за гордый отказ человека православной веры поклониться идолам «нечестивых». Впоследствии Русская православная церковь объявила князя-мученика Михаила Черниговского святым.

У супругов Витте было пятеро детей: трое старших — сыновья Александр, Борис и Сергей, двое младших — дочери Ольга и Софья. Все дети получили хорошее по тем временам домашнее образование. Причем большую роль сыграли в воспитании отец и мать, люди сами широко образованные. Но главным педагогом и воспитателем их детей была бабушка Елена Павловна Фадеева, урожденная Долгорукая.

Старший брат Сергея Юльевича — Александр ушел из жизни вскоре после окончания русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Он закончил Московский кадетский корпус и «примерно» служил в Нижегородском драгунском полку, едва ли не самом прославленном в русской армии на Кавказе, и дослужился до чина майора. Вполне возможно, что храбрый офицер-кавалерист достиг бы больших чинов, если бы на его карьеру не повлиял один случай, для того времени не редкий.

Перед самой Восточной (или Крымской) войной, Александр Витте дрался на дуэли с офицером Северского драгунского полка Вестманом, сыном бывшего товарища министра иностранных дел при канцлере Горчакове. Причиной дуэли была любовь. Товарищи не смогли их помирить, и дуэль состоялась на самых жестких условиях без промедления. После третьего выстрела Вестман был убит. Дело получило громкую огласку, поскольку дуэли в России со смертельным исходом случались крайне редко. Оставшегося в живых дуэлянта, как и полагалось за такой поступок, судил военный суд, заседавший в столице Кавказского наместничества в Тифлисе. Офицер-нижегородец был осужден на шесть месяцев ареста в крепости. Приговор мог быть более суровым, но за Витте заступился царский наместник великий князь Михаил Николаевич, любивший Александра, человека лично храброго, порядочного и отчаянного кавалериста-кавказца. Однако начавшаяся война вскоре вернула свободу осужденному, и офицер возвратился в родной полк. Свою «оставшуюся» вину он должен был искупить на поле брани с турками.

В Нижегородском драгунском полку Витте сперва командовал эскадроном, а затем — дивизионом. Он прославил себя лихой кавалерийской атакой, когда на дальних подступах к вражеской крепости Карс его драгунский эскадрон прорвался через линию турецкой пехоты, чем привел в замешательство несколько турецких батальонов. Вклад нижегородских драгун в

победу заслужил самое высокое похвальное слово русского командования в лице Н. Н. Муравьева-Карского. Среди отмеченных им бойцов был и эскадронный командир Витте.

После этого Александр Витте не раз отличался в ходе осады Карской крепости, заявив о себе даже во время ее неудачного генерального штурма. Его эскадрон не раз вступал в схватки с отрядами вражеской конницы, которая по ночам пыталась вырваться из осажденной крепости в горы, удачно устраивал засады по горной дороге в Эрзерум, прикрывал армейские обозы от разбойных нападений конницы курдских племен. Он участвовал в рейдах по Турецкой Армении, громя местные мусульманские ополчения и истребляя запасы провианта и снаряжения, которые пытались доставить в осажденный Карс.

В кругу семьи, младшим братьям Александр Витте редко рассказывал о своих боевых делах на кавказском театре Крымской войны. Больше говорил о доблести своих однополчан, о славе драгунского Нижегородского полка. И обязательно о тех торжественных минутах, когда русские войска принимали капитуляцию карского гарнизона во главе с муширом (главнокомандующим) Вассиф-пашой и его английским советником бригадиром Вильямсом. Рассказывал о том, как нижегородцы под барабанный бой и с развернутыми знаменами вступали в поверженную неприятельскую твердыню, и как их приветствовал добрыми словами генерал от инфантерии Николай Николаевич Муравьев-Карский, которого Александр боготворил как действительно доблестного и разумного полководца.

Майор Александр Витте за отличия в Крымской войне, в том числе и за славное Карское дело, имел несколько боевых орденов (все они были «с мечами»). В звании полковника за прошлые ратные заслуги Высочайшим императорским указом он был награжден Золотым оружием — Георгиевской шашкой с надписью «За храбрость». В биографии офицера-кавказца она стала последней государевой наградой.

Второй брат Сергея Юльевича — Борис окончил юридический факультет университета. Вся жизнь он добропорядочно прослужил в судебном ведомстве, закончив свою карьеру на посту председателя Одесской судной палаты. В жизни южного торгового города такой пост значил много, поскольку Одесса была известна на всю страну своими финансовыми и коммерческими махинациями; и громкие судебные процессы здесь следовали

один за другим. К слову сказать, у горожан не было особых нареканий на то, как вел судебные разбирательства Борис Витте. В мздоимстве он замешан не был и оставался до конца судьей-законником.

Сестры Ольга и Софья всю свою жизнь прожили душа в душу в ставшей им родной Одессе, причем старшая рано ушла из жизни, заболев туберкулезом. С ними, как и с братьями, у Сергея Юльевича были самые теплые родственные отношения, и он всегда был внимателен к ним, даже когда поселился в Санкт-Петербурге.

Первые детские впечатления Сергея Витте были связаны с жизнью в Тифлисе, где служил отец. Он хорошо помнил царского наместника прославленного кавказского генерала Николая Николаевича Муравьева-Карского. Взятая им турецкая крепость Карс в финале Крымской войны на мирных переговорах была обменена на морскую крепость Севастополь, город русской воинской славы. Однако, судя по воспоминаниям, фигура мрачноватого с виду и немногословного прославленного полководца эпохи императора Николая I не произвела на юного Витте большого впечатления. Он желал видеть в человеке, которого боготворил его старший брат, более (внешне) яркую личность.

Гораздо больше впечатлений осталось о другом кавказском наместнике — генерал-фельдмаршале князе Александре Ивановиче Барятинском, с которым брат его матери, известный генерал Р.А. Фадеев находился в дружеских отношениях. Дядя участвовал во всех походах Барятинского на заключительном этапе Кавказской войны в горах Чечни и Дагестана. Участвовал он и во взятии аула Гуниб, и пленении имама Шамиля в его последнем прибежище. Образованный, обладавший писательским талантом Фадеев, военный историк, сумел пробудить в племяннике интерес к армии, но офицерскую карьеру Сергей Витте все же не выбрал.

Сергей Юльевич, любимец дяди, и стал хранителем главной боевой реликвии фадеевского рода. Это было собственное знамя имама Шамиля, который лично сдал его полководцу после взятия в плен в знак покорности. Барятинский наградил этим трофейным знаменем своего старого и верного армейского товарища, который не один год делил с ним все тяготы Кавказской войны и походной жизни. С.Ю. Витте неизменно хранил этот

стяг, на котором были начертаны изречения из Корана, в своей богатой редкими изданиями библиотеке, часть которой составляли книги об истории «владычества россиян на Кавказе».

Семья Витте, высокопоставленного чиновника Кавказского наместничества, жила в Тифлисе светской жизнью. Они часто брали своих подрастающих детей на балы, которые давал князь А. И. Барятинский в своем дворце. Но ход тифлисской светской жизни был нарушен отъездом генерал-фельдмаршала с Кавказа за границу. (При этом он увез с собой жену своего адъютанта полковника Давыдова, княжну Орбелиани.) Если на заграничную поездку Барятинский имел личное разрешение государя, то похищение Давыдовой-Орбелиани князь совершил самовольно, что вызвало много толков при дворе и в светском обществе, но заслуги царского наместника в Кавказской войне и деятельном управлении горным краем позволили ему избежать каких-либо карающих санкций со стороны императора.

В отцовском доме, и особенно в доме своего дяди, Сергей Витте мог лицезреть самых интересных личностей, служивших в то время на Кавказе. Это были генерал от инфантерии Николай Николаевич Обручев и великий реформатор России генерал-фельдмаршал Дмитрий Алексеевич Милютин, ставший впоследствии военным министром. С его сыном, дослужившимся до курского губернатора, Сергей был дружен. Милютин-старший произвел на С. Ю. Витте благоприятное впечатление. Он отзывался о нем так:

«Граф Милютин вообще человек очень большого ума, человек крайне систематических мнений и очень большого образования, но в деловом смысле — человек сухой и большой системник».

Витте хорошо знал нового даровитого царского наместника графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова, дипломата и хозяйственника, оставившего о себе самую добрую память в этом горном крае. Находясь в его окружении, юный Сергей Витте научился хорошо ездить верхом, порой сопровождая наместника в поездках по окрестностям Тифлиса, особенно часто в красивейшее урочище Белый Ключ, в котором тогда квартировали драгуны-нижегородцы.

Великий князь Михаил Николаевич (который победно завершил Кавказскую войну в Черкесии, то есть в горных лесах западной, причерноморской части северного Кавказа) Витте

благожелательно относился как к Сергею, так и к старшему брату Александру, тогда совсем молодому драгунскому офицеру. Уже в зрелые годы, вспоминая Михаила Николаевича, недавний глава российского правительства, а ныне председатель Комитета финансов империи С.Ю. Витте, дал царскому наместнику из семьи Романовых такую достаточно лестную характеристику:

«Великий князь был хорошим кавказским наместником; он был человеком довольно ограниченным, государственно ограниченным, государственно малообразованным, но человеком с традициями, и традициями великокняжескими. По убеждениям он был сыном своего отца Николая Павловича, причем он обожал его память. Будучи наместником, он окружил себя старослужащими на Кавказе и вследствие этого управлял Кавказом весьма недурно.

Он держался тех же традиций, каких держались и его предшественники. Традиции же его предшественников были таковы: так как большая часть населения Кавказа приняла подданство России по их собственному желанию и так как православное население Кавказа, вообще все христианское население его, в продолжение всей кавказской истории, было верно России, то наместники держались того принципа, что Кавказ должен быть частью империи. И что к христианскому населению Кавказа в особенности надо относиться так же, как к русским».

Те впечатления, которые сложились у Сергея Юльевича о Бярятинском, Обручеве, Милютине, Воронцове-Дашкове и великом князе Михаиле Николаевиче, сослужили в дальнейшем ему хорошую службу, прежде всего тем, что они помогли сформировать в своем сознании образ российского государственника, стоявшего у самого императорского трона. Впоследствии он сам окажется в таком высоком положении на два с лишним десятка лет.

Семья Витте-старшего считалась довольно состоятельной, поскольку он получил за своей невестой-аристократкой богатое приданое. Кроме того, ему было пожаловано «за труды» большое степное поместье в черноземной Ставропольской губернии. Но жизнь сложилась так, что в Тифлисе семейство разорилось полностью. Дело обстояло так.

Во время наместничества князя Бярятинского близ Тифлиса, в местечке Четах завели железнорудное дело. Оно находи-

лось в ведении департамента государственных имуществ, которым руководил Витте-старший. Четахскими заводами тогда ведал управляющий немец Липпе. Однажды он упал с лошади, сильно разбился и оказался не у дел. Как позже выяснилось, заводские дела, особенно их финансовую часть, он вел не самым благоприятным образом и наделал много долгов, которые пока огласки не получили.

Наместник Бярятинский упрощил действительного статского советника Ю.Ф. Витте полностью взять на себя управление Четахскими заводами, так как он в свое время изучал горное дело. Тот согласился. Но поскольку горное дело все время было убыточным, Витте-старший стал сперва тратить семейные деньги на казенное заводское производство, а потом залез в огромные долги, ставя свои подписи на векселях. Но железнорудное дело так и не встало в Грузии «на ноги». Тогда рядом с Витте-старшим не оказалось доброжелательного человека из числа сослуживцев, которые смогли бы указать ему на пагубность последствий такой финансовой деятельности.

Вскоре Ю. Витте неожиданно умер, но успел истратить все состояние своей любимой жены. Более того, трем его сыновьям-наследникам пришлось отказаться от наследства родительского имения в Ставропольской губернии, которое было продано в счет уплаты части отцовского долга. В итоге семья совершенно разорилась, и когда она переехала из Тифлиса на новое местожительство в Одессу, вдова действительного статского советника была вынуждена вести там весьма скромную жизнь на пенсию.

Продажа большого ставропольского имения не решило всю проблему. На братьев Витте судебные власти сделали огромный начет в размере 200 тысяч рублей на каждого. Естественно, что студент одесского университета Сергей Витте не мог оплатить этот начет, поскольку никакой недвижимостью и землей он не владел. Все его финансовое благополучие покоилось на ежемесячной стипендии в 50 рублей, которую он получал за отцовские труды от Кавказского наместничества.

Неизвестно, сколь долго тянулись бы судебные тяжбы по отцовским долгам, если бы в это дело в столице не вмешались влиятельные лица. Хорошо знавшие Витте-старшего великий князь Михаил Александрович, бывший при императоре Алек-

сандре III председателем Государственного совета, министр внутренних дел Лорис-Меликов и Старицкий, бывший тифлисской председатель судебной палаты смогли прекратить дело. Оно завершилось соответствующим постановлением Кабинета министров Российской империи, получившим высочайшее утверждение. Государь с пониманием отнесся к судьбе семьи ушедшего из жизни высокопоставленного чиновника из Кавказского наместничества.

Первоначальное образование Сергею Витте дала его бабушка. Она научила внука читать и писать, познакомила с творениями русских литераторов, народными сказками. Она же благословила внука Александра на учебу в Московский кадетский корпус. Когда Сергей и его брат Борис подросли, их отдали на попечение дядьки — бравого отставного кавказского солдата. Затем братьев стал воспитывать гувернер-француз Ренье, отставной флотский офицер, который «приехал учительствовать» в Россию, чтобы тем поправить свое незавидное материальное положение.

Однако вскоре француза, жена которого тоже работала гувернанткой в Тифлисе, «выставили» из пределов России за «амурные дела». Жандармы арестовали Ренье прямо в детской комнате братьев Витте, посадили его с конвоиром в дорожный тарантас и доставили в портовый город Поти. Там недавнего офицера флота Франции под стражей препроводили на борт первого попавшегося иностранного парохода для отправки за границу, особо не интересуясь маршрутом дальнейшего плавания. Затем за мужем последовала и жена (она была бонной — воспитательницей у сестер Витте).

Новым гувернером братьев стал швейцарец французского происхождения Шаван. Но он быстро завел «амурные связи» с новой гувернанткой Ольги и Софьи француженкой Демулян. В конце концов родители, стремившиеся дать детям «приличное» воспитание и образование, потеряли всякое терпение и уволили обоих.

Новым гувернером братьев Витте стал прибалтийский немец Паульсон, «выписанный» отцом из Дерпта. Тот уже достаточно «серьезно» преподавал любознательным мальчикам историю, географию, немецкий язык, другие учебные дисциплины,

входившие в обязательную программу домашнего образования дворянских детей.

Кроме гувернеров, с мальчиками занимались достаточно квалифицированные учителя из единственной в то время в Тифлисе классической гимназии, которая была у российского Министерства просвещения на хорошем счету. Они должны были подготовить Сергея и Бориса для поступления в нее. Гимназия имела семь классов. Положение отца дало возможность его сыновьям, получившим хорошее домашнее образование, стать вольнослушателями, начиная сразу с четвертого класса.

Помимо этого Сергей с братом Борисом с увлечением занимались музыкой в городской консерватории, учителями в которой были артисты из осевшей в столице кавказского наместничества итальянской оперы. Мальчики научились хорошо играть на многих духовых инструментах, отдавая все же предпочтение флейте. Естественно, что предпочтение отдавалось походным маршам и песням военного времени.

Витте-младшие имели хорошую возможность заниматься конным спортом, предпочитая казачьи седла. Умение уверенно держаться в седле считалось тогда правилом хорошего воспитания молодого дворянина. В кругу друзей они увлекались фехтованием на рапирах и эспадронах. Все это было тогда модным (и даже обязательным) занятием светских юношей.

Когда вольнослушатели Сергей и Борис Витте достаточно успешно закончили полный курс тифлисской классической гимназии, им пришлось держать в ней достаточно строгий и пристрастный экзамен. В противном случае, не получив аттестата гимназической зрелости, они не смогли бы поступить в университет. С.Ю. Витте впоследствии без утайки вспоминал в своих мемуарах:

«Еле-еле, с грехом пополам, я получал только самые умеренные отметки, которые мне были необходимы для того, чтобы получить аттестат. Я нисколько не огорчился тем, что обыкновенно ни на одном экзамене не мог дать удовлетворительного ответа».

В шестнадцать с половиной лет Сергей Витте хотел стать студентом Новороссийского императорского университета но, туда, по действовавшему тогда положению, не принимали юношей моложе семнадцати годов. Тогда отец привез сыновей в Одессу

для продолжения учебы и поместил их в Ришельевскую гимназию, а сам вернулся к месту службы в Тифлис. Устроить сыновей в какое-то учебное заведение Петербурга или Москвы Витте-старший по своему материальному состоянию не смог.

Собственно говоря, в гимназии стал учиться только Сергей. Его брат Борис был старше его на год, поэтому он смог без больших хлопот определиться вольнослушателем в университет. Но вскоре предоставленные сами себе братья, получавшие на жизнь от родителей достаточные суммы, переехали из Одессы в недалекий Кишинев. Там они в местной гимназии продолжили подготовку для поступления в Новороссийский университет. Им повезло: за них «взялся» сам директор гимназии Яновский. А учитель математики Белоусов «открыл» в Сергее действительно большие математические способности.

После успешной сдачи выпускных экзаменов в кишиневской гимназии братья Витте смогли поступить в том же 1866 году в одесский университет. Сергей стал учиться на физико-математическом факультете, Борис — на юридическом. Будущий российский министр финансов «занимался днем и ночью», став в самом скором времени отличником. Он закончил университет лучше всех своих сокурсников, имея среднюю отметку «круглые пять с половиной» баллов, чем всегда гордился.

На выпускном курсе Сергей Витте написал диссертацию «О бесконечно малых величинах» на получение звания кандидата (математических наук). Она прошла успешную защиту и была признана оригинальной. Для студента-выпускника это было огромным личным успехом и успехом учебного заведения, из стен которого выходил такой диссертант. Автор защищенной диссертации до конца жизни считал себя не математиком-вычислителем, а математиком-философом.

В последующем эта работа студента-выпускника была издана отдельной книгой на французском языке. Для С.Ю. Витте было приятной неожиданностью увидеть ее, написанную почти сорок лет тому назад, в одном из известных книжных магазинов Парижа, куда он зашел как случайный посетитель.

Однако ожидавшейся всеми золотой медали Сергей Витте не получил. Он, первый ученик на курсе, по каким-то неясным личным соображениям отказался писать диссертационную работу по астрономии, которая давала ему право быть лучшим

выпускником физико-математического факультета. Золотую медаль получил тот, кто по успеваемости шел на курсе «вечным» вторым. Уговаривать строптивного выпускника в университете никто из преподавателей-профессоров не стал.

К тому времени вся семья Витте, после смерти главы, переехала из Тифлиса в Одессу. Это случилось после того, когда братья закончили первый университетский курс обучения и провели каникулы в столице Кавказского наместничества. Вдова Витте решила с маленькими еще дочками покинуть Тифлис, с которым их больше не связывала служба мужа. К тому же внимательная мать хотела быть рядом с младшими сыновьями, только еще начинающими самостоятельную жизнь. На Кавказе остался только Александр, служивший в офицерском чине в Нижегородском драгунском полку. Армейскую службу, с которой давно сроднился, он оставлять и не думал.

После сдачи выпускных экзаменов Сергей Витте с одним из своих ближайших товарищей Лигиным, будущим попечителем учебного округа в Варшаве, решили остаться при Новороссийском государственном университете. Витте — на кафедре математики, Лигин — на кафедре механики. Друзья решили выбрать для себя в жизни преподавательскую, профессорскую карьеру.

Именно во время учебы в одесском университете у С.Ю. Витте сложились те политические взгляды и принципы, которым он будет верен до последних дней своей жизни, во время всех жизненных взлетов и падений. В своих «Воспоминаниях» он сказал об этом предельно кратко:

«Будучи студентом, я принадлежал к числу студентов наиболее правых».

То есть уже тогда у него сложилось мировоззрение убежденного монархиста, человека самых консервативных взглядов на развитие российской государственности и общества. Уже одно это выделяло Сергея Витте из среды своих товарищей по университетской скамье, среди которых дворяне составляли не самую большую часть.

В то время кумирами российского студенчества являлись Писарев, Добролюбов, Чернышевский и граф Лев Толстой, то есть мыслящие и пишущие люди, которые публично преследовались официальными властями. Много споров велось о вере в Бога и безбожии. Витте, разумеется, не мог остаться в стороне

от такой общественной жизни, которая порой бурлила в Новороссийском университете.

Власти — университетские, полицейские и судебные — старательно боролись с вольнодумцами. Наиболее радикально настроенная часть студентов порой становилась на путь террора в борьбе с царизмом, создавая законспирированные организации, такие, например, как «Земля и воля», «Черный передел» и им подобные. Основную питательную среду они получали именно в студенческих кругах. Одесское студенчество держало в те годы одну из пальм первенства в российском вольнодумстве, чем немало беспокоило официальную столицу.

Пострадал однажды и убежденный монархист Сергей Витте: он оказался выборным в одной из «неразрешенных начальством» касс взаимопомощи студентов, и мировой судья приговорил его среди других к штрафу в 25 рублей. Это была ровно половина его месячной стипендии, которую он получал во время учебы от Кавказского наместничества. То есть судебным решением его больно ударили по и без того не толстому кошельку.

Когда Витте уже казалось бы утвердился в желании остаться на университетской кафедре, в Одессу погостить к сестре приехал его любимый дядя в генеральском мундире. Фадеев, равно как мать Сергея, «косо смотрели» на желание способного в точных науках племянника и сына стать профессором. Главный их довод заключался в том, что такое жизненное занятие являлось совершенно не дворянским делом. Потомственный дворянин, да еще находящийся в родстве с древним княжеским родом, мог служить Вере, Царю и Отечеству в лучшем случае на военном поприще или, в крайнем случае, государственным чиновником.

Сергею Витте пришлось самым серьезным образом задуматься над выбором жизненного поприща: доводы матери и особенно почитаемого им дяди выглядели для молодого дворянина более чем убедительными. Свободная в помыслах студенческая жизнь уходила в безвозвратное прошлое. И он основательно, как вдумчивый шахматист, стал строить свое будущее. Думается, что Сергей Юльевич Витте в жизненных успехах превзошел не только ожидания своих товарищей по студенческой скамье, профессоров, семьи, но и свои собственные. А был он, если судить по его мемуарам, человеком большого самолюбия.

**ЧИНОВНИК ЮЖНЫХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ.
КАТАСТРОФА В БОРКАХ. ТАМОЖЕННЫЙ ТАРИФ**

Шел 1870 год. В истории старой России он был отмечен началом бурного строительства железных дорог. Коснулось оно, естественно, и Новороссии, этого обширного, экономически быстро прогрессирующего края. Железная дорога от станции Раздельной до Одессы получила продолжение до Кишинева. От Раздельной началось сооружение ветки на Елисаветград и на Кременчуг. Государственная казна подрядила на ведение строительства частную кампанию во главе с бароном Унгерн-Штернбергом, потомком древнего эстляндского рода. Когда участок железной дороги начинал работать, он переходил в казну.

Для эксплуатации Одесской железной дороги было создано управление во главе с военным инженером Клименко. Оно было сформировано на основе решения графа Владимира Алексеевича Бобринского, тогдашнего министра путей сообщения России. Управлению, в котором профессиональных железнодорожников было немного, потребовались энергичные, молодые специалисты с университетским образованием.

Бобринскому были знакомы Фадеевы (с кавказским генералом Р.А. Фадеевым он был дружен еще с молодости). Он и предложил молодому Сергею Витте надеть полувоенный мундир корпуса инженеров путей сообщения. Графу удалось убедить молодого человека в перспективности предлагаемой службы. В мае 1870 года С.Ю. Витте поступил на службу в дирекцию Одесской железной дороги. Он начал по-математически «точно», самым серьезным образом изучать многосложное железнодорожное хозяйство. Сергей Юльевич писал впоследствии:

«Я в действительности в течение полугода прошел все должности, касающиеся службы эксплуатации. Так, я сидел в кассах станционных, грузовых и билетных, затем изучал должности помощника начальника станции и начальника станции, потом контролера и ревизора движения; затем занимал должности на различных станциях, где преимущественно было грузовое движение, и на станциях, где было преимущественно пассажирское движение».

Правительство приняло решение о передачи части казенных железных дорог в Главное общество российских железных до-

рог, основную часть капиталов которого составляли французские. Такая реформа должна была коснуться и Одесской железной дороги. Она, но не вся, передавалась в руки Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ). Во главе его стоял капитан 1-го ранга флигель-адъютант е.и.в. Н.М. Чихачев, будущий морской министр и член Государственного совета.

Чихачев, знавший достаточно хорошо Витте по Одессе, предложил ему ответственную должность начальника движения Одесской железной дороги. Но столичное Министерство путей сообщения кандидатуру не утвердило. Злые языки утверждали, что причиной тому был следующий случай, к которому Витте имел «некоторое» отношение. Он сам описывал его так:

«Помню, раз мы везли императора Александра II в Одессу. Поезд остановился на несколько минут на станции Бирзула, император захотел прогуляться и, чтобы не быть замеченным публикой, вышел на платформу, но не на левую сторону, куда был выход и где его все ждали, а на правую. Между тем начальник станции и обер-кондуктор этого не заметили, и когда наступило время отправления поезда, он был отправлен. Таким образом отправили поезд, а император остался на станции. Конечно, это сейчас же заметили, поезд вернули, и государь поехал дальше, причем он отнесся к этому происшествию весьма добродушно».

Поскольку перспектив продвижения по службе на Одесской железной дороге на второй год не предвиделось, Витте сменил место работы. В июле 1871 года он поступил на государственную службу в канцелярию новороссийского и бессарабского генерал-губернатора канцелярским чиновником с чином коллежского секретаря. Через два года он был назначен там же столоначальником. В марте 1874 года должность генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии была упразднена, и С.Ю. Витте оказывается «за штатом на общем основании». Однако долго оставаться без работы ему не пришлось.

В июне того же года он был назначен чиновником (сверх штата) в Департамент общих дел Министерства путей сообщения и в июле получает чин титулярного советника. За три года Витте снова прошел должности конторщика грузовой службы, помощника машиниста (!), начальника станции, контролера движения, заведующего конторой движения, помощника началь-

ника эксплуатации железной дороги. То есть он практически освоил основные должности на железной дороге с ее коммерческими и пассажирскими перевозками.

Свою первую награду Сергей Юльевич получил в 1876 году. Это была высочайшая благодарность государя императора за умелую организацию военных перевозок. Приближалась русско-турецкая война 1877—1878 годов за освобождение православной славянской Болгарии, и в Южную Бессарабию началась переброска сил российской армии. Эшелон за эшелон на театр войны перебрасывались батальоны и полки, артиллерийские батареи и парки, эскадроны кавалерии и казачьи сотни. Больше всего хлопот занимала перевозка громоздких армейских тылов. В преддверии военных событий С.Ю. Витте и его коллеги по управлению Одесской железной дороги не знали ни дня отдыха.

В апреле 1877 года по своему прошению Витте уволился со службы по Департаменту общих дел Министерства путей сообщения и был назначен помощником управляющего по движению и начальника эксплуатации Одесской железной дороги. На его плечи легла организация военных перевозок на театр русско-турецкой войны, с которой он справился достаточно успешно. Его математическая грамотность при организации движения воинских эшелонов сбоев почти не давала. Отчасти от этого во время войны Одесская железная дорога выгодно отличалась от других, ритмичность работы которых желала быть лучше.

В то время Сергей Юльевич увлекся «славянской идеей» и был избран заместителем председателя одесского «Славянского общества». Вместе с председателем Кривцовым они отправляли воинов-добровольцев, которые спешили помочь Сербии и Черногории, которые вели освободительную войну с Турцией. Через «руки» Витте прошли сотни и сотни добровольцев из Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России, казачьих областей, самой Одессы. Они спешили встать под знамена русского генерала Черняева, командовавшего сербской армией. Витте помогал добровольцам добираться железной дорогой до румынской границы. Дальше до сербской столицы Белграда на войну они следовали уже самостоятельно.

Русско-турецкая война 1877—1878 годов «приобщила» С.Ю. Витте к военным проблемам России. Она позволила ему

приобрести опыт, и познакомила с влиятельными людьми. В своих «Воспоминаниях» он писал об одной из таких встреч:

«Когда началась восточная война, я был сделан, в сущности, начальником дороги тыла армии, то есть Одесской железной дороги.

По делам перевозки войск я ездил в Киев в своем маленьком вагончике. В Киеве я встретил полковника Скобелева (в то время он имел Георгия на шее и был в полковничьем чине), будущего героя последней восточной войны, войны с Турцией, этого народного героя. Я знал его немного, так как встречал его в Петербурге у моего дяди Фадеева, который был очень близок с отцом генерала Скобелева.

Так вот мне Скобелев и говорит:

— Не довезете ли меня в своем вагоне?

Я говорю:

— С большим удовольствием.

— Со мной едет, — говорит, — капитан Куропаткин, который был моим начальником штаба в Средней Азии.

(В Средней Азии Скобелев отличился в особенности при взятии Ферганской области).

Я говорю:

— С большим удовольствием, хотя троим там спать будет невозможно.

Скобелев говорит:

— Мы не будем спать, а будем сидеть.

Таким образом, со мной в моем вагоне поехали Скобелев и Куропаткин. Во время этой поездки я был удивлен пренебрежительным отношением Скобелева к Куропаткину. С одной стороны, у Скобелева проявлялось к Куропаткину чувство довольно любовное, а с другой стороны — пренебрежительное»

Знакомство железнодорожного чиновника с армейским капитаном оказалось (в далеком будущем) полезным. Куропаткин станет военным министром и командующим русской армией в Японской войне. В своих мемуарах он многократно будет вспоминать министра финансов Витте, с которым было так трудно решать вопросы о выделении денег на нужды армии.

Сергею Юльевичу запомнился в той войне такой случай. Он помогал добраться до границы гвардейскому ротмистру Кузьминскому, который до производства в офицеры получил за Тур-

кестанские походы три солдатских Георгиевских креста. Тот без разрешения начальства оставил полк и самовольно отправился на войну в Сербию. В Яссах на станции офицера заметил император Александр II, чей поезд остановился здесь на короткую остановку. Государь, знавший о случившемся, узнал Кузьминского, который подошел к его вагону с намерением просить прощения за совершенный проступок:

— Ты ротмистр Кузьминский?

— Точно так, Ваше императорское величество. У меня к вам прошение

— Ты дезертир, ты убежал из моей армии без моего разрешения и без разрешения начальства.

Император приказал стоявшему рядом начальнику тыла русской действующей армии генерал-лейтенанту Каталю:

— Арестовать его и посадить в крепость.

Кузьминский, который был в черкеске, в ответ на это выхватил кинжал и поразил себя в сердце. Император перед этим успел отвернуться и не видел самоубийства ротмистра. Витте, бывший свидетелем этой картины, приказал немедленно отправить императорский поезд. Удивленный Александр II спросил железнодорожного чиновника:

— Разве время вышло? Почему поезд отправляется?

— Точно так, Ваше императорское величество. Я здесь больше не начальник, а, по-видимому, поезд должен отправиться, потому что время вышло.

Не доезжая Кишинева самодержец приказал отправить в Яссы телеграмму следующего содержания:

«Государь император соизволил повелеть простить ротмистра Кузьминского и в крепость его не сажать».

Витте в годы войны довелось участвовать в работе комиссии по расследованию Талигульской железнодорожной аварии близ станции Бирзула. Там потерпел крушение литерный поезд с новобранцами, жертвами случившейся трагедии стали более ста человек. Прямым виновником оказался местный дорожный мастер, который со своими рабочими-путейцами проводил ремонт дороги, сняв рельс и не поставив его на место, сам ушел с бригадой в будку путевого обходчика погреться и выпить чаю.

Судебное дело коснулось и властей Одесской железной дороги, которые косвенно несли ответственность за аварию. По

решению Каменец-Подольской судебной палаты титулярный советник С.Ю. Витте был приговорен к четырехмесячному тюремному заключению. Однако только заступничество великого князя Николая Николаевича перед императором уберегло будущего главу российского кабинета министров от знакомства с тюремной камерой, пусть и краткосрочного.

Сразу после окончания русско-турецкой войны Витте все же пришлось более близко познакомиться с судебным делом в государстве. В начале 1878 года он был избран и утвержден на посту почетного мирового судьи города Одессы на ближайшее трехлетие. Со своими хлопотными обязанностями он справился достаточно успешно, оправдав доверие одесских граждан.

Война же для него закончилась еще одной Высочайшей благодарностью за организацию перевозки войск русской армии. Только теперь в обратную сторону: домой, из Болгарии в Россию. И за бесперебойное движение санитарных поездов с ранеными и тяжелооболными воинами к местам, где размещались военно-лечебные учреждения. Тогда Сергею Юльевичу довелось встретить немало добровольцев, которых он переправлял по мандатам Славянских комитетов в Сербию на войну против турок.

После войны произошла реорганизация управления железных дорог. Одесская дорога была слита с Киевско-Брестской в Общество Юго-Западных дорог, во главе которого стоял один из самых богатых людей своего времени И.С. Блюх. Должность Витте в Одессе оказалась упраздненной «по оргштатным сокращениям». Но работу ему нашли сразу: в 1881 году он назначается заведующим отделением эксплуатации правления Юго-Западных дорог, и он переехал в Санкт-Петербург, где прожил около двух лет.

В эти годы Сергей Юльевич обрел личное счастье. Он женится на дочери предводителя дворянства Черниговской губернии, отставного штабс-ротмистра Андрея Иваненко — Надежде, по первому браку Спиридоновой. Он познакомился с ней в Одессе; венчание же состоялось в городе на Неве, во Владимирской церкви. Витте, влюбившемуся в женатую женщину, которая не была счастлива в первом раннем браке, пришлось много хлопотать о ее разводе, но своей цели он добился.

До этого молодой человек вел рассеянный, холостяцкий образ жизни и, по его словам, «знал всех более или менее выдаю-

щихся актрис, которые были в Одессе». Счастливый брак изменил жизнь Витте: он стал примерным семьянином, любящим свою жену.

Супруги прожили в мире и согласии до 1890 года, когда Надежда Андреевна неожиданно скончалась. Детей у них не было, но Витте дал свою фамилию падчерице Софье, проявляя о ней действительно отцовскую заботу. После смерти жены сорокалетний вдовец забрал Софью из Киева, где она жила у родственников. Вскоре, однако, девушка вышла замуж. С отчимом у ней сложились и в будущем самые добрые взаимоотношения.

Преуспевающий, незаурядный во взглядах железнодорожный чиновник-одессит оказался для своего круга в Санкт-Петербурге приметной фигурой. Один из его близких знакомых, Б.Б. Глинский, вспоминал в 1915 году на страницах «Исторического вестника»:

«Я увидел перед собою высокого роста, хорошо сложенного, с умным, живым и приветливым лицом человека, который всего сильнее впечатлил меня полным отсутствием всякого подобия чиновничьего типа.

Витте мне сразу стал симпатичен своей естественностью, безыскусственностью в проявлении им своей личности. В черном сюртуке, (...) и свободный в своей речи и в каждом своем действии, он мне напомнил наружностью английского государственного человека».

Во время своей петербургской жизни Сергей Викторович получил известность своим участием в работе Комитета генерал-адъютанта Э.Т. Баронова по исследованию железнодорожного дела в России. Уже в то время он считался одним из авторитетных специалистов, работавших в системе Министерства путей сообщения. Перу Витте принадлежал один из томов работ Комитета — «История и деятельность съездов представителей русских железных дорог».

Довелось С.Ю. Витте участвовать и в другой весьма серьезной работе, к которой правительство с самого начала проявляло прямую заинтересованность. Он стал одним из составителей «Общего Устава российских железных дорог».

Столичный отрезок в биографии Сергея Викторовича был примечательным еще и другим. В Санкт-Петербурге он лично познакомился и близко сошелся со многими «железнодорожными королями» России того времени, которых в народе называ-

ли «миллионщиками». Среди них были его давний знакомый Блиох, Губонин, Поляков, Дервиз, Штенгель, Кокорев.

В 1880 году титулярный советник получил высокое назначение: он стал начальником эксплуатации Юго-Западных железных дорог. Семейство Витте переехало в Киев. Там их застало сообщение об убийстве террористами-народовольцами императора Александра II. Известие Сергей Юльевич воспринял самым негативным образом, поскольку со студенческой скамьи придерживался «самых крайних взглядов», так как был убежденным монархистом, сторонником правящей династии Романовых.

Витте направил своему дяде генералу Р.А. Фадееву личное письмо с искренним возмущением кровавой террористической акцией «доморощенных анархистов». Тот, откровенно составляя племяннику протекцию при дворе, передал, воспользовавшись «его величеством случаем», письмо новому государю Александру III.

Такой ход аристократа Фадеева имел для его родственника, железнодорожного чиновника многозначные последствия. Через короткое время Витте был вызван в столицу телеграммой нового министра императорского двора Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова, который в то время по совместительству занимал пост начальника личной охраны монарха, проживавшего в Гатчине, в небольшом загородном дворце.

Близкий к новому государю И.И. Воронцов-Дашков знал Витте-младшего достаточно хорошо еще по Тифлису. Он сразу же задал ему вопрос:

— А что, вы от того, что написали, не отступаете?

Витте ответил твердо и однозначно:

— Нет — это мое убеждение.

После этого Воронцов-Дашков представил гостя флигель-адъютанту графу Шувалову. Вместе с ним Сергей Юльевич отправился в дом начальника императорской охраны. Дальше события развивались так:

«Как только я вошел в кабинет, Шувалов вынул Евангелие и предложил мне принести присягу в верности сообществу, которое было уже организовано и которое было известно под именем «Священной дружины». Вся организация общества была секретная, так что мне не сообщили, как это общество было организовано, а только сказали, что я буду главный для Киевского района.

Таким образом, это было секретное сообщество вроде тех сообществ, которые существовали в Средние века в Венеции и которые должны были бороться с врагами и оружием, и даже ядом».

Так Витте стал членом тайной монархической организации «Священная дружина», немногочисленной по своему составу. Она была создана великими князьями и их приверженцами для защиты императора Александра III и российского трона.

Во время непродолжительной жизни в столице Сергей Юльевич близко познакомился с вице-председателем правления Юго-Западных железных дорог Иваном Алексеевичем Вышнеградским, будущим министром финансов России. Тот составил самое высокое мнение о способностях Витте, и когда освободилась должность управляющего Юго-Западными железными дорогами, то Вышнеградский сделал все, чтобы назначить приглянувшегося ему (и не только ему) чиновника на это достаточно высокое место. Назначение состоялось в 1886 году. Теперь под его начальством работало 30 тысяч служащих.

К тому времени форменный мундир железнодорожного чиновника уже украшали три ордена, но не российских. Это были: германский орден Прусской Короны, сербский орден Такова 4-й степени и офицерский крест греческого ордена Спасителя.

Но и была и высокая отечественная награда: высочайше подаренный драгоценный перстень с шифром «Е.И.В.», данный в награду «за благополучное проследование экстренных поездов чрезвычайной важности». Самодержец беспокоился за личную безопасность во время следования по железным дорогам — Александра III пугала трагическая участь отца.

17 октября 1888 года императорский поезд потерпел аварию недалеко от Харькова, у станции Борки. Витте срочным порядком по телеграфу был вызван туда в качестве главного эксперта по вопросу о причинах железнодорожной катастрофы императорского поезда, следовавшего привычным маршрутом из Крыма в Москву. Другими экспертами были местные инженеры путей сообщения и директор Технологического института Кирпичев.

Витте смог доказать, что причиной катастрофы стали не «гнилые шпалы», на чем настаивал эксперт Кирпичев, а превышение скорости движения литерного поезда. Такую скорость ему позволили развить спаренные паровозы. Да еще ко всем бедам первым вагоном оказался тот, в котором ехал сам министр пу-

тей сообщения: именно его вагон оказался неисправным и он «выбил рельс». То есть речь о каком-то террористическом акте не шла, хотя такая мысль тогда угнетала многих причастных к железнодорожной катастрофе людей.

«Громкая» Боркинская катастрофа оказалась без человеческих жертв, не считая немногочисленных раненых. Весь поезд упал под насыпь, которая в месте аварии высокой, по счастливой случайности, не была. В силу этой определяющей тяжести происшедшего причины вагоны не переворачивались, а только ложились на бок. В противном случае человеческих жертв оказалось бы много.

«Во время крушения государь со своей семьей находился в столовом вагоне; вся крыша столового вагона упала на императора, и он только благодаря своей гигантской силе удержал эту крышу на своей спине, и она никого не задавила. Затем со свойственным ему спокойствием и незлобливостью государь вышел из вагона, всех успокоил, раненым оказал помощь, и только благодаря его спокойствию, твердости и незлобливости вся эта катастрофа не сопровождалась какими-нибудь драматическими приключениями».

Так С.Ю. Витте в своих мемуарах описал «финал» железнодорожной катастрофы близ станции Борки. Ответственное участие в комиссии по расследованию этого дела, взбудоражившего всю Россию, дало ему чин действительного статского советника, который он получил в начале 1889 года.

Результатом Боркинской катастрофы стала отставка с поста министра путей сообщения адмирала Константина Николаевича Посьета, известного своими исследованиями Тихого океана и восточной окраины Российской империи. Он совершил походы в Японию, командуя фрегатом «Диана» и корветом «Оливуца». Посьет был членом Государственного совета и председателем Особого совещания для обсуждения вопроса о российском национальном флаге. Сергей Юльевич относился к этому заслуженному человеку с большим уважением.

Новым министром путей сообщения стал генерал-лейтенант Г.Е. Паукер. При нем Витте «порвал» с железными дорогами и стал утверждать собственное «Я» на финансовом поприще. Впрочем, владельцем больших «капиталов» он так и не стал даже в конце своей блестящей карьеры государственного деятеля.

Покинув кресло управляющего Юго-Западными железными дорогами, Витте мог гордиться результатами своей деятельности. В первый год его правления валовая выручка этих дорог составляла 19 миллионов рублей, в последний год — уже 30 миллионов рублей. Чистая прибыль Юго-Западных железных дорог увеличилась за это же время с 470 тысяч рублей до 13 миллионов. Все эти годы С.Ю. Витте шлифовал собственную науку управления огромным коллективом железнодорожных служащих, исходя при этом из строгих государственных интересов. Не обратить внимания на такое отношение к исполнению служебных обязанностей железнодорожного чиновника из Одессы было просто нельзя.

Когда его покровитель Вышнеградский стал главой всемогущего в любом государстве Министерства финансов, то он сразу вспомнил о способностях Витте. Новый министр предложил ему заняться проблемой увеличения доходности от казенных железных дорог в российскую казну. Сергей Юльевич сразу же высказал мысль о назревшей уже давно необходимости навести порядок в валовых доходах железных дорог. То есть речь шла о систематизации (или кодификации) железнодорожных тарифов на любые грузоперевозки. Вот где пригодились завидные математические способности выпускника одесского Новороссийского университета.

В марте 1889 года преуспевающий в службе действительный статский советник С.Ю. Витте был назначен директором только что образованного Департамента железнодорожных дел Министерства финансов. По тому времени это была довольно высокая по положению должность в системе государственного управления.

При назначении на эту должность Витте имел личную беседу с государем. Александр III, зная его скромное материальное положение и его способности, распорядился выплачивать ему помимо штатного казенного оклада еще один, такой же, из средств императорской фамилии. Это был довольно редкий случай подобной материальной поддержки чиновника, да еще из числа высокопоставленного.

Способный управитель Витте реорганизовал, с разрешения доброжелательно настроенного к нему министра, департамент на свой лад. Теперь оно состояло из двух отделений: тарифного

и финансового. Их возглавили (соответственно) опытные и деятельные люди: П.М. Романов и В.И. Ковалевский, которым начальник департамента полностью доверял. Результаты работы не заставили себя долго ждать, о чем свидетельствовал рост поступлений от железных дорог в государственную казну.

Витте, оказавшись в столице, сразу понял, что дальнейший карьерный рост зависит от его способностей и умения поставить себя. Но он верил до конца в собственную путеводную звезду и не сомневался в конечном успехе своего появления на «столичной сцене». Зная при этом, что ни какими-то влиятельными родственными связями при дворе он не располагает.

В тот год он сумел блеснуть своими учеными дарованиями. В Киеве вышла в свет малым тиражом его небольшая по объему книга «Национальная экономика и Фридрих Лист». Это был удачный «опыт» самостоятельного изучения экономических вопросов, что свидетельствовало о широте кругозора автора. Книга знакомила заинтересованных читателей с взглядами известного немецкого экономиста первой половины XIX века.

В следующем, 1891 году последовало новое назначение (с оставлением в прежней должности). Действительный статский советник был назначен от Министерства финансов членом Совета Министерства путей сообщения. За «тарифные успехи» Сергей Юльевич был награжден первым отечественным орденом Святого Станислава I-й степени. Это было первое официальное признание его больших трудов на благо Российской империи, которое произвело на сослуживцев, прямо говоря, ошеломляющее впечатление.

В августе — октябре Витте сопровождал, как официальное лицо, министра финансов И.А. Вышнеградского в его инспекционной поездке по Туркестанскому краю, одному из последних территориальных приобретений к Российской империи. В состав комиссии входил один из первых финансовых деятелей столицы «миллионщик» Алексей Иванович Путилов, председатель правления недавно созданного Азиатского банка.

Туркестанская поездка была примечательна тем, что Сергей Юльевич продемонстрировал перед одними из влиятельнейших людей тогдашней России свои способности прогнозировать состояние стабильности курса рубля по отношению к его золотому содержанию. То есть он сумел предугадать, находясь далеко

от Санкт-Петербурга, цепь колебаний курса рубля по отношению к его золотому содержанию и объяснить симптомы этого процесса.

Перед самой поездкой курс рубля стал повышаться в силу хорошего урожая. Но потом он стал, как обычно, колебаться. Поэтому трудно было установить официальный курс рубля. Этот процесс должны были контролировать Государственный банк и Кредитная канцелярия.

Когда Вышнеградский и сопровождающие его лица ехали на юг еще только по Волге, между министром финансов России и Витте состоялся спор, который закончился заключением при свидетелях пари. Вышнеградский «сердился» на прогнозы своего более молодого и «потому излишне самоуверенного» коллеги, однажды сказав ему:

— Хотите, поспорю с вами, что я не допущу, чтобы рубль дошел до 80 копеек.

— Извольте, Иван Александрович. Я готов заключить с вами пари.

— Но я не люблю спорить на деньги. Давайте поспорим с вами на 20 копеек.

— Согласен. Заключаем пари на 20 копеек.

Государственный банк не смог удержать колебание рубля на уровне 80 копеек. Когда комиссия прибыла по пути в Тифлис и остановилась во дворце кавказского генерал-губернатора, туда пришло такое сообщение. Утром к Сергею Юльевичу от Вышнеградского явился чиновник:

— Вот вам прислал министр финансов 20 копеек, потому что он проиграл вам какое-то пари. Сегодня он получил телеграмму, был очень сердит, а потом вызвал меня и говорит: отнесите 20 копеек Сергею Юльевичу. Скажи, что он напророчил. И он поймет, в чем дело.

В Средней Азии, когда И.А. Вышнеградский уже возвращался из Ташкента, ему пришла телеграмма с просьбой от императора заехать в царское имение в Мургабе. Оно находилось в Мургабской степи и представляло собой крупное хлопководческое хозяйство с самой современной по тому времени ирригационной системой. Витте осмотрел систему устроенных на канале шлюзов и пришел к выводу, что они устроены крайне неудачно.

Строителем шлюзов оказался некто Козел-Поклевский, участник последнего Польского восстания, за что он был сослан на поселение в «каторжную» Сибирь. Инженер по образованию, он занимался устройством оросительных систем в Туркестанском крае. Козел-Поклевский не мог согласиться с мнением «людей из столицы», что построенные по его инженерным расчетам шлюзы на Мургабском канале ненадежны. Он посчитал расчеты «этого железнодорожника» Витте крайне простыми и недостоверными.

В той ситуации прав оказался именно человек, хорошо знакомый со строительством железных дорог в степях Новороссии и Бессарабии. Через два дня после отъезда Вышнеградского из царского имения шлюзы были открыты, пущена вода в оросительные каналы, и плотина, которой так гордился инженер Козел-Поклевский, не выдержала не столь уж мощного напора воды. Весь канал «испортило и унесло», что принесло немалый убыток личному капиталу императора.

Бухарский эмир получил от финансовых тузов Петербурга во время их пребывания в его владениях немало ценных «денежных» советов, которые тогда значили много. Среднеазиатский вассал российской короны не забыл тут же наградить добрых и полезных советчиков. Получил награду и С.Ю. Витте: его парадный мундир украсили золотые знаки бухарского ордена Звезды.

Вышнеградский остался доволен поездкой по Туркестанскому краю, равно как и участием в ней своего подчиненного. Он отозвался о нем с уважением:

— Да, это хорошая голова.

После туркестанской поездки на Витте последовало одно назначение за другим. Сперва он стал от Министерства путей сообщения членом Комитета при Министерстве государственных имуществ, созданного по высочайшему указу для обсуждения вопроса о порядке и основаниях мелиорационного кредита. Этот кредит предназначался для удовлетворения потребности в улучшении русского сельского хозяйства.

Затем С.Ю. Витте назначается еще и членом Комитета при Министерстве финансов для рассмотрения вопроса о мерах поощрения нашему торговому судоходству и мореплаванию. И, наконец, членом от своего министерства в Особом комитете для

ближайших распоряжений по производству благотворительной лотереи в пользу населения местностей, пострадавших от неурожая. В старой России это был один из путей борьбы с голодом в неурожайные годы.

Все эти Комитеты носили характер временных, но полномочных структур государственного управления. В первом случае правительство было озабочено ходом мелиоративных работ в Средней Азии. Перед государством стояла важная экономическая задача: освободиться от зависимости отечественной легкой промышленности от импорта американского хлопка.

Во втором — развитием русского торгового мореплавания, прежде всего на Дальнем Востоке и Черном море. Если с европейскими странами торговые отношения отличались устойчивостью, то расширение торговли с азиатским и американским регионами во многом сдерживались не отсутствием товаров на экспорт, а крайне плачевным состоянием грузовых пароходов, которые могли бы развозить товары России по всему «белому свету».

В третьем — оказанием финансовой помощи голодающим губерниям, охваченным неурожаем 1891 года. Следует заметить, что такая помощь от государства бедствующему населению, прежде всего сельскому, была прямой заботой правительства. В XIX столетии Российская империя такой устрашающей цифрами смертности от голода во время периодически случавшихся неурожаев, как в советские 20-е и 30-е годы XX века, не знала и знать не могла.

Избавление населения от голода правительство и император считали своей неотъемлемой задачей и делом чести. Уж в чем-чем, а в этом их историческим недоброжелателям упрекнуть было сложно. Борьбой с последствиями время от времени случавшихся неурожаев занимались великие князья, министры финансов и внутренних дел, генерал-губернаторы и царские наместники, чиновничий аппарат на местах — в губерниях, уездах, волостях.

Работа С.Ю. Витте в Комитетах как бы совмещалась с основной, за которую, собственно говоря, он и получал свое жалованье. Чиновник показал пример прилежания и эрудиции в порученном ему деле.

Действительный тайный советник Витте вновь демонстрирует перед самым высоким начальством свои познания в финан-

совом «искусстве» при пересмотре общего таможенного тарифа. Он был унифицирован, что сразу же обернулось дополнительными (и значительными) поступлениями в казну. Такого не заметить и не отметить было просто нельзя. Император Александр III объявил Витте Высочайшую благодарность за создание первого в истории страны протекционного таможенного тарифа.

3

МИНИСТР ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ. ХОЛЕРНАЯ ЭПИДЕМИЯ НА ВОЛГЕ

15 февраля 1892 года Сергей Юльевич Витте стал членом Комитета министров Российской империи, будучи назначенным главой Министерства путей сообщения. Дело обстояло так. Бывший на этом посту А.Я. Гюббенент отличался удивительной некомпетентностью, и Александр III решил его отправить с полагаемыми по такому случаю почестями в заслуженную отставку. Но и кандидат на кресло главы железнодорожного ведомства Л.А. Вендрих был не лучше. Зная об этом, министр финансов Вышнеградский, относившийся теперь к Витте с большой личной симпатией, походатайствовал за него перед императором. Тот долго не раздумывал в принятии верного решения.

Но на этой должности С.Ю. Витте протрудился всего полноценных шесть месяцев. Император Александр III, поздравляя его с назначением, сказал:

— Я совершенно спокоен за вас, Витте. Мне достоверно известно, что в железных дорогах империи для вас никаких секретов сегодня нет. Так что управляйте ими, опираясь на мое к вам высочайшее доверие.

Это была финальная часть его трудов по сокращению дефицита казенных железных дорог. Он смог свести их ставшую уже хронической убыточность с 48 миллионов рублей в год почти до минимума, разумно строя «снятие» прибылей в казну с железнодорожного грузооборота и пассажирских перевозок. Это был первый серьезный успех будущего российского реформатора, доказавшего на деле то, что забота профессионала о рентабельности железнодорожных магистралей для него не пустое дело.

Заняв министерское кресло, Сергей Юльевич с первых же дней стал демонстрировать свой недюжинный талант админи-

стратора, который он уже успел проявить, управляя Юго-Западными железными дорогами. Он стал деятельно подбирать новых людей, ценя в них не происхождение и связи, а знания и деловитость. На удивление многим стиль работы Министерства путей сообщения изменился в самый короткий срок. Тот же Б.Б. Глинский писал:

«Витте страшно ценил в своих сотрудниках самостоятельность во всем и до конца. Доклады Витте происходили при весьма любопытной обстановке. У докладчика нет с собой ни бумаг, ни карандаша, и вот в течение двух часов докладчик и Витте ходят из угла в угол по кабинету и яростно спорят».

Другой сослуживец Витте не без известного восторга вспоминал: «Ведомство путей сообщений под влиянием первых же шагов своего нового начальника точно помолодело, подтянулось и вдохновилось живым усердием к работе».

Министерские чиновники быстро поняли одну простую для себя истину: при новом начальнике нельзя было «отделаться» распространенной, но не своей личной точкой зрения. Министр требовал от подчиненных любого ранга серьезной и ответственной подготовки при обсуждении всякого вопроса. И всегда «иметь при себе собственное мнение».

Став главой целого министерского ведомства, Сергей Юльевич сразу же «правильно» построил свои отношения с царским двором. После катастрофы в Борках, наделавшей так много шума, он с большим знанием дела разработал новые правила движения императорских поездов. Министр путей сообщения не раз публично заявлял, что его первейшей задачей по службе является обеспечение личной безопасности государя и членов царской фамилии во время их следования по железным дорогам страны.

В самый малый срок была решена стоявшая перед министерством головоломка: как ликвидировать на железных дорогах такое стихийное бедствие в виде скопления на станциях не перевезенных коммерческих и государственных грузов. Более четкая организация грузовых перевозок, их ритмичность, своевременная погрузка и разгрузка, штрафные санкции позволили достаточно успешно решить эту наболевшую проблему всего железнодорожного хозяйства страны.

Произошло маленькое, но заметное чудо. На Министерство путей сообщения как-то сразу перестал обрушиваться со всех сторон в высокие инстанции шквал жалоб и прошений от торговых фирм, государственных учреждений и просто частных лиц из числа крупных грузоотправителей.

Император Александр III стал выделять Витте из среды своих министров не только по способностям. Во-первых, коллеги Сергея Юльевича откровенно боялись самодержца и терялись перед ним. Новый министр путей сообщения такого страха не испытывал и держался перед грубоватым монархом свободно, с достоинством, часто высказывая смелые суждения. В самом скором времени государь стал поручать ему важные государственные поручения, которые выходили за пределы компетенции железнодорожного ведомства.

Короткое пребывание С.Ю. Витте на посту министра путей сообщения ознаменовалось его длительной командировкой на Волгу, где весной 1892 года во многих местах началась эпидемия холеры, которую требовалось как можно скорее локализовать и ликвидировать. Это было личное задание озабоченного государя, который в напутствие сказал:

— Так как вы самый молодой министр, то я на вас и возлагаю это поручение.

Витте первым делом прибыл в один из крупнейших волжских городов — Самару, где эпидемия свирепствовала особенно сильно. Свою работу он начал с осмотра губернских больниц, в которых в большом числе бесстрашно работали студенты-медики, поскольку часть врачей по разным причинам «уклонялась» от лечения этой заразной болезни. Витте вспоминал в мемуарах:

«Конечно, всех этих молодых людей я очень обласкал».

Сергею Юльевичу пришлось заботиться и о собственной «санитарной безопасности»: он часто мыл с мылом руки, вместо воды и вина пил слабый чай, постоянно дезинфицировал одежду. В столице известный врач-бурят Бадмаев (тот, который будет оказывать сильное влияние на Григория Распутина и царскую семью) дал ему какие-то порошки для употребления вместе с пищей, которые «позволяли» уберечься от холеры. Но Витте этих порошков не принимал, словно чего-то опасаясь.

Во время своего пребывания в Саратове министр стал свидетелем так называемых «холерных бунтов». Огромные толпы

разгневанных невежественных людей грозили расправами докторам, которые якобы на них «нагнали болезнь». Медики, которые оказывали больным самую бескорыстную помощь и среди которых было много добровольцев, подвергались угрозам и оскорблениям. Полиции порой приходилось брать их под свою защиту. В такой конфликтной ситуации саратовский губернатор на время «исчез» из города и Витте так и не удалось с ним свидеться.

Довольно долгой было пребывание в Царицыне. Первое впечатление о здешней ситуации было удручающим. Когда Витте сошел с парохода на пристань, то первое, что ему бросилось в глаза, так это трупы умерших от холеры, лежавших у пристани и еще не убранных специальными командами. Сергей Юльевич посетил царицынские холерные бараки. Там он мог воочию убедиться в том, насколько самоотверженно трудятся местные медики, стремясь победить эпидемию. Но им не хватало медикаментов и много другого. Озабоченный министр слал в столицу телеграфной строкой один запрос за другим.

Из Царицына С.Ю. Витте по железной дороге прибыл в Нижний Новгород, губернатором которого был один из героев Русско-турецкой войны 1877—1878 годов Баранов, который, командуя вооруженным коммерческим пароходом «Веста», получил орден Святого Георгия 4-й степени за мужество в неравном бою с турецким броненосцем. В Нижнем Новгороде министр путей сообщения тоже ознакомился с ходом борьбы с эпидемией холеры.

После поездки по Волге Витте сделал доклад императору о действительном положении дел в городах и губерниях, где свирепствовала эпидемия. Выслушав, государь сказал:

— Я был счастлив получить от вас донесение о таком благородно-самоотверженном служении русских студентов.

Вскоре Иван Алексеевич Вышнеградский оставил свой высокий пост: «с ним сделался удар», и здоровье серьезно пошатнулось. В награду за свои «полезные Отечеству» труды он получил алмазные знаки к ордену Александра Невского и один за другим два председательских кресла: совета столичного Дома призрения и ремесленного образования бедных детей и Особого совещания для рассмотрения чрезвычайных расходов на 1893 год.

Как финансист, И.А. Вышнеградский был известен тем, что сумел в короткий срок ликвидировать хронический дефицит государственного бюджета. При нем стал значительно расти русский экспорт прежде всего за счет вывоза хлеба, были резко сокращены бюджетные сверхсметные расходы. При этом увеличилось налоговое бремя и стали жестко взиматься недоимки с крестьянских хозяйств, что привело к разорению многих мелких производителей хлеба.

В области внешней торговли Россия продолжала укреплять свои традиционные позиции на рынках хлеба, леса, металлов. Стал строже контроль за экспортными и импортными операциями. Результаты деятельности Вышнеградского поражали: в 1887—1891 годах среднегодовой положительный торговый баланс России достигал цифры в 300 миллионов рублей.

Но за этими успехами в финансах и торговле последовали страшные для России бедствия. Тяжелый неурожай 1891 года, охвативший губернии, производившие зерно на продажу, последовавший за неурожаем голод, эпидемия холеры привели к резкому сокращению хлебного экспорта в 1892 году, а затем и к полному его прекращению. После этого началось падение курса российских ценных бумаг на европейских валютных рынках. На биржах Парижа, Лондона и Берлина шла «русская лихорадка»: спекулянты-валютчики, в том числе и отечественные, торопливо делали большие деньги на российских бедах.

Непосредственным же поводом для увольнения И.А. Вышнеградского с занимаемого поста в отставку послужило обвинение его в том, что российский министр финансов при решении вопроса взятия кредита во Франции получил от миллиардера Ротшильда взятку в 500 тысяч франков. Записку с сообщением об этом факте на имя императора подал некто И.Ф. Цион, профессор петербургской Военно-медицинской академии, выходец из Одессы, время от времени выполнявший за границей деликатные поручения финансового ведомства из разряда «не для широкой публики».

Однажды он был послан к группе французских финансистов, выступая посредником в вопросе предоставления России очередного займа. Предприимчивый в пользу своего кармана Цион получил от банкиров Парижа взятку чуть ли не в 200 тысяч франков за выгодное устройство займа. Разумеется, для французских

банкиров. Когда об этом стало известно Вышнеградскому, тот добился, чтобы Цион был выгнан со службы из своего Министерства. И, естественно, тот сразу стал его личным врагом из «корыстных побуждений».

Император Александр III познакомил Витте с докладом Циона. Сергею Юльевичу пришлось выдержать трудный разговор с самодержцем и, в известной степени, защитить Вышнеградского от непрекращающихся нападков Циона, имевшего широкие связи в парижских банковских кругах, связанных с Ротшильдом.

Финансовые способности С.Ю. Витте, вернее — природная одаренность и результаты, не могли остаться без внимания императорского двора. 30 августа 1892 года в связи с уходом И.А. Вышнеградского в отставку он назначается сперва управляющим Министерства финансов, а 1 января следующего года — полномочным министром. То есть он сразу попал в узкий круг государственных деятелей России, имеющих право на личный доклад монарху. Последнее обстоятельство давало ему огромный вес при дворе.

Перед новым назначением у Сергея Юльевича состоялся следующий разговор с императором Александром III. Тот, выслушав недельный доклад министра путей сообщения, неожиданно спросил его:

— Согласны ли вы принять пост министра финансов и оставить нынешнюю должность?

— Я, Ваше Императорское Величество, соглашусь сделать все, что Вы мне прикажете. Тут моего согласия или несогласия быть не может.

— Благодарю вас, Сергей Юльевич. Иного ответа от вас я и не ожидал услышать.

Сменив место службы, Витте на долгие годы перебрался на набережную Мойки, на которой в трехэтажном здании размещалось Министерство финансов. В том же здании располагалось и другое влиятельное государственное ведомство — российский МИД.

Назначение 43-летнего Витте министром финансов, однако, не отрешило его от российских путей сообщения. Утверждение его в новой должности совпало с назначением членом Комитета Сибирской железной дороги. С Транссибом связывались тогда широкие планы освоения природных богатств южных регио-

нов Западной и Восточной Сибири, Забайкальского края и, в перспективе, Дальнего Востока. То есть эту железнодорожную магистраль с полным на то основанием можно было назвать одной из строек века.

Во всей последующей деятельности Витте Транссибирская железнодорожная магистраль станет предметом его «фамильной» заботы. Для того чтобы обеспечить решение вопросов ее строительства на высочайшем уровне, Сергей Юльевич пошел на хорошо продуманный шаг. Ему было хорошо известно, что император Александр III очень печется о привлечении своего наследника цесаревича Николая к решению государственных дел. То есть речь шла о науке управления империей.

Собственно, идея создания особого Комитета Сибирской железной дороги не приписывалась лично Витте. Это была обычная административная практика в Российской империи при решении важнейших вопросов. Как говорится, «один ум хорошо, а несколько еще лучше». Но в данном случае министр финансов имел к создаваемому Комитету особо пристрастное отношение, поскольку речь шла о реализации одного из самых значительных проектов в его жизни.

Дело обстояло следующим образом. Когда стал обговариваться вопрос о председателе Комитета, то многие члены Кабинета министров вознамерились поучаствовать в нем, чтобы обратить на себя внимание государя. Одним из таких сановников оказался министр внутренних дел, один из самых влиятельных людей в империи, И.Н. Дурново. О том, как состоялось назначение председателя особого комитета по строительству Транссибирской железнодорожной магистрали, Сергей Юльевич описывает в своих мемуарах:

«Мысль об устройстве такого комитета я провел в особой высшей комиссии, которая была по данному предмету основана.

Когда император Александр III утвердил эту мысль, я имел с ним следующий знаменательный разговор в Аничковском дворце.

Я пришел к императору в обыденный день, то есть в пятницу, когда обыкновенно я делал доклады императору. Он благодарил меня за то, что я вопрос сооружения Сибирского пути двигаю быстро, и затем спросил меня:

— Кого, вы думаете, следует назначить председателем комитета? Дурново Иван Николаевич мне советует назначить на место председателя Александра Аггеевича Абазу.

Чуть помолчав, государь продолжал:

— Но мне очень противно назначить председателем Абазу, хотя я знаю, что вообще Абаза — человек умный и энергичный. Может быть, вы мне укажите кого-либо, чтобы назначить на этот пост?

Я говорю императору:

— Если вам угодно выслушать мое мнение, то я бы на этот пост назначил наследника цесаревича.

Государь император был очень удивлен.

— Как? — спрашивает. — Да вы, — говорит, — скажите, пожалуйста, вы знаете наследника цесаревича?

Я говорю:

— Как же, Ваше Величество, я могу не знать наследника цесаревича?

— Да, но вы с ним когда-нибудь о чем-нибудь серьезном разговаривали?

Я говорю:

— Нет, Ваше Величество, я никогда не имел счастья о чем-нибудь говорить с наследником.

— Да ведь он, — говорит, — совсем мальчик. У него совсем детские суждения. Как же он может стать председателем комитета?»

Уже познавший при дворе многие тонкости личного общения с императором министр Вите был готов к такой реакции царя-самодержца, ответив со всей твердостью:

«— Да, ваше величество, он молодой человек, и, как все молодые люди, может быть, он серьезно еще о государственных делах и не думал. Но ведь если вы, ваше величество, не начнете его приучать к государственным делам, то он никогда к этому и не приучится.

(Так обыкновенно всегда делали, чтобы приучить наследников к государственным делам:

1) они присутствовали при докладах министров государю, а затем

2) занимали выдающиеся государственные посты и, таким образом, приучались к делам.)

— Для наследника цесаревича, — сказал я, — это будет первая начальная школа для ведения государственных дел. Так как вы, Ваше Величество, говорите, что наследник совсем неопытен, то назначьте вице-председателем Сибирского комитета председателя Комитета министров Бунге (который был преподавателем наследника-цесаревича).

— Почему именно Бунге, а не кого-нибудь другого?

— Так как Бунге был преподавателем наследника цесаревича, то между ними установились такие отношения, что наследник не будет обижаться, если Бунге ранее будет ему докладывать дело и до известной степени его направлять, как вести дело.

На это мне император сказал:

— Ваша мысль мне так нова, что я ранее об этом совсем не думал, а поэтому сейчас я решить не могу. Я об этом сначала подумаю.

На следующий доклад, когда я явился к императору, он мне сказал:

— Я вас послушался. Я решил так: наследника я назначил председателем комитета, а Бунге, Николая Христиановича, — вице-председателем»

Официальное назначение наследника состоялось вскоре после состоявшегося разговора. При дворе его содержание не стало секретом, и от положительного решения сделанного монарху предложения авторитет Сергея Юльевича в кругах сановников, как говорится, резко «пошел в гору».

Лично для Сергея Юльевича, как перспективного, государственного деятеля, решение вопроса о председателе особого Комитета Сибирской железной дороги значило очень много. Как и для Российской империи в ее двух последних десятилетиях. Витте резюмировал свой поистине стратегический шахматный ход в большой игре следующим образом:

«Моя мысль была чрезвычайно счастлива потому, что наследник-цесаревич очень увлекся этим назначением, принял его близко к сердцу. Когда он сделался императором, то сохранил за собою звание председателя Сибирского комитета и все время интересовался этим делом. Конечно, благодаря этому я и мог так быстро подвинуть дело Сибирской дороги, так что этот великий Сибирский путь был в течение нескольких лет совершен-

но устроен и Петербург или, иначе говоря, Париж соединился с Владивостоком прямым железнодорожным путем.

Я должен сказать, что когда наследник вступил председателем комитета, то уже через несколько заседаний было заметно, что он овладел положением председателя, что, впрочем, несколько не удивительно, так как император Николай II — человек, несомненно, очень быстрого ума и быстрых способностей. Он вообще все быстро схватывает и все быстро понимает. Как я уже имел случай говорить, в этом отношении, по своим способностям, он стоит гораздо выше своего августейшего отца. Его августейший отец отличался совсем другими способностями, которые делали его великим императором».

Император Александр III не ошибся в принятом высочайшем решении. Назначенный председателем Комитета по возведению железной дороги века, будущий Николай II, как писал в своих воспоминаниях С.Ю. Витте, «чрезвычайно увлекся этим делом». Венценосный отец цесаревича был очень доволен тем, что его наследник оказался приобщенным к важному, перспективному государственному делу, получая признательность будущих верноподданных и известность в кругах зарубежных.

Польза для российского железнодорожного дела оказалась необычайно огромной. Теперь все правительственные решения и решения Государственного совета по Транссибу принимались без обычных проволочек. Заняв отцовский престол, Николай II не охладел ни к делам железных дорог, ни к делам сибирским. Современники не случайно видели в таком положении дел прежде всего личную заслугу Сергея Юльевича Витте.

Приращение богатств необъятной, и по сей день, Сибири к хозяйственной жизни остальной России на рубеже двух столетий во многом шло благодаря трудам и заботам далеко смотрящего вперед государственника Витте. Причем это велось на протяжении всего времени, когда он оставался у руля власти.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ УПРАВИТЕЛЬ ФИНАНСОВ ИМПЕРИИ

1

МИНИСТР ФИНАНСОВ. ДЕЛО РАФАЛОВИЧЕЙ

Появление на российском правительственном и финансовом небосклоне новой звезды, как ни странно, сразу оценили не в самой Российской державе, а за границей, в Париже. В скором времени Франция уверенно вышла в главные кредитодатели Российской державы и тем самым окончательно заполучила ее в свои союзники.

Сергей Юльевич был приятно удивлен, когда в начале декабря 1892 года парижский посол в Санкт-Петербурге уведомил главу финансового ведомства о том, что правительство Франции наградило его офицерским орденом Почетного легиона. Думается, что Париж давал орден одному из главных действующих лиц в российском правительстве авансом в счет будущих заслуг. Собственно говоря, расчет был трезвый.

В том году Витте устроил свою личную жизнь. Его супругой стала Матильда Ивановна Нурок, по первому мужу Лисаневич. Современники считали, что это был брак по расчету, поскольку отцом 29-летней Матильды был богатый еврейский купец Иван Нурок. По крайней мере, Сергей Юльевич получил за ней солидное приданое и отлаженные связи в торгово-финансовых

кругах, со своей стороны «вложив» в семейное богатство два министерских портфеля.

Знакомство Сергея Юльевича со своей второй супругой состоялось тогда, когда Матильда Ивановна состояла еще в браке с племянником генерал-адъютанта Рихтера, воспитателя императора Александра III, ставшего затем главноуправляющим Комиссией прошений. Вскоре супруги Лисаневич разошлись не без известной настойчивости и содействия министра путей сообщения.

По ряду сведений, Витте пришлось уплатить бывшему мужу своей новой избранницы немалые отступные и даже прибегнуть к угрозам административного воздействия: по всей видимости, господина Лисаневича было за что «зацепить», то есть он не был безгрешен. Так или иначе, но развод супругов Лисаневичей проходил трудно и был близок к публичному скандалу, которого Витте все же удалось не без помощи «тайной дипломатии» избежать.

Чтобы добиться высочайшего разрешения на повторный брак, Витте из дипломатических соображений пришлось обратиться к министру внутренних дел, шефу жандармов Ивану Николаевичу Дурново, относившемуся к нему откровенно доброжелательно. Тот ходатайствовал за своего коллегу-министра перед государем.

На личном приеме у монарха Витте выразил свою просьбу об уходе в отставку по «личным обстоятельствам» следующим образом:

— Вот, Ваше Императорское Величество, как мне ни неприятно, как мне ни тяжело, но, тем не менее, я должен просить Ваше Императорское Величество уволить меня в отставку, потому что я собираюсь жениться на разведенной и понимаю, что в моем положении, оставаясь министром путей сообщения, неудобно это сделать.

Император Александр III был уже подготовлен к такому прошению своим доверенным человеком в лице шефа жандармов И. Н. Дурново. Хозяин Зимнего дворца доброжелательно ответил своему верноподданному:

— О том, что вы хотите жениться, я знаю от шефа жандармов. Вообще все это дело я знаю во всех его деталях и должен сказать, что вам нет никакого повода выходить в отставку. По-

тому что если вы не женитесь при всех тех условиях, которые имели место, то я бы вас не уважал. Ваше намерение жениться указывает только на то, что вы добрый человек. Поэтому я усугубляю к вам мое доверие и мое уважение.

Витте очень благодарил государя за сказанное. Через несколько дней он женился на Матильде Ивановне. Свадьба состоялась в церкви Института путей сообщений. Шафером жениха был офицер Конной гвардии барон Вольф, шафером невесты — капитан Татищев, адъютант великого князя Владимира Александровича. Первый из них стал впоследствии шталмейстером двора, второй — послом в Берлине по личной просьбе германского императора Вильгельма.

Повторный брак министра путей сообщения вызвал в столичном обществе много разных разговоров и кривотолков. Об этом сам Витте в своих мемуарах высказался так:

«Когда я женился, то сейчас же во всех высших дамских сферах поднялся страшный шум, всякие сплетни. И этот шум, и сплетни преследовали не сколько меня (так как я на них мало обращал внимания), сколько мою жену в продолжение всего времени, можно сказать, вплоть до самого 1905 года».

От второго брака детей Сергей Юльевич тоже не имел. У Матильды Ивановны от первого брака была дочь малютка Вера, которой Витте дал свою фамилию, то есть удочерил ее в законном порядке. Встав взрослой, Вера Витте вышла замуж за одного из аристократов Нарышкиных, рода старинного, известного на протяжении двух столетий.

К большой досаде мужа, при императорском дворе Матильда Ивановна так и не была принята. Не выходила она и в большой свет и редко бывала гостьей в аристократических салонах столицы. Но при всем при этом отношения между любящими супругами не портились даже в трудные моменты их жизни.

Традиционным императорским новогодним указом от 1 января 1983 года министр финансов получает чин тайного советника.

К началу деятельности С.Ю. Витте на государственном поприще у него сложились достаточно прочные связи с деловыми и банкирскими кругами города Одессы. Они строились не только на личных, старых знакомствах, налаженных во время службы в этом южном портовом городе, торговом центре Новороссии,

но и на том влиянии, которое он в последние годы оказывал на своего предшественника Вышнеградского и у которого пользовался большим уважением и доверием.

Свои «возможности» Витте ранее продемонстрировал в деле банкирского дома Рафаловичей, одного из богатейших личностей Одессы. Когда положение этих банкиров серьезно пошатнулось, от их имени за помощью к Витте обратился действительный тайный советник Александр Аггеевич Абаза, председатель Комитета финансов.

Абаза попросил Сергея Юльевича повлиять на министра финансов оказать поддержку «одной из лучших фирм в Одессе и очень почтенным людям Рафаловичам». Витте действительно смог повлиять на Вышнеградского, и одесским богатеям была выдана огромная сумма в 800 тысяч рублей. Однако тот же самый Витте посоветовал министру не выдавать эти большие деньги на руки одесским дельцам, а передать их через Государственный банк кредиторам, которые обеспечивали деловую активность банкирского дома Рафаловичей.

Содействие Рафаловичам в покрытии их долгов обернулось для Витте большим скандалом. На другой день после назначения его министром финансов к нему явился на прием сам глава дома Рафаловичей, которого Сергей Юльевич знал по Одессе:

— Прошу вас выдать мне, банкирскому дому Рафаловичей, известную вам сумму денег.

— О чем идет речь? Ведь я не имею к Государственному банку никаких непосредственных отношений. Потом я только вступил в должность. И вообще считаю выдачу таких ссуд невозможным.

— Мне, в сущности, все равно, получу я эту ссуду или нет. Но советую вам вникнуть в это дело и выдать ссуду. Если вы ее мне не выдадите, то произойдет скандал.

— Какой такой может произойти скандал?

— Ссуда, которая была выдана банкирскому дому Рафаловичей Вышнеградским, шла рубль за рубль. В обеспечение ссуды взято все наше имущество. Но этих 800 тысяч кредиторам не хватило. Те, кто денег не получил, будут требовать судебного разбирательства.

— Ну и пусть требуют. Это их законное право.

— В этом-то и суть ожидаемого большого скандала. Государственный банк, поддержавший Рафаловичей, одним кредиторам отплатил долги нашего банковского дома, а другим не выдал даже копейки.

— Но тогда вы ввели в заблуждение Вышнеградского и государственного банка, указав сумму долгов в 800 тысяч рублей.

— Я не мог указать суммы большей. Государственный банк сам должен был убедиться, что суммы в 800 тысяч не хватит для покрытия моих долгов.

— Вы страшаете скандалом, но ведь большого скандала из-за этого не будет.

— Я не этим страшая, а тем, что тогда кредиторы непременно на суде начнут объяснять, почему у меня не хватило денег. Играть злостного банкрота я не желаю. А потому я должен буду все разъяснить: из книг будет выяснено, что у меня не хватило денег на выплату долгов потому, что я передал известному вам Абазе 900 тысяч рублей и внес эти деньги в ссудный банк.

Таким поворотом дела министр финансов был крайне удивлен:

— Каким же образом вы могли дать Абазе 900 тысяч? Или вы хотите меня уверить, что Абаза мог взять от вас взятку или что-нибудь подобное?

— Нет, Абаза не брал взяток. Он хотел моими деньгами поиграть на снижении и повышении курса рубля. То есть продавать рубли и покупать золото и франки. И наоборот. У нас был разработан условный шифр для телеграфирования друг другу. Так мы играли несколько месяцев. Я проиграл очень крупную сумму, чуть ли не 800 тысяч.

— Ну и что получилось в итоге вашей с Абазой финансовой игры?

— А вот что. Я проиграл и свои деньги, и те, что дал для игры Абазе. Так что у меня вышли громаднейшие потери в несколько миллионов рублей. Вследствие этого банкирский дом Рафаловичей лопнул.

— Но я опять повторяю, что я против выплаты ссуд по таким делам.

— Я не возьму из ссуды ни копейки. Она вся пойдет на уплату моим кредиторам. Эту ссуду надо выдать во избежание скандала. Ведь на повышении и понижении курса рубля играл сам

председатель Комитета финансов Абаза, он же председатель департамента экономики и статс-секретарь.

Витте с трудом мог поверить в то, что такая государственная личность занималась финансовыми махинациями:

— Что вы мне говорите? А можете вы этому представить какие-нибудь доказательства?

— Пожалуйста. Вот вся моя переписка с Абазой и копии телеграмм.

Это были доказательства того, что председатель Комитета финансов империи вел свою финансовую игру на повышение и понижение рубля наверняка. И проиграл в затеянной им финансовой игре деньги одесских банкиров. Витте сумел разрешить скандальное дело, в котором был замешано высокопоставленное при дворе лицо. В своих «Воспоминаниях» он пишет:

«Рассмотрев это дело, я увидел, что оно самое возмутительное, скандальное дело.

И вот я при первом всеподданнейшем докладе императору Александру III доложил довольно осторожно, что ко мне обратился Рафалович и просит выдать ссуду и что, мне кажется, ссуду придется выдать.

На это мне император Александр III сказал, что он не согласен на выдачу ссуды, что и ту ссуду, которая прежде была выдана Рафаловичу, он согласился выдать только потому, что на этом особенно настаивал Вышнеградский, что вообще он не видит, для чего выдавать различные ссуды жидам.

Я доложил государю, что, собственно говоря, Рафаловичи не были жидами, что еще отец их был православный.

Но, конечно, все мои возражения были не по существу. И государь выдать ссуду не соглашался. Что же касается существа, то я сказал:

— Ваше Величество, к сожалению, я должен доложить, что это дело такого порядка, такого характера, что если не выдать ссуды, то произойдет скандал.

И затем я разъяснил государю, в чем заключается дело.

Прослушав мои разъяснения, государь приказал выдать ссуду. Ссуда эта была выдана под различные обеспечения. От Рафаловича были взяты все обеспечения, которые он имел».

Государственный банк выдал Рафаловичу дополнительную ссуду, и, казалось, скандальный конфликт был улажен в самом

шродыше. Но тут на сцене появился Абаза, который осенние месяцы проводил за границей, в Монте-Карло. В этом знаменитом казино он вел азартную игру, неизменно делая крупные ставки. Однажды он проиграл крупную сумму и не смог оплатить долг. Тогда его выручил богатый французский рантье Герман Рафалович, брат одесского Рафаловича.

По прибытию А.М. Абазы из-за границы он, как председатель Департамента экономики, обязан был предстать перед государем. При встрече с сановником, которая продолжительной не была, император Александр III высказал ему свое высочайшее неблаговоление.

Скандалная история все же дала о себе знать. Стало известно, что в ссудный банк на имя Абазы не столь давно была внесена сумма в 900 тысяч рублей. И что точно такую же сумму внес Рафалович. Одновременно в Государственном совете стали распространяться слухи, что новый министр финансов оклеветал перед государем почтенного и заслуженного Абазу. А он имел среди членов Государственного совета немало друзей.

Тогда Сергей Юльевич приехал к монарху на прием по личному вопросу. Он попросил назначить комиссию по делу Абазы, то есть расследовать финансовые игры с его участием. Александр III попросил Витте самого назвать членов комиссии. Тот предложил назначить в ее состав трех приятелей Абазы — председателем бывшего министра финансов Н.Г. Бунге, членами комиссии бывшего морского министра Н.М. Чихачева и государственного контролера Т.И. Филиппова.

Император утвердил такой состав комиссии расследования, введя в нее дополнительно самого Витте и министра юстиции Николая Валериановича Муравьева. Он входил в состав комиссии на положении обер-прокурора.

Результаты проведенного расследования были доложены лично государю председателем комиссии. Император рассказал об этом Витте так:

— Вы знаете, у меня был Бунге, он все мне подтвердил, только у него очень странный взгляд. Он говорит так: Вышнеградский играл на понижение рубля за счет казны, а Абаза играл на понижение рубля за свой счет. Но он ничего не делал в ущерб государству, потому что государство стремилось к тому, чтобы понизить рубль, а Абаза стремился к этому же. Вот если бы он

играл в обратном направлении, тогда другое дело, а то он играл в том же направлении.

Витте заметил государю, что в этом-то и вся суть. Вышнеградский играл за счет казны; следовательно, вся прибыль и убытки были за счет казны. А Абаза играл за свой счет, но с расчетом верного выигрыша, поскольку, как председатель Комитета экономики, был посвящен в этот секрет государственной важности. То есть для личного обогащения он пользовался собственным высоким служебным положением.

Абаза, чувствуя, что он лишается последнего доверия монарха, послал ему покаянное письмо. Он сознавался, что вел финансовую игру, и клялся, что никогда больше этого делать не будет. Однако государь сказал Витте:

— Я этого никогда ему не прошу.

Абазе пришлось оставить место председателя Департамента экономики. Он был отрешен от всех государственных должностей и отправлен в бессрочный отпуск с оставлением членом Государственного совета. По совету Витте император назначил на освободившееся место действительного тайного советника Дмитрия Мартыновича Сольского, с которым у нового министра финансов сложились самые тесные отношения.

История с Абазой не повлияла на авторитет Сергея Юльевича в глазах Александра III. Скорее всего, наоборот, самодержец видел в своем новом министре человека не только большого ума, но и великого государственника, убежденного сторонника монархии.

Можно утверждать, что на поприще главы российского финансового ведомства Витте «встал на ноги» довольно быстро. Он получил общественное признание, которое выразилось в многочисленных почетных званиях.

В 1892 году он был избран почетным членом Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В следующем году — почетным членом Императорской Академии наук, Боровичского сельскохозяйственного общества и Новоалександрийского института сельского хозяйства и лесоводства. Он стал почетным гражданином Нижнего Новгорода.

Персидский шах, строя взаимовыгодные и дружеские отношения со своим могущественным северным соседом, часто одаривал стоящих в ней у власти людей различными наградами. Бла-

годаря такому подходу шаха-дипломата российский министр удостоился ордена Льва и Солнца высшей, 1-й степени. А бухарский эмир к золотым знакам ордена Звезды добавил еще и алмазные знаки.

Император Александр III особо не баловал своих министров орденами, как, скажем, его отец Александр II. Но и он не забыл одарить Сергея Юльевича, серьезно поправив его служебное материальное положение. То есть его личное благополучие по статьям семейных доходов. Тот стал обладателем аренды в 4000 рублей в год сроком на шесть лет.

С первого же года службы на новом министерском месте Витте пришлось «столкнуться» не с одним одесситом. Почти сразу же перед ним «всплыл» небезызвестный И.Ф. Цион. Он сразу же написал новому министру финансов письмо с предложением своих посреднических услуг, добавив к написанному выражение больших радостей по поводу увольнения «неудобного ему» Вышнеградского. Но Витте, помня о ционовском доносе на имя императора, не ответил автору письма.

Это дало Циону повод написать на Сергея Юльевича немало «посланий» в различные государственные инстанции, газетных статей и даже брошюр. Не один донос за его подписью лег и на рабочий стол государя.

Витте все же нашел способ «поставить на место явного доносителя». Он обратился за помощью к министру внутренних дел П.Н. Дурново. Тот, впрочем, был уже во многом знаком с этим делом. Дурново собрал небольшое служебное совещание по заявлению Витте. Итогом стало лишение Циона, как бывшего государственного чиновника, высокой пенсии и запрещение ему въезда в Россию (в то время он находился в Париже и жил там на широкую ногу).

Собственно «доносителя» Циона Сергей Юльевич лично увидел только спустя много лет. Эту встречу со своим открытым недоброжелателем (и Вышнеградского, своего предшественника на посту министра финансов, тоже) он описывает так:

«Когда я, уже будучи председателем Комитета министров, возвратился из Америки после заключения Портсмутского мира, ко мне в Париже явился Цион, которого я тогда увидел первый раз в жизни. Этот господин Цион, конечно, начал мне курить фимиам, страшно извинялся передо мною за всю свою преды-

душую деятельность против меня, приписывая это тому, что он хорошо меня не знал и находился в полном заблуждении. Цион давал мне различные советы, как я должен поступать теперь ввиду того, что Россия находилась уже в периоде революции.

Таким образом, Цион или знал, или чуял, что когда я приеду в Петербург, то должен буду взять бразды правления Россией в свои руки. Но я отнесся к Циону довольно сухо.

К слову сказать, став во главе финансового ведомства, Витте довел дело о «взятке, данной Ротшильдом Вышнеградскому», до конца. Он смог оправдать своего предшественника в глазах государя с помощью директора столичного Международного банка Ласкина и его сотрудника Ротштейна (который впоследствии возглавил этот банк). Те раскрыли своему новому начальнику все секреты переговоров относительно условий ротшильдского займа России. Такой поступок делал новому министру только честь.

Витте на новом посту требовался соратник, которому он мог бы полностью доверять. То есть речь шла о товарище — заместителе министра финансов. Его выбор пал на Владимира Николаевича Коковцева, последней должностью которого был пост товарища государственного секретаря. Сергей Юльевич знал Коковцева по его работе в Департаменте экономики, где он служил статс-секретарем по сметному отделению. Кроме того, виттевский избранник считался одним из главных специалистов по «тюремным делам».

Министр поручал своему товарищу решение многих важных в условиях России вопросов, связанных с пополнением государственной казны. Так, Коковцев вскоре был назначен председателем Комитетов по делам казенной продажи питей, поощрения русского торгового пароходства и судостроения, по рассмотрению проекта положения о податных инспекторах и их помощниках. Занимался Коковцев пересмотром действующих постановлений по табачной части и изменениями взимания акциза с пива, заготовкой спирта для казенной надобности и нормировкой винокурения.

Доходы от винокурения, казанной продажи «горячительного», табачное дело были в Российской империи одними из основных доходов в государственную казну. Поэтому министр финансов, обладавший огромными полномочиями в своей об-

ласти, делал все, чтобы этот поток «живых денег» в казну не скуднел, был стабилен и не «утекал» сверх меры в частный карман. Этим у Витте и занимался тайный советник В.Н. Коковцев.

Придет время, и Витте будет ходатайствовать перед государем о назначении сенатора Коковцева, способного блюсти не только финансовые интересы империи, государственным секретарем. В 1904 году Коковцев станет министром финансов, но будет уволен с этой должности уже в следующем году. Сменит Столыпина на посту председателя Совета министров, будет уволен в 1914 году. После Февральской революции будет подвергнут кратковременным арестам и Временным (имел охранное свидетельство от Государственной думы), и Советским правительствами и эмигрирует из Отечества. Он станет одним из политических лидеров белой эмиграции, председателем Комитета русских общественных организаций; умрет в Париже в 1943 году.

Налаживание регулярных, всевозрастающих потоков поступления в государственную казну благоприятно отражалось на экономической жизни страны. Она становилась все более регулируемой правительством. Зарубежные кредиты использовались по назначению, и хотя нападки недоброжелателей, таких как Цион, на Витте продолжались, император Александр III мог быть только доволен своим министром финансов. Тот «системно», не делая больших ошибок, ставил под свой контроль поток денежных масс в стране. От этого империя в итоге только выигрывала.

В фигуре С.Ю. Витте соотечественников подкупало многое. Многие его современники полагали, что как государственный деятель он был на голову выше многих своих коллег-министров. Даже недоброжелатели отмечали его сильный ум, твердую волю, пчеловеческую энергию и удивительную работоспособность.

Витте свою деятельность на посту министра финансов, одной из ключевых фигур в правительстве, подчинил задаче создания великой России. Его политика преследовала одну привлекательную для сограждан цель: добиться полной экономической независимости Российской державы, превратить ее в мировом сообществе в самодостаточную хозяйственную единицу. При этом Витте считал, что Россия может в короткие сроки догнать развитые в промышленном отношении европейские страны и США, занять прочные позиции на рынках Среднего, Ближнего и Дальнего Востока.

Глава финансового ведомства строил по тому времени вполне реальные планы. Он рассчитывал обеспечить ускоренное промышленное развитие страны двумя взаимосвязанными методами: во-первых, привлечения на выгодных условиях иностранного капитала в виде займов и инвестиций. Во-вторых, таможенной защитой отечественной промышленности от иностранных конкурентов и поощрением со стороны государства русского экспорта.

Новый министр финансов считал, что государство должно играть доминирующую роль в «развитии капитализации России», что правительственная инициатива в значительной степени должна быть ответственна за рост российской промышленности». То есть Витте хотел «разбудить» экономический потенциал страны, опираясь на понимание и поддержку императора Александра III.

Русское общество довольно скоро признала государственную значимость Сергея Юльевича Витте. Об этом лучше всего свидетельствовал сыпавшийся на него подлинный звездопад орденских наград и почетных званий. В этом отношении показательным оказался 1894 год.

Император Александр III наградил его за труды орденом Святой Анны 1-й степени. Сербский король — орденом Такова 1-й степени. Бельгийский монарх — большим крестом ордена Леопольда. Франция — орденом Почетного легиона. Германия — орденом Красного Орла. Австро-Венгерская империя — орденом Леопольда (одноименным с наградой Бельгии).

Витте был избран почетным членом Петербургского общества последователей гомеопатии и Кавказского общества сельского хозяйства, Одесского отделения Императорского Русского технического общества и Петербургского практического технологического института (в нем он утверждает еще и в почетном звании инженера-технолога). Министр финансов стал почетным членом Уральского общества любителей естествознания и Русского общества плодоводства, Донского общества сельского хозяйства и Императорского Московского общества сельского хозяйства.

Сергей Юльевич Витте в том же 1894 году стал почетным гражданином городов Казани, Одессы (там его особо чтили в финансовых кругах) и Архангельска.

В последующие годы его имя украсит списки почетных граждан городов Саратова, Вятки, Бердянска Таврической губернии,

Сарапула Вятской губернии, Симбирска, Оренбурга и Екатеринбурга, Киева и Ревеля, Саранска Пензенской губернии, Великих Лук Псковской и Череповца Новгородской губерний, Тихвина и Боровичей Новгородской губернии. Последнее избрание состоялось в декабре 1902 года, когда С.Ю. Витте стал почетным гражданином города Александровска Екатеринославской губернии.

Все эти орденские награды и почетные звания свидетельствовали о признании заслуг государственного мужа, которые уже состоялись и которые, несомненно, должны были состояться в недалеком будущем. Можно считать, что признание талантов нового главы российского финансового ведомства пришло к нему на удивление знавшим его людям быстро. И, что самое главное, впечатляюще.

2

ШЕФ ПОГРАНИЧНОЙ СТРАЖИ РОССИИ. ВОЙНА КОНТРАБАНДИСТАМ

В ведении российского министра финансов состояла, как ни странно, военизированная пограничная стража Российской империи. Она находилась в прямом ведении министерского Департамента таможенных сборов, который возглавлял Л.Ф. Тухолка. В нем за пограничных стражников в 1892 году отвечал вице-директор этого департамента генерал-лейтенант барон Д.К. Ган. Витте его характеризовал так: «человек очень хороший, но вполне ничтожный».

Вникая в дела пограничной стражи, дотошный Витте сразу же обратил внимание на следующее: пограничниками России были такие же нижние чины и офицеры, какие служили в русской армии, и в случае войны они автоматически становились ее частью, но командовали ими непосредственно гражданские чиновники, люди малосведущие в армейских делах. Вернее — начальники таможенных округов, которые сами подчинялись директору Департамента таможенных сборов и его вице-директору в звании генерал-лейтенанта.

Витте писал, что это его покорило. Воинские части находились в ведении гражданских чинов, и от этого ронялся престиж военного мундира, высоко чтимый в старой России. Впро-

чем, такое положение не нравилось и императору, в чем министр финансов убедился при первом же разговоре на эту тему с государем:

— Сергей Юльевич. Я был бы рад, если пограничную стражу изымут из ведения таможенных чиновников. Вы полностью правы, что человек в военном мундире не должен по службе подчиняться гражданскому человеку.

— Тогда у меня есть предложение, Ваше Императорское Величество.

— Доложите. Но помните, что главная обязанность пограничной стражи — смотреть за контрабандой. А это есть чисто таможенное дело.

— Я предлагаю организовать пограничную стражу на вполне военном положении. И готов разработать соответствующее положение, которое будет представлено на утверждение Вашему Императорскому Величеству.

— Тогда как вы назовете пограничную стражу, которая будет оставаться в ведении Министерства финансов и подчиняться лично вам?

— Отдельным корпусом пограничной стражи, Ваше Императорское Величество.

— Почему отдельным, а не прямо названным корпусом пограничной стражи?

— Потому что корпус является в данном случае отдельной воинской единицей. Так, например, в последнюю турецкую войну на Кавказе был отдельный корпус, которым начальствовал Лорис-Меликов. К тому же его надо словом «отдельный» отличить от существующих ныне корпусов инженеров путей сообщения, лесничих и горных инженеров.

— Согласен. Но тем не менее Лорис-Меликов подчинялся кавказскому наместнику — великому князю Михаилу Николаевичу. Поэтому я сегодня прикажу подготовить высочайший указ о назначении министра финансов шефом пограничной стражи Российской империи.

— Премного благодарен, Ваше Императорское Величество, за такую честь.

— Кого вы предлагаете назначить корпусным командиром?

— Генерала Свинына. Он боевой начальник, очень отличился при взятии Плевенской крепости.

— Да, я прекрасно лично знаю генерала Свиньина. Под Плевной он был начальником гвардейской артиллерии. Это очень хороший выбор для нас.

Так состоялось учреждение в старой России Отдельного корпуса пограничной стражи. Впоследствии уже император Николай II приказал дать Витте особый полувоенный мундир шефа пограничной стражи. Который после него носили все министры финансов, но только в тех случаях, когда им приходилось «играть роль военачальников».

Когда С.Ю. Витте покидал Министерство финансов, чтобы занять пост главы правительства, то императору Николаю II «угодно было оказать мне милость, сохранить за мною мундир шефа пограничной стражи ввиду того, что весь этот корпус был мною, по указанию его августейшего отца, основан».

В стремлении реформировать пограничную стражу Витте сразу же встретил неожиданное для него глухое сопротивление не только директора Департамента таможенных сборов Л.Ф. Тухолки, но даже генерал-летенанта барона Д.К. Гана, исполнявшего роль инспектора пограничных сил. Сергей Юльевич писал в мемуарах:

«Но тем не менее эту реорганизацию я совершил и совершил очень просто: взял и сам начал разрабатывать положение об организации Отдельного корпуса пограничной стражи, причем этот корпус пограничной стражи был совсем отделен от Таможенного департамента.

Мною было составлено положение об организации пограничной стражи вполне на военном основании».

Однако при этом министр финансов не забывал, что пограничники своей борьбой с контрабандой заметно пополняли государственную казну. Поэтому в основу положения он заложил идею тесного сотрудничества пограничной стражи, то есть пограничного надзора, и Департамента таможенных сборов.

15 октября 1893 года император Александр III подписал Указ Правительствующему сенату:

«I. Состоящую ныне в Таможенном управлении пограничную стражу выделить из оной в Отдельный корпус пограничной стражи.

II. Подчинить Отдельный корпус пограничной стражи министру финансов с присвоением ему Шефа пограничной стражи и

с сохранением за ним всех прав, коими он ныне пользуется по управлению сею стражею.

III. Учредить должность командира Отдельного корпуса пограничной стражи и штаб сего корпуса, согласно предлагаемому временному штату управления Отдельного корпуса пограничной стражи.

IV. Временно, вплоть до издания в установленном порядке положения об управлении Отдельного корпуса пограничной стражи:

1. Возложить на командира Отдельного корпуса пограничной стражи все права и обязанности по управлению сею стражею, присвоенные ныне директору Департамента таможенных сборов и инспектору пограничной стражи, с подчинением ему начальников таможенных округов по делам до пограничного надзора относящимся.

2. Балтийскую таможенную крейсерскую флотилию подчинить управлению Отдельного корпуса пограничной стражи на тех же основаниях, на коих ныне сия флотилия подчинена Департаменту таможенных сборов.

3. Предоставить министру финансов (право) изменять в потребных случаях существующее ныне распределение по инстанциям прав и обязанностей по управлению пограничной стражей».

Пограничная стража Министерства финансов должна была реорганизоваться в Отдельный корпус за период с 1893 по 1896 год. Отдельные крейсерские пограничные флотилии, по предложению С.Ю. Витте, создавались на Черном и Каспийском морях (на Балтике крейсерство уже осуществлялось). Он же определял штатную структуру корпуса.

Были определены главные, прямые обязанности Отдельного корпуса пограничной стражи. Они заключались в следующем:

«Отвращать тайный провоз товаров по сухопутным и морским границам европейской части России и Закавказья, по границам Великого княжества Финляндского и Закаспийской области, по правому берегу реки Пяндж и Аму-Дарьи».

На Отдельный корпус Министерства финансов возлагались также карантинный надзор на границе, надзор в политическом и полицейском отношениях в интересах Министерства внутренних дел и жандармского корпуса.

В последующем по указанию министра финансов прямые обязанности Отдельного корпуса были конкретизированы. Они состояли из трех положений:

«1. Не допускать водворения контрабанды и перехода лиц через границу не в указанных местах.

2. Охранять черту государственной границы и не допускать, чтобы в 875-саженной полосе (около 1900 метров; сажень — 213, 36 см) от границы возводились без разрешения начальства новые постройки.

3. Задерживать всех бродящих при границе дезертиров, бродяг, бескартных и порубщиков казенного леса и не допускать на границе сборищ подозрительных лиц, хотя бы они и не были вооружены и не имели при себе товаров».

Если штатная структура Отдельного корпуса определилась благодаря усилиям Витте к 1896 году, то корпусное управление закончило свое формирование только в 1900 году.

К концу нахождения Сергея Юльевича Витте на вершине финансовой власти в государстве, Отдельный корпус пограничной стражи, хорошо обустроенный и сбалансированный, состоял организационно из семи номерных округов со штабами в городах Санкт-Петербург, Вильно, Варшава, Киев, Одесса, Тифлис и Ташкент.

1-й (столичный) округ состоял из следующих бригад пограничной стражи: 1-й Петроградской, 2-й Ревельской, 3-й Аренбургской и 4-й Рижской. В состав округа входил Особый Беломорский отдел с центром в Архангельске. 1-я пограничная бригада носила имя императора Александра III, что являлось большой почестью. Первым начальником округа был генерал-майор А.Т. Озеровский.

2-й (виленский) округ состоял из 5-й Горждинской (штаб находился в Кретингене), 6-й Таурогенской, 7-й Вержболовской (штаб — в Кибарты), 8-й Граевской и 9-й Ломжинской пограничных бригад. Округом командовал генерал-майор Н.М. Марголи.

3-й (варшавский) округ состоял из 10-й Рыпинской, 11-й Александровской (штаб располагался во Вроцлавске), 12-й Калишской, 13-й Велюнской, 14-й Ченстоховской и 14-й Новобржецкой бригад пограничной стражи. Во главе округа стоял генерал-лейтенант Н.А. Усов.

4-й (киевский) округ состоял из 16-й Сандомирской, 17-й Томашовской, 18-й Волынской (штаб находился в Радзивиллове), 19-й Волочической и 20-й Хотинской (штаб — в Новосель-

цах) пограничных бригад. Начальствовал округом генерал-майор князь Енгальчев.

5-й (одесский) округ состоял из 21-й Скулянской, 22-й Измаильской, 23-й Одесской и 24-й Крымской со штабом в Севастополе бригад пограничной стражи. В округ входил Особый Керченский отдел. Во главе округа был поставлен генерал-майор Н.А. Акимов.

6-й (тифлиссский) округ из 25-й Черноморской (штаб располагался в Батуми), 26-й Карсской (штаб — в Кагызмане), 27-й Эриванской, 28-й Елисаветпольской (штаб — в Ванке) и 29-й Бакинской пограничной бригад. В должности окружного начальника был утвержден генерал-майор барон Польде.

И, наконец, 7-й (ташкентский) округ состоял из 30-й Закаспийской со штабом в Асхабаде и 31-й Амударьинской (штаб — в Патта Гисаре) бригад пограничной стражи. Окружным начальником назначили генерал-майора А. Куницкого.

В особо сложных условиях находились пограничные стражники двух последних округов. Служба в горной и пустынной местности была всегда трудной, в любое время года. Недостаток питьевой воды и продовольствия (местные жители нередко отказывались продавать его страже, а подвоз был затруднен в связи с отсутствием дорог), непривычный климат, плохие условия проживания, малая надбавка к жалованью при ежедневных нарядах по 12 часов делали профессию пограничника в Закавказье и Туркестане малопривлекательной.

В тифлиском округе пять бригад стояли вдоль 1343 верст границы с Турцией и 1268 верст границы с Персией. Особенностью здесь было то, что в отличие от западной границы в Закавказье отсутствовали организованные сообщества контрабандистов. Но по обе стороны границы жили богатые люди, не ладившие с законом. Они нанимали для транспортировки контрабанды вьючных лошадей и сильный вооруженный конвой.

Кавказская контрабанда по своему товарному содержанию заметно отличалась от европейских нелегально провозимых товаров. Для местных жителей тайком ввозились шелк, парча, грубошерстные ковры и хлопчатобумажные платки, а также на продажу чай, сахар и порох. Значительную часть контрабанды составлял скот, в основном овцы и породистые лошади.

В 7-м (ташкентском округе), который охранял государственную границу с Персией, Афганистаном и по Каспию, контра-

бандой занимались почти все местные жители приграничья. Это было здесь давно сложившейся традицией, для многих такое дело оставалось основным источником пропитания семьи. Горами и пустынями, через пески, по караванным тропам вьюками на ослах, верблюдах и лошадях текли товары в Хиву, Бухару, Мерв и Асхабад. А оттуда контрабанда растекалась по всему Туркестанскому краю.

В Закавказье и в Средней Азии на положение дел на государственной границе заметно влияла межплеменная вражда. Она неизменно сопровождалась набегами конных отрядов из-за границы на российскую территорию с целью грабежа и угона скота. Порой стражникам приходилось вести настоящие бои с разбойными шайками таких налетчиков.

Став по воле императора Александра III шефом пограничной стражи, С.Ю. Витте больше всего заботился о ее доходности для казны. Составная часть Министерства финансов в лице Отдельного корпуса оказалась прибыльным «государственным предприятием». Так, в 1899 году таможенный доход от экспорта и импорта товаров на границе составил 210 999 000 рублей серебром. А на содержание пограничных стражников в том же году российская казна истратила всего 10 986 176 рублей серебром.

То есть эффективность пресечения контрабанды и направление потока экспортных и импортных товаров в законное таможенное русло силами пограничных стражников совместно с таможенными чиновниками была огромна. Министр финансов С.Ю. Витте мог докладывать об этом императору с осознанием личной причастности к такому притоку денежных средств в казну, на страже интересов которой и стоял министр финансов.

Отдельный корпус пограничной стражи, основанный С.Ю. Витте, нес охрану государственной границы от Мурмана на севере и до гор Памира на юге, то есть пока 13 680 верст. Бригады состояли из отдельных конных и пеших сотен пограничной стражи. Пограничных застав, как таковых, тогда еще не было. Корпус составлял часть вооруженной силы Российской империи.

Восточнее Памира охрану государственной границы с Китайской Циньской империей, которая тогда включала в себя Халху — Внешнюю Монголию, по сложившейся традиции несли Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское казачьи войска. Это было их прямой, первостатейной обязанностью. Казаки «держали» границу в Восточном Туркестане, на Алтае и юге Сибири, в Забайкалье, Приамурском и

Приморском краях. В ряде мест к охране границы привлекались пехотные армейские подразделения.

Отдельные казачьи сотни Кубанского и Терского войск привлекались к охране государственной границы в Закавказье. И здесь охрана российских пределов считалась действительной воинской службой казачества, как воинского сословия России.

На реках Амур и Уссури охрану водных рубежей России несла казачья Амуро-Уссурийская пограничная флотилия. Экипажи ее судов носили казачью форму и при исполнении служебных обязанностей были при личном оружии — шашках.

Казачья пограничная стража Министерству финансов не подчинялась. Пять «восточных» казачьих войск России находились под командованием местных генерал-губернаторов, которые по совместительству являлись войсковыми казачьими атаманами.

В 1900 году численность Отдельного корпуса пограничной стражи составляла 36 709 человек, в том числе 1033 генерала, штаб- и обер-офицера, 12 101 объездчик, 23 575 стражников. Эта цифра почти не менялась вплоть до начала Первой мировой войны опять таки по финансовым причинам. Увеличение числа людей и лошадей, судов неизбежно влекло за собой увеличение расходов на содержание военизированного корпуса.

Следует заметить, что Витте, как министр финансов, не очень-то баловал пограничных стражников материальным благополучием. В интересах казны Сергей Юльевич немало сэкономил на людях, которые несли, прямо скажем, многотрудную охрану государственной границы днем и ночью, в любую погоду, сами живя в большинстве случаев в малоудобных местах и перенося немалые житейские невзгоды.

Стоимость надзора (были и такие финансовые расчеты) одной версты границы в 1900 году составила 80 рублей серебром. И в тоже время процентное отношение расходов на Отдельный корпус к таможенному доходу империи составляла один к 4,99. То есть экономическая доходность пограничной стражи была почти в 5 раз (!) выше расходной статьи на ее содержание.

От участка границы во многом зависел характер товаров, которые доставлялись в Россию контрабандой. Например, из Пруссии и Австро-Венгрии в Россию везли и тащили на себе тайными лесными тропами или на лодках по реке Висле самую разнообразную контрабанду. Переправляли чай и сигареты, мануфактуру и готовое платье, часы и серебро в слитках, деньги и

порох, страусовые перья и велосипеды, сахарин и галантерею, кораллы и плетенные из соломки шляпные ленты. И во все увеличивающихся размерах контрабандно тащили в Россию спирт, динамит и оружие (обычно немецкие и бельгийские револьверы и патроны к ним).

Особый размах принимала контрабанда спирта, что серьезно подрывало государственную винную монополию. Витте, как министра финансов, попечителя имперской казны, это очень беспокоило. А фактов задержания контрабандного спирта было действительно много. Так, в августе 1901 года около трех часов ночи крейсер пограничной стражи «Лебедь» на Балтике задержал близ Либавы судно «Лео» с большим грузом контрабанды, в числе которой находилось 45 бочонков спирта. Появилась даже устойчивая по своей организации многочисленная категория нарушителей границы, названная «спиртоносами». На западной границе ими были преимущественно польские жители, на дальневосточной — не менее предприимчивые мелкие китайские торговцы.

Министр финансов поставил дело борьбы с контрабандой так, что ее захват стал материально выгоден пограничным стражникам. Задержанная контрабанда, как правило, отправлялась на аукцион. Продажная выручка делилась на две части: 55 процентов шло в государственную казну, а остальные 45 процентов — владельцам проданных товаров. То есть стражники в борьбе с контрабандистами стали материально заинтересованными людьми, что было немаловажно.

При Витте стали прибегать к таким способам борьбы с контрабандистами, как запрещение пропуска в пределы Российской империи лиц, ранее изобличенных в тайном ввозе иностранных товаров или замеченных в злостном нарушении правил ввоза товаров, облагаемых государственной пошлиной. Своим же гражданам-контрабандистам запрещали жить в приграничной полосе и выдворяли их оттуда.

Витте постоянно совершал правовые права и обязанности российских пограничников. Так, прибыв для доклада императору Александру III в Ливадию, где государь отдыхал, министр финансов предложил внести в Государственный совет вопрос об основах караульной службы пограничными стражниками, что давало им законное право в необходимых случаях применять оружие против нарушителей границы, которые не под-

чинялись их требованиям. Александр III на то согласие дал, но разрешение было подписано уже новым всероссийским самодержцем Николаем II.

Так с легкой руки главы финансового ведомства у стражей границы России появился чрезвычайно важный для их службы документ: «Об основных началах караульной службы и употребления нижними чинами отдельного корпуса пограничной стражи оружия».

Теперь стражники могли применять оружие по нарушителю границы, не остановившемуся после двукратного крика «Стой!» и предупредительного выстрела вверх. После этого стрельба могла вестись прицельно, на поражение.

Шеф Отдельного корпуса в феврале 1898 года утвердил новую инструкцию по применению оружия по нарушителям границы. В ней особо подчеркивалось следующее:

«Что лишать человека жизни или причинять ему увечие закон дозволяет чинам Пограничной Стражи только в случаях самой крайней необходимости, то есть только тогда, когда достичь исполнения служебных обязанностей по пограничному надзору иными средствами безусловно невозможно; причем и в означенных случаях следует употреблять оружие так, чтобы, по возможности, ранить, а не убить человека».

В инструкции требовалось избегать стрельбы в сторону сопредельного государства, не стрелять по нарушителям, которые уже оказались на той стороне или на черте самой границы. Обращалось внимание на следующее обстоятельство:

«А если стрелять, то так, чтобы пули рикошетом не летели на чужую сторону».

Более того, Витте добился у Николая II разрешения пограничным стражникам в Закавказье на турецкой и персидской границе, а также на среднеазиатской границе преследовать с оружием в руках злоумышленников и на сопредельной стороне. Иначе говоря, прорвавшийся здесь через российскую границу на ту сторону контрабандист, угонщик скота или просто заурядный разбойник чувствовать себя в безопасности не мог.

Витте, как шеф Отдельного корпуса пограничной стражи, составил себе труд лично ознакомиться с государственной границей на ее отдельных участках, с несением службы, с бытом и нуждами пограничников. В частности, с его согласия проводилась работа по установлению новых пограничных знаков. С 60-х

годов XIX века это были деревянные или каменные столбы определенных размеров, которые нумеровались, и на них обозначалась государственная принадлежность. Они заменялись пограничными столбами высотой в 11,4 фута. Столбы окрашивались в бело-красно-черный цвета.

Витте настоял на том, чтобы граница в Закаспийской области и Туркестанском крае охранялась не армейской пехотой и казаками, а пограничной стражей. С этой целью в 1894 году были созданы две новые пограничные бригады — Закаспийская и Амударьинская. Они подчинялись начальнику Туркестанского таможенного округа. В число пограничных стражников входили вольнонаемные местные жители — туркмены.

Донесения шефу Отдельного корпуса пограничной стражи свидетельствовали о том, сколь нелегкой и опасной была охрана российских рубежей. К примеру, в 1904 году только на границе с Персией произошло 12 вооруженных столкновений, было убито 33 и ранено 11 нарушителей границы, контрабандистов и угонщиков скота. В том же Закавказье границу постоянно нарушали люди, которые старались пробраться в российские пределы в поисках работы. Среди них оказывалось немало лиц с уголовным прошлым, которых совсем не интересовала тяжелая работа на нефтепромыслах в Баку или жизнь мелких торговцев.

Министр финансов, «разбираясь» с организацией вверенного ему пограничного дела, решил создать в Отдельном корпусе собственную разведывательную службу с постановкой ей конкретных задач. По замыслу она должна была стать «малой копией» соответствующей службы российского Генерального штаба, то есть военной разведки русской армии. В одном из циркуляров С.Ю. Витте за 1894 год говорилось следующее:

«Безуспешность действия чинов в преследовании контрабанды объясняется между прочим неимением в отрядах хороших доносчиков и неумением отличать правильные доносы от доносов, делаемых для отвода глаз».

Наставляя пограничное начальство, Витте требовал налаживать агентурную работу. Он напоминал командирам бригад пограничной стражи:

«Затраченные на приобретение хороших благонадежных доносителей труды и даже денежные средства никогда не пропа-

дут даром и при достаточной энергии всегда вознаграждаются с избытком».

Министр финансов поддерживал предложения и практические меры штаба Отдельного корпуса по борьбе с контрабандой с помощью тайных агентов на той и другой стороне границы. На такой способ борьбы с контрабандистами со временем стали возлагаться большие надежды, поскольку он оказался довольно действенным. От тайных агентов почти во всех случаях требовалось одно: дать сведения о готовящихся нарушениях границы, достоверные и своевременные.

Постоянно совершенствуя такую работу, корпусной штаб подготовил специальную инструкцию по работе с тайными агентами на сопредельной стороне границы. Инструкция была утверждена министром финансов в 1905 году. Она предоставляла право офицерам, ответственным за такую работу, самые широкие полномочия, в том числе возможность свободного перехода границы, для чего они снабжались бесплатными годовыми заграничными паспортами. Эти же офицеры обладали правом вести неконтролируемые денежные операции для оплаты своих агентов. Ради конспирации запрещалось вести любые, в том числе финансовые, записи о контактах с ними.

Витте требовал, чтобы дело организации в корпусе агентурной разведки в пограничной полосе велось в тесном взаимодействии с чинами Отдельного корпуса жандармов, местными полицейскими приставами и Таможенного ведомства. Только в таком случае, считал Витте, был возможен максимальный успех борьбы «с разбойничеством и контрабандой».

Взаимодействие пограничной стражи с Отдельным корпусом жандармов имело под собой политическую подоплеку. То есть речь шла о внутреннем спокойствии в империи, с борьбой против революционеров различного толка. Через границу шла нелегальная переправа подпольной литературы, листовок, оружия и взрывчатки для боевиков-террористов. Витте считал борьбу с такого рода контрабандой одной из главных государственных задач по охране российской границы. В чем он, как показали последующие события первой русской революции, не ошибался.

Частые сообщения о пресечении контрабанды подобного рода тревожили Сергея Юльевича и на посту министра финансов, и

и последующем как главы Кабинета министров. Революционеры постоянно совершенствовали приемы ввоза в царскую Россию политической контрабанды прежде всего через европейскую границу.

Примеров таких нарушений границы было много. Так, в 1904 году старший вахмистр Чулков попытался задержать двух контрабандистов, которые пробирались из Австрии. Он попытался перерезать им обратный путь, открыв стрельбу. Но нарушители бросили свой груз и смогли бежать. В трех тюках оказалась политическая контрабанда (газеты, брошюры, листовки) весом в три пуда и три фунта.

В мае 1905 года стражник Липовского отряда Граевской бригады Воржа при попытке задержать трех нарушителей вынудил их бросить контрабандный груз. Тем удалось скрыться на прусской стороне. В тюке оказались 671 брошюра на русском языке, 4823 — на еврейском и 379 брошюр и журналов на других языках. Их содержание, разумеется, было направлено только против существующего в России государственного строя.

В январе 1906 года у железнодорожной станции Млава объездчик рядовой Млавского отряда Рыпинской бригады Святловский задержал двух нарушителей у выброшенного кем-то с проходившего поезда тюка. В них оказались листовки на польском языке, 20 пистолетов системы «Браунинг» и 3018 патронов. Оружие предназначалось для боевиков, занимавшихся террором против российских властей в Царстве Польском.

Особенно частыми были случаи контрабанды оружия и боеприпасов для столичных революционеров через финскую границу. Так, на станции Белоостров был задержан рабочий Путиловского завода Макаров, шедший из Финляндии, старательно обходя населенные пункты. При обыске у него нашли 6 револьверов и 300 патронов. Стражники сумели арестовать на пограничной станции Линдварово известного террориста Овсея Таратуту, обезоружить его. У задержанного, который первоначально назвался Мовшей Столяром, оказались паспорта на имя Этингена, Броозовского, Яржомбека и пироксилин для снаряжения самодельных бомб.

На посту шефа Отдельного корпуса Сергей Юльевич показал себя опытным строителем кадровой политики. Он, в частности, разрешил проблему усиления пограничной стражи опытными

офицерами, имеющими за плечами полный курс обучения в военных (юнкерских) училищах. Они переводились из пехоты и кавалерии, казачьих войск и артиллерии и из других силовых ведомств. С большим удовольствием на действительную пограничную службу брались казачьи офицеры запаса.

На пограничных крейсерских флотилиях стало больше служить офицеров со специальным морским образованием. Они постепенно заменили вольнонаемных шкиперов.

Витте обратил внимание, что на должностях начальников штабов округов и бригад почти отсутствуют люди с высшим военным образованием. Он с трудом добился согласия Главного штаба на то, чтобы те выпускники академий Генерального штаба и Юридической, которые не попали на службу в Генштаб из-за отсутствия вакансий, получали возможность служить на границе. Такое решение значительно повысило культуру штабной работы в Отдельном корпусе.

При Витте пограничная стража пополнялась призывниками и добровольцами-«охотниками». Новобранцы поступали на пополнение бригад, как правило, из ближайших губерний. Но при этом запрещалось служить вблизи родного дома, дабы среди стражников не оказались случайные люди, каким-то образом связанные родственными связями с местными контрабандистами.

Закаспийская и Амударьинские бригады в значительной мере пополнялись за счет добровольцев из числа местных жителей. Считалось, что комплектование здесь пограничной стражи «военнослужащими русского происхождения» вредно, поскольку они не знали местных языков, нравов и обычаев населения, были плохо приспособлены к климату пустыни. К тому же на содержание туркмен-джигитов требовалось меньше денег: они могли жить в кибитках, казна тратилась только на их обмундирование и вооружение кавалерийскими карабинами, на жалованье и денежные награды.

Когда же министр финансов потребовал сведений о том, как служат в Закаспийской области и на берегах Амударьи наемные джигиты, то ему было доложено следующее:

«Русского языка они почти не знают. Не поддаются требованиям службы, порядка и дисциплины, своевольны, ленивы вообще, в служебном и нравственном отношении безнадежны.

Службу несут под постоянным контролем на каждом посту старшего и его помощника».

Витте сделал регулярной аттестацию офицерского состава Отдельного корпуса. Аттестация заканчивалась однословным выводом: «выдающийся», «хороший», «удовлетворительный» и «неудовлетворительный». В циркуляре за 1897 год говорилось, что офицеры, аттестованные как «выдающиеся» и «хорошие», продолжают службу в корпусе, а «неудовлетворительные» — увольняются из российской пограничной стражи. Обратный путь им на охрану границы был, по сути дела, в последующем заказан.

Те офицеры, которые аттестовались на «удовлетворительно», могли продолжать службу только в силу следующих обстоятельств: «остаются лишь терпимы, ввиду их семейного положения или необходимости выслуги пенсии». Такие лица не подлежали повышению по службе.

Была отлажена учеба молодых стражников. Они обучались на основе принципов известного военного педагога командующего Киевским военным округом генерал-адъютанта М.И. Драгомирова, который разработал систему «развития мозговой деятельности» из четырех составляющих:

1. Сообщить понемногу одну, много, две мысли;
2. Избегать книжных слов;
3. При малейшей возможности прибегать к примеру или, еще лучше, к показу;
4. Брать из передаваемого не все сплошь, а в порядке важности, применять к солдатскому быту и службе.

Корпусной шеф утвердил программу курса обучения молодого пограничного стражника. Она состояла из шести разделов:

1. Молитвы;
2. Общие сведения: что такое Отечество, назначение солдата, присяга. В какой бригаде, в каком округе и корпусе солдат служит. Чины и звания;
3. Устав дисциплинарный;

Витте считал важным обучение пограничных стражников грамоте, то есть умению читать и писать по-русски. К концу его деятельности на посту министра финансов, то есть к 1904 году, грамотным в Отдельном корпусе был уже каждый четвертый человек. Для тогдашней России это был поразительный результат.

4. Инструкция службы чинов Отдельного корпуса пограничной стражи;
5. Строевое обучение;
6. Беседы.

Воспитанию нижних чинов пограничной стражи шеф Отдельного корпуса придавал значения не менее, чем, скажем, обустройству самой границы. Среди прочего, для бесед с воинами рекомендовалось использовать рекомендации опытных в этом деле офицеров. Так, известность имели советы ротмистра В.С. Степанова по проведению бесед с рядовыми пограничниками:

«Ты — честный солдат, служишь по совести, по присяге проживаешь в секретах или на часах по 6 часов во всякую погоду. Служишь таким образом 4 года, мокнешь, не спишь, стараешься, а смотришь, поимок нет да нет. Что за история?..

Отчего и почему? А вот почему: недалеко от тебя сидит твой милый товарищ, Иуда-предатель, который преспокойно в это время пропускает контрабандиста, зарабатывая эту подлую копейку.

Ведь этот Иуда не жалеет тебя, не жалеет твоих трудов, зарабатывает кровавые полтинники и посмеивается над тобой».

Витте на посту шефа российской пограничной стражи пришлось наводить порядок и в таком вопросе, как обмен поздравительными телеграммами. Дело заключалось в том, что многие пограничные чины, по примеру гражданских чиновников, стали посылать такие телеграммы начальству, и даже на имя самого императора Николая II, по любому праздничному поводу. Министр финансов «приложил» свою руку к «Своду военных постановлений», изданного в 1896 году. В нем, в частности, отмечалось:

«Все подношения начальствующим лицам, как от обществ и сословий, в совокупности, так и отдельно, в изъявлении благодарности, под каким бы то видом не было: памятниками, выставлением в публичном месте портретов, адресами, вещами и денежными пожертвованиями запрещаются».

Поскольку Отдельный корпус в повседневной жизни руководствовался военным законодательством, то Витте распространил на пограничную стражу и такое законоположение:

«Воспрещен всякого рода сбор с офицеров или вычет из их

жалования, не указанные в законе или не основанные на особом Высочайшем разрешении».

Это была со стороны шефа Отдельного корпуса прямая забота об офицерской чести, ограждения офицеров от «излишнего чиновочитания» в военной среде, когда одни находились в служебной зависимости от других. Празднование юбилеев разрешалось только в двух случаях: когда офицер прокомандовал пограничной частью 25 лет или прослужил в офицерских погонах 50 лет.

Вместе с командующим Отдельным корпусом генералом А.Д. Свиныным министр финансов стремился поставить наградное дело так, чтобы люди награждались действительно по заслугам, без их преувеличения. В соответствующем циркуляре за 1897 год говорилось:

«Представление к наградам за подвиги следует делать лишь после самой строгой поверки. Тем более, что таковые подвиги совершаются чинами пограничной стражи исключительно при задержании контрабанды, доставляющей материальную пользу».

Поэтому без наград иногда оказывались участники многих случаев серьезных вооруженных столкновений на границе, особенно в Закавказье, когда дело приходилось иметь с контрабандистами и местными разбойниками. Как то было во время схватки восьми казаков-стражников Базагинбандского поста с группой из 28 контрабандистов, сопровождавших целый караван вьючных лошадей. В ходе столкновения было убито восемь нарушителей границы, захвачены их лошади и груз.

Все же за действительные, «выдающиеся» подвиги при охране границы стражники награждались без проволочек. Для нижних чинов наградами были: медали «За храбрость» (на Георгиевской ленте), «За спасение погибающих» и «За усердие», Знак отличия ордена Святой Анны, денежные выплаты, производство в ефрейторы и унтер-офицеры. Офицеры, помимо юбилейных медалей, отмечались орденами, обычно нижними степенями Святой Анны и Святого Станислава. Но это было в мирное время. В годы войн — русско-японской и Первой мировой российские пограничники многократно награждались самыми почетными боевыми наградами — офицерскими орденами Святого великомученика и победоносца Георгия и Георгиевскими крестами для нижних чинов.

Витте в истории охраны государственной границы заслуженно известен тем, что при нем пограничная стража стала отстаивать державные интересы империи вне ее пределов. Произошло это на восточных границах, там, где сходились интересы России и Японии. То есть там, где с начала 90-х годов XIX столетия завязывался дальневосточный конфликтный узел, разразившийся Русско-японской войной 1904—1905 годов.

Утверждение позиций Российской империи в Маньчжурии, строительство Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) потребовало создания «за кордоном» еще одного пограничного округа — Заамурского со штабом в городе Харбине. В его задачи входила охрана железнодорожной магистрали, в том числе мостов и станций, промышленных предприятий, которые принадлежали российским владельцам, и учреждений КВЖД. Заамурский пограничный округ полностью размещался на маньчжурской территории и организационно состоял из трех отрядов и отдельной пограничной железнодорожной бригады.

Первый отряд (штаб находился в Бухеду) состоял из 1-го и 2-го пограничных Заамурских пехотных полков (размещались в Бухеду и Чжалантуне), 4-го и 5-го пограничных Заамурских конных полков, стоявших в Хайларе и Фуляерди.

Второй отряд стоял в столице КВЖД Харбине. В этом городе и недалеко Ларшачоу квартировали 3-й и 4-й пограничные Заамурские пехотные полки. В Харбине же стояли 1-й и 2-й пограничные Заамурские конные полки, а 3-й конный размещался в Куаньчендзы.

Третий отряд держал свою штаб-квартиру в Хандасхедзы. В него входили 5-й и 6-й пехотные (Иманьпо и Мулин) и 6-й конный (Эхо) пограничные Заамурские полки.

Заамурский пограничный округ, в отличие от внутренних округов пограничной стражи, имел собственную полевую артиллерию. Это были четыре Заамурские пограничные конно-горные батареи, имевшие полный списочный штат и боекомплект. Батареи размещались в Харбине, Фуляерди, Эхо и Лаошачоу.

Округ пограничников-заамурцев имел собственную железнодорожную бригаду, в задачу которой входило оперативное исправление поврежденных по разным причинам путей и мостов. Организационно она состояла из 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Заамурских пограничных железнодорожных полков, стоявших (соответ-

свенно) в городах Хайларе, Харбине, Эхо и Цицикаре. Все эти полки, имевшие армейскую структуру, были созданы по Высочайшему указу от 25 июня 1903 года.

Заамурский пограничный округ формировался из «охотников»-казаков, отставных военнослужащих или людей военных действительной службы. Командный состав состоял из армейских и казачьих офицеров. Официально это были не части регулярной русской армии, поскольку по договору о строительстве КВЖД Россия не имела права содержать на территории Маньчжурии свои регулярные войска. Однако силы Заамурского пограничного округа жили по армейским уставам, имели воинскую организацию, носили на плечах погоны русской армии.

Служба пограничников была связана здесь с большой опасностью, поскольку происходили постоянные вооруженные стычки с местными разбойниками-хунхузами. Это были беглые солдаты из армий китайских губернаторов, разорившиеся крестьяне и просто уголовные элементы. Только в 1901 году в столкновениях с хунхузами в Заамурском округе, то есть в охранной полосе КВЖД, погибло 7 и ранено 13 стражников, убито 193 и ранено 13 бандитов. Большое число хунхузов, сложивших в столкновениях оружие, подвергалось аресту. Но судить их могли только китайская администрация по законам своей страны.

Арестованные разбойники передавались в руки местных императорских чиновников-мандаринов, которые творили над хунхузами скорую расправу, приговаривая их или к смертной казни через отсечение головы, или к длительному тюремному заключению. Последнее наказание практиковалось мандаринами не часто.

О том, как министр финансов командовал Заамурским пограничным округом (то есть фактически армейским корпусом), есть интересное свидетельство. Оно исходит из уст военного министра генерала от инфантерии А.Н. Куропаткина:

«Для охраны Маньчжурской дороги был сформирован корпус войск, подчиненных также министру финансов. Самостоятельное решение в Министерстве финансов вопросов по военной части дошло до того, что выбор системы артиллерии для охраны границы и закупка таковой за границей произведены тоже без сношения с Военным министерством».

Отдельный корпус пограничной стражи Министерства финансов в военное время переходил в прямое подчинение Военного ведомства. Эта практика началась в годы Русско-японской войны 1904—1905 годов, когда отдельные сотни пограничной стражи вошли в состав Маньчжурской армии и не раз удостоивались благодарственных слов от ее командующего генерала А. Н. Куропаткина.

Сам министр финансов С. Ю. Витте, главный охранитель государственной границы Российской империи на суше и на море, говорил о несомненной ценности «своих» заамурских пограничных стражников в ходе японской войны так:

«Это были люди, которые жили в Маньчжурии еще до войны, а следовательно, привыкли к этой местности — знали ее хорошо.

Они были правильно сформированы, не так, как это было сделано в нашей действующей армии, где были собраны служащие разных сроков и друг друга не знающие».

Так, в годы Первой мировой войны из пограничных стражников были созданы не только отдельные конные пограничные полки, но и Пограничная пехотная дивизия (1-й Рыпинский, 2-й Калишский, 3-й Рижский и 4-й Неманский полки), которая за свои доблестные действия не раз отмечалась в приказах Верховного главнокомандующего. Помимо этого на Юго-Западном фронте сражались отдельные Проскуровский и Хотинский пограничные пехотные полки.

По Высочайшему указу императора Николая II на Русский фронт Первой мировой войны Заамурский округ пограничной стражи прибыл в полном составе, со своим штатным вооружением и лошадьми. Из стражников-заамурцев, которых дообучивать не требовалось, по военному времени были составлены шесть конных полков (четыре из них составили Заамурскую пограничную конную дивизию) и четыре Заамурские пограничные пехотные дивизии по четыре полка со своей конно-горной артиллерией. Исключение составила 3-я дивизия, в которой один из трех полков был 22-й Туркестанский стрелковый. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал от кавалерии А. А. Брусилов высоко ценил боевые качества войск, прибывших в Галицию из Маньчжурии.

В воюющем российском Отечестве благодаря таким популярным изданиям, как «Разведчик», «Часовой», «Инвалид», другим газетам, было широко известно о фронтовых подвигах пограничных стражников. Таких, как геройское дело старшего унгер-офицера Базилишина, ефрейтора Плотичина и их товарищей из 8-го Заамурского пограничного пехотного полка. В августе 1916 года стражники-заамурцы (всего несколько рот полка) внезапной дневной атакой разгромили 221-й Резервный полк германской армии. Командование отметило этот подвиг массовым награждением отличившихся бойцов Георгиевскими крестами и медалями «За храбрость».

Следует заметить, что пограничные стражники Министерства финансов доблестно сражались в 1914—1917 годах на всех фронтах: Северном и Западном, Юго-Западном и Румынском, Кавказском. Воевали с первого дня Мировой войны, которую в России называли Великой, Отечественной. Они по своему служебному долгу стали участниками первых боевых столкновений с передовыми германскими и австро-венгерскими войсками, которые вышли на линию государственной границы.

Пограничники-заамурцы, например, отличились в ходе Брусиловского наступления, боях в Карпатских горах и на полях Галиции в ходе наступательных операций русской армии и при ее отступлении от пограничной черты. Четыре пограничных конных полка (1-й, 2-й, 3-й и 4-й Петроградские) надежно несли охрану российской столицы на дальних подступах к городу на Неве.

3

ДЕЛА МИНИСТЕРСКИЕ. ТАМОЖЕННАЯ ВОЙНА С БИСМАРКОМ

Появление такого человека, как Витте, в министерском кресле для Российской империи было делом из ряда вон выходящим: он не был продуктом чиновничьей бюрократии.

Возглавив финансовое ведомство империи, Витте вел в нем себя совсем иначе, как это делал, например, его предшественник Вышнеградский. Сотрудников, особенно в свое ближайшее окружение, Сергей Юльевич подбирал не по чинам, а по способностям и знаниям. Министр часто вызывал своих помощников на спор по интересующим его проблемам, чтобы таким спо-

собом докопаться до истины. Он даже пренебрегал, и довольно часто, официальными формами переписки.

Один из его современников вспоминал: «Когда Витте сделался министром финансов, все министерство приняло демократический характер. Чиновники вместо мундиров носили сюртуки и вместо того, чтобы обмениваться письменными отношениями, ограничивались самыми обыкновенными устными переговорами».

Само Министерство финансов состояло из ряда Департаментов. Витте старался вникнуть в работу каждого, чтобы «определиться» в нем. Сергей Юльевич, зная по опыту, как много значит личность руководителя, стремился строить собственную кадровую политику, подыскивая на ведущие должности, прежде всего начальствующие, своих единомышленников, инициативных и талантливых чиновников.

Одним из основных министерских департаментов являлся департамент торговли и мануфактуры. Во главе его стоял некто Бер, «почтенный старичок, довольно опытный чиновник, но в общем ничего собою не представляющий». Его лично знал император по той причине, что Бер был главой дома призрения бедных детей. Дом призрения имел в своем распоряжении два училища: мужское — цесаревича Николая, и женское — императрицы Марии Александровны. И сам монарх, и члены семьи Романовых часто посещали столичный дом призрения бедных детей в благотворительных целях.

Витте понимал, что ждать желаемого от Бера, как начальника департамента торговли и мануфактуры, ему не приходится. Поэтому когда тот вскоре умер, министр настоял перед государем на собственной кандидатуре. Это был «человек весьма талантливый», будущий председатель российского Технического общества Владимир Иванович Ковалевский. И положение дел в учреждении сразу изменилось к лучшему.

В ведение министерства входила Палата мер и весов. Начальником ее был выдающийся русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев. Витте стал оказывать ему всякую поддержку, прежде всего в научных изысканиях.

Департаментом железнодорожных дел руководил Максимов, которого Витте знал по совместной работе в Тарифном комитете. Это был способный и энергичный руководитель, но, к сожалению, обладавший страстью «пускаться в различные» аферы,

теряя при этом чувство реальности. Когда он окончательно «запутался» в деле постройки железной дороги, которую вел «миллионщик» Мамонтов, то Сергей Юльевич настоял на том, чтобы Максимов для спасения своей репутации подал в отставку, что им и было сделано.

Отвечал министр финансов и за работу Государственного банка. И здесь Витте сделал перестановки. Когда управляющий банком Жуковский стал сенатором, на его место был назначен директор кредитной канцелярии Плеске. А в свою очередь на его ответственную должность — «гениальный человек большого ума и математического образования» Малишевский — поляк, но не исповедовавший националистические взгляды, а действительно верноподданный российского государя.

Он прославился тем, что составил все расчеты для общего Устава эмеритальных касс русских железных дорог, за что получил чин статского советника и орден Святого Владимира 3-й степени. В то время такая высокая награда для чиновников ранга Малишевского (он был в то время начальником контроля сборов Юго-Западных дорог) являлась «совершенно исключительной».

От деятельности кредитной канцелярии во многом зависело благополучие в деятельности Министерства финансов. Витте верил в способности Малишевского. Во-первых, он был благодарен в том отношении, что не мог «ввести казну в какой-нибудь ущерб». И во-вторых, министр мог вполне положиться на его математические кредитные расчеты, поскольку их автор хорошо знал финансовое дело во всех его гранях.

Вице-директором кредитной канцелярии был назначен (по предложению тогдашнего главы Кабинета министров Николая Христиановича Бунге) молодой человек И.П. Шипов. Он был известен тем, что перевел с французского языка на русский популярную книгу о финансисте Джонло, который ввел во Франции кредитные билеты. Книга имела успех у читателей; сам Витте дал ей высокую оценку.

Министерское начальство в Шипове не ошиблось: он в скором времени стал директором Департамента казначейства и участвовал вместе с Витте в мирных переговорах, проходивших в американском Портсмуте. Министра в нем не устраивало, пожалуй, только одно: Иван Павлович Шипов «вообще не имел

государственных взглядов». Но зато являл собой образец не просто исполнительного, а еще и талантливое чиновника. То есть на него можно было положиться при исполнении самого многотрудного поручения, не подвергая его действия излишнему контролю.

Во многом благодаря таким качествам Шипов дослужился в 1904 году до поста министра финансов. Правда, уже на следующий год ему пришлось оставить этот многозначный пост. При Столыпине Шипов опять неудачно возглавил на короткое время Министерство, на этот раз торговли и промышленности. Закончил он свою служебную карьеру членом Государственного совета.

Император Николай II не жаловал министра И.П. Шипова по той причине, что не любил людей, которые не смотрят ему в глаза. Однако «малый с хитрецей» не мог смотреть в глаза самодержца потому, что у него не все было ладно со зрением. Государь узнал об этом поздно. Только тогда его отношение к личности Шипова изменилось в лучшую сторону.

Первое время глава российского правительства относился к деятельности нового министра финансов с повышенным вниманием. Опытный государственный откровенно боялся, что Витте начнет увлекаться печатанием бумажных денег, и тогда ассигнациям будет угрожать обесценивание. Но Сергей Юльевич был против такого подхода к финансовому делу в стране: уже тогда он задумал восстановить в Российской империи золотое обращение.

По действующему положению о Кабинете министров, проекты, разработанные в его подразделениях, подлежали обсуждению и утверждению в Государственном совете. Витте пришлось выдержать на его заседаниях не один «бой» со своими оппонентами. Впервые он столкнулся с таким противодействием при принятии проекта об ответственности хозяев фабрик и промышленных заведений перед рабочими и их семьями, терявшими часто единственного кормильца, за смерть или увечья на частном производстве.

Этот проект был составлен еще при министре Вышнеградском. «Пробивать» же законодательный проект в Государственном совете пришлось Витте, который усмотрел в предлагаемых мерах известную долю справедливости во взаимоотношениях

хозяев-работодателей и нанятых ими работников. Однако на заседании Государственного совета проект нового закона встретил сильную оппозицию.

Ее главой оказался ни кто-нибудь, а сам Константин Петрович Победоносцев, известный оратор и яркий монархист, бывший обер-прокурор Синода, долгое время имевший большое личное влияние на императора Александра III. С ним считался не только сам государь, но и великие князья семьи Романовых. В своем пространном выступлении Победоносцев усмотрел в предлагаемом проекте «симпатии к различным социалистическим идеям». И договорился до того, что социалистические идеи входят в сознание нынешнего правительства.

Победоносцев видел в отношениях между хозяевами и работниками «совершенно патриархальные отношения». Он заявил, что Министерство финансов через принятие такого проекта задумало создать в России пролетарство, то есть «рабочих-пролетариев, кочующих с одной фабрики на другую, не имеющих никакого твердого пристанища». И что подобное явление таит в себе известную опасность для внутреннего спокойствия империи.

Витте, присутствие которого на заседании Государственного совета было обязательным, видел, какое впечатление произвела на многих сенаторов речь Победоносцева, яркая в выражениях и пугающая в предсказаниях. Тогда Сергей Юльевич взял ответное слово и сказал:

— Хотя я и не разделяю мнения Константина Петровича, я готов взять этот проект обратно, для того, чтобы еще раз его обсудить. И принять во внимание те замечания, которые были по нему сделаны.

Проект большинством голосов, без ожидавшегося возмущения главы финансового ведомства, был отозван на доработку. Такой не частый случай, естественно, не прошел без должного внимания председателя Государственного совета великого князя Михаила Николаевича. Он незамедлительно доложил обо всем случившемся краткой запиской императору Александру III. Тот на ближайшем докладе министра финансов (такие доклады делались по пятницам) спросил Витте:

— Почему вы взяли обратно проект об ответственности фабрикантов перед рабочими из Государственного совета?

— Ваше Императорское Величество. Это не мой проект, а Вышнеградского. Против такого проекта очень восстал Победоносцев. Поскольку авторитет его в Государственном совете огромен, я не считал возможным с ним спорить. А проект я взял назад для того, чтобы хорошенько его изучить лично.

— Вы поступили правильно со своей стороны. Однако я считаю, что закон об ответственности фабрикантов перед рабочими за смерть и увечья должен заработать как можно скорее. А что касается Победоносцева, то я уже давно перестал слушать его советы

Министру финансов с самого начала своей деятельности пришлось заниматься таможенной протекционной политикой. В последний год своего правления И.А. Вышнеградский ввел и строго следил за исполнением протекционного и систематического таможенных тарифов. Однако Витте нашел в них много изъянов, от которых страдала не только государственная казна, но, внешнеполитическое положение страны. К тому же он видел, что при всей своей одаренности на финансовом поприще Вышнеградский не проявлял должной решительности при защите державных интересов России.

Сергею Юльевичу было достоверно известно, что продукция германской промышленности многие годы пользовалась в России массой финансовых, то есть протекционных льгот. Многие немецкие товары ввозились в российские пределы вообще без всяких пошлин, от чего страдала не только государственная казна, но и отечественная промышленность, которая порой не выдерживала конкуренции с беспошлинными товарами из Германии.

Причина крылась в великом германском канцлере Отто Эдуарде Леопольде Бисмарке фон Шенхаузене. Именно благодаря его дипломатическим трудам и известной настойчивости в конце правления императора Александра II и в начале правления его наследника Александра III стали делаться протекционные ставки в отношении немецкого чугуна и железа и изделий из них. А Россия, как известно, еще с петровских времен обладала собственной развитой металлургической базой, полностью обеспеченной собственным сырьем. А русская сталь была не хуже прославленной шведской.

Витте реалистически относился к перспективам торгового сотрудничества России со своим ведущим партнером в лице Германии. Поэтому, став министром финансов, он прямо и открыто заявил, что протекционизм в отношении немецких товаров давно стал ахиллесовой пятой российской внешней торговли.

Витте, сменив на посту главы финансового ведомства И.А. Вышнеградского, взял более решительный и, даже можно сказать, жесткий курс в отношении заключения такого торгового договора с Германией, который бы защищал интересы России. То есть он выступил как последовательный и убежденный сторонник национальной торгово-промышленной политики. В основу своей практической деятельности Сергей Юльевич положил три принципиальных положения: покровительственный тариф, выгодные для государства торговые трактаты и соответствующий им строй железнодорожных тарифов.

Император полностью одобрил такую политику нового министра финансов. Александр III всецело одобрял деятельность Витте. А тот, имея такую поддержку, действовал более решительно: ответная реакция его берлинских коллег не заставила себя долго ждать.

Тогда фон Бисмарк, встретившись «на водах» в Карлсбаде (современных чешских Карловых Варах) с влиятельным российским дипломатом Николаем Карловичем Гирсом, предупредил его, что Германия, со своей стороны, может принять адекватные меры по установлению протекционизма в отношении русского сырья и продукции сельского хозяйства. Грозя, канцлер откровенно хитрил, поскольку обложение пошлинами товаров, и прежде всего сельскохозяйственной продукции, из России в Германии уже шло. Витте об этом было известно давно.

Когда Гирс, в свою очередь, обговорил этот вопрос с министром финансов, то Сергей Юльевич посоветовал опытному дипломату при повторной встрече напомнить Отто Бисмарку события менее чем столетней давности. А именно союзническое участие России и Прусского королевства в антинаполеоновских войнах. Тогда, в начале XIX века, «значительными ручьями русской крови» была скована дружба российской и прусской династий, и Россия была причастна к появлению на свет Германской империи, основой которой стала именно Пруссия. И что об

этом не следует забывать, хотя именно Александр III повернул «политические паруса по направлению к Франции».

Берлин, собственно говоря, вводил максимальные таможенные пошлины только на товары тех стран, с которыми не имел торговых договоров. Минимальные — для тех, с кем такие договоры имелись. Россия имела с Германией столь тесные династические связи, что длительное время эти два государства в таких договорах просто не нуждались: очень многое решалось на основе личного общения двух монархов. С приходом Бисмарка, которому император Вильгельм II полностью доверял, к вершинам правительственной власти все в корне поменялось.

В результате таможенной политики правительства Бисмарка получилось, что едва ли не единственная страна, а именно Российская империя, была подвержена максимальным пошлинам. То есть речь шла о ничем не прикрытой дискриминации государства-соседа. Торговые отношения между двумя соседними странами стали развиваться в русле таможенной войны.

Германия была основным торговым партнером России: на ее долю в то время приходилась почти четвертая часть русского экспорта и треть импорта. Германия опережала здесь Великобританию, Францию и Австро-Венгрию, динамично наращивая внешнеторговые обороты со своим соседом на Востоке. Других значительных торговых партнеров у России не было. С США ее, к примеру, связывал практически единственный товар — хлопок, который импортировался в значительных объемах.

Со странами других континентов, не европейскими, Россию связывали слабые торговые отношения. Причина крылась не в том, что ей нечем было торговать, а в слабости русского торгового флота. По количеству и тоннажу паровых судов Россия занимала последнее место среди великих держав, уступая даже Австро-Венгрии и Италии. Аренда (фрахт) же судов других стран стоила достаточно дорого и большого экономического эффекта тогда не давала.

Это было основной причиной и того, что торговля и с азиатскими странами развивалась замедленными темпами. Главными российскими торговыми партнерами в Азии продолжали оставаться Китай и Иран (Персия). Главными экспортными товарами для Китая являлись хлопчатобумажные ткани, кожи, керосин и пушнина. На иранском рынке видное место занимали та-

кие русские товары, как те же хлопчатобумажные ткани и керосин, а также сахар, металлы и изделия из них. Но экспорт был невелик: в 1894 году в Иран вывозилось товаров на 12,2 миллиона рублей, в Китай — всего на 4,5 миллиона рублей.

В эпоху Витте экономика России, особенно ее промышленность, развивалась опережающими темпами. Однако в мировом торговом обороте ее удельный вес составлял всего 3,5—3,9 процента, и она делила 7—8 места с Австро-Венгрией, уступая даже таким небольшим, но хорошо развитым в промышленном отношении европейским государствам, как Нидерланды (Голландия) и Бельгия. Половину российского экспорта составлял хлеб. Второе место в экспортном списке традиционно занимал лес русского Севера, затем следовали нефтепродукты и сахар.

Российский импорт имел совсем другую картину. Основными товарами ввоза были: хлопок, машины, металлы и изделия из них, шерсть, красители для тканей и продукция химии, высококачественный уголь (английский «кардифф»).

О таком раскладе российской внешней торговли в Берлине были прекрасно осведомлены. В том, собственно говоря, большого секрета не было. Главным экспортным товаром Российской империи был и оставался хлеб. Вывоз его наращивался с каждым годом, исключая неурожайные сезоны. В конце 80-х годов XIX столетия доля России в мировом экспорте зерна достигла максимальной цифры и составляла 47 процентов совокупного ввоза на мировой хлебный рынок. А Германия традиционно являлась главным покупателем русского зерна.

Германия обложила максимальными пошлинами русский хлеб, который ввозился ею в большом количестве. Витте был среди тех министров, которые настояли на ответной мере. Теперь введенный протекционный тариф стал защищать русскую национальную промышленность, прежде всего металлургическую и горнорудную. Установление Россией в 1891 году «защитных» таможенных пошлин на немецкие чугун, сталь и изделия из них положили взаимное недовольство Берлина и Санкт-Петербурга. Политика оставалась политикой, а финансовые интересы оказались выше.

Российское правительство завязало с противной стороной торговые переговоры. Они начались одновременно и в Санкт-Петербурге, и в Берлине. Потом Витте скажет о них, что они

велись «довольно безжизненно и неэнергично». Когда Сергей Юльевич возглавил министерство финансов, он настоял перед государем на том, чтобы ведение торговых переговоров было передано в его руки. И сразу переговорный процесс пошел по иному руслу.

Теперь переговоры проходили под непосредственным контролем главы финансового ведомства. Они шли мимо Министерства иностранных дел и российского посольства в Берлине. При этом Витте пришлось противостоять серьезной оппозиции в самых различных столичных кругах. Он понимал неизбежность этого, поскольку нарушил привычный, архаичный ход вещей.

Российско-германская таможенная баталия стала предметом заинтересованного внимания в столицах ведущих государств Европы. Такое случайным не было: огромный внешний рынок России, ее сырьевые ресурсы выглядели весьма заманчиво и перспективно. Поэтому фамилия С.Ю. Витте замелькала на газетных и журнальных страницах. И, разумеется, чаще всего в немецкой прессе.

Ведение переговорного процесса находилось в руках полномочных послов двух конфликтующих стран. Германию на берегах Невы представлял посол генерал Вердер, в Берлине вел переговоры российский посол генерал-адъютант граф П.А. Шувалов, которого любили и император Вильгельм II, и его наследник.

С «легкой руки» Витте посол Шувалов получил для ведения торговых переговоров хорошего помощника в лице Василия Ивановича Тимирязева, будущего министра торговли и промышленности. В то время он являлся вице-президентом Департамента торговли и мануфактур. Тимирязев повел в прусской столице переговоры с завидной настойчивостью, но каждый раз словно наткнулся на глухую стену: немцы были крайне неуступчивы, желая при этом достигнуть как можно более выгодного для них торгового договора, сами же не делая при этом соответствующих уступчивых шагов, словно забыв о том, что за столом сидели равноправные партнеры. В Берлине явно надеялись, что в России начнут вспоминать о крепких династических связях, и торговля между двумя государствами вновь пойдет, как в старые добрые времена, и чугуну, железу и стали из Силезии и с берегов Рейна на русские рынки опять будет «зеленая улица».

Чтобы оказать давление в ходе торговых переговоров на российскую сторону, германский рейхстаг «информационно шумно» принял новый таможенный тариф с минимальными и максимальными ставками. Последние для огромных поставок сельскохозяйственной продукции из России были просто невозможны. Обложение продуктов русского сельскохозяйственного ввоза было доведено до 100 процентов их стоимости и выше. Интересам экспортеров из России наносился чувствительный удар.

Санкт-Петербургу недвусмысленно «ставился ультиматум»: или наши условия торгового договора, или сверхмерные таможенные пошлины на вашу традиционную экспортную продукцию. Позиция Бисмарка виделась крайне жесткой, и поколебать ее не могли никакие династические связи.

Витте понял, что дальнейший ход торговых переговоров с немцами и в Санкт-Петербурге, и в Берлине заходит в тупик. Он решил действовать «твердо и резко». Он стал убеждать государя в необходимости срочного проведения через Государственный совет утверждения новых таможенных тарифов. При этом существующий тариф 1891 года признавался минимальным, а максимальный касался большинства импортных промышленных изделий, пошлины на которых повышались сразу на несколько десятков процентов. То есть Россия в своей таможенной политике «становилась» на соответствующую позицию Германии.

Император Александр III согласился с предложением министра финансов. И поручил ему сделать проработанное до деталей представление в Государственный совет. На заседании его Особого совещания, состоявшегося 20 октября 1892 года, Витте изложил свою идею «двойного тарифа». При этом он подчеркнул, что повышенные тарифные ставки будут применяться только к тем странам, которые применяли к России открытые дискриминационные меры.

Речь шла только об одном таком торговом партнере — Германии. Министру финансов не приходилось даже называть ее перед сенаторами: вся столица «шелестела» газетными страницами с сообщениями о ходе торговых переговоров за дипломатическим столом. Витте, опираясь на поддержку государя, добился, хотя и не без труда, одобрения своего проекта Государственным советом империи. На первых порах его поддержал там

только один министр внутренних дел И.Н. Дурново. Большинство сенаторов либо склонялось к уступкам Германии, либо призывало занять осторожную позицию, дипломатично предупреждая Берлин о возможности введения двойного обложения.

Сложность торгового противостояния состояла еще в том, что в то время основные иностранные инвестиции в российскую экономику поступали именно из Германии. Время потока французских и бельгийских инвестиций еще не пришло, хотя оно было уже не за горами.

Когда об этом узнали в Берлине, то там переполошились: новые пошлины могли больно ударить по германскому экспорту в Россию. То есть немецкие торгово-промышленные круги лишались заметной сверхприбыли, к которой они уже привыкли и которая давалась им в руки без больших хлопот уже многие десятилетия. Посол граф П.А. Шувалов с откровенной озабоченностью доносил на берега Невы, что могут произойти серьезные дипломатические осложнения и что германский император весьма недоволен ходом событий.

В воздухе Европейского континента со стороны Пруссии стало даже «попахивать порохом». Но император Александр III увидел в замешательстве германской стороны прямое доказательство правоты министра финансов и одобрил его тарифные новации. Но тому даже при такой высочайшей поддержке было не легко совладать с мнением некоторых своих соотечественников из числа высокопоставленных лиц.

Первым «восстал» против «невозможного по резкости тона» предложения Витте российский министр иностранных дел Николай Карлович Гирс, недавно принявший бразды правления МИДом из рук А.М. Горчакова. Он увидел в проекте двойного таможенного тарифа «нечто необычайное», будучи к тому же сильно уязвлен тем, что Витте по этому вопросу с ним не пожелал посоветоваться, составив проект решения Государственного совета только в стенах подчиненного ему финансового ведомства.

Действительно, Гирсу было от чего обидеться, поскольку ломались традиции принятия важных законодательных решений. Да еще когда речь шла о внешней политике империи. В Министерстве иностранных дел стоял, как писали современники, «пол-

ный переполох», который раз за разом усиливался тревожными берлинскими телеграммами графа Шувалова.

Александр III имел «твердый, прямой и верный характер» самодержавного монарха. Он не обратил внимания на претензии самолюбивого Н.К. Гирса к «развоевавшемуся» государственнику Витте, а послу графу Шувалову дал знать, что всецело находится на стороне министра финансов.

Государственный совет утвердил двойной тариф, хотя при обсуждении этого непростого вопроса высказывались суждения о том, что он может стать причиной дипломатических и даже военных трений с Германией. Однако С.Ю. Витте со свойственной ему решительностью настоял на своем, имея в том деле полную поддержку государя и демонстрируя на европейской дипломатической арене свой завидный «боевой дух».

Когда Государственный совет утвердил двойной таможенный тариф, Витте отозвал Тимирязева из Берлина, тем самым прекратив торговые переговоры. В отношении всех немецких товаров был применен повышенный тариф. Им облагались немецкие товары, которые ввозились и по суше, и морским путем. Германия в ответ еще больше обложила таможенными сборами русские сельскохозяйственные продукты. Сборы с некоторых из них теперь превышали их стоимость.

Так в Европе разгорелась нешуточная таможенная война, беспощадная и все усиливающаяся. Ее вели два великих государственных деятеля той эпохи: с одной стороны, российский министр финансов С.Ю. Витте, с другой стороны — германский канцлер Бисмарк. Та война стала нестареющим материалом для многих исследований в области финансовой и торговой политики. Сергей Юльевич писал в мемуарах;

«Я отлично понимал, что мы в состоянии гораздо легче выдержать этот бескровный бой, нежели немцы. Потому что вообще в экономическом отношении мы гораздо более в состоянии снести, гораздо более выносливы, нежели немцы. Так как всякая нация, менее развитая экономически и, кроме того, всякий экономический быт, менее развитый, при таможенной войне, конечно, менее ощущает потери и стеснения, нежели нация с развитой промышленностью и с развитыми экономическими оборотами».

Ведя таможенную войну с германской стороной, Витте нажил много недоброжелателей при дворе, где всегда, начиная с

петровской эпохи, было много влиятельных сановников-аристократов с немецкими графскими и баронскими фамилиями. О Сергее Юльевиче шептались, его укоряли в том, что благодаря его «легкомыслию» все может обернуться настоящей войной с прусской короной, которая перерастет в войну общеевропейскую. Фамилия Витте постоянно мелькала в частной переписке, в дневниковых записях. Сергей Юльевич вспоминал:

«Всюду шли толки о том, что вот я, с одной стороны, благодаря своему неудержимому характеру, а с другой стороны — молодости и легкомыслию втянул Россию чуть ли не в войну с Германией».

Единственным человеком в Кабинете министров, который всецело встал на сторону Витте в «таможенной войне», был военный министр генерал от инфантерии Петр Семенович Ванновский, один из наиболее прославленных военачальников Русско-турецкой войны 1877—1878 годов, командуя на полях Болгарии Восточным отрядом. В конце своей жизни боевой 79-летний генерал, награжденный за боевые заслуги многими российскими и иностранными орденами, стал на один год министром народного просвещения.

Военный министр П.С. Ванновский настаивал на твердости и решительности в таможенном противостоянии, говоря, что «иначе мы будем находиться под постоянным гнетом немцев». Его твердость суждений в области внешней дипломатии легко объяснялась. Он выражал не только свою личную позицию, но и позицию генералитета русской армии, немалая часть которого явственно видела в воинственно настроенной Германии будущего противника русской армии на полях сражений в Европе.

Мнение главы авторитетного силового ведомства в проходивших дебатах значило достаточно много. Ванновский относился к ближайшему окружению императоров Александра III и Николая II, выступая в роли военного советника на регулярных маневрах войск столичного, Киевского, Варшавского и Виленского военных округов. Военный министр относился к числу противников сближения России с Германией в любой сфере внешних сношений: политической, экономической и, разумеется, военной.

Разумеется, борьба в министерском Кабинете, пересуды при дворе не являлись большим секретом для императора. Александр III прекрасно понимал, что Витте отстаивает российские инте-

рессы, и потому поддерживал его действия «совершенно». Монарх предпочел занять выжидательную позицию, отдавая продолжение торговых переговоров на «откуп» министру финансов.

Берлин повел себя после принятия российской стороной двойного таможенного тарифа так, как и предвидел С.Ю. Витте. Сначала там заявили, что прерывают торговые переговоры вплоть до «уничтожения Россией репрессивных мер к немецким товарам». Но вскоре после этого правительство Бисмарка заявило, что оно согласно на продолжение переговоров, выставив вновь категоричные требования, лишь слегка подкорректировав их.

Германия представила свои соображения в полном объеме только в феврале 1893 года. Берлин соглашался принять за основу торговых отношений с Россией принцип наибольшего благоприятствования, но одновременно добивался очень значительного понижения ставок тарифа 1891 года почти по 80 пунктам. Они должны были быть понижены на 40, 60, 80 и более процентов. Требовалось также понижение финляндского тарифа.

Предусмотрительный С.Ю. Витте это предвидел и был готов пойти на уступки в разумных пределах. В станах Министерства финансов уже разрабатывались предложения на понижение ставок русского тарифа. Такой заранее выверенный шаг делал честь Сергею Юльевичу как большому дипломату. Следует заметить, что эти достоинства его выдающейся личности уже в то время не оставались незамеченными.

Проанализировав соображения немецкой стороны, С.Ю. Витте заявил, что согласие с ними равносильно «совершенной отмене покровительственного тарифа 1891 года». При этом он признавал, что «торговое соглашение с Германией имеет, помимо экономического, первостепенное политическое значение».

Особое совещание одобрило позицию министра финансов и отметило его твердость в установлении равноправных и справедливых торговых отношений с Германией. Намечено было дать согласие на понижение германских пошлин по 56 пунктам на общую сумму свыше 30 миллионов рублей. Император Александр III одобрил это мнение, о чем через посла графа Шувалова было сообщено немецкой стороне.

Упорство российской стороны в таможенной войне с Германской империей во многом объяснялось благоприятной для нее экономической конъюнктурой. В 1893 году по почти всей

стране был собран богатый урожай. Отечественная промышленность вступила в фазу нового подъема. В таких условиях сокращение германского импорта удалось возместить без заметных потерь импортом из других европейских государств. Правительство смогло принять ряд мер к облегчению положения владельцев хлеба, предназначенного на экспорт. Так, Министерство финансов ввело в интересах крупных производителей товарного зерна более льготные условия выдачи денежных ссуд под хлеб.

Уже в самом начале возобновившихся торговых переговоров Витте отменил максимальное обложение таможенными пошлинами немецкого чугуна и стали и изделий из них. Германская сторона в ответ поспешила сделать то же самое в отношении русских сельскохозяйственных товаров, в первую очередь хлеба. После этого торговые переговоры пошли «гораздо успешнее». Теперь российский посол слал из Берлина телеграммы самого благожелательного характера, явно настроившись на мирный лад затянувшихся переговоров за круглым столом.

В отношении германских промышленных товаров стали применяться российской таможенной службой тарифные ставки, которые были умереннее испрашиваемых Германией. Однако в полном объеме они не сообщались противной стороне: Витте хотел обеспечить себе известный резерв для компромисса в ходе самих переговоров. Это был разумный, полностью оправдавший себя шаг.

Теперь переговоры в Берлине велись новым канцлером (О. Бисмарк сменил его заместитель Л. Каприви) и статс-секретарем по иностранным делам Маршалом. С российской стороны — послом графом Шуваловым, Тимирязевым и ответственными чиновниками Министерства финансов. Они исполняли инструкции Витте (им была создана экспертная комиссия), все решения принимая только с его письменного или телеграфного согласия. Тот, в свою очередь, информировал обо всем государя. Сергей Юльевич, вспоминая о тех днях, отдавал должное послу России в Германии:

«Когда германское правительство уступило, то, нужно отдать справедливость графу Шувалову, он сознался, что был не прав, когда уверял и страшал государя, что таможенная война приведет к дипломатическому разрыву. Что был прав я, когда утверждал и был уверен, что, наоборот, если мы покажем зубы, то

Германия сразу смирится и начнет вести переговоры совсем в другом тоне».

Так, благодаря министру финансов С.Ю. Витте, на свет появился первый торговый договор между Россией и Германией. Он охватывал не только торговые и экономические интересы двух соседей, но и политические. Если российский Государственный совет затвердил его с известным облегчением, то в берлинском рейхстаге многие депутаты говорили, что это ущемление интересов страны. Но все же немецкой стороне в строительстве торговой политики в отношении России пришлось сделать значительные уступки.

В ходе берлинских переговоров Витте нашел способ повлиять на нового немецкого канцлера Л. Каприви. Тот «попался» на распушенный противной стороной слух, что в случае неудачи переговоров царское правительство запретит выход польских сельскохозяйственных рабочих (большой частью сезонников) из России в Восточную Пруссию. То есть тамошние помещики лишились значительной рабочей силы. Такая мера могла больно ударить по карману местного дворянства-юнкерства, с чем в Берлине, столице Германской империи и Прусского королевства, не считаться просто не могли.

Государственный совет Российской империи одобрил двойной тариф. 13 июня 1893 года был опубликован закон о его введении. Это было большой личной победой министра финансов. 20 июня закон вступил в силу: в Берлине увидели в нем соблюдение части германских торговых интересов, и на том таможенная война между двумя державами взаимно прекратилась.

Экономические и политические издержки этой войны заставили верхи двух империй искать компромиссное решение. 3 октября 1893 года в Берлине наконец открылась конференция по выработке торгового договора между Россией и Германией. Переговоры носили затяжной характер, поскольку глубина противоречий виделась разительной. 29 января 1894 года стороны подписали между собой договор о торговле и мореплавании.

В вопросе о сроке действия договора победила германская точка зрения. Он был заключен на десять лет. Витте же предлагал вообще не устанавливать срока, а предоставить каждой стороне право денонсировать соглашение, предварительно уведо-

мив друг друга за один-два года. Зато российской стороне удалось отстоять прежний высокий уровень финляндского тарифа.

Итогом таможенной войны двух соседних европейских держав стали взаимные уступки. По стоимости они примерно уравновешивали друг друга. Но только при условии поддержания прежнего объема внешней торговли. Однако теперь условия товарообмена базировались на принципах взаимности и наибольшего благоприятствования.

Российская сторона в ходе трудных дебатов пошла на «веские аргументы» внешнеполитического характера. Начало конференции совпало с визитом русской военно-морской эскадры во французский порт Тулон. Как засвидетельствовало недалекое будущее, это был исторический шаг. Санкт-Петербург недвусмысленно показал Берлину, что в случае дальнейшего обострения российско-германских отношений Россия будет искать во Франции стратегического партнера. И действительно, вскоре произошло юридическое оформление русско-французского военно-политического союза, ставшего основой Антанты.

Чтобы «взбодрить» дальнейший переговорный процесс и сделать противную сторону более уступчивой, российский министр финансов дал в сентябре 1894 года репортеру «Берлинер берзен курир» интервью. Оно больше напоминало интервью официального представителя МИДа:

«Было бы грубою ошибкою думать, что Россия готова ради Франции нарушить мир или одобрить нарушение мира. Если Франция начнет войну или вызовет ее, то Россия не будет на ее стороне. Точно так же Россия не стала бы на сторону Германии, если бы последняя вызвала войну или начала бы ее».

Даже получив поздравления императора Александра III, Витте, однако, не считал заключенный торговый договор «обоюдновыгодным», но вполне справедливым. В Германии же увидели в нем «полное разочарование», от которого немецкая казна заметно поскуднела. Канцлер Каприани за заключение торгового договора с Российской империей был возведен в графское достоинство и сразу после этого торжества получил полную отставку. Что, впрочем, большой неожиданностью не оказалось. Его сменил на посту канцлера князь Гогенлоэ.

Российский министр финансов, получив на то высочайшее разрешение, направил императору Вильгельму II личное пись-

мо с изъявлением благодарности за содействие успешному ходу торговых переговоров. Письмо, естественно, начиналось с титулов коронованного адресата:

«Императору Германскому, королю Прусскому, маркграфу Бранденбурга, бурграфу Нюрнберга, графу Гогенцоллерну, первому герцогу и сюзерену Силезии, графу Глаца, Великому герцогу Бас-Рейнскому и Позенскому, герцогу Саксонии, Вестфалии и Энгернскому, Померании, Люненбурга, Шлезвига и Гольштейна, Магдебурга, Бремена, Гюльдерского, Клевского, Юлихского и Бергского, а также Вендеса и Касубеса, Кроссена, Лауенбурга, Мекленбурга, ландграфу Гессена и Тюрингии, маркграфу Верхне- и Нижнелюсакскому, принцу Оранскому, сеньору Рюгена, Восточной Фризы, Падерборна, Пирмонта, Хальберштадта, Мюнстера, Миндена, Оснабрюка, Хильдесгейма, Вердена, Каммина, Фульды, Нассау и Мерса, владельческому графу Хеннеберга, графу Марша и Равенсберга, Хохенштейна, Текленбурга, Лингена, Мансфельда, Зигмарингена и Верингена, сеньора Франкфурта и прочая».

Злые языки в Берлине потом говорили, что российский министр финансов таким образом съязвил немецкой стороне: в Германии издавна с насмешкой относились к полному титулу русского царя. Оказалось, что в официальном титуле германского монарха слов было не меньше.

Император Александр III публично высказал Сергею Юльевичу немало слов благодарности по случаю заключения торгового договора с Германией. Государь ожидал, что министр финансов может заговорить с ним о каком-нибудь «отличии» для себя. Что другие министры, не особо шепетильные, порой и делали. Но Сергей Юльевич своей просьбой на этот счет несколько удивил государя:

— Ваше императорское величество, единственное, о чем я вас могу просить, так это о награде за договор немецкому императору Вильгельму.

— Почему именно ему, а не вам, Сергей Юльевич?

— Вчера у меня был германский посол, который ясно намекнул в разговоре, что его императору было бы очень приятно получить и звание русского адмирала, и русскую адмиральскую форму. Вильгельм считает ее очень красивой.

Александр III воспринял такую необычную просьбу с присущей его лицу добродушной улыбкой (он был, в отличие от императора Вильгельма II, чужд всякого «декоративного самолюбия»). Он ответил Витте:

— Я ваше желание исполню, и при первом же соответствующем случае я дам императору Вильгельму форму русского адмирала. Признаю, что в данном случае он действительно вел себя чрезвычайно корректно. Я в первый раз увидел, что действительно он искренне желает не вполне с нами разойтись.

Вскоре после этого разговора император Александр Александрович умер. Ему так и не пришлось одарить германского монарха формой и званием русского адмирала.

Сразу же после воцарения Николай II имел обстоятельную личную беседу с человеком, который возглавлял, и не без заметного успеха, финансовое ведомство империи династии Романовых. Среди прочего, Витте рассказал новому самодержцу об обещании его усопшего отца. Николай II молча выслушал Сергея Юльевича, улыбнулся, но ничего не ответил. По всей видимости, у него были свои мысли на этот счет: в семье европейских монархов отношения к числу простых назвать было трудно.

Впрочем, впоследствии сын выполнит отцовское обещание. Перед самой русско-японской войной всероссийский государь одарит немецкого императора Вильгельма II приглянувшейся ему формой русского адмирала. До Порт-Артура и Цусимы она имела большой престиж в европейских морских государствах.

Впрочем, возведение германского императора и прусского короля Вильгельма II в чин адмирала Императорского Российского флота было лишь частью «единения» дворов Санкт-Петербурга и Берлина в военной области. Лейб-гвардии Санкт-Петербургский (пехотный) полк носил имя наследника императора немецких земель — короля Фридриха Вильгельма III. Правда, с началом Первой мировой войны этот гвардейский полк будет переименован в Петроградский, поскольку город на Неве станет Петроградом.

Вообще, с легкой руки последних Романовых, немало русских полков носили имена немецкой аристократии. Так, 8-й гренадерский Московский полк — имя великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха. 6-й пехотный Либавский полк — имя

принца Фридриха Леопольда Прусского. 67-й пехотный Гарутинский полк — имя великого герцога Ольденбургского. 85-й пехотный Выборгский полк — имя императора германского Вильгельма II. 10-й драгунский Новогородский — имя короля Вюртембергского. 14-й драгунский Малороссийский полк — имя наследного принца Германского и Прусского.

Император Николай II «неласково» обошелся с полками, которые носили имена прославленных героев Отечественной войны 1812 года. 4-й пехотный Капорский полк (бывший графа Коновницына) стал носить имя короля Саксонского. 14-й драгунский Малороссийский полк — имя наследного принца Германского и Прусского. 6-й гусарский Клястицкий полк (бывший генерала Кульнева) — стал великого герцога Гессенского Эрнста-Людвига. 11-й гусарский Изюмский полк (бывший генерала Дорохова) — получил имя принца Генриха Прусского.

Отсюда «неплохо видно», что нешуточный таможенный конфликт между Россией и Германией на династические отношения между двумя императорскими домами повлиял мало. Лично между собой монархи Европы предпочитали не ссориться, поскольку они составляли одну семью. Это немаловажное обстоятельство и дало повод Сергею Юльевичу Витте особо заметить в своих мемуарах:

«Такой мой дебют на мировой сцене очень всех в Европе удивил».

Бисмарк, политик и государственный деятель в истории действительно великий, по достоинству оценил нового министра финансов России. Спустя некоторое время после подписания торгового договора, Санкт-Петербург посетил известный германский писатель и публицист Гарден, человек близкий к ушедшему в отставку «железному» канцлеру. Он передал Витте слова, сказанные о нем Бисмарком:

— В последние десятилетия я в первый раз встретил человека, который имеет силу характера, и волю, и знание, чего он хочет

— Вы увидите, этот человек сделает громадную государственную карьеру.

Во время дружеской беседы с Гарденом, которая больше походила на дипломатическую, Сергей Юльевич имел повод передать бывшему канцлеру Бисмарку слова благодарности:

— Когда вы приедете в Германию и увидите Бисмарка, скажите ему, что мне было очень лестно слышать такой его отзыв, такое его мнение обо мне, а в особенности его предсказания относительно моей будущности. Заключенный с Германией «достойный» равноправный договор 1894 года послужил для российской дипломатии хорошим основанием для заключения торговых договоров с другими государствами. Однако договор имел только 10-летний срок действия, но с правом возобновления.

Когда С.Ю. Витте станет главой Кабинета министров, ему придется вновь вести торговые переговоры с Германией. Будет это уже в ходе войны с Японией. Трудность их состояла в том, что в Берлине настойчиво «давали понять» российской стороне, что ее западные рубежи оголены переброской части войск приграничных военных округов на поля Маньчжурии. То есть в ходе торговых, по своей сути коммерческих, переговоров в воздухе над Европой откровенно «попахивало военным шантажом».

Угроза произносилась берлинскими дипломатами без всякой ссылки на давнее, традиционное партнерство. И с ней России пришлось тогда считаться. Поэтому новый торговый договор с Берлином уже трудно было назвать «достойным» для России, и даже просто взаимовыгодным. Витте скажет после с известным откровением:

— На подписание нового торгового договора повлияли обстоятельства крайне плачевные. Печальные вследствие безумной японской войны..

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ РЕФОРМЫ, ИЗМЕНИВШИЕ ЛИЦО РОССИИ

1

СУДЬБА РУССКОЙ ВОДКИ. ПИТЕЙНАЯ МОНОПОЛИЯ ВИТТЕ

Став во главе финансового ведомства, С.Ю. Витте теперь доподлинно знал все «реки и речушки», наполнявшие из года в года государственную казну. О ней (казне) ему и предстояло в первую очередь печься, за что он и взялся, на удивление многим, весьма основательно. Одним из самых «полноводных потоков» денег в казну давала существовавшая тогда акцизная система производства и реализации спиртных напитков. В России пили много, и государство (но не общество!) от этого страшно выигрывало.

Шутка ли сказать, но львиную долю поступлений в бюджет Российской империи давали производство и продажа водки. Доход от этого достигал примерно четверти всех бюджетных поступлений, отличался устойчивостью и постоянной перспективностью к ежегодному росту. Витте, как министр финансов, не мог пройти мимо возможностей увеличения поступлений в казну по этой статье.

Сам С.Ю. Витте относился к лучшему числу прирожденных аналитиков, которые ответственно относились к доверенному

им делу. Ему не составило труда выяснить динамику поступлений от продажи алкоголя. После ряда лет устойчивого увеличения поступлений в казну, по этой статье доход стал падать. Если в 1894 году прирост составлял 36 миллионов рублей, то в следующем году доход увеличился только на 458 тысяч рублей. Этот «тревожный для российского бюджета» факт министр финансов констатировал так:

«По-видимому, — писал он, — питейный доход дошел до пределов, за которым дальнейший рост его возможен лишь в пропорциональном отношении к увеличению народонаселения, а также при расширении самого потребления напитков».

При С.Ю. Витте акцизная система пришла на смену откупной. Она была известна не только в России, но и во многих европейских странах. Витте, приняв портфель министра финансов, уже имел достаточное представление о сильных и слабых сторонах акцизной системы питей. Она давала относительную свободу производителям спирта и водки, но государственную казну в желаемой мере не устраивала. К тому же неизвестная, но немалая часть чистых доходов утекала в карманы производителей «самопала», то есть предприимчивых самогонщиков.

Новая система состояла собственно с акцизных сборов с галлона или 1/100 ведра безводного спирта, особых сборов за переделку спирта в водочные изделия и патентного сбора в виде промыслового обложения. При акцизной системе, предложенной Витте, винокурение оставалось в частных руках. Однако готовый сырой спирт приобретался исключительно государственной казной и по ценам, которые устанавливало Министерство финансов.

При этом правительство регулировало годовой объем производства спирта в стране. Оно же распределяло его по водочным заводам на основе особого положения. При этом спирт-сырец, выкуренный сверх нормы, разрешалось вывозить за границу, но опять же в объемах, установленных сверху.

Государственная монополия на алкоголь особенно больно ударила по помещикам Прибалтики и западных губерний. Они с давних пор обладали феодальным правом торговать водкой и вином в своих имениях. И это право давало им немалые доходы. Их возмущение утратой части личных доходов было столь вели-

ко, что казне пришлось пойти на возмещение «потерянной выгоды» из государственных доходов, получаемых от монополизации питейного промысла.

Чтобы понять, сколь много значила для России акцизная система, надо упомянуть хотя бы такой факт. В последние годы правления императора Александра III, с одобрения правительства, в столице и по стране прошло немало так называемых «съездов» производителей спирта, водки и различных вин. Подобные собрания имели цель выработать меры, которые при акцизной системе могли в известной степени не стеснять продажу спиртного. Организаторами подобных «съездов» были водочные короли России: Бекман, Смирнов, Шустов, Тахтамиров, Келлер, Редлих, Гольштейн, Ракитин и другие.

Говоря иными словами, император Александр III и Кабинет министров были озабочены тем, что «народ спивается». И что здесь надо ставить какие-то законодательные преграды. Однако «съезды» действенных мер или хотя бы рекомендаций правительству выработать так и не смогли. А простой люд продолжал спиваться, что не могло не отразиться на нравственном климате российской общественности. Проблема борьбы с пьянством на государственном уровне на рубеже двух эпох в России стояла остро, и разговоров на эту тему в столичных кругах велось много.

Витте не строил в проблеме «питий», то есть ограничения пьянства, особых иллюзий. Но к данной проблеме относился с позиций главного государственного финансиста. Впрочем, и у других европейских министров финансов проблемы были схожие.

Идея Витте (но не он первый высказывал публично такие мысли) состояла в следующем. Государственная монополия не позволяла продавать водку никому, кроме самого государства, а государство могло контролировать объемы производства и тем самым бороться с пьянством среди населения. Оно выступало и как покупатель произведенного в стране вина. Производители спирта — заводчики обязывались производить его столько, сколько заказывала казна.

В своих мемуарах Сергей Юльевич отдал «пальму первенства» в озвучивании этой идеи перед обществом самому императору Александру III. Но, думается, человеком, который конкретизировал ее, являлся сам министр финансов.

Идея Витте вызвала в Государственном совете большой переполох. Говорили, что объявлением государственной монополии на пития в столице незамедлительно вспыхнет восстание «черного люда», что «произойдут в городе волнения, которые могут иметь кровавые последствия». Однако так шумели только те сановники и предприниматели, которые делали деньги на водочном производстве. Именно они — «ватага заинтересованных лиц» — убедили дядю царя великого князя Владимира Александровича, главнокомандующего войсками Гвардии и столичного военного округа, «заступиться» перед монархом за свободу производства и продажи алкоголя в стране.

Однако здесь свое твердое слово сказал император Александр III: он был противником спаивания народа и ратовал за его церковное воспитание. Поэтому он был против бесконтрольного производства водки и прочих крепких вин. Он считал, например, что таким образом Россия может победить безграмотность в своих пределах и повысить общую культуру.

Но монарх после встречи с великим князем Владимиром Александровичем проявил колебание относительно того, вводить винную монополию в столице или нет. Однако доводы министра финансов оказались более убедительными, чем устрашающие слова из уст владельцев водочных заводов Санкт-Петербурга, гостиниц, трактиров и прочих частных распивочных заведений.

Витте устанавливал государственную монополию на производство спиртного с известной осторожностью, откровенно боясь «наломать дров» в этом деле. Он начал с того, что Министерством финансов были произведены соответствующие расчетные прогнозы. Министр финансов не раз информировал о проводимой работе и монарха, и Государственный совет. Особых возражений он не встретил: все были за то, чтобы государственная казна постоянно пополнялась.

Начавшаяся реформа, которая обрела известный размах, потребовала реорганизации самого Министерства финансов. В июне 1896 года его Департамент неокладных сборов был преобразован в Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей. Директор остался прежний — твердый характером Марков из «бывших людей военных». Витте характеризовал

сто как «прекраснейшего, почтеннейшего и выдающегося человека».

Государственная винная монополия в России вводилась высочайшими указами, оспаривать которые частным лицам не приходилось. В виде опытных губерний были избраны четыре: Пермская, Уфимская, Оренбургская и Самарская. Там монополия на алкоголь утвердилась в 1893 и 1894 годах. Результаты опыта превзошли все ожидания, даже надежды самого Витте.

Теперь для министра финансов в деле дальнейшего распространения винной монополии в стране на правительственном уровне уже не было препятствий. Поочередное распространение монополии на другие губернии продолжались до 1902 года. К тому времени она охватила всю Европейскую Россию и часть губерний Западной Сибири (всего 63 губернии и 8 областей). Здесь проживало подавляющее большинство населения страны. На Восточную Сибирь (в том числе и на Дальний Восток) винная монополия распространилась с июля 1904 года.

Реформа по установлению государственной монополии на алкоголь преследовала несколько конкретно поставленных целей. Главной, естественно, являлось увеличение винных поступлений в казну. Другими целями, по заявлениям Министерства финансов, были улучшение качества крепких напитков, то есть подочных, и повышение культуры их потребления.

Последние две цели для С.Ю. Витте не были пустыми фразами, против которых немало ополчилась пьющая и непьющая часть общества. Защищаясь от многочисленных публичных и газетных нападок, обвинявших министра в сознательном спаивании народа, Витте опять обратился к «главному судье» всех спорных дел в стране, то есть лично к самодержавному монарху.

Министр финансов в итоговой докладной записке, датированной 1899 годом, о введении винной монополии в стране пошел на известную хитрость. Он не стал расписывать хорошо известную императору прибыль, уже полученную казной и имевшую твердую тенденцию к росту. Витте акцентировал внимание императора на следующих положениях:

«Потребление у нас алкоголя, сравнительно с другими странами, невелико, но крайне неравномерно. В частной торговле вино и спирт появляются нередко с вредными, расшатывающими плоровье, примесями. Самые условия этой торговли, допускаю-

шей, при неразборчивости в средствах, извлечение из нее наибольших выгод, способствовали укоренению многообразных злоупотреблений, разорвавших низшие классы населения».

В той же всеподданнейшей докладной записке Витте писал, что введение казенной монополии на продажу водочной продукции «не имеет в виду найти источник доходов». Министр финансов утверждал, что главной целью таких немаловажных преобразований является не что иное, как упорядочение винной торговли в стране. То есть, цели кампании по увеличению доходов от питейной статьи в государственную казну, по Витте, выглядели вполне благопристойными и выгодными для общества в целом. Спаивать народ реформатор не собирался: об этом он не раз заявлял публично и громогласно.

Когда осенью 1896 года против главы финансового ведомства разгорелась очередная антиалкогольная кампания, он совершил ряд поездок по стране. Для этой цели были выбраны Смоленская и Могилевская губернии. Поездки имели, прямо говоря, пропагандистские цели. В губерниях и городах, которые Сергей Юльевич посетил, он лично знакомился с ходом винной реформы. Дотошные газетчики освещали ход поездок министра, но теперь нападок на него в прессе становилось все меньше. Его уже не обвиняли во всех алкогольных грехах. Тон статей становился взвешенным и корректным по отношению к личности министра.

После серии таких инспекторских поездок по стране, реформатор дал собственную оценку ходу утверждения государственной винной монополии. По высказываниям самого С.Ю. Витте достижения компании состояли в следующем:

во-первых, казенная монополия привела к несомненному улучшению качества крепких напитков, прежде всего водочных изделий, ассортимент которых поражал своим разнообразием;

во-вторых, улучшение качества водки произошло из-за контролируемого государственными чиновниками процесса очистки крепких напитков от вредных примесей;

в-третьих, такая очистка водки благотворно сказалась на здоровье населения обследованных губерний;

и, наконец, в-четвертых, упорядочение торговли прежде всего водкой способствовало искоренению таких позорных для общества явлений, процветавших при частной торговле, как «пропитие беднейшими классами населения» хлеба, скотины, одежды

и домашней утвари. Для многих семей в стране это было настоящим бедствием.

После инспекционной поездки по губерниям министр финансов составил докладную записку императору Николаю II. В возвышенных и благостных тонах он описывал увиденные им результаты питейной реформы, которая затрагивала «личные» интересы немалой части российского населения:

«Прекращение продажи вина в счет урожая, под заклад или в промен платья, посуды и других вещей возбуждает в крестьянах неподдельное чувство радости, и, осеняя себя крестным знамением, они выражали благодарность Царю-Батюшке, избавившему народ от пагубного влияния дореформенного кабака, разорвавшего население».

Император Николай II, ознакомившись с докладной запиской Витте, начертал на ней собственноручную резолюцию:

«Прочел с удовольствием».

Конечно, все вышесказанное Витте в докладной записке государю больше походило на желаемое, чем на действительность, на прозу жизни тогдашней России. Но все же, вне всякого сомнения, порядок в производстве водочных изделий, их продаже и в самом употреблении крепких напитков наводился. Теперь под контролем беспристрастных акцизных чиновников находились очистка спирта-сырца и изготовление водки, производившейся на многочисленных частных заводах.

Государство само обустроивало свою винную монополию. К 1901 году в стране на казенные средства было построено около 500 винных складов, сооружено более 30 тысяч казенных винных лавок. Кроме того, были созданы новые отрасли промышленности: по ректификации спирта, изготовлению посуды для разлива водки и ряд других.

Жестко стала регламентироваться сама винная торговля. Витте был прав, считая, что дореформенному кабаку сегодня места уже не было. По закону от 29 мая 1897 года определялся порядок торговли крепкими напитками в питейных заведениях. Регламентировалось даже их внутреннее устройство, часы и дни работы.

Исследователи отмечают тот факт, что с введением казенной винной монополии употребление крепких напитков, прежде всего водки, в России стало снижаться. Пусть даже неболь-

шое, но заметное. Как говорится, факт остается всегда фактом. Данные о том официально исходили из стен Министерства финансов. Они касались местностей, где в 1895—1898 годах реализовывалась реформа, то есть в 35 губерниях. Там душевое потребление водки в 1894 году составляло 0,58 ведра. Одно ведро равнялось 12,3 литра. То есть среднестатистический житель этих губерний выпил за предреформенный год 7,134 литра водки, или четырнадцать с половиной бутылок крепкого питья. После организации казенной продажи крепких напитков подушное потребление водки здесь составило в 1898 году уже меньший объем, 0,5 ведра на каждого человека, отмеченного переписью. То есть употребил за год на две бутылки водки меньше.

За этот же период в губерниях, в которых еще не проводилась реформа пий, подушное потребление водки возросло с 0,58 до 0,63 ведра. То есть почти на две бутылки водки.

Опубликованные Министерством финансов в печати первые результаты введения государственной винной монополии российскую общественность обнадеживали, шутка ли, в стране пить стали меньше, и следствий известной беды тоже начало убавляться. Это стало едва ли не главной побудительной причиной избрания С.Ю. Витте почетным членом различных Обществ трезвости по всей империи.

Имелось и еще одно важное последствие установления государственной винной монополии. Реформа привела к заметному повышению платежеспособности населения, прежде всего той ее части, которая считалась наиболее неблагополучной в материальном отношении. Было зафиксировано улучшение сбора налога с физических лиц. Казначейство подобные отрядные для страны явления отмечало сразу.

Позднее «Ежегодник Министерства финансов», вышедший в Санкт-Петербурге, опубликовал скорректированные итоговые расчеты ведомства Витте. Согласно им среднее по стране ежегодное душевое потребление водки за 1895—1900 годы составляло стабильно 0,51 ведра: и не больше, и не меньше. По Европейской же части России оно за 1897—1900 годы по сравнению с 1895—1896 годами несколько возросло — с 0,57 до 0,60 ведра. За это время оно сократилось в польских губерниях (с 0,46 до 0,41 ведра) и заметно увеличилось в сибирском регионе (с 0,29 до 0,51 ведра на среднестатистического человека).

По Витте, установление государственной винной монополии шло в ногу с расширением борьбы за народную трезвость. Принимаемые меры выглядели внешне впечатляюще. В целях борьбы с пьянством расширялись законодательные полномочия губернаторов и управляющих акцизными сборами по надзору за подочной торговлей. По всей стране учреждаются особые попечительства о народной трезвости. Закон о них был опубликован 20 декабря 1894 года.

Сам по себе размах борьбы за народную трезвость, или, оперируя более современным лексиконом, размах антиалкогольной компании, поражал воображение самих россиян. За пять лет, к 1899 году, были образованы 18 губернских, 6 особых и 184 уездных попечительств. Эти учреждения пользовались поддержкой местных властей, аппарата чиновников всех рангов, в том числе и полицейского начальства.

Антиалкогольную компанию на местах возглавляли более 3300 энтузиастов борьбы за народную трезвость. Они объединяли усилия так называемых членов-соревнователей попечительств, которых насчитывалось 20,5 тысячи человек. Среди них были представители местной администрации, духовенства и общест-венности, прежде всего интеллигенции (врачей, фельдшеров, учителей).

Борьба за народную трезвость велась не только устным или печатным словом. Особые попечительства только в 25 губерниях за два года — 1898 и 1899-й устроили 1715 чайных для простого люда, 998 читален для всех желающих пополнить свои знания об окружающем мире и повысить собственную грамотность. В 1898 году в тех же губерниях было проведено 5280 народных чтений, театральных представлений, народных гуляний и прочих мероприятий по планам борьбы с алкоголизмом.

Особые попечительства пользовались материальной поддержкой со стороны Министерства финансов. К началу XX столетия их капиталы составляли 3,7 миллиона рублей. Часть этих средств составляли добровольные пожертвования состоятельных меценатов борьбы за народную трезвость. Делал такие пожертвования, не обременяя, естественно, семейный бюджет, и лично Витте.

При всей масштабности антиалкогольной пропаганды нападки на Министерство финансов и самого Витте за проведение ре-

формы питий продолжались. Тогда по инициативе Сергея Юльевича чиновники министерства деятельно начали сбор отзывов с мест о положительном значении такой реформы в масштабе всей России. Это была хорошо организованная контрпропагандистская кампания, делавшая честь ее устройтелю.

Таких отзывов с ближних и дальних мест в столицу пришло немало. В них говорилось о позитивных улучшениях санитарно-гигиенической ситуации, сокращении преступности (особенно бытовой и уличной) на почве пьянства, некотором улучшении положения с казенными платежами, росте мелких вкладов в сберегательные кассы, уменьшении числа невыходов на работу в промышленности. То есть речь шла действительно о позитивных сдвигах, которые влияли на самочувствие общества.

Из наиболее впечатляющих отзывов Министерство финансов составило целую книгу. Она была издана в 1901 году в Санкт-Петербурге под названием «Отзывы о результатах введения казенной продажи питий, поступившие в Министерство финансов от начальников губерний и других лиц». Это был своеобразный отчет о результатах борьбы за народную трезвость, флагманом которой считался реформатор С.Ю. Витте и подчиненное ему всемогущее финансовое ведомство.

Думается, что все же большая часть современников Сергея Юльевича, прежде всего сторонники введения государственной винной монополии, воздавали должное ее автору и воплотителю обновленной идеи (она была не нова) в российскую жизнь. Резкого сокращения употребления водки в стране, разумеется (как и в будущем), не произошло. И едва ли не самое большое социальное зло не было искоренено. Но заметные позитивные сдвиги виделись, пожалуй, всеми. Отрицать их было крайне трудно и не честно.

Уже после той бурной кампании за народную трезвость конца 90-х годов граф Иван Иванович Толстой, гофмейстер и министр просвещения в первом правительстве Витте, в своем дневнике замечал:

«Удачно и смело проведенная им казенная продажа алкоголя, хотя и не прибавила листьев к его лавровому венку, дала, однако, возможность провести с молниеносною быстротою народное отрезвление — результат, им самим, несомненно, непредвиденный в этой форме. Хотя он с самого начала под-

черкивал, что монопольная продажа спиртных напитков даст в руки правительства абсолютную власть регулировать потребление водки».

Ближайшее императорское окружение понимало, что бороться за народную трезвость надо публично, однако считало, что все-рвез, последовательно и упорно бороться с этим устоявшимся шлом не следует. По крайней мере, пока, до лучших экономических времен внутреннего и внешнего порядка. Ни то, ни другое определяющее мнение для С.Ю. Витте секретом не являлось: он сам уже не первый год числился в верхах.

Вне всякого сомнения, с чем соглашалась большая часть противников винной реформы, ситуация с потреблением водки в стране улучшилась. То есть она стала подконтрольной и правительству, и местным властям (администрации и полиции) в губерниях, уездах и городах. Однако зло пьянства продолжало оставаться для старой (и не старой) России серьезной проблемой.

Неоспоримы были только экономические последствия проведенной под эгидой финансового ведомства государственной реформы: в первые годы XX века доля «питейных доходов» составляла около 28 процентов всех бюджетных поступлений в казну империи.

Министерство финансов делало самые различные расчеты для показа эффективности винной монополии. Спорить с такими расчетами оппонентам Витте особо не приходилось: они были убедительны для каждого человека, знакомого с особенностями отечественной экономики. Так, с января 1894 года по январь 1901 года, то есть за отчетных шесть лет, общий валовый доход от продажи водки составил огромную сумму в 955,8 миллиона рублей. Чистый доход казны из этой суммы составлял 662,8 миллиона рублей: в том числе от акциза — 526, 9 миллионов и от монопольной продажи водки — 135,9 миллиона. То есть введение акцизной системы на алкоголь для финансовой системы Российской империи себя полностью оправдало.

Увеличение чистой прибыли от казенной продажи питей в немалой степени происходило по причине того, что цены на водочную продукцию в ходе реформы были значительно повышены. Подобные повышения делались неоднократно, и, как правило, в трудное для казны время. Такая укоренившаяся правительственная практика в России ведется и по сей день.

Естественно, что правительство не могло лишить себя ни такого источника финансового обеспечения бюджетных расходов, ни даже заметного его сокращения. Поэтому реформа, осуществленная С.Ю. Витте, по сегодняшний день остается предметом исследований и споров о ее полезности для государства. То есть проблема причастности государства к производству и продаже водочных изделий в России не изжита, а в ее актуальности убеждать государственный чиновничий аппарат и общественность не приходится и поныне. Поэтому «питейные деяния» великого реформатора остаются достойными для научного исследования, каждый раз связываемые с сегодняшним днем.

Как же сам автор реформы оценивал свои деяния в деле повышения водочной доходной статьи казны, и одновременно в борьбе за народную трезвость? Сергей Юльевич в своих «Воспоминаниях» далек от категоричных оценок того и другого. Здесь министр финансов себя никак не превозносит. Он пишет, словно размышляя о важном государственном деле с высоты собственного положения:

«Известно, что цена на уменьшение потребления вина может иметь большое влияние, влияние это может быть достигнуто или назначением такой цены на вино, благодаря которой вино не было бы по средствам большинству населения, — к этому приему прибегают довольно редко. Он неудобен в том смысле, что порождает корчемство и вызывает злоупотребления, или же того самого результата посредством изменения цены — можно достигать назначением умеренной цены на вино, цены, соответствующей достатку самого бедного класса населения.

Ни то, ни другое не было предпринято, а была назначена, и до сих пор существует такая цена на вино, которая доступна почти всему населению, но которая разорительна для него.

Эта мера значительно увеличила питейный доход, но, конечно, имела и имеет влияние на пьянство».

Имела ли винная реформа в России международный резонанс? Да, несомненно, имела. Сам С.Ю. Витте в мемуарах сообщает об интересе к государственной питейной монополии со стороны французского правительства. Когда Россию с официальным визитом посетил президент республиканской Франции Фор, то он оставил после своего отъезда в Санкт-Петербурге одного из

сопровождавших его официальных лиц с конкретным заданием экономического характера.

Этим человеком был инспектор финансового ведомства, которому поручалось изучить механизм российской винной реформы. Президент Фор, после ознакомления с преобразованиями в российской экономике, предполагал, что такую же реформу можно провести и во Франции. При этом он хорошо понимал, как много пьют его сограждане, но не совсем понимал то, что виноградные вина не чета 40-градусной водке.

Витте имел не одну беседу со своим коллегой из Парижа. Тот не раз сопровождал министра финансов по стране и на местах знакомился с ходом водочной монополизации. Парижанина эта проблема интересовала до мелочей, не исключая мнений о реформе конкретных людей: трактирщика, крестьянина или спившегося беспаспортного бродяги. Однажды Витте спросил своего спутника-француза, что он думает по поводу винной монополии:

«Француз на это дал мне весьма умный ответ: он находит, что эта реформа, с точки зрения государственной, превосходная и что она должна дать самые благие результаты. Реформа эта могла бы дать столь же благие результаты во Франции, но для того чтобы такую реформу ввести, необходимо прежде всего одно условие — чтобы та страна, в которой она вводится, имела монарха неограниченного, и мало того, что неограниченного, но и с большим характером».

Инспектор финансового ведомства Французской Республики своим ответом давал понять, что его отечество не Россия. И что избранный гражданами президент по силе своей реальной власти в стране не равен русскому царю-самодержцу. То есть при республиканском правлении проведение винной реформы с целью установления государственной монополии на алкоголь невозможно. В этом вопросе президент Фор не мог тягаться с императором Александром III.

Откровения французского коллеги Сергей Юльевич, как лицо заинтересованное, резюмировал следующими словами:

«Когда в последние годы мне приходилось подолгу жить во Франции, я часто вспоминал эти слова, потому что действительно и ныне во Франции при выборе депутатов в Палаты,

можно сказать, первенствующую роль играют лица, содержащие кабаки во всех его видах».

Введение государственной винной монополии по Витте, вне всякого сомнения, укрепило финансовую систему Российской империи. Разумеется, не говоря при этом о ее плачевных моральных издержках. С увеличением по всей стране числа питейных заведений и с постоянным ростом цен на спиртные напитки так называемый питейный доход казны стал важным источником государственного бюджета. Для доказательства того можно привести всего одно сравнение. В 1900 году доход от алкоголя составил 85 миллионов рублей, что равнялось 11 процентам от всех бюджетных поступлений. А в предвоенный 1913 год доходы от продажи водочной продукции составили 750 миллионов рублей, или 22,1 процента всего государственного бюджета России.

Первая мировая война в силу объективных причин поставила точку на виттевской государственной винной монополии. Высочайшим указом императора Николая II от 16 сентября 1914 года казенная торговля водкой на время войны была прекращена по всей территории России.

При всех заслугах С.Ю. Витте по введению в стране винной монополии он не был пионером этого дела. Вне всякого сомнения, великий реформатор был документально знаком с поучительной историей отечественных винных монополий, то есть установлений преимущественного права государства на продажу крепких спиртных напитков. Винная монополия в России издавна являлась одной из государственных регалий.

Впервые летописное свидетельство о винной монополии на Руси относится к 1470-м годам. Почему это событие относится именно к XV веку? Причина кроется в том, что это столетие для России было «сытным» временем, когда появились относительно немалые излишки зерна, прежде всего ржи. Это и стало исторической основой русского водочного производства. Видно, тогда же и появилось и само слово «водка» как производное от слова «вода». Причем долгое время водка называлась «вином», которое разделялось на четыре сорта: «простое», «доброе», «боярское» и «двойное».

Насколько выгоден питейный промысел для государевой казны — смекнули на Руси довольно быстро: водку продавали по цене, значительно превышающей ее стоимость. В 1553 году царь

Иван IV Васильевич, прозванный потомками Грозным, разрешил частичные «изъятия крепких напитков» для своих опричников. В 1643—1681 годах в Русском царстве (или в Московии, как его называли иностранцы) действовал так называемый винный откуп. Суть его сводилась к сдаче кабаков на откуп. Одновременно существовал и второй способ продажи вина: «на вере» через толлов и целовальников, что приводило к большому казнокрадству.

При этом государство, являясь монополистом в производстве и продаже «белого вина», разрешало определенному кругу лиц как производство, так и оптовую и розничную продажи. Но изготовленное вино обязательно должно было идти в казну, а уже оттуда в «царев» или откупной кабак. Нарушителей закона, от которых страдала царская казна, карали самым беспощадным образом.

Известнейший в отечественной истории патриарх Никон добился введения в 1652 году Устава о кабаках. Это был едва ли не первый законодательный акт, который пекся о народной трезвости. По Уставу число питейных заведений значительно сокращалось. Распивочная торговля ликвидировалась: кабаки заменялись кружечными дворами для торговли вином на вынос. Одновременно в два-три раза увеличивались цены на алкоголь, прежде всего на водку, ограничивалось время продажи.

Однако царский Устав о кабаках, введенный по инициативе патриарха Никона, быстро потерял свою силу. К 1659 году он в Московском государстве практически не действовал. Царская казна не смогла пережить такой убыток, и вскоре винная монополия вновь господствовала. Откупа были отменены, вино изготавливалось на казенных заводах или с помощью подрядов. Петр I, которому хронически не хватало денег на создание регулярной русской армии, на кораблестроение и на Северную войну 1700—1721 годов, стал взимать с винокурен дополнительный сбор. Петровским указом 1716 года разрешалось курить вино всем лично свободным верноподданным без изъятий, но при одном обязательном условии: плати налоги (и немалые) в казну.

С 1755 года российское дворянство стало монополистом в винокуренном производстве. Только помещикам и вотчинникам разрешалось курить на частных заводах вино. Купечество допускалось к этому прибыльному делу только в тех губерниях, где

производительность заводов, принадлежавших помещикам-дворянам, не покрывала потребности питейных заведений. В 1767 году в питейной отрасли все поменялось самым коренным образом: продажа водки переводилась на откуп по всей России, кроме одной-единственной Сибирской губернии.

Именно в эти годы технология производства «национального напитка» достигла своего наивысшего расцвета». Каждый помещик-винокур имел свою собственную марку водки. Так, богатейший землевладелец граф Василий Шереметев был обладателем рецепта водки «Ерофеич». Водочные настойки существовали на все буквы русского алфавита: Анисовая, Березовая, Вишневая, Грушевая, Дынная, Ежевичная, Желудевая, Зверобойная, Ирговая, Калиновая, Лимонная, Малиновая, Мятная, Ноготковая, Облепиховая, Полынная, Перцовая, Рябиновая, Смородиновая, Тминная, Укропная, Фисташковая, Хренная, Цикорная, Черемуховая, Шалфейная, Шавелевая, Эстрагонная, Яблочная.

Просвещенная императрица Екатерина II Великая, занимаясь в начале своего царствования законотворчеством, объединила все действовавшие до нее акты о государственной винной монополии в единое целое. В Российской империи стал действовать изданный Указ о вине. Теперь оно изготовлялось или на казенных заводах, или посредством подрядов. Оптовая продажа крепких напитков производилась только с казенных складов. Мелочной продажей занимались казенные питейные дома, которые частично отдавались на откуп. В самом конце правления Екатерины II система откупов почти совсем вытеснила государственную винную монополию.

Император Александр I в 1819 году восстановил винную монополию. Только винокурение и розничная продажа спиртного были свободными, все остальное находилось в ведении казны. В 1827 году император Николай I государственную монополию заменил откупной системой. С 1863 года в стране стала действовать современная акцизная система, более жесткая и лучше контролируемая со стороны казны.

Акцизная система, корыстная в интересах казенного кармана, до Витте действовала не всюду. С привилегированных губерний (Малороссии, Новороссии, польских и остзейских) существовали особые питейные сборы. Винокурение и продажа во-

лочной продукции являлась частичной монополией местных помещиков, составляя немалую часть их личного дохода. Здесь допускалась и свободная коммерческая деятельность.

Со второй половины XIX века для производства массовых сортов водки стали использовать пшеницу, а затем картофельное сырье, которое широко применялось в Европе для выделки крепких спиртных напитков. Именно картофельные водки обладали жестким вкусом и тяжелым опьяняющим воздействием. Именно они, заполнив собой массовый потребительский рынок, стали основой расхожих представлений о водке как о «зеленом змие» и социальном зле.

Став министром финансов, С.Ю. Витте единственно в интересах казны вновь ввел достаточно жесткую государственную винную монополию. Но он стал ратовать за нее лишь только тогда, когда досконально ознакомился с поучительной историей крепких питей в родном отечестве. И потому, вводя в России и который уже раз винную монополию, смог избежать ошибок своих предшественников.

Проверку временем винная монополия все же не прошла. Она вошла в историю в начальный год Первой мировой войны, чтобы в новом, полностью огосударственном виде появиться при советской власти. В декабре 1917 года большевики подтвердили запрет на продажу водки после пьяных беспорядков и погромов в Петрограде. Водочное производство и продажа спиртных напитков возобновились лишь в 1924 году, причем вновь была установлена государственная монополия на их изготовление, осуществлявшаяся Главспиртом.

Советское государство, тоже заботясь о полноте поступлений в казну, объявило вне закона всех частных предпринимателей в деле производства крепких напитков и начало с переменным успехом длительнейшую войну с самогонщиками, устанавливая соответствующие законы. Войну эту, скажем прямо, подпольные винокурильщики не проиграли, хотя пострадавших в их среде набиралось очень много. Проводились время от времени шумные антиалкогольные кампании, но при этом не забывалось, однако, собирать по статье «спиртные напитки» до 40 процентов от всех поступлений в госбюджет. Только теперь на смену «приличной хлебной» водки пришел водочный суррогат, по сути дела составивший основу народного «ширпотреба». И в старой

России, и в новой водка являлась «политическим продуктом», потому ее производство было и есть государственным делом.

2

УСТРОИТЕЛЬ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ МАГИСТРАЛЕЙ. ТРАНССИБ — СТРОЙКА ВЕКА

Став во главе финансового ведомства, Витте утвердил себя как «покровитель» самых грандиозных программ железнодорожного строительства. На одном из докладов императору Александру III он заверил государя, что сделает все от него зависящее, чтобы Транссибирская магистраль дошла до портового Владивостока и закончила свой триумфальный путь на берегу прекрасной бухты Золотой Рог.

Витте называл правление Александра III эпохой российского железнодорожного бума. Такое переживали все ведущие мировые державы: Соединенные Штаты и Германия, Британия и Франция. Однако ни в одной из этих стран роль государя (или президента) не была столь велика при решении программ строительства железных дорог. Объяснялось такое весьма просто: Россия была не просто монархией, а самодержавием.

Отзываясь самыми добрыми словами о императоре, своем попечителе, который ввел его в состав Кабинета министров, то есть в среду государственной элиты, Витте писал:

«В царствование императора Александра III установилась твердая идея о государственном значении железных дорог, которая в значительной степени исключает возможность построек и в особенности эксплуатации железных дорог частными обществами, которые в основе своей преследуют идеи не общегосударственные, а идеи характера частных интересов.

Таким образом, можно сказать, что в царствование императора Александра III произошел полный переворот в железнодорожном деле как с точки зрения практической, так и теоретической. Поэтому уже в царствование императора Александра III мною, когда я был министром путей сообщения, а потом министром финансов, были начаты, с одной стороны, последовательный выкуп железных дорог из рук частных обществ, а с другой стороны — преимущественное сооружение железных дорог казной. Затем в полном объеме эти государственные взгляды

были мною проведены и осуществлены уже в царствование императора Николая II.

Этот взгляд на государственные дороги, равно как и вся система железнодорожного дела, твердо держится и по настоящее время. Можно иметь различное мнение о преимуществах той или другой системы железнодорожного строительства и эксплуатации, но те люди (а таких теперь в континентальной Европе едва ли не большинство), которые находят решительные преимущества в казенной эксплуатации и строительстве, не могут не признать громадной заслуги в этом отношении царствования императора Александра III».

За идею взятия государством в свои руки железнодорожного дела Сергею Юльевичу пришлось побороться. Строительство железных дорог обещало быть прибыльным делом (по примеру Европы и Америки), и потому оно сразу же привлекло к участию в нем значительные свободные капиталы российских банкиров. Собственно говоря, ни государь, ни его министр финансов против такого подхода к делу ничего не имели.

Однако в отличие от монарха С.Ю. Витте первым увидел, что в России появились вполне самостоятельные, обособленные царства — железнодорожные. В них властвовали маленькие железнодорожные короли вроде Полякова и Блюха, Кроненберга и Губонина. Они с трудом контролировались правительственными органами и преследовали собственные цели, не казенные, больше помышляя о собственном кошельке, чем об имперской казне с ее вечно зияющими прорехами. Такого развития дела железных дорог министр финансов допустить не мог: Витте на любом посту оставался сам собою, то есть человеком, который пекся прежде всего о пользе отечества.

Требовалось убедить монарха в том, что казна должна властвовать уже построенными железными дорогами, а не частные лица, объединенные в коммерческие общества. Витте помог случай, который едва ли не оскорбил лично императора Александра III. Случай этот при дворе, пока не забылось, называли «гатчинским нахальством».

Дело обстояло так. Самым крупным железнодорожным концерном в России было Главное общество российских железных дорог. Ему принадлежали такие прибыльные пути сообщения, как Петербургско-Варшавская, Николаевская (Москва — Санкт-

Петербург) и Нижегородская железные дороги. Заправлял делами в обществе известный «миллионщик» бывший сенатор статс-секретарь Половцев. Он обладал огромным паем акций общества и потому чувствовал себя в его делах полновластным хозяином. С царскими министрами и тем более чиновниками он считался далеко не всегда.

Однажды, на второй год царствования, император Александр III устроил в Гатчинском дворце вечер, на который были приглашены много знатных лиц из столицы. После вечера они должны были отправиться домой на «экстренном поезде». Гости, покинув дворец в прекрасном от проведенного вечера настроении, ожидали поезд на вокзале в Гатчине. Стояла хорошая погода, и возвращение в столицу обещало приятную поездку по окрестностям Санкт-Петербурга в вагонах царского поезда.

Однако в назначенное время к перрону подошел другой, «легкий» поезд. В него сел лично господин Половцев со своей супругой и несколько человек из числа его близких знакомых, им приглашенных. После этого поезд «перед носом» многочисленных императорских гостей укатил в Петербург, вызвав их немалое удивление и возмущение, чем они и делились между собой до прибытия назначенного царским гостям «экстренного поезда».

Было легкое разбирательство дела о «гатчинском нахальстве». Выяснилось, что «миллионщик» Половцев самолично отменил время прибытия к перрону поезда для императорских гостей, приказав подать первым поезд для собственной персоны, который ушел из Гатчины в столицу почти пустым. Самолюбие царских гостей оказалось уязвленным, а кое-кто из них посчитал себя оскорбленным железнодорожным царьком.

О случившемся на гатчинском вокзале происшествии утром следующего дня было доложено государю министром внутренних дел. Это было его прямым служебным долгом. Самолюбие Александра III оказалось тоже уязвлено: ведь речь шла о его гостях. Впрочем, одним из них был в тот вечер и статс-секретарь Половцев. Его поступок такого рода был по меньшей мере бестактным. Скорее всего, бывший сенатор решил продемонстрировать свое могущество на российских железных дорогах, поскольку Главное их акционерное общество было, можно сказать, «почти в его кармане».

Витте, разумеется, не преминул воспользоваться таким удобным случаем. В очередном личном докладе государю он прямо сказал, что нахождение железнодорожных магистралей в частных руках грозит экономической безопасности империи. И, возможно, политической, внутренней. И даже военной. Когда в случае конфликта на западной и южной границах решать проблему перевозки войск армейскому командованию пришлось бы не с государственным Министерством путей сообщения, а с частными владельцами стратегически важных железных дорог. В качестве последнего примера приводился, разумеется, гатчинский случай и поведение «миллионщика» Половцева.

Удивленный таким решительным заявлением министра финансов, Александр III попросил объяснить сказанное, что и было сделано с полной выкладкой цифр и фактов. Император согласился с убедительными доводами Витте. После того доверительного разговора государственная политика в отношении железнодорожных путей сообщения стала меняться.

Правительство взяло курс на последовательный выкуп железных дорог из рук частных акционерных обществ. Но при этом оно содействовало тому, чтобы железнодорожное строительство в стране находилось в руках негосударственных компаний. Таким образом, по мысли С.Ю. Витте, к решению важной государственной задачи привлекались свободные капиталы частных лиц, которые от этого получали немалый выигрыш, но только в финальной части строительства какого-то участка железной дороги.

Когда же акционерное общество не справлялось с задачей, то ему на помощь приходило финансовое ведомство Витте, давая необходимые для продолжения дела субсидии под небольшой процент. И в результате на карте Российской империи в назначенный срок появлялась еще одна железнодорожная ветка. Государственные дотации помогли не одному обществу акционеров избежать грозящего ему банкротства.

Каждая железная дорога давала обновление хозяйственному развитию края. Для начала это был мощный импульс для расширения товарооборота между губерниями. Потом начиналось стимулирование работы промышленных предприятий, продукция которых частью предназначалась на вывоз. К тому же железные дороги давали выход центральным губерниям к портовым

городам, таким как Санкт-Петербург и Одесса, Рига и Новороссийск, Архангельск и Ревель. А оттуда шли морские торговые пути вокруг всего европейского континента.

В 80—90-е годы в Средней Азии сооружается Закаспийская линия от портового Красноводска до города Андижана в Ферганской долине, которая стала центром выращивания хлопчатника. Рост его производства и упрощение доставки в текстильные центры России, прежде всего в Иваново-Вознесенский район, позволяло избавиться от необходимости импорта значительных партий хлопка из Соединенных Штатов.

Закаспийская линия, пройдя по туркменским оазисам, где тоже начинало процветать выращивание хлопчатника, заканчивалась на самом крайнем юге Российской империи и упиралась в пограничную крепость Кушку. Она стерегла границу с беспокойным Афганистаном, на который «имела свои виды» Британия, всегда недружелюбно смотревшая на любые территориальные приобретения империи Романовых на азиатском Востоке. К чести России, после вооруженных столкновений с афганцами у Кушки и на Памире русские войска остановили свое продвижение в южном направлении, не посягнув на государственную независимость Афганистана.

В числе дорог, которые строились в европейской части страны, наиболее важными стали две: Закавказская железная дорога (Баку — Батум) и Новороссийская ветка Владикавказской железной дороги. Последняя магистраль надежно обеспечила немалые объемы хлебного экспорта с черноземных нив Кубани и Ставрополя. Новороссийск и Батум (Батуми) стали крупными внешнеторговыми портами.

В конце XIX столетия началось осуществление проекта, не знавшего аналогов в мире, — строительство Сибирской магистрали, знаменитого Транссиба. Эта железная дорога, как полагал С.Ю. Витте, должна была «обеспечить русскому военному флоту все необходимое и дать ему твердую точку опоры в наших восточных портах». Витте предвидел и то, что гигантская по протяженности магистраль создаст «поворот в направлении сообщений между Европою и азиатским Востоком».

Сибирская железная дорога стала после ее создания настоящим транспортным чудом для страны. Раньше сухопутный путь из Москвы до берегов Тихого океана преодолевался едва ли за

год, потом появились рекордсмены, одолевавшие такой путь за полгода и даже меньше. Так что долгое время население и власти Тихоокеанского побережья России «жили в ином измерении», отставая от центральных губерний в исполнении императорских указов и узнавая об эпохальных российских событиях (сменах царей, начале и окончании войн, смутах и бунтах, принятии новых законодательных актов) на много месяцев позже своих соотечественников.

В России всегда находились люди, которые задумывались над тем, как сократить по времени путь из столицы к берегу Тихого океана. Однако ускорить бег лошадиных троек и собачьих упряжек не удавалось. И тогда, в конце 30-х годов прославленный первопроходец и сибирский администратор Николай Николаевич Муравьев-Амурский поднял вопрос строительства железной дороги от волжских берегов, от города Самары к озеру Байкал. Но тогда это был поистине фантастический план, в реальность осуществления которого мало кому верилось.

Однако Н.Н. Муравьев-Амурский не был родоначальником проекта Сибирской железной дороги. Несколько раньше такую мысль высказал генерал Е.В. Богданович. Он предлагал устроить магистраль через Урал до города Тюмени, а дальше вести ее по водоразделам сибирских рек до Восточной Сибири. Богданович даже подсчитал, что строительство железной дороги в 700 верст обойдется казне примерно в 48 миллионов рублей, то есть в одну двадцатую доходной части бюджета империи.

Цифра в пять процентов повергла в Санкт-Петербурге многих сановников и министров в ужас. Однако генерал Богданович не угомонился стал доказывать на газетных страницах, что бедственное положение горнорудной индустрии Урала после отмены крепостного права можно выправить прокладкой железной дороги. Автор проекта организовал «поток» писем и ходатайств в столицу с просьбами о строительстве железнодорожной магистрали по сибирским землям. Однако России было еще далеко до появления Транссиба.

В 1872—1874 год начались первые изыскательские работы на западном участке Сибирской железной дороги. Они велись по двум направлениям: от городов Кинешмы и Нижнего Новгорода на Екатеринбург и от столицы Урала до Тюмени. Реакция на

эти работы озадачила правительство. Местные власти, ряд генерал-губернаторов стали утверждать, что железная дорога приведет к развитию торговли, росту цен, наплыву нежелательного элемента, и тогда будет нарушено внутреннее спокойствие империи в Сибири.

Однако к тому времени в правительственных кругах уже мало кто сомневался в том, что железная дорога для Сибири не просто важна, а жизненно необходима. Стоял вопрос о переселении десятков тысяч крестьян на сибирские земли, и трассу предлагалось теперь провести южнее, через Оренбург до Омска.

В судьбу Сибирской железной дороги все активнее вмешивались военные. Теперь ее предлагали удлинить до Владивостока, который русское командование считало тем местом, в котором недруги «могли уязвить Россию», что этот порт обязательно станет в случае войны «целью действий наших европейских врагов» и что Владивосток может и должен стать «вторым Севастополем». (Опыт Крымской войны был действительно на редкость поучительным: после ее окончания в империи прошли военные милютинские реформы поразительных масштабов.)

Показательна в этом отношении была много нашумевшая среди командования русской армии и флота статья Барабаша «Записка о Маньчжурии» в «Сборнике материалов по Азии», который был закрытым изданием Генерального штаба. С публикацией 1883 года С.Ю. Витте был, думается, знаком. В статье говорилось следующее:

«В Тихом океане проходит торговое и промышленное пиршество. Между европейскими, американскими и азиатскими гостями нам отведено за столом одно из видных мест. Если мы пока, сидя за столом, не удовлетворяем, подобно другим, своего аппетита, то из этого не следует, чтобы мы готовы были позволить вывести себя из-за стола.

С Амура мы можем наносить Европе самые серьезные по своим последствиям удары, и всякое усиление наше на Тихом океане будет иметь неизбежным последствием возвышение нашего политического могущества в Европе».

Однако стоимость и протяженность магистрали, доведенной до Владивостока, продолжала пугать и впечатлять. Тогда и появились идеи ее спрямления за Байкалом. Пожалуй, первым предложил такой план контр-адмирал Н.В. Копытов: в 1887 году

он предложил Сибирскую железную дорогу за Иркутском дойти до приграничной Кяхты и дальше по территории Северного Китая до Приморья, до села Никольского (ныне город Уссурийск).

Витте был хорошо знаком с копытовским проектом. Но он сразу отмел один из основных доводов в его пользу: торговая артерия из Европы на Дальний Восток никак не могла быть дешевле и быстрее морского пути. Проведенные расчеты показывали его правоту.

Впервые серьезно вопрос о строительстве Транссиба обсуждался в 1888 году на заседании Комитета министров. Главным мотивом возведения сверхдлинной магистрали по-прежнему являлись вопросы защиты дальневосточной окраины Российской империи. Поэтому наиболее заинтересованными лицами в обсуждении вопроса стали военный министр генерал от инфантерии П.С. Ванновский, министр финансов И.А. Вышнеградский и министр путей сообщения А.Я. Гюббенет. Глава финансового ведомства «сразил» тогда своих оппонентов следующими «неподъемными» для государственного бюджета цифрами: проект по оценке экспертов оценивался в 350 миллионов рублей золотом, или 44 тысячи рублей километр.

К обсуждению вопросов строительства Транссибирской железнодорожной магистрали по высочайшему решению были привлечены все заинтересованные министерства: финансов, путей сообщения, военное, внутренних дел, морское, земледелия и государственных имуществ, императорского двора. Собственно само правительственное решение о необходимости создания такой дороги состоялось еще 6 июня 1887 года. Сооружение ее было объявлено «великим народным делом».

Было принято решение разделить магистраль на семь административно самостоятельных дорог: Западно-Сибирскую, Восточно-Сибирскую, Кругобайкальскую, Забайкальскую, Амурскую, Северо-Уссурийскую и Южно-Уссурийскую. Позднее появится восьмая дорога — Восточно-Китайская (КВЖД). Официальная церемония начала «великого народного дела» состоялась на крайней восточной точке трассы — в городе Владивостоке, 19 мая 1891 года. Работы на Уссурийской линии возглавил известный инженер О.П. Вяземский, именем которого была названа одна из

железнодорожных станций, ныне город Вяземский Хабаровского края.

Делами стройки, помимо Управления по сооружению Сибирской железной дороги, занимались Инженерный совет Министерства путей сообщения и Мостовая комиссия, подчинявшаяся Временному управлению казенных железных дорог, которое входило в Железнодорожный департамент Министерства путей сообщения.

Правительственное решение о выделении на строительство Транссиба денег состоялось только в ноябре 1892 года. Финансовое ведомство отпускало 150 миллионов рублей на первоочередные и 20 миллионов рублей на вспомогательные работы.

Высочайший указ о начале строительства Великого Сибирского пути до Владивостока осторожный в больших решениях император Александр III подписал 25 февраля 1891 года, когда железнодорожный новатор С.Ю. Витте еще не занимал министерских постов. В том же месяце началось строительство первого участка Транссиба: между Хабаровском и Владивостоком. Затем началось возведение другого участка — от Миасса до Челябинска. От него до Хабаровска начались изыскательские работы по будущей трассе, кроме участка Амурской дороги.

Устроителям дороги повезло с рабочей силой. Неурожай 1892 года в губерниях и уездах, по которым пролегла трасса, позволил вербовщикам нанять десятки тысяч человек. Недостающее число временных строителей было набрано в беднейших губерниях центральной России. За каждого рабочего вербовщики получали от 40 до 80 рублей.

Всего на строительстве Великой Сибирской железной дороги трудилось одновременно более 100 тысяч человек, в том числе около шести тысяч инженерно-технического состава и до 83 тысяч штатных строителей. О механизации работ, особенно земляных, речь почти не шла: основными орудиями ручного труда были лопаты и ломы, топоры и пилы.

Однако дело сильно тормозилось тем, что многие вопросы строительства не были определены и на высочайшее утверждение государя не выносились. Когда же дело дошло до утверждения технических условий и расценочных ведомостей участка Челябинск — Омск, то оказалось, что на 1892 год казначейством отпускается лишь 1,1 миллиона рублей вместо запрашиваемых 22,3 миллиона рублей. При подобном ассигновании осу-

шествление проекта могло «обрасти бородой» и затянуться на десятилетия.

Витте, став на короткий срок министром путей сообщения, основательно присмотрелся к проекту создания Сибирской железнодорожной магистрали. Когда же он занял пост всесильного главы финансового ведомства, то все дело сооружения дороги оказались в его крепких и, самое главное, уверенных руках. В отличие от своего предшественника, И.А. Вышнеградского, Сергей Юльевич стал убежденным сторонником быстреего поведения Транссиба: он словно предвидел на историческом горизонте японскую войну, в чем и не ошибся.

К тому времени Витте доподлинно знал, что оценка строительства Транссиба в 350 миллионов рублей золотом не реальна, как утверждал Вышнеградский. Проектная стоимость виделась намного больше, поскольку изыскатели не смогли учесть многого. Император же Александр III, особенно в последние годы правления, с трудом шел на «излишние траты государственной казны», поскольку при нем бюджет носил хронический дефицит. Самодержца за глаза даже современники называли «прижимистым» человеком, хотя во внутренних и внешних тратах он стремился быть разумным монархом, насколько это ему удавалось.

Тогда Витте сознательно пошел на занижение реальной стоимости строительства Великого Сибирского пути. Перед Александром III он стал отстаивать цифру расходов в 350 миллионов рублей «по Вышнеградскому». То есть, докладывая раз за разом самодержавному государю о масштабах предстоящих работ, он не говорил о примерно реальной их стоимости. Они же были, по самым примерным подсчетам, гораздо выше, в чем секрета для специалистов не виделось.

Такой тактический ход Сергея Юльевича подействовал, прямо скажем, не сразу, хотя высочайший указ о строительстве и был подписан. Император не раз упрекал его в форсировании поведения Транссибирской магистрали, предупреждая, что казна такие огромные траты на Востоке может однажды не выдержать и тогда придется обратиться к обременительным иностранным кредитам. А банки Берлина, Парижа и Брюсселя денег могут или почти совсем не дать, или отпустить их России под высокие проценты.

Тогда Витте нашел новые убедительные доводы необходимости ускоренного строительства железной дороги. Во-первых, он стал еще более деятельно поддерживать позицию Военного министерства в вопросе укрепления положения империи на Дальнем Востоке. И, во-вторых, выдвинул идею специальной эмиссии для рельсового пути, которая выразалась в появлении на свет так называемых «сибирских рублей».

Одновременно склонение на свою сторону Александра III шло по пути «улучшения» плана уже строящейся магистрали. То есть речь шла все о том же ее спрямлении и на географической карте, и на местности. То есть план «спрямления» контр-адмирала Н.В. Копытова, выдвинутый несколько лет тому назад, обрел второе дыхание. Однако и здесь Витте наткнулся на глухую стену непонимания: император не хотел строить часть стратегически важной для России железной дороги по территории сопредельного государства, то есть Китая.

Александра III особо не воодушевляли туманные перспективы резкого увеличения торговли с Циньским Китаем. Тот же его министр финансов в лице С.Ю. Витте регулярно докладывал ему о доходных статьях внешней торговли, которые соотносились прежде всего с Европой и «хлопковыми» Соединенными Штатами. Китайский чай и шелк не мог конкурировать в товарообороте страны с европейскими машинами и изделиями из металла.

Однако все же Сергей Юльевич нашел то, чем можно было убедить государя. Он представил ему в ноябре 1882 года на рассмотрение всеподданнейший доклад «О способах сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути и о назначении Сопровождающего для обсуждения этого дела». В докладе его автор дал обоснование важности задуманного дела:

«Оно имеет все права занять одно из первых мест в ряду самых крупных и самых важных предприятий XIX столетия не только в нашем отечестве, но и в целом мире».

Витте указывал дальше, что речь идет о событиях, «какими начинаются новые эпохи в истории народов и которые вызывают нередко коренной переворот установившихся экономических отношений между государствами».

Далее заявлялось буквально следующее: «Сибирский путь установит непрерывное рельсовое сообщение между Европой и

Тихим океаном и, таким образом, откроет новые горизонты для торговли не только русской, но и всемирной».

В своем докладе министр финансов предлагал одновременно с прокладкой пути осуществлять ряд важных в экономическом отношении дел. В их числе он называл расширение и строительство новых металлургических заводов (Транссибу требовалось очень много металла), содействие развитию пароходных сообщений на реках, прежде всего по Оби, Иртышу, Енисею и Амуру, и организацию широкого переселенческого движения. Переселенцы должны были осваивать просторы Сибири и Дальнего Востока, перебираясь сюда из центральных губерний, где все больше и больше становилось безземельных крестьян. Витте писал впоследствии:

«В моих понятиях устройство великого Сибирского пути неразрывно связывалось с вопросом о переселении. Этим путем, с одной стороны, разрежалось население в европейской России и там (в европейской России) являлось более свободы для земельного быта крестьян, а с другой стороны — этим оживлялась великая наша сибирская окраина. Затем, благодаря переселению можно было надеяться на то, что Сибирский путь в близком будущем сам себя будет окупать.

Между тем, мысль о переселении не только не встретила сочувствия, но встретила скрытое противодействие. Противодействие это основывалось на крепостнических чувствах и идеях.

Многие из наших влиятельных частных землевладельцев-дворян и их ставленники в бюрократическом мире Петербурга, а прежде всего министр внутренних дел Иван Николаевич Дурново, считали эту меру вредной. Они утверждали, что мера эта может иметь дурные политические последствия. А, в сущности говоря, при откровенном разговоре и суждениях об этом деле ясно выражалась крепостническая мысль, а именно: если крестьяне будут выселяться, то земля не будет увеличиваться в цене. Потому что, известно, чем большее количество населения, тем более увеличиваются и цены на землю. Это, с одной стороны, неудобно, невыгодно для частных землевладельцев, потому что рост цен на землю, если и будет, то будет меньше. Поэтому и за обработку земли придется платить больше. А желательно, чтобы помещик искал рабочих, а рабочие не умирали с голоду от

неимения работы, тогда рабочие руки будут гораздо дешевле, а потому и лучше.

Теперь уже не составляет вопроса: есть ли переселение крестьян из европейской России в Сибирь благо ли нет? Я думаю, многие были бы удивлены, узнав, что еще 18 лет тому назад это считалось вредом. И правительство принимало все меры в административном порядке для того, чтобы крестьяне были пригвождены к своей земле, чтобы население там, где оно скучено, увеличивалось еще более для увеличения цен на землю и главным образом для того, чтобы ценность рабочего труда была низка».

К чести министра финансов С.Ю. Витте, он делал все, чтобы возможностями своего ведомства продвигать «великую народную стройку». Разумное финансирование строительных работ позволяло прокладывать Транссиб опережающими темпами. К зиме 1893 года было построено 413 километров, в 1894 году — уже 891 километр, а в 1895 году — свыше 1340 километров. Такие цифры производили на зарубежных специалистов ошеломляющее впечатление.

Заслуга Витте виделась, к примеру, в том, что в 1893 году, с двухлетним опережением запланированного срока, Кабинет министров своим решением открыл финансирование строительства Средне-Сибирской дороги. Сооружение моста через реку Обь привело к появлению поселка строителей, который ныне стал крупнейшим за Уралом городом — Новосибирском.

Мостов по трассе Сибирской железной дороги возвели много, в их числе значились уникальные мостовые сооружения. Так мост через реку Томь получился длиной в 515 метров, а через Енисей у Красноярска — в 950 метров.

Начавшийся на рубеже веков переселенческий процесс из Европейской части России в южные районы Западной и Восточной Сибири, а затем в Приамурский край и Приморье носил несомненно прогрессивный характер. В экономический оборот вводились огромные, почти не освоенные в хозяйственном отношении территории Российской империи за Уралом, на Востоке. С началом строительства Сибирской железной дороги «приращение России Сибирью» по-ломоносовски становилось теперь делом ближайшего времени.

Естественно, что в этом поступательном процессе первыми стали распахиваться плодородные земли южной Сибири: вдоль трассы железной дороги, по берегам рек Иртыш и Обь. Затем волна переселенцев пришла на берега Енисея, в Забайкалье. Вдоль Транссиба быстро росли города Омск и Новониколаевск (ныне Новосибирск), Красноярск и Иркутск. Были разведаны месторождения угля, различных руд. То есть необъятная «сибирская земля» полностью оправдывала предсказания Михаила Васильевича Ломоносова, сделанные в середине XVIII столетия.

Император Александр III продолжал придерживаться того мнения, что путь к берегам Тихого океана надо вести только по собственной территории. Поняв, что мнение самодержца ему не изменить, «классик» отечественного железнодорожного строительства С.Ю. Витте теперь предлагал вести сооружение сверхдальней магистрали до портового Владивостока по российской территории через Хабаровск. Но при этом он прямо предупреждал государя и членов Государственного совета, своих коллег-министров, что при таком условии от дорогостоящей дороги не стоит ждать быстрой коммерческой выгоды.

Император Александр III согласился на такой план. Тогда и был создан (о чем говорилось выше) Комитет Сибирской железной дороги во главе с наследником-цесаревичем Николаем Александровичем. Его заместителем назначили тогдашнего председателя Совета министров Н.Х. Бунге, который фактически и руководил деятельностью Комитета. С началом его работы устройтею гигантского железнодорожного проекта Витте стало намного легче своевременно выделять на него огромные деньги из государственного бюджета, решать спорные вопросы в Комитете финансов.

Глава финансового ведомства официально не относился к числу руководящих лиц Комитета Сибирской железной дороги. Но всем было хорошо известно, что именно он сосредоточил в своих руках руководство им. Витте ассигновывал средства, подбирал начальственных людей и находил предприимчивых подрядчиков. Он внимательно следил за ходом строительства, изыскивал рычаги для его ускорения, осуществлял контрольные функции.

Сергей Юльевич не раз публично заявлял, что судьбу Великого пути по суше к берегам Тихого океана решают квалифици-

рованные специалисты. Ему, умелому администратору, удалось сколотить группу единомышленников из числа способных железнодорожных инженеров, ядро которой составляли К.Я. Михайловский, Н.Н. Меженинов, Б.И. Савримович, Е.Ю. Подруцкий и Н.А. Белелюбский.

В скором времени стройка века стала принимать все более ясный, конкретизированный характер. Будущую трассу разбили на шесть строительных участков. Два из них составили первую пусковую очередь пути: Челябинск — Обь расстоянием в 1300 верст и 1800 верст от Оби до Иркутска. Эта часть Сибирской железной дороги должна была «вдохнуть» в южные районы Западной и Восточной Сибири новый ритм экономической жизни, что в действительности так и стало. Отрезок дороги от Иркутска до Байкала в силу сложности рельефа оказался самым дорогостоящим: один километр дороги обошелся казне в 90 тысяч рублей золотом.

Второй очередью Транссиба стал 1000-верстный путь нынешней Забайкальской железной дороги до Сретенска, который, как и ожидался, стал исключительно тяжелым в техническом отношении. Ко второй очереди относился и отрезок в 700 верст между Владивостоком и Хабаровском, большая часть которого проходила вдоль течения пограничной реки Усури.

Создаваемое тогда для охраны здесь государственной границы Усурийское казачье войско (оно выделялось из Амурского) сразу же столкнулось с большими трудностями в своей хозяйственной жизни. То есть казачеству на новых, еще не обжитых землях надо было чем-то кормиться, поскольку их главной обязанностью являлась нелегкая служба пограничной стражи. Правительство нашло выход из такой ситуации: Усурийскому казачьему войску было отдано монопольное право заготовки дров для топков паровозов, курсировавших между Владивостоком и берегом Амура.

Третьей очередью Транссиба становилась Амурская железная дорога протяженностью почти в 2000 верст и самая трудная часть трассы — Кругобайкальский путь в 240 верст. По времени сроки их сооружения пока не устанавливались. На всех остальных участках работы должны были развернуться в полную силу с лета 1893 года. Магистраль задумывалось открыть для полной эксплуатации ровно через десять лет, в 1903 году.

Кругобайкальскую железную дорогу до поры до времени решили пока не строить. По озеру Байкал от пристани Лиственничная была налажена паромная переправа до пристани Мысовая. От нее железная дорога шла на Верхнеудинск (ныне город Улан-Удэ). По 73-километровой переправе курсировали два парома-ледокола «Байкал» и «Ангара».

Витте был среди тех людей, которые отстаивали необходимость сооружения Кругобайкальской железной дороги без отрыва от строительства всей Транссибирской магистрали. Паромная переправа через Байкал и виделась, и оказалась недостаточно эффективной для транспортировки огромной массы грузов, особенно во время Японской войны. Была организована экспедиция под руководством инженера О.П. Вяземского, которая исследовала два пути вокруг озера: северный и южный. Правительственная комиссия выбрала второй вариант. Путь вдоль южных скалистых берегов Байкала при всей своей сложности выглядел предпочтительнее из-за обжитости мест.

Витте, как большой специалист в области железнодорожного строительства, считал, что Россия может гордиться инженерным решением Кругобайкальской железной дороги. Действительно, это было уникальное сооружение. На трассе в 260 километров было построено 39 (!) тоннелей общей протяженностью в 7,3 километра, 14 километров подпорных стен, 47 предохранительных галерей, многочисленные виадуки, волнорезы, мосты и трубы. Дорога оказалась уникальной по концентрации разнообразных инженерных сооружений. Объем земляных работ в скальном грунте здесь составил на один километр пути свыше 70 тысяч кубометров.

Кругобайкальскую дорогу сооружали шесть лет. Регулярное движение поездов по ней было открыто в 1905 году (на год раньше намеченного срока). Паромная же переправа через озеро Байкал просуществовала еще почти 20 лет. Чтобы увеличить ее пропускную способность, близ железнодорожной станции Байкал была сооружена новая пристань Баранчук.

В одном из своих решений Комитет Сибирской железной дороги специально выделил следующий пункт. Транссиб объявлялся национальным делом Российского государства. Исходя из этого возводиться он должен был исключительно русскими

людьми, то есть гражданами России, и из материалов, изготавливаемых в ней.

Действительно, строители Великой Сибирской железной дороги выполнили такой пункт строительного плана. Известно, что все рельсы на трассе были отечественного производства. Исключением оказался только небольшой отрезок дороги всего в 17 километров недалеко от Красноярска. Там были экспериментально уложены рельсы, купленные у английской фирмы.

Казна, по расчетам Министерства финансов, должна была выделять ежегодно на строительство по 40 миллионов рублей. Настойчивому С.Ю. Витте все таки удалось окончательно убедить императора Александра III в особой важности ускоренного возведения Транссиба. В мае 1894 года тот высочайшим рескриптом утвердил новые сроки сдачи магистрали в эксплуатацию: вместо 1903 года назначался самый поздний 1901 год.

Витте довольно своеобразно толкует свою роль генератора в строительстве Сибирской железнодорожной магистрали. В «Воспоминаниях» он отдает приоритет императору Александру III, себя величая только исполнителем воли Царя-Миротворца, и не более того:

«Когда я сделался министром путей сообщения в феврале 1892 года, во время одного из моих первых докладов император Александр III высказал мне свое желание, свою мечту, чтобы была построена железная дорога из европейской России до Владивостока. Мысль эта глубоко засела у императора Александра III, и еще до моего назначения министром он постоянно толковал о сооружении этой дороги. Как известно, когда цесаревич Николай, нынешний император, сделал путешествие на Дальний Восток, он заложил 19 мая 1891 года там начало Уссурийской железной дороги, идущей из Владивостока в Хабаровск. Так как в те времена не предполагали, что великий Сибирский путь прошел через китайскую территорию, то есть прошел бы прямым путем из Иркутска во Владивосток.

Император Александр III мне как бы жаловался на то, что вот, несмотря на все его усилия в течение 10 лет, он все время встречает со стороны министров, в Комитете министров и в Государственном совете затруднения в быстром исполнении этой мысли. Он взял с меня как бы слово, что я эту мысль приведу в исполнение.

Поэтому, когда я был министром путей сообщения и затем когда я сделался 30 августа 1892 года министром финансов, как во время царствования императора Александра III, так и после его царствования, усердно проводил эту мысль о сооружении великого Сибирского пути, и насколько прежние министры задерживали это предприятие, настолько я, памятуя заветы императора Александра III, старался как можно быстрее осуществить этот путь.

К сожалению, его все-таки не удалось окончить в царствование императора Александра III, и соединение Владивостока с Москвой посредством этого великого Сибирского пути совершилось уже в царствование императора Николая II.

Я не преувеличу, если скажу, что это великое предприятие было совершено благодаря моей энергии, конечно, поддержанной сначала императором Александром III, а потом императором Николаем II».

Из прочитанного следует, что Сергей Юльевич не отдавал себе пальму первенства в замыслах стройки века. Но прямо указывал на то, что окончание сего предприятия стало возможно только благодаря его энергии, помноженной на поддержку двух самодержавных монархов.

Как бы там ни было, но реформатор С.Ю. Витте вписал свое имя в историю международного железнодорожного строительства красной строкой. Реальные темпы сооружения Транссиба были самыми высокими в мире.

Однако такие невиданные темпы имели свое объяснение. Причина крылась в том, что для ускорения строительства и максимального приближения его стоимости к расчетному были изменены технические условия. Это было сделано вполне сознательно в предположении, что дорога со временем будет достраиваться и совершенствоваться. Что и было в действительности.

Рельсы использовались облегченного варианта, а укороченные шпалы укладывались в меньшем количестве. Слой балласта под ними укладывали более тонким, чем на дорогах европейской части страны. Сама ширина насыпи составляла вместо 2,6 сажени всего 2,35 сажени. Значительно увеличивались предельные уклоны полотна: в горах до 0,0174 и на равнине до 0,0074. Уменьшались радиусы кривых, то есть поворотов 300 и 500 метров (на равнине).

По такому же пути ускорения и удешевления строительства шли мостостроители. Капитальными возводились только большие мосты. Все маленькие строились деревянными, но достаточной прочности, благо материала было рядом в избытке.

Строители Транссиба пошли даже на такой шаг: они увеличили расстояние между железнодорожными станциями до 50 верст. Такое удешевление влекло за собой большие трудности для работников, которые занимались обслуживанием пути. На станциях система водоснабжения паровозов предусматривала обслуживание в сутки только семи пар поездов.

В итоге всех этих усовершенствований пропускная способность Сибирской железной дороги в самом начале ее функционирования оказалась весьма скромной. Вернее, такая скромность оказалась реально запрограммированной. При однопутном пути магистраль была рассчитана на пропуск всего трех пар поездов в сутки, то есть по три состава в разные стороны. Один из них должен был быть пассажирским, а два других — товарными.

Созданная однопутка с облегченными рельсами, укороченными шпалами и другими «экономичными усовершенствованиями» самым пагубным образом влияла на скорость поездов. Пассажирский состав мог развивать скорость всего 20 верст в час, а товарный состав и того меньше — всего 12 верст в час.

Но все эти усовершенствования плана строительства Транссиба, его «облегченный» до максимума вариант не позволили уложиться в смету. Строительство трассы превышало расчетную смету на целых 24 процента. По данным Министерства финансов, к 1901 году на Великую дорогу было уже истрачено почти 460 миллионов рублей, а общая ее стоимость (реальная) уже исчислялась в 550 миллионов золотых рублей, вместо 350, которые были утверждены императором Александром III.

Стройка выявила много недоделок, и поэтому все работы не смогли завершить даже к 1914 году. Полная реконструкция Транссиба началась уже в годы Первой мировой войны, в 1916 году, уже после смерти С.Ю. Витте.

В итоге расходы государственной казны превысили первоначальную смету на строительство Великой сибирской железной дороги в пять (!) раз. К 1914 году сумма общих расходов превысила 1,5 миллиарда рублей. Ежегодно на возведение Транссиба

Российское государство тратило порядка 7—8 процентов всех своих расходов.

С введением железной дороги время в пути сокращалось до двух недель. Транссиб многократно сократил расходы на доставку самых различных грузов на Восток, а объемы грузоперевозок резко возросли уже в первый год введения магистрали в постоянную эксплуатацию. Однако о действительно серьезном коммерческом эффекте железной дороги по Сибири и Дальнему Востоку пока говорить не приходилось даже Витте и его министерству. Пропускной предел новой трассы оказался в 1,5—2 раза ниже, чем на дорогах в европейской части страны.

Министерство иностранных дел России тоже внесло свою лепту в обоснование экономической эффективности железной дороги. Русские консулы в северной части Циньского Китая изучили местные рынки (в Маньчжурии и восточной части Халхи — Внешней Монголии) и установили их «скромность». То есть Сибирская железная дорога не могла сколько-нибудь серьезно конкурировать с морскими путями, прежде всего из Западной Европы, в Китай и на Дальний Восток. Морской путь, торговое судоходство оказалось более дешевым и малопроblemным видом транспорта для экспортных и импортных грузовых перевозок.

Витте понял это, пожалуй, намного раньше других членов российского Кабинета министров. Только этим можно объяснить тот факт, что еще задолго до сдачи трассы в эксплуатацию Министерство финансов в своих официальных изданиях приоритетное внимание уделяли экономическому развитию Сибирского региона. О внешнеторговых выгодах нового пути для России говорилось все меньше и меньше.

Возможности Южной Сибири, как производителя хлеба на продажу, оказались действительно уникальными. Но что могла сделать новопостроенная железная дорога для вывоза хлебных грузов из Сибири? Совсем мало: она имела всего 700 крытых грузовых вагонов, а на станциях отсутствовали зернохранилища. В конце 90-х годов XIX века газеты писали, что Великая железнодорожная трасса просто задыхается от хлебных грузов в связи с хорошими урожаями тех лет.

Это было действительно так. Зимой 1897—1898 годов на дороге скопилось около 5 миллионов пудов различных грузов,

преимущественно хлебных. Эти залежи требовали 7000 вагонов, которых имелось в десять раз меньше. Ежедневно отправлялось по 100—120 вагонов с местным зерном, а реальная возможность их пропуска через станцию Челябинск в сторону Волги составляла только 50 вагонов в сутки. В результате хлебные грузы ждали по три, а то и по четыре месяца.

Витте, его единомышленники по строительству Транссиба видели выход из подобных ситуаций только в скорейшей реконструкции дороги. К тому же подстегивала и неблагоприятная для империи внешнеполитическая ситуация на Дальнем Востоке. И поэтому уже в феврале 1899 года новый император Николай II выделил для модернизации еще строящейся железнодорожной магистрали первую субсидию в 84,8 миллиона рублей. Министру финансов С.Ю. Витте не составило большого труда убедить Николая II в жизненной важности улучшения сибирского пути на Восток. Это стало началом целого ряда «корректировок» действительно Великого железнодорожного проекта.

Для России строительство железных дорог стало одним из важнейших факторов экономического подъема. По замыслу С.Ю. Витте оно разворачивалось в трех основных направлениях. Во-первых, новые дороги в европейской части страны имели промышленно-экономический характер. Во-вторых, дороги огромной протяженности строились на российских окраинах — в Сибири и Туркестане. И, в-третьих, дороги, которые вели к государственной границе, имели военно-стратегический характер.

Витте, как государственный, по сути дела на протяжении многих лет железнодорожного бума в России заботился не только об экономической выгодности железных дорог. Большинство из них выходило к западной и южной границе империи. Такое случайностью назвать было нельзя. Ведь в случае угрозы войны именно по этим путям сообщения должна была перемещаться русская армия. Так происходило и в ходе русско-японской войны, и в Первой мировой войне.

Именно Сергею Юльевиче Витте принадлежала мысль о том, что железные дороги это не только символ экономического развития Отечества. Железнодорожные магистрали являлись и убедительным гарантом военной безопасности Российского государства. Это показала прежде всего Первая мировая война 1914—1918 годов.

В истории государства Российского автором бума железнодорожного строительства и «главным строителем» путей сообщения на паровой тяге все же был некто иной, как сам император Александр III: за 13 лет его царствования без войн и почти без военных походов протяженность российских железных дорог увеличилась в 18 раз.

Однако нельзя утверждать, что Витте в своих помыслах уповал только на железные дороги. Он прекрасно знал, например, что могущество британской короны основано на силе английского флота, как военного, так и торгового. Россия тоже была мировой морской державой, имея много прекрасных гаваней на Балтийском и Черном морях, на арктическом Севере и берегах Тихого океана. Правда, последние предстояло еще только освоить и обустроить.

К тому времени, когда Витте занял пост главы финансового ведомства, в России начало развиваться торговое пароходство. Но не только оно. В царствование императора Александра III возродился военный Черноморский флот, права на обладание которым империя лишилась по Парижскому мирному трактату, который подвел черту под Восточной (или Крымской) войной 1853—1856 годов. Россия добилась на европейском Берлинском конгрессе снятия этого запрета, которое унижало ее национальное достоинство и государственный суверенитет.

У императора Александра III зародилось немало мыслей о расширении отечественного флота, освоения берегов Северного Ледовитого и Тихого океанов.

Витте довелось участвовать в финансовом строительстве нового (незамерзающего) военного порта на Балтике — Либавы. По мысли Александра III она должна была стать четвертой главной гаванью для флота Балтийского моря после Кронштадтской крепости, Ревеля и Гельсингфорса. Такую идею подали императору управляющий Морским министерством адмирал Н.М. Чихачев и начальник Главного штаба генерал-адъютант Н.Н. Обручев. Министр финансов поддержал мнение этих высокопоставленных военных лиц.

Однако строительство военного порта в Либаве породило у монарха еще одну мысль. Она заключалась в том, что Россия должна иметь для военно-морского флота действительно удобную гавань, которая была бы глубоководной, совершенно от-

крытой для выхода в море и совершенно не замерзающей. Как оказалось, такого места на Балтике не имелось, но на северном побережье Мурмана, на русском Севере такая глубоководная гавань имелась.

Собственно говоря, эта мысль уже давно обсуждалась в верхах благодаря завидной энергии и настойчивости вице-адмирала Степана Осиповича Макарова. Макаров давно обращал внимание на то, что Россия, как морская держава, не имеет хорошо оснащенной военной гавани для выхода флота в открытый Мировой океан. Броненосные флоты Балтийского и Черного морей могли выйти на его просторы только через проливы, которые находились в чужих руках.

После некоторых размышлений Александр III решил послать туда в служебную командировку не адмирала Н.М. Чихачева или генерала от инфантерии Н.Н.Обручева, а человека сугубо гражданского в лице министра финансов, несомненным достоинством которого была забота о государственных интересах. Витте писал в мемуарах:

«Император и поручил мне поехать на север, познакомиться с ним и узнать, нельзя ли найти там такого рода не замерзающую гавань, где можно было бы строить большой военный флот, такую гавань, которая послужила бы нам главной морской базой».

Причин выбора кандидатуры на такую поездку виделось две. Во-первых, Чихачев и Обручев настаивали, что главной базой российского Императорского флота должна стать именно Либава, как самая близкая военная гавань к европейскому театру войны, а не северный Мурман. Во-вторых, северное пароходство ведомственно относилось бы к департаменту торговли и мануфактур Министерства финансов, то есть оно было в известной степени подотчетно Витте, как все прочие коммерческие и частные пароходства России. Поэтому Сергею Юльевичу и поручалось хозяйским оком взглянуть и на военную, и на хозяйственную перспективность русского Севера.

Поездку на Мурманское побережье Кольского полуострова Витте совершил летом 1894 года. Давая наставления ему на командировку, император, среди прочего, сказал Сергею Юльевичу, что мечтает о железной дороге, которая бы пролегла к арктическому побережью России через северные лесные просторы

ры: «что край этот, интересы которого он принимал очень близко к сердцу, не был обделен железными дорогами».

Витте благоразумно собрал небольшую команду, которая бы помогала ему в выполнении поставленной задачи. Он взял с собой в поездку хорошо знакомых ему людей — директора личной канцелярии Петра Михайловича Романова, Илью Ильича Кази (работавшего одно время в одесском Русском обществе пароходства и торговли) и Александра Егоровича Конкевича (полицмейстера города Либавы, до того долго служившего морским офицером). Первый впоследствии станет членом Государственного совета и председателем его бюджетной комиссии. Два других отличались известной компетентностью в морском деле.

Команду министра дополнили еще два нужных человека. Одним из них был талантливый журналист из «Московских ведомостей» Кочетов (писавший корреспонденции под псевдонимом «Евгений Львов») и Борисов. Последний обещал вырасти в большого живописца. Сын простого крестьянина-помора с несомненным художественным дарованием был пристроен в живописную мастерскую Соловецкого монастыря, в которой писал образа. Там его и нашел генерал Гончаров, известный почитатель отечественных искусств. Он и «вытащил» мальчика с Соловков, устроив его на учебу в Академию художеств. За обучение Борисова в складчину платили несколько человек, в том числе сам Гончаров и его близкий знакомый полицмейстер Либавы Кази. Часть ежегодного взноса за одаренного крестьянского сына платил и Витте.

Витте со своими спутниками по железной дороге доехали до Ярославля. Дальше их путь лежал по северным рекам: сперва к Великому Устюгу, затем в Котлас. Оттуда в Архангельск по Северной Двине ходили колесные пароходы. Витте назвал эту тихо несущую свои полные воды в Белое море реку «превосходнейшим водным путем».

В Архангельске министр финансов стал гостем местного губернатора Энгельгардта. Из столицы русского Севера С.Ю. Витте пароходом отбыл на Соловецкие острова, в старинный монастырь, широко известный в православном мире. Монастырь и острова произвели на Сергея Юльевича большое впечатление своей суровостью, историей и величавой природой островного беломорского архипелага.

Местный настоятель приветливо встретил не частых здесь столичных гостей и подарил своеобразный сувенир: шкатулку из карельской березы, в которой хранился осколок бомбы, которыми английские корабли обстреливали монастырь.

Проведя в Соловецком монастыре два дня, Витте и его спутники на том же пароходе отправились к берегам Мурмана. Они уже знали, что самой лучшей гаванью там является Екатерининская. Однако по пути к ней пароход заходил во многие другие гавани, чтобы своими глазами оценить их достоинства.

Екатерининская гавань, этот огромный фиорд, поразила прибывших из столицы должностных лиц своими размерами, глубинами и защищенностью от штормовых ветров. Гавань почти никогда не замерзала вследствие теплых вод океанского течения Гольфстрим. К тому же здесь было мало естественных опасностей для мореходства в виде мелей и подводных скал.

Говоря о перспективах Екатерининской гавани, С.Ю. Витте оставил довольно любопытные записи, которые появились в его дневнике уже после Русско-японской войны 1904—1905 годов:

«Для меня во всяком случае несомненно то, что если бы остался жив император Александр III, нашей морской базой была бы мурманская гавань и именно Екатерининская гавань, это, вероятно, предотвратило бы нас от искания какого-нибудь незамерзающего открытого порта, под влиянием каковой идеи мы залезли в Порт-Артур. Этот несчастный шаг завел нас в такие дебри, из которых мы до сих пор не можем выбраться, то есть не можем уравновеситься от тех последствий, которые из-за этого легкомысленного шага произошли».

Правительственная комиссия обследовала Екатерининскую гавань в течение нескольких дней. Было установлено, что лучшего места для устройства порта на мурманских берегах придумать было невозможно. Но если до гавани морем было добраться без больших сложностей, то дороги к ней по суше еще не существовало. Если не считать, разумеется, оленьих троп местных аборигенов.

Тогда, во время пребывания на Мурмане, у С.Ю. Витте зародилась идея проложить сюда сквозь карельские леса, болота и тундру Мурманского полуострова железную дорогу и обустроить современный порт. Эта идея не осталась долго прожектом: в Первую мировую войну такая железнодорожная магистраль была,

проложена и стала самой северной для всего мира. Ее окончательностью стал морской порт, куда приходили корабли союзников России и базировалась русская Северная флотилия.

Министр финансов оценил не только достоинства и перспективность Екатерининской гавани, но и ее неудобства. То есть он смотрел с точки зрения практических выгод при ее освоении и эксплуатации. Витте писал на этот счет следующее:

«Неудобства этой гавани главным образом состоят в том, что там почти нет лета, затем около полгода там темень, и, с другой стороны, местность эта слишком отдалена от России, от тех местностей, которые могли бы служить питанием порта (в том случае, если бы там был устроен этот большой морской порт).

Но одновременно указывая на выгоды устройства там гавани, я указывал и на то, что если желательно устроить там морскую базу, то, конечно, прежде всего, необходимо эту Екатерининскую гавань непосредственно соединить двухколейной железной дорогой с Петербургом и с общей сетью железных дорог.

Если будет построена эта железная дорога, то отдаленности этой гавани от всех центральных местностей — центральной России — уже не будет; она даже, в сущности, будет ближе, нежели Архангельск.

Я обращал внимание и на то, что если будет устроена там гавань (а, следовательно, там будут жить моряки), то необходимо, конечно, дать им свет, устроив очень сильное электрическое освещение, так как там, как я уже указывал, полгода почти вечная ночь. Так что весь этот морской берег необходимо будет пержать под сильным электрическим светом».

Находясь на мурманском берегу, Витте много беседовал с местными жителями, рыбаками-поморами. Они помогли ему составить действительное представление об этом северном крае, который экономическая жизнь страны почти не затрагивала.

Много интересного поведали министру финансов и монахи Печенги. Они рассказали ему о жизни соседей-норвежцев, процветание которых во многом зависело от северных морей. Но те же моря могли одаривать своими богатствами и россиян, наладь они здесь промышленное рыбопромысловое и китобойное дело.

Из Екатерининской гавани пароход взял курс на запад. Члены комиссии посетили залив Печенгу, где на границе с Нор-

вегией находился самый северный русский православный монастырь. Он был такой маленький, что больше напоминал монастырский скит, приютившийся на берегах Ледовитого океана.

Из Печенги пароход, обогнув мыс Нордкап, направился в обход Скандинавии в Балтийское море. Витте и его спутники посетили несколько норвежских портов, в том числе столицу страны Христианию, нынешний Осло. После этого пароход, пройдя Датские проливы, вошел в Балтику и направился в столицу Швеции Стокгольм. Витте провел в нем несколько дней.

Посещение российским министром финансов столиц двух государств к официальным визитам не относилось, хотя он провел там несколько встреч со своими норвежскими и шведскими коллегами. Витте имел беседы в посольствах России: речь в основном шла о расширении взаимовыгодного торгового сотрудничества с двумя скандинавскими государствами, которые были соседями России и придерживались с ней дружественных отношений.

Из Стокгольма комиссия С.Ю. Витте морем прибыла в Финляндию, а в Санкт-Петербург министр финансов и его спутники возвратились поездом.

В столицу Сергей Юльевич вернулся с почти готовым докладом о своей поездке на русский Север. Он писал в докладе, что на берегах Мурмана Россия обладает прекрасной естественной Екатерининской гаванью, способной принимать океанские корабли и быть удобной базой для военного флота, который имел прямой выход в мировой океан. Ко всему прочему, глубоководная гавань не замерзала и могла быть легко защищена в случае войны.

Витте подчеркивал, что с устройством здесь большого торгового порта Российская держава получала еще один выход в Северный Ледовитый океан, более удобный, чем выход через замерзающее на целых полгода Белое море, из Архангельска.

Когда доклад о поездке на Беломорье был готов и отпечатан, в первую же пятницу (то есть в обыкновенный день для докладов государю) С.Ю. Витте прибыл в Петергоф. Там в это время находился император, которому прибывший из служебной командировки министр финансов сделал всеподданнейший

доклад. Витте писал в своих «Воспоминаниях» о своей последней встрече с Александром III, своего благодетеля, которого он боготворил до конца жизни:

«В тот день я видел императора Александра III в последний раз в моей жизни.

Государь ранее почти никогда не болел, в последнее же время вообще имел вид очень болезненный, как будто был налит водою; император от природы имел бледный цвет лица.

Еще раньше, до того как я уехал на север, болезнь его была явной для всех лиц, имевших счастье видеть его в обыкновенной обстановке.

Известно, что государь в Зимний дворец не переезжал; еще будучи наследником, он занимал Аничковский дворец и так все свое царствование он и пробыл в Аничковском дворце.

Говорили, что у государя болезнь почек; многие приписывали эту болезнь тому, что он себя надорвал во время катастрофы в Борках при крушении императорского поезда.

Когда же на место крушения поезда я был вызван в качестве эксперта, и мне было известно из рассказов, которые я там слышал, что во время крушения поезда государь с царской семьей был в столовой комнате, когда вагон разбился и крыша вагона накрыла сидящих, государь удержал эту крышу на своих плечах, что он мог сделать благодаря своей гигантской фигуре.

С тех пор, как говорят, он и начал болеть почками (император скончался от нефрита. — *Автор*), но не обращал на это внимания.

В конце концов от этой или от другой причины, тем не менее он еще за год до смерти был явно чрезвычайно сильно болен.

Но император Александр III крайне не любил лечиться и не обращал никакого внимания на свою болезнь.

Вызванный к императору московский профессор Захарьин, которого я знал лично, очень жаловался на то, что вообще император Александр III не исполняет того режима и лечения, которые ему предписаны, то есть мало придает значения советам и указаниям докторов.

В тот последний раз, я имел честь докладывать государю императору (этот день я помню так, как будто это было сегодня)».

Витте прибыл для доклада, где государь проживал в маленьком загородном дворце, «простой буржуазный домик». Император занимал в нем на втором этаже две небольшие комнаты, одна из которых была его рабочим кабинетом, а вторая, проходная, — его личными апартаментами. Прибывшего к нему с докладом Александр III усаживал за стол, за которым на противоположной стороне усаживался сам.

Министр финансов был одним из нескольких докладчиков, которые в тот день прибыли в Петергоф. Витте был постоянным посетителем самодержца в такие рабочие пятницы. Чаще него, пожалуй, доклады делал только военный министр. Сергей Юльевич писал далее:

«И вот, посадив, таким образом, меня, государь стал слушать мой доклад. Но, при всей его терпеливости и спокойствию, он, видимо, волновался; он хотел, очевидно, увидеть, что находится у меня в папке.

Когда я дошел до конца и государь увидел у меня в папке печатную записку, то он как будто бы обрадовался и говорит:

— Это, наверное, ваш доклад, я с таким нетерпением его жду. Впрочем, я так и знал, что раньше, чем вы придете с докладом, вы его напечатаете, поэтому я все время терпеливо ждал и не спрашивал, пока вы не кончили доклад. Я очень вам благодарен за ваш приезд, главным образом, за то, что вы доклад этот мне доставили, пока я еще не уехал.

Это был последний мой доклад — больше я уже императора Александра III не видел».

Смерть всероссийского государя Александра III Александровича Романова, для отечественной истории Царя-Миротворца, великий реформатор Витте воспринял как большую потерю для Российской державы. Он, среди прочего, понимал, что наследник царевич Николай есть лишь не самая яркая тень своего отца, обладавшего действительно государственным мышлением. Витте писал о императоре Александре III:

«Большое несчастье, что он процарствовал так мало: всего 13 лет, но и в эти 13 лет фигура его как императора совершенно обрисовалась и выросла. Это почувствовала вся Россия и вся заграница в день его смерти.

Но императора Александра III его современники и ближайшее поколение далеко не оценили, и большинство относится к его царствованию скептически.

Это в высокой степени несправедливо».

Реакция на смерть российского самодержца в мире, по восприятию С.Ю. Витте, была на удивление единодушной и показательна благожелательной:

«Все без исключения газеты всех направлений и всех стран писали императору дифирамбы, признавая его громадное значение в международной жизни всего мира, а также отдавая справедливость его честному, благородному, правдивому и прямому характеру.

Весь мир признавал, что если последних тринадцать лет во время царствования императора Александра III Россия жила в покое и вся Европа прожила мирно, то это только благодаря крайне миролюбивому характеру императора Александра III. Который был миролюбив не на словах — он не подавал инициативы для различных мирных конференций, мирных выступлений и мирных погрешек, а фактически, по существу своего высокого характера, был тверд, но в высокой степени миролюбив».

Витте, как исследователь дел и «причастности» усопшего монарха к росту мощи империи, указывал на ряд моментов, без которых нельзя оценивать царствование очередного Романова. Таких важных моментов, по его мнению, было три:

Во-первых, в юности Александр не получил должного для монарха образования. Наследником был его старший брат Николай, на которого и было обращено все внимание заботливого отца, семьи и воспитателей.

Во-вторых, отец оставил сыну престол страны, в которой наблюдались «неблагоприятные стороны в качестве различных брожений в обществе и смуты. Они стали, по мнению Витте, следствием колебаний, которые проявил император Александр II при управлении Россией в последние годы своего царствования.

И, наконец, в-третьих, на правлении сына убитого террористами-народовольцами царя сказалось еще одно немаловажное обстоятельство, которое убежденный монархист С.Ю. Витте в своих мемуарах изложил в таких словах:

«Затем на императора Александра III не могли не влиять, при его в высокой степени честной натуре, те злоупотребления, которые в то время творились в области различных концессий,

банков и различных промышленных обществ, к которым всюду примазывались государственные деятели».

Говоря иными словами, прозорливый Витте указывал на то, что коррупция уже тогда завладела помыслами и делами высших чиновников и придворных сановников. Их поступки, которые становились известны широкой общественности благодаря прессе, не могли укреплять самодержавный строй. Они подрывали правление династии Романовых, что и сказалось через два десятилетия, когда воюющую Россию в 1917 году до основания потрясли две революции — Февральская и Октябрьская. Витте словно заглядывал в будущее своего Отечества.

3

ВОЦАРЕНИЕ ПОСЛЕДНЕГО РОМАНОВА. ХОДЫНКА

Александр III ушел из жизни, оплакиваемый семьей и россиянами, 20 октября 1894 года. Он, исповедавшись и причастившись, почил в Бозе, взглянув последний раз на отца Иоанна Кронштадтского (будущего святого Русской православной церкви), известного среди православных иерархов своим благочестием. Священник до последнего мига стоял у изголовья умирающего императора и держал его голову.

Стоявшие на якоре у Ялты корабли флота Черного моря отсалютовали усопшему государю залпами своих пушек, возвещая о воцарении нового Романова. Держава вступала в новую «николаевскую эпоху». Уже через полчаса после смерти Александра III в небольшой ливадийской церкви первые лица императорской свиты, члены семейства Романовых, офицеры конвоя стали присягать новому монарху Николаю II. Обряд совершал облаченный в золотую ризу местный священник.

Для министра финансов С.Ю. Витте начались напряженные дни, поскольку ему приходилось заниматься расходами на похороны боготворимого им монарха, на коронавание нового все-российского самодержца, решать другие неотложные денежные вопросы, связанные со сменой власть держащего государя.

Собственно говоря, смена власти началась с двух актов особой государственной важности. Первым актом стала присяга новому императору. Вторым — обращение его невесты немецкой принцессы Гессен-Дармштадтской в православную веру. Эта

церемония состоялась на второй день после смерти Александра III. В тот день в российской истории появилось имя Александры Федоровны, последней российской императрицы.

Витте в силу своего жизненного пути не был знаком с личной перепиской императрицы Александры Федоровны с мужем, иначе он мог бы изменить свое представление о наследнике Александра III, о силе его самодержавного духа. В военный 1916 год императрица писала из Царского Села императору Николаю II в прифронтовой Могилев, где находилась Ставка Верховного главнокомандующего России Николая Романова:

«А мы должны передать Бэби (наследнику Алексею. — *Автор*) сильную страну и не смеем быть слабыми — ради него, иначе ему будет еще труднее царствовать, исправляя наши ошибки и крепко натягивая вожжи, которые ты распускаешь. Тебе придется страдать за ошибки своих царственных предшественников, и одному Богу известны твои муки. Да будет твое наследие более легким для Алексея! — У него твердая воля и своя голова. — Не давай ничему ускользывать из твоих рук и не заставь его возопить все сызнова. Будь тверд».

Вряд ли убежденный монархист Сергей Юльевич Витте, принимая присягу на верность новому самодержцу, мог думать о шкате династии Романовых. Скорее всего, он еще не видел исторических признаков ее финала. И думается, его бы до самой глубины души потрясла молитва великой княжны Ольги Николаевны, записанная в девичьем дневнике в том же военном 1916 году:

Пошли нам, Господи, терпенья
В годину буйных мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,

Терпеть позор и оскорбления,
Христос Спаситель, помоги.

Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.
И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

Из Ливадии 27 октября гроб с останками Александра III был отправлен морем в морскую крепость Севастополь, а оттуда по железной дороге в Санкт-Петербург. По пути траурный поезд совершал много остановок для совершения траурных панихид, в том числе на станции Борки близ Харькова.

В столице поезд встречало в полном составе правительство Российской империи. Погребение состоялось в соборе Петропавловской крепости в присутствии представителей всех европейских государств. Присутствовали многие монархи и наследники престолов. 26-летний царь Николай II после траурной церемонии начал официальные приемы: короля Сербии, посланника испанской королевы герцога Альбы и, наконец, собственных министров. В числе первых из них представлялся С.Ю. Витте, которого новый император знал давно и достаточно хорошо, испытывая к нему личные симпатии.

Витте отнесся к смене обладателя императорского престола с известной осторожностью в суждениях и прогнозах. Пока было ясно одно: авторитарное правление Александра III кануло в историю. Чувствовалось, что Россию ожидает эпоха реформ и либеральных перемен. Их не надо было торопить, поскольку их приход в российскую действительность оставался делом времени.

Министерство финансов стало «лично причастным» к коронации последнего всероссийского императора. При этом оказалось, что расходы на торжества превысили запланированные одиннадцать миллионов чуть ли не вдвое. Однако казна оказалась готовой к такому повороту.

Первопрестольная Москва встречала Николая II в день его рождения — 6 мая 1895 года. 14 мая начались торжества, в которых приняли участие члены Комитета министров. Коронавание проходило в Успенском соборе Московского Кремля. Церемонию открыл митрополит Санкт-Петербургский Палладий:

«Благочестивый Великий Государь, наш Император и Самодержец Всероссийский!

Понеже благоволением Божиим и действием Святого и Всеосвящающего Духа и Вашим изволением имеет ныне в сем первопрестольном храме совершиться Императорского Вашего Величества Коронавание и от святого мира помазание. По обычаю древних христианских Монархов и Боговенчаных Ваших Предков, да соблаговолит Величество Ваше вослух верных подданных Ваших исповедать православную кафолическую веру, како веруешь?»

С этими словами митрополит Палладий поднес государю открытую церемониальную книгу. Тот громко и отчетливо «прочитал Символ Веры, осенив себя крестным знамением троекратно при произнесении святых имен Бога Отца, Бога Сына и Святого Духа».

После прочтения Николаем II «Символа Веры» митрополит, прежде чем сойти с тронного места, произнес:

— Благодать Святого Духа да будет с Тобою. Аминь.

По окончании молитвы наступила одна из самых торжественных минут церемонии коронавания. Император повелел подать себе корону. К тронному месту подошел генерал-фельдмаршал граф Дмитрий Алексеевич Милютин, имевший чин генерал-адъютанта. Он держал в руках подушечку из малинового бархата, на которой покоилась усыпанная бриллиантами большая императорская корона. Ее принял митрополит Палладий. Он же и подал ее государю. Николай II принял ее и собственноручно возложил ее на свою голову. Церемония проходила при полном молчании сотен приглашенных.

После этого митрополит произнес традиционные слова: «Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа». После сказанного Палладий прочел по книге полагающуюся по такому случаю речь:

«Благочестивейший, Самодержавнейший Великий Государь Император Всероссийский! Видимое сие и вещественное главы Твоея украшение — явный образ есть, яко Тебя, Главу всероссийского народа, венчает невидимо Царь Славы Христос, бла-

гословением Своим благостынным утверждая Тебе владычественную и верховную власть над людьми Своими».

После этого Николай II приказал подать себе скипетр и державу. Эти державные регалии ему торжественно поднес все тот же митрополит Палладий, прочитавший по церемониальной книге новую речь. Одетый в порфиру, с короной на голове, со скипетром в правой руке и державою в левой, Николай вновь воссел на императорский престол.

Церемония коронования на этом не завершилась. К трону по зову самодержца подошла императрица Александра Федоровна. Она встала перед супругом на колени на малиновую бархатную подушечку. Николай II снял с себя корону, прикоснулся ей к голове жены и снова возложил корону на себя. После этого митрополит Палладий подал ему малую корону, которую монарх возложил на голову коленопреклоненной Александры Федоровны.

После этого императору поднесли порфиру и алмазную цепь главного русского ордена — Святого апостола Андрея Первозванного. Монарх при помощи ассистентов императрицы великих князей Сергея и Павла Александровичей, а также статс-дамы графини Строгановой возложил эти регалии на императрицу. После этого она, облаченная в порфиру с алмазной цепью, с короной на голове встала на свое место подле мужа. Тот торжественно поцеловал ее.

После этого главные участники церемонии коронования вышли из собора и поднялись на красное крыльцо кремлевского дворца. Под громогласное «ура!», под трубные звуки гимна «Боже, царя храни!» всероссийский император и императрица Александра Федоровна трижды поклонились собравшейся в Кремле огромной толпе народа.

Всю церемонию коронования С.Ю. Витте простоял в первых рядах таких же, как и он, высокопоставленных чиновников в ранге министров. Вечером он по специальному приглашению принял участие на торжественном ужине в честь коронования Николая II. Стол был накрыт на 7000 тщательно отобранных персон.

Церемония коронования включала в себя народные гулянья с раздачей простому люду «царских подарков». Место было выбрано традиционное — ныне печально известное Ходынское

поле, Ходынка. Там в 1883 году уже проходили подобные торжества по случаю коронации Александра III. В восточной части поля было сколочено полторы сотни дощатых киосков. «Царский подарок» включал в себя сайку и завернутые в платок пряник, кусок колбасы, сладости в виде орешков, изюма, сушеных фиг, и главное — эмалированную кружку с императорскими вензелями, стоившую 10 копеек. С этой кружкой можно было подойти к большим бочкам с кранами, из которых лилось пиво и медовый напиток. Раздача гостинцев сопровождалась театральными представлениями, аттракционами и другими зрелищами.

Слухи о богатых «царских подарках» привлекли на Ходынское поле около 200 тысяч москвичей. Многие из них провели ночь перед коронованием здесь у костров. Раздача подарков началась в 10 часов утра. Беспорядки начались сразу же после того, как по толпе пронесся слух, что нечестные буфетчики одаривают только «своих» и что царских гостинцев на всех не хватит. Десятки тысяч людей ринулись огромной толпой к киоскам.

Ходынское поле было во многих местах изрыто ямами, которые городские власти не потрудились засыпать перед народным гуляньем. Но самое страшное крылось в другом: вблизи киосков гянулся огромный овраг. Из него зимой для посыпки улиц во время гололеда брали песок. В довершение всего на Ходынке за оврагом находились два колодца, кое-как прикрытых досками: они были вырыты в 1891 году при проведении Французской выставки.

Овраг и колодцы стали смертельной ловушкой для сотен и сотен людей. Толпа в панике продолжала рваться к киоскам. Упавших затапывали на месте. Перепуганные буфетчики стали швырять в толпу узелки с «царскими подарками». Над Ходынкой стоял крик многоголосой толпы. Прибывшим на поле пожарникам и полицейским с великим трудом удалось создать живой кордон, отрезав обезумевшую толпу от оврага.

Весь день на поле и с поля ехали подводы, вывозя погибших и раненых. Московские больницы и другие лечебные заведения, морги и полицейские участки были переполнены пострадавшими. По официальным данным, в тот трагический день погибло 1389 человек, изувечено 1300 человек. Среди жертв оказалось много детей и женщин.

Большая часть прибывших на Ходынку москвичей оказалась в стороне от оврага, ставшего местом трагедии. Люди мирно пили и закусывали, смотрели театральные зрелища, выступления канатных плясунов, славили царя. Когда Николай II с императрицей в назначенное время прибыл в устроенный здесь для него Императорский павильон, на поле еще лежали сотни трупов, прикрытых брезентом. Когда венценосные Романовы вышли на почетную трибуну, над Ходынским полем разнеслось многоголосое «ура!».

Когда монарху доложили о случившейся трагедии, он вознамерился было прекратить коронационные торжества. Но его отговорили дяди — великие князья Владимир и Сергей Александровичи. Они привели убедительный пример: когда в 1867 году в Британии отмечалось 50-летие вступления на престол королевы Виктории, в Лондоне при схожих обстоятельствах погибло четыре тысячи человек. Давка была не в пример ходынской. Николай II не отменил торжества, но повелел выдать из казны каждой семье погибшего или изувеченного по тысяче рублей. Данные Николаю II советы великих князей С.Ю. Витте назвал «дурными советами».

Все же случившаяся трагедия наложила свой отпечаток на участников коронационных торжеств. Витте узнал о беде на Ходынке, когда сажился в экипаж, чтобы следовать туда за царской четой. Он записал в дневнике о своем тревожном состоянии в те минуты:

«В таком настроении я поехал на Ходынское поле, в таком настроении приехали, конечно, и все остальные лица, которые должны были присутствовать на этом торжестве. Меня мучил прежде всего вопрос, как же поступят со всеми искалеченными людьми? Как поступят со всеми этими трупами убитых людей? Успеют ли поразвозить по больницам тех, кто еще не умерли, а трупы свезти в какое-нибудь такое место, где бы они не находились на виду у всего остального, веселящегося народа, Государя, всех его иностранных гостей и всей тысячной свиты? Затем у меня являлся вопрос, не последует ли приказ Государя, чтобы все веселое торжество по случаю происшедшего несчастья обратить в торжество печальное и вместо слушания песен и концертов выслушать на поле торжественное богослужение.

Когда я приехал на место, то уже ничего особенного не заметил, как будто никакой особой катастрофы и не произошло, потому что с утра успели все убрать. И никаких видимых следов катастрофы не было, ничего не бросалось в глаза, а где могли быть какие-нибудь признаки катастрофы — все это было замаскировано и сглажено».

Когда в последующие дни императорская чета в сопровождении придворной элиты (в числе которой был и министр финансов) проезжала по московским улицам и площадям, из толпы послышались крики:

— Не по обедам ездите! Поезжайте на похороны!..

— Царь! Разыщите виновных!..

Чтобы сбить народное возмущение в Москве, правительство пошло на следующий шаг: был «проворно» проведен опрос горожан. Они высказывались только по одному вопросу — кто лично виновен в трагедии на Ходынском поле. Большинство опрошенных назвали московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича и ближайших его чиновников. Все же член семейства Романовых, к тому же женатый на сестре императрицы, не поплатился своей должностью, хотя с тех дней он получил прозвище «князя Ходынского». Были наказаны лишь чиновники из числа второстепенных лиц. На том для императора и закончился коронационный инцидент.

Наконец, расследование причин трагедии во время коронации было поручено министру юстиции Николаю Валериановичу Муравьеву, бывшему прокурору московской судной палаты. Ходынскую катастрофу он описал с большой точностью, но, по замечанию С.Ю. Витте, «насчет виновности — он эти вопросы обходит». В том положении определение главного виновника трагедии на Ходынке для министра юстиции означало только одно: полную отставку. На что, разумеется, Муравьев согласен не был.

Столичный двор разделился на две партии: одни считали, что вина в организации народного гулянья на Ходынке, которое обернулось трагедией для тысяч горожан, лежит на московском генерал-губернаторе великом князе Сергее Александровиче и обер-полицмейстере (начальнике московской полиции) полковнике Власовском. Другая партия вину возлагала на главного организатора коронационных торжеств министра императорского

двора графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова, оставившего заметный след в административном и хозяйственном обустройстве Кавказского края.

Чтобы сгладить эти взаимные обвинения, расследование дела перепоручается бывшему министру юстиции графу Константину Ивановичу фон дер Палену. Тот провел собственное расследование, но допустил при этом одну непростительную для себя ошибку. В частной беседе при дворе Пален как-то сказал, что там, где великие князья занимают ответственные посты, всегда происходят какие-то беды и внутренние беспорядки. Когда слова графа получили огласку при дворе, против него ополчилось чуть ли не все семейство Романовых.

Пален представил окончательный вариант расследования Ходынской трагедии императору, который лестно отозвался об уровне законченного дела. Там были названы и конкретные виновники случившегося. Но когда через несколько дней в столицу из Москвы приехал великий князь Сергей Александрович (за которого горой встали все другие великие князья Александровичи), то под его нажимом доклад графа фон дер Палена был переписан в выгодном для него свете.

Витте был за справедливое расследование большой трагедии, которая одела тысячи домов москвичей в траур. Знакомый с исходом расследования Ходынского дела, он так сказал в своих «Записках» о его следственном финале:

«Все дело было заглушено, но, конечно, оно надолго останется в летописях русской истории».

Здесь Сергей Юльевич не ошибался. Когда левые — либералы и социалисты (и не только эти антимонархические силы) в России начнут затяжную атаку позиций царствующей династии Романовых, Ходынка будет написана на их красных знаменах, как одно из «преступлений» императора Николая II против собственного народа. С чем, историки, разумеется, могут поспорить.

Виновник трагедии на народных коронационных торжествах в Москве все же был найден и примерно наказан. Об этом писали все российские и многие большие европейские газеты. «Козлом отпущения» оказался московский обер-полицмейстер полковник Власовский. В своих мемуарах С.Ю. Витте дает ему уничтожающую характеристику:

«Власовский действительно принадлежал к числу таких людей, которых достаточно видеть и поговорить с ними минут 10, чтобы усмотреть, что он представляет собой такого рода тип, который на русском языке называется «хамом». Все свое свободное время этот человек проводил в ресторанах и кутежах. По натуре Власовский человек хитрый и пронырливый, вообще же он имеет вид хама-держиморды. Он внедрил и укрепил в московской полиции начала общего взяточничества. С наружной стороны, действительно, он как будто бы держал в Москве порядок. Кроме того, он был очень удобный человек, потому что весь двор великого князя Сергея Александровича, конечно, обращался с ним не как с господином, а как с хамом, и он исполнял всевозможные поручения этой великокняжеской дворни».

Московский обер-полицмейстер, «признанный» главным виновником трагедии на Ходынском поле, был уволен со службы. После этого следственные дела Муравьева и графа Палена, двух министров юстиции — настоящего и бывшего — были списаны в архив...

Московские коронационные торжества были для российского министра финансов достаточно напряженными рабочими днями. Он, например, обговаривал различные вопросы с интересующими его лицами на балу, который давал для царской четы и их гостей французский посол граф Монтебелло, будущий маркиз. Расходы на проведение бала оплачивала, однако, не казна Французской Республики, а обладавшая большим личным состоянием супруга посла графиня Монтебелло.

Витте приехал на бал с Дмитрием Сергеевичем Сипягиным, главноуправляющим Комиссии прошений (будущим министром внутренних дел, смертельно раненным в апреле 1904 года в Мариинском дворце из револьвера членом боевой организации партии социалистов-революционеров Балмашевым). Витте и Сипягина связывала совместная деятельность в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности, в котором они демонстрировали полное единство взглядов. И тому, и другому на балу было с кем встретиться и поговорить.

В праздничной Москве в негласной обстановке проходили довольно напряженные переговоры между делегациями России и Японии по корейскому вопросу. С российской стороны их вел

министр иностранных дел престарелый князь А.Б. Лобанов-Ростовский, в состав делегации входил министр финансов. Витте считал заключенный договор о разделе Кореи на две зоны влияния весьма удачным. Влияние России в этой буферной для двух государств дальневосточной стране выглядело, согласно достигнутой договоренности, доминирующим.

В своих «Воспоминаниях» Сергей Юльевич не оговаривается о том, что московский договор о разделе Кореи на две зоны влияния, между прочим, лежал в основе будущей Русско-японской войны 1904—1905 годов. Его дискриминационный характер по отношению к Токио, разумеется, вызвал негодование на Японских островах. В Стране восходящего Солнца относились к Стране спокойного утра как к своему законному доминиону.

Витте же описывал российско-китайский договор по Корее только с позиций сегодняшнего дня, не пытаясь искать в нем источник будущего военного конфликта на Дальнем Востоке. Он так описывал этот удачный шаг российской дипломатии:

«Представители Японии охотно на этот договор согласились. Мы могли иметь по этому договору в Корее военных инструкторов и несколько сотен человек наших солдат, так что в военном и финансовом отношении, в смысле управления государственными финансами, России были предоставлены значительные, можно сказать, доминирующие права. Так, по этому договору мы должны были назначить и советника по финансовым делам при корейском императоре, что равносильно назначению министра финансов.

Но влияние на Корею было обоюдное, как со стороны России, так и со стороны Японии. Япония также могла иметь там промышленные общества и вершить торговлю. Никаких особых денежных преимуществ, которые не были бы предоставлены Японии, одинаково не допускались и России...»

Финансовая сторона договора двух дальневосточных соседей по Корее стала плодом усилий С.Ю. Витте. Эта часть договоренности действительно давала определенные приоритеты российской стороне в хозяйственной деятельности на корейской земле. Поэтому С.Ю. Витте не раз говорил о том, что он считал московский договор удачным для Российской империи, которая в то время утверждала себя на берегах Тихого океана.

Московское соглашение для международной дипломатии имело одно принципиальное значение. А для Страны спокойно-го утра — историческое. Разделение сфер влияния на Корейском полуострове подразумевал под собой сферы влияния над страной, обладавшей государственной самостоятельностью. До войны Японии с Китаем (победительницей стала последняя) Корея формально считалась как бы автономной областью Китайской империи и находилась под ее полным влиянием.

В праздничной Москве между Россией и Японией был заключен еще один межгосударственный договор — о торговле и мореплавании. На этот раз российскую делегацию возглавляли два человека: министры иностранных дел и финансов князь А. Б. Лобанов-Ростовский и С. Ю. Витте. Хотя торговый товарооборот между двумя странами сколько-нибудь значительным тогда еще не был, морские пути позволяли значительно увеличить и экспортные статьи российских товаров, и импорт товаров японской стороны. То есть перспективы развития взаимовыгодной торговли у дальневосточных соседей были действительно хорошие. Такова была позиция экспертов с обеих сторон.

Еще не закончились все коронационные торжества (императорская чета пребывала в Москве и ее окрестностях до 21 июня) в первопрестольной русской столице, как министр финансов 17 мая отправился в служебную командировку на волжские берега. Он уехал в один из крупнейших торговых и промышленных центров страны Нижний Новгород открывать знаменитую на всю Россию Нижегородскую выставку, которая официально открывалась только 28 мая.

Устройство такой традиционной выставки позволяло крепить экономические связи внутри страны, давало отдельным губерниям работать над своей специализацией в производстве товаров и развивать кооперативные начала. Поэтому традиционные Нижегородские выставки переоценивать деловым людям не приходилось. Выставку готовили по поручению министра два ответственных сотрудника его ведомства — директор Департамента Владимир Иванович Ковалевский, известный своей деловой энергичностью, и Тимирязев, который по такому случаю был специально вызван из Берлина. Он имел немалый опыт устройства международных торговых выставок.

То, что С.Ю. Витте приехал в Нижний Новгород загодя до официального открытия выставки, объяснялось просто. 18 июня в город со всей торжественностью по такому случаю прибыл император Николай II, который на три дня остановился в генерал-губернаторском дворце. Самодержца в поездке на берега Волги сопровождали великие князья и многие члены Кабинета министров.

Витте встречал не только государя, но и других почетных гостей, участвовавших в московской церемонии коронации. Среди них были посланник китайского богдыхана канцлер Ли Хун Чжан; (в «Воспоминаниях» Витте — Ли Хун Чан) и великий князь генерал-адмирал Алексей Александрович.

Министр финансов оказался одним из гидов государя на нижегородской выставке. Самодержец со всем вниманием осмотрел многие ее павильоны, чтобы воочию убедиться в экономических возможностях и достижениях полученной им в наследство от отца Российской державы. Свою промышленную, кустарную и сельскохозяйственную продукцию выставили губернии, крупные фирмы, горные заводы, всевозможные кооперативы, образцовые сельские хозяйства из числа крупных и пр.

20 июня Николай II выехал «своим поездом» по железной дороге из Нижнего Новгорода в Петергоф, по-царски благодарственно попрощавшись с С.Ю. Витте и другими организаторами представительной выставки. Она произвела должное впечатление не только на него, но и на высокопоставленных иностранных гостей, среди которых оказалось немало заинтересованных лиц: экономическая разведка уже давно вошла в моду.

Николая II после официального введения на российский престол ожидали важные и неотложные государственные дела. Предстояли официальные визиты в Вену для переговоров с императором Францем-Иосифом, в Германию для встречи с императором Вильгельмом II, в Данию с визитом вежливости к своему родному деду королю Датскому, в Англию на прием к королеве Виктории, бабушке своей супруги, и, наконец, в Париж, для переговоров с французским президентом.

Тесная семья европейских монархов жила и продолжала жить своей корпоративной жизнью. Даже частые войны не делали в ней серьезных трещин. Семья Романовых была связана родственными узами со многими династиями. И новый всероссийский

император решил представиться Европе: и нынешним союзникам, и будущим врагам. Впрочем, в этом ничего необычного для того времени не было. У монархов издревле была своя судьба, иная, чем у миллионов их верноподданных.

4

ОТЕЦ ЗОЛОТОГО ИМПЕРИАЛА. ПРИЗНАНИЕ ЕВРОПЫ

Спустя почти столетие с начала реформаторской деятельности С.Ю. Витте исследователи все больше сходятся на том, что самым революционным его деянием в области российской экономки явилось введение золотого рубля. То есть введение золотого паритета в денежной системе. Случилось это в 1897 году: золотая реформа в финансовой жизни империи не только оздоровила на многие годы вперед хозяйственную жизнь государства, но и придали ему заметный вес в международных отношениях.

Золотая реформа денежного обращения с легкой руки министра финансов стала для России известным потрясением. И для заинтересованной Европы тоже. Дело было в том, что отечественная история, столь богатая различными потрясениями, не столь уж щедра на успешно завершённые реформы. Особенно это казалось серьезных преобразований в экономике, когда романовское самодержавие принимало их в штыки, губя изначально любые новации. К тому же экономическая область по своей сути всегда являлась инертной к реформам, вязкой для прокладывания им пути.

Задумывая невиданную еще в российской летописи денежную реформу, Витте осознавал, что подобное мирное преобразование будет казаться всем, даже государю, исключением. Но только не правилом в экономической поступи империи. В ней, вечной воюющей, даже военные реформы проходили с великим трудом, не исключая реформ Петра Великого и Дмитрия Алексеевича Милютин. Исследователи не случайно сравнивают финансовую реформу с подлинной революцией в жизни страны. В Европе ее назвали «русским чудом», прекрасно зная его подлинного творца.

Витте вспоминал впоследствии: «У меня, когда я сделался министром финансов, не было сомнений в том, что денежное

обращение, основанное на металле, есть благо». Но к окончательной убежденности в этом реформатор пришел не сразу, он в самом начале министерской деятельности проявлял и некоторые колебания, и делал непоследовательные шаги. Причины своих колебаний и неправильных шагов Сергей Юльевич объяснял следующим образом:

«Россия жила на денежной системе, основанной на кредитных билетах, с Севастопольской войны в течение нескольких десятков лет. Все жившие в то время (в конце 80-х годов) поколения не знали и не видели металлического обращения. Ни в университетах, ни в высших школах правильной теории денежного обращения не читалось, по крайней мере, не читались основы металлического денежного обращения. И не читались по той простой причине, что этого обращения не было в действительности, и потому оно имело скорее как бы теоретический, а не практический характер».

Введение золотого рубля в 1897 году превратило российскую денежную единицу в одну из самых устойчивых валют мира почти на два десятилетия, до февральского и октябрьского революционных потрясений 17-го года. Денежная реформа С.Ю. Витта вызвала настоящий всплеск индустриального развития России, питаемого потоком иностранных инвестиций из Франции и Германии, Британии и Бельгии, Соединенных Штатов.

Российская промышленность в рекордные сроки по многим показателям приблизилась к уровню ведущих западных индустриальных государств. Сейчас можно только гадать, в какого исполина могла бы превратиться старая Россия, не впади она в один год в две взаимно исключаящие революции.

Внушительная своей территорией и населением Российская империя считалась свехдержавой, не раз повелевавшая судьбами Европы. Но ее экономика веками оставалась аграрной. Такое положение неизбежно приводило к тому, что из такого хозяйства в рамках государства было крайне сложно выжать «живые деньги для казны». Склонность огромной массы крестьянских дворов к ведению почти натурального хозяйства создавало перед экономикой страны трудно разрешимые задачи.

В такой «застарелой» хозяйственной ситуации экономический кризис грозить России, вероятнее всего, не мог. Причина такой уверенности состояла все в том же натуральном крестьянском

хозяйстве, которым занималась большая часть населения: оно вполне могло обойтись без денег. Но перед империей, а это ясно понимал Витте, постоянно маячил кризис финансовый с хоррошо уже известными миру последствиями.

Любая «незапланированная» война, какое-то внутреннее потрясение, будь то народный бунт, голод или страшная по размаху эпидемия, то есть крупный экстраординарный расход, как говорится, «намертво вышибал» государственный бюджет из его ложа. И тогда российские финансы ставились на грань банкротства. И тогда, чтобы избежать его, правительство было вынуждено идти на непопулярные меры, которые не делали бы власть более прочной, а, наоборот, расшатывали бы ее.

Когда государству грозило финансовое банкротство, тогда у его правительства оставалось два выхода, с которыми не могла сравниться даже ожидаемая военная добыча, то есть контрибуция, взимаемая с побежденной страны. Первый выход состоял в заграничных займах, которые можно было легко брать, но тяжело отдавать с неизбежными процентами. Второй выход виделся в наращивании денежной массы, в выпуске «пустых» бумажных денег (ассигнаций, затем — кредитных рублей).

Эти два выхода борьбы с финансовыми кризисами были известны России еще со времен «золотого века» императрицы-попительницы Екатерины II Великой. Все последующие государи и их правительства шли по этому накатанному пути, «черпая», по стараясь знать меру, из этих двух источников стабилизации финансового положения страны. Впрочем, так делалось не только в России: новатором она здесь не была.

Подобные правительственные деяния неизбежно приводили к двум взаимосвязанным последствиям: более тощим становился бумажный и не менее тощим кошелек того человека, в котором этот рубль лежал. К середине XIX века, по образному выражению писателя М.Е. Салтыкова-Щедрина, «за рубль давали полрубля, а готовы были дать в морду».

Неустойчивость рубля неизбежно вела к его постоянной девальвации. Так, в 1888—1890 годах курс рубля составлял 81,8 его номинала, а в следующем, 1891 году — уже 59,3 номинала. Пропив этого предшественники Витте на посту министра финансов — М.Х. Рейтнер, Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградский раз за разом пытались бороться изъятием из обращения крупных партий ассиг-

наций, то есть излишней денежной массы. Но все эти попытки терпели крах, каждый раз вызывая громкие протесты всех слоев населения сначала в стране, а потом и при дворе.

Автор ряда известных работ в свою бытность профессором Киевского университета Н.Х. Бунге на одном из первых заседаний Комитета финансов, где начиналось обсуждение идеи золотой реформы, предупреждающе сказал Витте:

— Сергей Юльевич. Вам будет очень трудно проводить эту реформу, потому что в комитете финансов нет ни одного человека, который бы это дело знал.

— Почему вы, уважаемый Николай Христианович, так судите о наших коллегах? Ведь все они финансовые эрудиты.

— Дело в том, что все члены комитета теоретически этого дела не изучали и на практике его не видели. Как мы с вами.

Начиная отработку положений и деталей предстоящей золотой реформы Витте попытался найти специалистов-теоретиков металлического денежного обращения. Такой эксперт действительно был найден. Им оказался профессор Киевского университета А.Я. Антонович, написавший по денежному обращению докторскую диссертацию.

Антонович был приглашен в столицу, к новому месту службы. Сторонник необходимости металлического обращения, он, оказавшись в Санкт-Петербурге, скоро превратился в противника денежной реформы Витте. Министр финансов дал киевскому профессору такую характеристику:

«Антонович был недурной человек, порядочный русский профессор, но замечательно хитрый хохол, очень маленький по своему характеру и мировоззрению. В деталях, конечно, он меня сбивал».

Министерству финансов с Антоновичем пришлось вскоре расстаться. Причин отказа от услуг доктора наук было две. Во-первых, он «сумел» протащить в новый устав Государственного банка параграфы о допустимости различных долгосрочных ссуд, основанных не на верных и краткосрочных обеспечениях. После того как устав был введен в действие, Витте, как министру финансов, пришлось вносить в него соответствующие коррективы, налагавшие «вето» на параграфы, принятые по предложениям Антоновича.

Во-вторых, характер у приглашенного из Киева специалиста оказался на редкость неустойчивым, «он по своей натуре гораздо больше думал о своей мелкой пользе, нежели о том, будет ли совершена денежная реформа». Поскольку российское Министерство финансов представляло собой довольно тесный круг единомышленников, то Антонович своим поведением и поступками оказался вне его коллектива, достаточно дружного и сплоченного. Когда Витте понял, что профессор превратился в явного противника золотой реформы и восстановил «крайней грубостью и некультурностью» против себя не только мелких, но и высших чиновников финансового ведомства, то он без сожаления расстался с ним.

Все же у Витте нашелся надежный помощник воплощения идеи о золотом паритете российского рубля. Таким человеком оказался Ю.А. Ротштейн, который был приглашен из Вены для работы в российском Министерстве финансов предшественником Сергея Юльевича — И.А. Вышнеградским. Получив попечение со стороны главы ведомства, Ротштейн был одним из реализаторов перехода к золотому обращению в Австро-Венгрии. Для реформатора Витте он стал доверенным лицом. Подготовка проекта реформы проходила в обстановке строгой секретности. Однако «шила в мешке» утаить не удалось.

Намерения России ввести у себя золотое денежное обращение имели резонанс в Европе, прежде всего во Франции, которая в скором времени стала главным кредитором Санкт-Петербурга. Витте писал в мемуарах о тех теоретических баталиях на международном финансовом поприще.

«Когда я почти совсем овладел этим предметом с точки зрения понимания его, когда я уже почти проломил стену и ввел денежное обращение, основанное исключительно на золоте, мне пришлось по этому вопросу спорить с такими крупными финансистами, — крупными не только в смысле практики, сколько в смысле ума, как, например, знаменитый Альфонс Ротшильд, Леон Сэ, бывший министр финансов в начале Французской Республики, сын знаменитого экономиста Сэ.

В то время и французский премьер-министр, известный экономист Мелин, который проводил во Франции протекционизм, также был против меня как защитника денежного обращения, основанного на золоте».

Когда император Александр III посетил с официальным визитом Париж, то противники российской золотой реформы интриговали против Витте. Тот узнал об этом из «банковских сфер». Когда государь вернулся, он принял в Царском Селе министра финансов с очередным докладом о ходе введения золотой валюты. Выслушав доклад, император вынул из своего стола две записки и передал их Витте, сказав:

— Вот я вам отдаю записки, которые мне были поданы по поводу предлагаемого вами введения золотой валюты в России. Я их не читал, можете оставить их у себя.

«Приехав домой, я начал рассматривать эти записки, — писал С.Ю. Витте. — Одна из записок — была записка (...) Мелина, в которой этот государственный деятель позволял себе вмешиваться в чрезвычайно важное дело, касающееся России. И вмешиваться с точки зрения эгоистической, не личной, а эгоистической французской. К этой записке были приложены положения, составленные известным, но заблуждающимся экономистом Тьерри, сторонником серебряной валюты.

В этих записках авторы считали нужным предостеречь Государя императора, что введение мной металлического обращения, основанного на золотой валюте, будет пагубно для России. И проводили мысль о введении валюты, основанной если не исключительно на серебре, то на биметаллизме, то есть основанной как на серебре, так и на золоте. Подобно тому, как это существует во Франции.

Я почел со стороны председателя Совета Министров Французской Республики такое действие в высшей степени некорректным, так как этот вопрос чисто внутренний России и ни русский император, ни русское правительство не нуждались в этом отношении в советах Мелина».

Реформатору С.Ю. Витте, как видно из вышесказанного, пришлось преодолевать серьезное сопротивление не только внутри собственной страны. Оно оказывалось и за ее пределами, в том числе в таком признанном мировом финансово-банковском центре, каким являлся Париж.

Такая ситуация не могла приводить власти империи в восторг. Во-первых, было неудобно «сохранять лицо» перед просвещенной и богатой промышленностью Европой. Во-вторых, иностранный инвестор пугался и не шел в непредсказуемую Рос-

гию. В-третьих, «облегченный» бумажный рубль превращался в маневренный объект беззащитных спекуляций, для чего в Берлине существовала специальная «рублевая биржа», игравшая на колебаниях курса рубля. И, в-четвертых, снижение реальной «стоимости» кредитного и серебряного рубля, ходивших в России, неизбежно вело к сменам правительства.

В Российской империи сложилась парадоксальная ситуация: несколько поколений министров финансов со всем «тщанием» копили золотой запас державы. Он был жизненно необходим для стабилизации курса рубля, превращения его из бумажного в золотой. Но каждый раз долгожданная денежная реформа, введение золотого паритета рубля откладывались на неопределенный срок: на берегах Невы на нее все никак не могли решиться.

Почему не один раз складывалась подобная ситуация? Дело было даже не в скудности российского бюджета. Власть держащих людей страшили непредсказуемые последствия денежной реформы. Их виделось несколько. Введение свободного обмена кредитных рублей на золотые мог вызвать неподконтрольный рост цен на что угодно. Мог произойти большой отток золота из свободного обращения в «кубышки» населения. Пугало и то, что часть российского золотого запаса могла вполне легально «уйти» за границу, пополнив там банковские запасы владельцев крупных сумм бумажных рублей.

Предсказать реальное развитие событий в такой ситуации не взялся бы никто, даже сам Витте, судьба которому уготовила стать «отцом золотого рублевого империала» или, как его называли проще и чаще, «отцом золотого рубля». Он, к слову сказать, став главой финансового ведомства, будучи способным математиком, никогда не гадал в своем рабочем кабинете «на кофейной гуще». Витте стремился быть во всем реалистом.

Золотой реформе предшествовали дискуссии на самых различных уровнях. Оппонентов у министра финансов оказалось больше, хоть отбавляй. Проблема виделась в следующем: введение золотого рубля отвечало прежде всего интересам промышленности. Сельскому же хозяйству реформа ничего не сулила. Более того, производителям сельскохозяйственной продукции грозила опасность: хлеб, как главный продукт российского экспорта при введении золотого рубля, по расчетам специалистов, должен был неизбежно вздорожать.

Лица, заинтересованные в экспорте хлеба и другой продукции сельского хозяйства, считали, что им выгодно денежно-бумажное обращение. Витте писал по поводу такой ситуации:

«В те времена наш рубль еще считался равным четырем франкам, в действительности же он упал так, что равнялся около двух с половиной франкам. Следовательно, на то количество франков, которые получал каждый землевладелец, продавая за границу, скажем, пуд пшеницы, — чем рубль стоил ниже, тем он более получал рублей и копеек, а потому и считал, что ему выгодно, чтобы курс понижался.

Это мнение, конечно, ошибочно, потому что в зависимости от понижения рубля этот же самый землевладелец, получая, например, за хлеб больше рублей, зато и платит большое количество рублей за большинство того, что он потребляет и чем он пользуется. Но это последнее обстоятельство землевладелец не принимал в расчет, так как, не будучи финансистом и экономистом, он не мог соотносить зависимость одной цены от другой».

Споры о том, быть или не быть российской денежной единицей золотой, лишь прикрывали фундаментальную проблему отечественной экономики. Она звучала так: быть России индустриальной или по-прежнему оставаться аграрной страной. Какой путь в будущее она должна была выбрать для себя на рубеже веков? Чьи экономические интересы следовало предпочесть — импортера или экспортера? Делать ставку на открытую или закрытую экономику?

Споры по всем этим вопросам велось излишне много. Поиски идеального варианта денежной реформы вели только в тупик и к оставлению всего, как было раньше. То есть вырисовывался знаменитый «гордиев узел», разрубить который мог только решительный, уверенный в правоте своих помыслов человек. Таким человеком и оказался Сергей Юльевич Витте, министр финансов России.

«Идея против общего течения», Сергей Юльевич понял одну простую истину, ставшую непреложным законом для всех отечественных реформаторов. Чтобы реформа в России свершилась, ее надо проводить быстро и спешно. В противном случае она большей частью не удастся, затормаживаются или в итоге получаются незавершенными, половинчатыми.

Почему Витте так настойчиво боролся за осуществление золотой реформы? Он, как и все великие реформаторы в истории человеческой цивилизации, был человеком «большой идеи», который боролся за ее осуществление всеми доступными ему средствами. Не секрет, что в ход он пускал и придворные интриги, и слухи, и подкуп, и заказные статьи в прессе.

Доказательно известно, к примеру, что Витте субсидировал влиятельную столичную газету «Биржевые ведомости». Эта газета, известная своей осведомленностью, стала негласным рупором Министерства финансов и его главы.

Витте считали человеком, обладающим высокой логикой поступков. Он досконально изучил механизм власти в современной ему России. Встав на путь реформ, он ясно понимал, что в державе все решает в конечном счете царь-самодержец. Витте, заручившись доверием и Александра III, и Николая II, в полной мере использовал эту особенность российского политического строя. Свою золотую реформу он буквально «продал» через правительство, которое всячески сопротивлялось этой новации. Но министр финансов в той борьбе оказался на голову выше своих оппонентов: все важнейшие положения реформы он пропел в жизнь при помощи «именных» императорских указов.

Обладая даром убеждения, логикой убеждения, Витте смог убедить государей в жизненной необходимости реформы. Его доводы соображались государственной пользой. Сергею Юльевичу действительно было трудно возразить, когда он страстно объяснял венценосным вершителям судеб страны, коллегам-министрам и сенаторам из Государственного совета:

— без твердого рубля Россия не получит желаемых инвестиций от Европы;

— без инвестиций не будет быстро развиваться отечественная промышленность;

— без развитой промышленности ни одна нация не выживет в международной борьбе за существование;

— без развитой экономики ни одна страна не может обеспечить себе государственную безопасность.

Витте много возражали, говоря, что Россия традиционно является аграрной страной, что денежная реформа не затронет интересов земледельцев. В Государственном совете его наиболее упорными оппонентами стали Мансуров и Верховский, кото-

рые имели репутацию людей, знающих денежное дело и устойчивости экономики государства. На их доводы реформатор убежденно отвечал, что интересы сельского хозяйства подождут, что они сегодня для державы не первостатейные:

— Исключительно земледельческие страны по праву считаются более бедными, чем те, в которых народный труд находит разнообразное применение, создавая новые источники благосостояния...

Порой дискуссии о целесообразности золотой денежной реформы, которые проходили в Государственном совете и Комитете финансов, напоминали баталии, в которых сановники «переходили на личность». Однако не все противники новшества в российских финансах на Витте «шли с открытым забралом», зная его упорство и нрав. По таким поводам тот писал откровенно:

«Против этой реформы внутри России были те лица, которые вообще, по тем или другим причинам, желали меня если не свергнуть, то обесцветить».

Когда на заседании Комитета финансов 15 марта 1895 года Витте представил обоснование и развернутую программу денежной реформы, ряд чиновников выступило против привлечения иностранных капиталов в российскую экономику. Они обосновывали свое беспокойство тем, что инвесторы из Европы будут опасаться потери выгод из-за падения курса на кредитный рубль. Тогда Витте без колебаний сказал:

«Между тем без содействия чужеземных капиталов мы не имеем возможности использовать естественные богатства, которыми столь щедро наделены некоторые местности нашей обширной родины».

На том бурном заседании Комитета финансов С.Ю. Витте вышел победителем. Это было особенно важно для золотой реформы потому, что дискуссия проходила в присутствии председателя Государственного совета великого князя Михаила Николаевича и ряда близких к нему, авторитетных сенаторов.

Исследователи финансовой реформы считают, что ее автор не сразу решил остановиться на «монометаллизме» (золоте или серебре). Базовым обеспечением реформы мог быть и «биметаллизм» (золото и серебро). Сергей Юльевич не сомневался в том, что «денежное обращение, основанное на металле, есть благо». В пользу биметаллизма говорили и традиции российского денеж-

ного обращения, и значительные запасы серебра в казне, и уровень отечественной добычи этого металла.

Однако Витте после некоторых размышлений отказался от «биметаллизма». Во-первых, стоимость серебра, этого «второго благородного металла», по отношению к золоту в то время постоянно падала, и было мало надежд на изменение этой устойчивой тенденции. Поскольку металлическим эквивалентом рубля в России издавна являлось серебро, то неуклонное падение его цены влекло за собой и падение курса рубля.

Во-вторых, почти все крупные российские торговые партнеры в Европе к тому времени уже перешли на золотое обращение. Среди них были: Великобритания, Германия, Франция, Австро-Венгрия, Италия, Бельгия, Швеция, Дания, Голландия и ряд других стран. Исходя из этих двух обстоятельств внешнего порядка, золотой рубль для Российской империи выглядел явно предпочтительнее серебряного.

Как хороший, вдумчивый сценарист, Витте подготавливал общественное мнение страны к окончательному решению о проведении денежной реформы. Сергей Юльевич писал, что «против этой реформы была почти вся мыслящая Россия: во-первых, по невежеству в этом деле, во-вторых, по привычке и, в третьих, по личному, хотя и мнимому, интересу некоторых классов населения».

«Почти вся мыслящая Россия» действительно бурлила в преддверии появления на свет золотого рубля. Пресса печатала много материалов самого негативного характера. Земские и дворянские собрания сельских хозяев слали в столицу различные ходатайства. Лекции о денежном обращении стали собирать целые залы заинтересованных слушателей. «Золотая реформа» обсуждалась в аристократических салонах и закрытых клубах, далеких от политики.

В адрес министра финансов звучали самые громкие обвинения: что грядет разбазаривание национальных богатств и прежде всего золотого запаса Государственного банка Российской империи, что страна и особенно миллионы мелких сельских хозяев, даже помещики обнищают, что Россия превратится в колонию Западной Европы и тому подобное.

Когда Государственный совет попытался уже в который раз торпедировать законодательные предложения финансового ве-

домства, С.Ю. Витте выложил свою козырную карту. Ею стал поддержка воцарившегося на отцовском троне Николая II. Отец российского золотого рубля так писал об этом без ложной скромности в своих «Воспоминаниях»:

«Я имел за собой доверие его величества, благодаря его твердости и поддержке мне удалось совершить эту величайшую реформу. Это одна из реформ, которые, несомненно, будут служить украшением царствования императора Николая II».

Исследователи впоследствии назвали денежную реформу «золотым мостом» (по образному определению ее автора) для иностранных инвестиций в российскую экономику. Начиная денежную реформу С.Ю. Витте имел в виду прежде всего внешнеэкономический аспект, возможность с помощью золотой валюты войти в сообщество экономически развитых держав и привлечь оттуда инвестиции. В России, где огромное большинство населения занималось земледелием, собственные источники накопления средств были крайне скудны. То есть страна «лишних денег» для собственной индустриализации имела явно недостаточно.

Выход из такой ситуации главе финансового ведомства представлялся один: правительство должно при сохранении покровительственной политики содействовать притоку иностранного капитала, которые будут способствовать ускоренному развитию отечественной промышленности. Но для притока значительных капиталов в займовой и инвестиционной форме требовалась прочная национальная валюта. То есть в крепость русского рубля в Европе должны были убежденно верить.

Российский министр финансов С.Ю. Витте, обладавший на служебном поприще громадными полномочиями, прекрасно понимал все это. Поэтому он так резюмировал свою позицию с началом денежной реформы:

«Огромное значение золотой валюты заключается, прежде всего, в том, что она представляет золотой мост, перекинутый из богатых стран в бедные. При ней ускоряется выход из бедности, тогда как при бумажной валюте он замедляется».

Реформа была проведена поэтапно в течение всего трех лет: начавшись в 1895 году, она завершилась в 1897 году. Она началась с представления Витте в феврале 1895 года в Комитет финансов разработанного под его непосредственным руководством

проекта закона о разрешении сделок за золотую монету. Она могла служить основой любых финансовых операций наравне с серебром и кредитными билетами. 8 мая того же года был опубликован сам закон, в основе которого лежали два следующих положения:

1. Всекие дозволенные законом письменные сделки могли включаться на российскую золотую монету;
2. По всем таким сделкам уплата могла производиться либо золотой монетой, либо кредитными билетами по курсу на золото в день платежа.

После этого Министерство финансов предприняло ряд мер по утверждению золотого эквивалента. Операции с золотой монетой сперва разрешили вести конторам и отделениям Государственного банка. Затем такое разрешение получили и коммерческие банки. Последние официально уведомили своих клиентов, что они принимают золото по текущим счетам и по всем обязательствам. Первыми на такую систему расчетов перешли частные столичные банки.

Первые расчеты золотой монетой породили массу самых противоречивых слухов. Население, вернее — его имущая часть, опасалось, что правительство начнет играть в свою пользу на разнице курса золотых и бумажных денег. Чтобы пресечь подобную смуту в умах сограждан, финансовое ведомство официально объявило об установлении паритета между кредитными билетами и золотым рублем в пропорции 1,5 к 1.

Это важное для населения решение было принято в декабре 1895 года. Фиксированный курс кредитного рубля в размере 7 рублей 40 копеек приравнялся к золотому полуимпериалу номиналом 5 рублей. В следующем году стоимость золотой монеты в 5 рублей несколько повысилась: теперь она официально приравнялась к 7 с половиной кредитным рублям. То есть стоимость полуимпериала увеличилась на 10 копеек бумажного рубля. Такой попуной курс привел к стабилизации соотношения между рублем золотым и кредитным.

Введение размена бумажного рубля на «первый драгоценный металл» устанавливался, исходя из реально сложившегося и достаточно стабильного курсового соотношения. Один кредитный рубль приравнялся к $66 \frac{2}{3}$ копейкам золотом.

Пока шла золотая денежная реформа, Сергей Юльевич Витте был самым не только заинтересованным лицом в ее осуществлении, но и самым ревностным. Он часто выступал перед различными аудиториями, набирая в «большом деле» его жизни победные очки. Но, пожалуй, труднее всего ему приходилось в Государственном совете. Так, в речи, которую он произнес 28 декабря 1895 года, министр финансов страстно ратовал в защиту начатых преобразований в денежном деле:

«Уже восьмой год наша государственная роспись заключается весьма благоприятно для государственного казначейства. В развитии производительных сил Россия сделала за минувшее царствование весьма явственные успехи. Экономическая и финансовая жизнь страны обнаруживает серьезные признаки поворота к лучшему.

Но в прочности и жизненности этих успехов нельзя иметь уверенности до тех пор, пока страна не дошла до отправного пункта всякого прогноза народохозяйственного преуспевания, пока стране не обеспечен насущно необходимый базис всяких хозяйственных действий — прочная денежная система. На почве расстроенного денежного обращения ничто твердо стоять не может, ибо сама почва — шаткая, зыбкая, то проваливающаяся, то поднимающаяся, приходящая в сотрясение то с большею, то с меньшею силою.

Укрепление этой почвы становится для государственного и народного хозяйства коренным требованием самосохранения».

Император Николай II, равно как и его отец Александр III, был на стороне энергичного реформатора. Сопrotивление членов Государственного совета Витте сломил только царским указом от 29 августа 1897 года. Это был победный финиш российской золотой денежной реформы.

В результате реформы Государственный банк стал единственным в России эмиссионным учреждением, которому предоставлялось право выпуска банкноты, то есть бумажных денег. Однако ему законодательно ставились ограничения: он мог выпустить не обеспеченные золотом кредитные билеты только на сумму не более 300 миллионов рублей, и еще на столько же — с половинным золотым обеспечением. Все кредитные билеты, выпущенные сверх этих сумм, должны были быть обеспечены золотым запасом страны.

Чтобы сделать российскую валюту одной из самых надежных в мире, закон 1897 года предусматривал постоянное содержание в государственной казне большого золотого запаса. Он должен был обеспечивать находящиеся в обращении кредитные билеты. Создание такого запаса для России затруднений не составляло: богатство ее золоторудных месторождений на Урале и особенно в Восточной Сибири служило надежнейшей гарантией золотого содержания русского рубля.

В 1888 году золотой запас Государственного банка России составлял около 45,8 процента к номинальной сумме бумажных денег, находившихся в обращении. В 1892 году он возрос уже до 81,2 процента. Благодаря стараниям министра финансов, золотой запас казны в 1896 году составлял 103,2 процента. Теперь Витте мог во всеуслышанье заявить, что вся масса российских кредитных билетов, получивших хождение внутри страны и за ее пределами, имеет гарантированное золотое обеспечение.

Но это были еще не все триумфальные шаги «золотой реформы». В близком от вышеназванных цифр 1900 году золотой запас Государственного банка в России и за границей оценивался на сумму в 843 миллиона рублей. Кредитных же билетов в обращении было в тот год на сумму в чуть более 490 миллионов рублей. То есть золотое покрытие денежной бумажной массы составляло 171,6 процента (!). И хотя в последующие годы оно сокращалось, в 1914 году, на начало Первой мировой войны превышало 100 процентов. Такова была прочность рубля (золотого и бумажного) Российской империи.

К середине 1890-х годов золотой фонд государства вырос до 873 миллионов рублей. Из них 600 миллионов принесла отечественная добыча драгоценного металла, а остальные 273 миллиона образовались по итогам внешнеэкономических расчетов.

«Золотой мост» Витте имел в истории России свои особенности. Часть золотого запаса Государственного банка и валютного резерва Министерства финансов для обслуживания внешних шимов передавалась заграничным банкирам, комиссионерам российской казны. Это были прежде всего французские банкиры — финансовые дома Парижа. К 1914 году, к началу Первой мировой войны на таких заграничных счетах осело 635 миллионов рублей, в том числе 431 миллион во Франции.

«Русское золото за границей», как оно официально именовалось, служило средством текущих платежей по внешним займам и призвано было предотвратить отток драгоценного металла из страны в случае отрицательного сальдо расчетного баланса. Именно зависимость денежного обращения внутри Российской империи от состояния ее международного платежного баланса являлась главной особенностью введенного Сергеем Юльевичем Витте золотого «монометаллизма».

На новых российских банкнотах теперь появилась многозначая для россиян и зарубежных финансистов надпись: «Обеспечиваются золотым достоянием Российской империи».

До реформы в России в ограниченном количестве выпускались золотые монеты достоинством в 10 и 5 рублей. Они официально назывались «империалами». Но в народе золотые монеты царской чеканки называли «рыжиками» за их необычный темно-золотистый цвет. Во внутреннем товарообороте большого хождения они не имели, оседая в государственном казначействе и «кубышках» граждан.

С 1897 года стали чеканиться совершенно новые монеты необычного номинала — империал (15 рублей) и полуимпериал (7 рублей 50 копеек). Их выпуск был налажен в соответствии с принятым законом «О чеканке и выпуске в обращение золотых монет», утвержденным 3 января того года. На лицевой стороне империалов и полуимпериалов был в профиль изображен император Николай II. На оборотной — традиционный государственный герб Российской империи (двуглавый орел).

Теперь в качестве монетной единицы Российской империи был принят золотой рубль. Он содержал в себе 0,774235 грамма драгоценного металла.

В том же году высочайшим указом от 14 ноября повелевалось на банкнотах вместо старого текста «изображать» следующую надпись: «Государственный банк разменивает кредитные билеты на золотую монету без ограничения суммы (1 руб. = 1/15 империала, содержит 17,424 долей чистого золота)». Так было установлено «определение» новой монетной единицы.

Для удобства финансовых расчетов, наряду с империалом и полуимпериалом, продолжали чеканиться 10 и 5-рублевые золотые монеты. 10-рублевая монета имела вес в золоте 8,6 грамма и диаметр 22 миллиметра.

Вспомогательными монетами являлись серебряные достоинством в 1 рубль, 50 и 25 копеек (900 частей чистого серебра) и 20, 15 и 10 копеек (500 частей чистого серебра). Мелкими разменными денежными знаками, как и прежде, служили медные монеты прежних номиналов.

Выпускались золотые монеты не только вышеназванных номиналов. Так, в 1896 году на Парижском монетном дворе была чеканена в небольшом количестве подарочная монета достоинством в 25 рублей. Она имела диаметр 33 миллиметра, а ее вес в золоте составлял 32,26 грамма. Этот двойной империал имел популярность среди коллекционеров, будучи изначально редкой монетой: поэтому за ним сразу же началась настоящая охота.

Следует заметить, что золотая монета, вопреки ожиданиям реформатора С.Ю. Витте, медленно утверждалась в качестве приоритетного платежного средства. Это объяснялось и отсутствием привычки к ней у населения, и очевидным неудобством золотой монеты при крупных платежах и пересылке, так как не было соответствия между нарицательной и рыночной ценами. Поэтому возникали многочисленные злоупотребления при расчетах.

Витте энергично создавал стройность новой российской денежной системы, благо экономические возможности страны и добыча драгоценных металлов это позволяли сделать. В конце 1897 года золотой запас казны составлял уже 1315 миллионов рублей, а в свободном обращении находилось золотых монет на 155 миллионов рублей. Затем золотой запас несколько сократился из-за увеличения золота в обращении и соответствующего сокращения удельного веса кредитных билетов.

В 1898 году золотой запас казны Российской империи оценивался в 1146 миллионов рублей. Это была в сопоставлении с подобным запасом европейских держав огромная сумма, которая вызывала к себе уважение западноевропейских банкиров. В свободном обращении находилось золотых и серебряных монет уже на сумму в 445 миллионов рублей.

С 1899 года чеканка золотых монет номиналом в 15 рублей и 7 рублей 50 копеек была прекращена. С 1910 года они начали постепенно изыматься из обращения. Продолжалась чеканка и «первого драгоценного металла» только монет номиналом в

10 и 5 рублей (они появились в России еще в 1755 году, и население к таким номиналам уже давно свыклось).

Жизнь показала правоту расчетов главы финансового ведомства — «отца золотого рубля» Сергея Юльевича Витте. В России золото довольно быстро утверждается в качестве главного платежного средства. Ближайшим последствием этого стало прекращение колебания рублевого курса, которое отрицательно сказывалось на хозяйственной жизни страны и ее внешней торговле. В Европе это заметили сразу: берлинская рублевая биржа, многие годы спекулировавшая на изменениях курса российской бумажной валюты, «приказала долго жить».

Подлинным триумфом Сергея Юльевича Витте, как министра финансов, стал всеподданнейший доклад императору Николаю II, который был сделан в конце 1898 года и получивший широкую известность не только в стране, но и за ее пределами. В докладе констатировался следующий, действительно исторический для державного Отечества факт:

«Денежное обращение России приведено в порядок и поставлено столь же твердо, как в тех государствах, где эта отрасль народного хозяйства издавна находится в образцовом состоянии».

Это не было просто заявлением, ставшим достоянием самой широкой общественности благодаря публикациям отечественной и зарубежной прессы. По расчетам Министерства финансов, к началу 1899 года в России уже 33 процента денежного обращения приходилось на золотую и 10 процентов — на серебряную монеты. Сравнение с 1896 годом было разительное: тогда в обороте находилось свыше 98 процентов бумажных денег и менее двух процентов металлических.

Со временем это отношение стало меняться опять в пользу бумажных ассигнаций. К январю 1914 года в общей денежной массе, находившейся в обращении, золото составляло 21,2 процента, серебро — 5,4 процента, кредитные билеты — 73,4 процента. Но такое соотношение денежных знаков не меняло сути «золотой реформы»: она самым серьезным образом укрепила внешний и внутренний курс российского рубля.

Во «Всеподданнейшем докладе министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1899 год» с известной гордостью отмечалось, что через три года после начала

денежной реформы золотое обеспечение рубля составило 168 процентов. Для большинства развитых государств мира такая прочность национальной валюты могла быть пределом мечтаний. Современники называли такой «денежный факт» исторической победой реформатора С.Ю. Витте.

Последствия реформы в хорошем смысле Россия ощущала на себе вплоть до 1917 года. Высокий процент золотого покрытия кредитных билетов, превышавший 100 процентов, фактически сохранялся вплоть до начала Первой мировой войны, до середины 1914 года, когда размен бумажных денег на золото по условиям военного времени был прекращен. Как тогда говорили, временно, до победного окончания Мировой войны в пользу Антанты.

Исключением из этого исторического отрезка времени стали только два года — 1906 и 1907, когда золотое покрытие было меньше 100 процентов. Причина такого явления крылась в первой русской революции 1905—1906 годов и последствиях Русско-японской войны 1904—1905 годов, которая закончилась фактическим поражением царской России. Эти два события в отечественном летописании нанесли заметный урон экономической жизни России, внося в нее серьезную дезорганизацию в промышленном производстве.

Русский рубль в начале XX столетия считался одной из самых надежных и устойчивых валют в мире. Ее «подкосили» и экономические невзгоды мировой войны, которую в России называли Великой, и выпуск Временным правительством с его главой министром-председателем социалистом А.Ф. Керенским бумажных денежных знаков, прозванных в народе «керенками».

Денежная реформа С.Ю. Витте имела свое формальное завершение, которое выразилось в высочайшем утверждении 7 июня 1899 года императором Николаем II нового Монетного устава. В нем провозглашалось, что государственной денежной единицей Российской империи является рубль, содержащий в себе 17,424 доли чистого золота. В уставе указывалось, что золотая монета могла чеканиться из металла, принадлежавшего казне и предоставлявшегося частными лицами. Полноценная золотая монета была обязательна к приему по всем платежам на неограниченную сумму.

Законодательное положение о том, что золотая монета могла чеканиться из драгоценного металла, принадлежавшего частному лицу, стало уникальным в создании новой денежной системы. То есть владелец золота в виде самородков, песка, слитков и изделий решал проблему его продажи очень просто. Он шел в отделение Государственного банка и просил отчеканить, соответственно весу золотой собственности, нужное количество денег.

Далее в уставе говорилось, что серебряная и медная монеты изготовлялись только из металла казны и являлись для золотого и бумажного рубля вспомогательными в денежном обращении. Они были обязательными к приему в любых платежах до 25 рублей.

Монетный устав 1899 года можно смело назвать победным финишем «золотой реформы». Он включил в себя все законоположения российской денежной реформы, довел ее до логического завершения, не сделав по пути каких-либо серьезных ошибок и просчетов. Витте осуществил свою «золотую реформу», введение золотого паритета рубля во многом благодаря поддержке императора Николай II. Он писал:

«Я имел за собой доверие Его Величества, и благодаря его твердости и поддержке мне удалось совершить эту величайшую реформу. Это одна из реформ, которая будет, несомненно, служить украшением царствования Николая II».

По официальным данным российского Министерства финансов, к концу 1901 года в обращении находилось золотых и серебряных монет на сумму в 856,5 миллиона рублей. Из них золотых — на 694,9 миллиона и серебряных — на 161,6 миллиона рублей. Сумма мелкой медной разменной монеты не определялась, поскольку ее вес в общей денежной массе был слишком мал.

Что же позволило державной России без особых потрясений перейти на новое денежное обращение, придав ему при этом известную устойчивость и надежность? Мнение исследователей в ответе на этот вопрос довольно единодушно. Накопленный золотой запас был подкреплен удачно заключенными внешними займами и их конверсией, положительным внешнеторговым балансом и благоприятной экономической конъюнктурой.

Введение в России золотой валюты способствовало интеграции государства в мировую рыночную систему. Она же сделала более доступными для российских ценных бумаг западноевропейские биржи, прежде всего Парижскую, Лондонскую и Берлинскую. Именно там решающим образом определялась биржевая политика Европейского континента. Золотая денежная реформа способствовала притоку иностранных инвестиций в российскую экономику, которая находилась на впечатляющем подъеме. Начался процесс ускорения индустриально-капиталистической модернизации хозяйства всей страны.

Однако те же специалисты указывают, что денежная реформа Витте имела для развития народного хозяйства и неизбежный негативный оттенок. Так, известный российский историк А. В. Корелин отмечал следующее:

«Высокий процент покрытия банкнот золотом свидетельствовал, что Государственный банк фактически не использовал полностью своего эмиссионного права и что в России фактически вместо банкнотного было обращение золотых сертификатов. Это, во-первых, стоило казне больших денег, а во-вторых, ограничивало капиталотворческие функции Государственного банка. Банк держал непроизводительно более чем миллиардный запас золота для обеспечения сравнительно небольшого количества кредитных билетов, что значительно увеличивало издержки обращения, в то время как в стране не хватало капиталов. Новые займы увеличивали внешний долг, что все более тяжелым бременем ложилось на бюджет.

Следует признать и то, что золотая валюта для России стала порогостоящим удовольствием, поскольку для ее создания и поддержания требовалось держать в омертвленном золотом запасе значительную часть капиталов страны. Но, несмотря на все издержки (неизбежные) (...) денежной реформы, она действительно способствовала более интенсивному втягиванию России в международное финансовое сообщество. Государственные обязательства в структуре международной задолженности государства в начале XX века стали замещаться динамичными прямыми инвестициями, экономически более эффективными, нежели казенные займы, значительная часть которых расходовалась монархическим режимом на поддержание имперского величия.

Но тем не менее положительный экономический эффект реформы был несомненен, о чем свидетельствуют успехи экономического развития России не только в годы виттевского министерства, но и позднее — в период предвоенного промышленного подъема, базу для которого составили во многом преобразования Витте».

Можно только предположить, что тенденция «по Витте» к возрастанию доли инвестиционных капиталов по сравнению с займовыми продолжалась бы для России и в дальнейшем, а разумеется, при условии высокой экономической конъюнктуры. Однако Первая мировая война разрушила эту оказавшуюся довольно хрупкой финансово-экономическую систему империи династии Романовых. Но ради справедливости следует заметить, что война разрушила такую систему не в одной России.

Мировая война 1914—1918 годов в области финансов и денежного обращения «сказала свое веское слово» в самом своем начале. Когда начались военные действия, инвестиционный поток из европейских банков в Россию прекратился. Одновременно система золотого обращения была ликвидирована во всех воюющих государствах. Любые валюты война подвергла неизбежной в таком случае инфляции.

Витте на посту министра финансов отличала одна человеческая черта: он верил в перспективность экономического будущего Российской империи. На чем же основывалось такое стойкое убеждение? Прежде всего на том, что торговый баланс России (вплоть до Первой мировой войны) складывался благоприятно за счет опережающего развития экспорта. Половину его стоимости традиционно составляли зерновые культуры. Хотя при этом импорт товаров из-за границы тоже развивался достаточно динамично.

В области государственного кредита С.Ю. Витте взял курс на расширение займовых операций государственной казны на международном финансовом рынке. При этом он рассчитывал за счет вывоза товаров в Азию погашать долги империи в Европе. И такая практика в известной степени себя оправдывала.

Общепризнано, что геополитические имперские соображения играли для С.Ю. Витте первостепенную, знаковую роль. Индустриальный рост для него означал, прежде всего, сохранение Россией статуса великой державы и расширение сферы импер-

кого влияния, что было особенно показательно в маньчжурских делах. Во всеподданнейшем докладе императору Николаю II министр финансов предупреждал государя-самодержца:

«Международное соперничество не ждет. Если ныне же не будет принято энергичных и решительных мер к тому, чтобы в течение ближайших десятилетий наша промышленность оказалась в состоянии своими продуктами покрывать потребности России и Азиатских стран, которые находятся или должны находиться под нашим влиянием, то быстро растущая иноземная промышленность сумеет прорваться сквозь наши таможенные преграды. А укоренившись в глубинах народного потребления, она сможет постепенно расчистить пути и для более тревожных иноземных политических влияний».

К этим словам можно добавить только одно: Витте словно смотрел вперед через целое столетие. Только в новую эпоху пророчества этого человека, «финансового мыслителя» почему-то сбылись.

Исследователи спорят о том, имела ли денежная реформа законченный вид? Или у автора были далеко идущие, так и не осуществленные планы, осуществить которые что-то помешало? Думается, что лучше всего на эти два волнующих историков и ученых вопроса ответил сам Витте в своих «Воспоминаниях»:

«Я () действительно думал сделать более мелкую единицу и хотел ввести единицу «русь», как я ее назвал, которая представляет собой цену значительно менее рубля. Таким образом я рубль хотел заменить «русью»: даже образцы такой золотой монеты уже были отчеканены. Но тогда я увидел, что против моей реформы, которую я решился во что бы то ни стало провести, я встречу столько возражений, то я эту мысль отбросил.

Когда я совершил реформу, то весь простой класс населения, весь народ совсем не заметил и не подозревал, что я сделал реформу. А между тем, если бы я вздумал рубль заменить «русью» и, соответственно «руси», ввел 100 новых копеек, причем каждая копейка была бы гораздо меньше в цене, чем теперешняя копейка (100 которых составляет теперешний рубль), то эта мера коснулась бы всего населения. И произошла бы полная пертурбация в ценах, чем могло быть обеспокоено все крестьянство, все, так сказать, темное население, и, конечно, тогда, после введения реформы, которая прошла у меня совершенно

гладко и незаметно, явились бы тысячи и тысячи жалоб и недоумений.

Таким образом, перемены рубля на «русь» и жалобы, вытекающие из этой меры, были бы поставлены главным доводом неудачности моей реформы. Все сказали бы: «Вот затеял дело вопреки всевозможным предостережениям и произвел полную смуту в умах всей России».

Витте действительно задумывал дать России более мелкую денежную единицу по стоимости, чем рубль. Такой денежной единицей, к примеру, во Франции был франк, а в Германии — марка. Это давало больше удобств при мелких расчетах. Так родилась идея заменить рубль на новую денежную единицу, которой Витте дал название «русь». Но не в обиду будет сказано реформатору, такая идея вряд ли бы нашла поддержку и у населения, и у государя. Причина крылась в том, что Россия за много веков уже свыклась, сжилась с «рублем» и «копейкой», какими бы они не были денежными знаками — медными, серебряными, золотыми или бумажными.

Пребывая на посту главы Министерства финансов, Витте во время проведения золотой реформы исполнял еще немало других правительственных «нагрузок». В феврале 1895 года он назначается императорским указом председателем совета Дома призрения и ремесленного образования бедных детей в Санкт-Петербурге. В апреле 1897 года утверждается членом Особого совещания по делам дворянского сословия.

Государь Николай II, ценя хорошо известные ему способности Витте, старался ввести его в придворные круги, то есть приблизить к высшему эшелону власти. Свидетельством тому стало пожалование Сергея Юльевича в статс-секретари к Его Императорскому Величеству (с оставлением в занимаемых должностях). Это был придворный чин. Дан он был в связи с коронационными торжествами.

Пока в России с откликами на весь мир творилась денежная реформа, на Витте как из рога изобилия сыпались орденские и иные награды. Список их действительно впечатляет. «Пробный» 1895 год дал министру финансов Большой крест датского ордена Данеброга.

1896 год: серебряная медаль в память царствования императора Александра III, китайский орден Двойного Дракона 1-й

степени 3-го класса, золотой знак Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых, японский орден Восходящего Солнца 1-й степени, серебряная медаль в память Святого Коронования императора Николая II.

Победный год реформы 1897-й: бронзовую медаль за труды по 1-й Всеобщей переписи населения империи, алмазные знаки австрийского ордена Леопольда, Большой крест шведского ордена Вазы, прусский орден Черного Орла.

За эти же три пореформенных года С.Ю. Витте утверждается почетным гражданином городов Саратова и Вятки, Бердянска Таврической губернии и Сарапула Вятской губернии, Симбирска, Оренбурга и Екатеринбурга.

Витте хотят видеть своим членом самые различные общественные организации Российской империи. В 1895 году он избирается (почти всегда заочно) почетным членом Холмского православного Свято-Богородицкого братства, Новомосковского сельскохозяйственного общества, Общества распространения между образованными женщинами практических знаний (было и такое), Харьковского общества последователей гомеопатии. Наиболее почетным избранием в том году стало членство в Императорском Русском географическом обществе.

1896 год принес С.Ю. Витте новые почетные избрания. Он вполне заслуженно стал почетным членом Императорского Общества для содействия развитию русского торгового мореходства. Затем — Православного общества взаимопомощи в Северо-Американских Соединенных Штатах, Комитета по устройству музея прикладных знаний в Москве, Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви и Казанского общества трезвости.

В 1897 году российский министр финансов стал почетным членом французского благотворительного общества «Société Nationale de Bienfaisance». А в отечестве он выбран почетным членом Подольского общества попечительства о народной трезвости, Императорского Юрьевского университета, Владимирского благотворительного общества, Императорского Московского университета, Российского общества пчеловодства, Самарского общества попечительства о народной трезвости, Петербургского общества трезвости, Общества вспоможения учащимся детям служащих на Балтийской и Псково-Рижской

железных дорогах. Витте становится почетным покровителем Русского хирургического общества имени Н.И. Пирогова.

Пожалуй, самым приятным избранием для Сергея Юльевича Витте в 1897 году стало почетное членство в Императорском Новороссийском университете.

Уже в самом начале XX века проведенная денежная реформа показала свою заранее спрогнозированную эффективность. Витте не обманывал ни своего высочайшего покровителя в лице императора Николая II, ни членов Государственного совета, ни российскую общественность и торгово-промышленные круги. Реформа дала мощный толчок иностранным инвесторам. В 1903 году инвестиции достигли огромной суммы в 3 миллиарда рублей и имели хорошую перспективу роста в обозримом будущем. Не было ни одной стороны в процессе индустриализации аграрной России, где бы не чувствовалось такое влияние.

За то время, когда С.Ю. Витте возглавлял Министерство финансов, то есть всего за десять лет, промышленный потенциал страны практически удвоился. Продвинув далеко вперед процесс индустриализации, он обратил свое внимание на развитие аграрного сектора российской экономики, намереваясь его поставить на новые рельсы. В январе 1902 года Витте был назначен председателем Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

Денежная реформа обеспечила Российской империи опережающие темпы роста экономического развития. В ведущих отраслях промышленности ежегодный прирост в то десятилетие составлял 15—20 процентов. Ежегодно прокладывалось 2,5 тысячи верст железнодорожных магистралей. Продукция отечественной промышленности завоевывала себе новые рынки сбыта.

Тогда все казалось, что блестящие расчеты С.Ю. Витте полностью оправдались. Глава финансового ведомства находился на пике славы. Но каждая крупная удача всегда имеет и обратную сторону.

Витте прекрасно знал «архитектуру» российской экономики и потому или не заметил, или старался не замечать жизненные изъяны индустриализации «по Витте». А они прогнозировались: Россия с ее патриархальным укладом сельского хозяйства не просто подключалась к мировой экономике, в которой опреде-

няющую роль играли промышленно развитие страны. Россия в этот экономически замкнутый круг ворвалась в считанные годы на удивление всему миру и прежде всего самой себе.

При С.Ю. Витте Российская держава с ее процветающей экономической жизнью стала переживать не только подъемы, но и мировые кризисы. Они были неотвратимы в ходе развития мировой экономики. Особенно больно по России ударил промышленный кризис 1900—1903 года, спасательным кругом в котором для империи стал золотой рубль.

Этот кризис начался на европейском Западе. Но, как не ожидалось, больнее всего ударил по России. Дело было в том, что слабое сельское хозяйство, которое еще не оправилось от потрясений денежной реформы, не смогло создать достаточно емкий внутренний рынок для продукции отечественной промышленности. Вернее той ее части, которую можно назвать «сверхплановой» и не востребованной внешним рынком. Произошла серия крупных банкротств и временное сокращение промышленного производства. Однако Россия вышла из кризиса немногим позднее ведущих европейских государств, что делало честь ее экономике.

Именно в годы промышленного кризиса Сергею Юльевичу, как блестящему реформатору-государственнику, открылась одна простая истина: любое, даже самое успешное преобразование есть лишь одно звено в цепи перемен жизни страны. С подобным явлением сталкивалось не одно поколение реформаторов, чьи имена стали украшением мировой истории.

Такую жизненную философию глава российского финансового ведомства понял предельно ясно. Витте морально и профессионально был готов к заявлению очередных новаций и осуществлению их. Но такой философией государственного мышления, к великому сожалению для России, не обладал император Николай II, который «пошел не в своего отца». Ему не суждено было стать великим царем, а его царствование в силу многих причин стало бесславным венцом более чем 300-летнего правления династии Романовых.

Чуждый такой жизненной философии, последний Романов с крайним недоверием и непониманием встретил новые предложения министра финансов. Да и к тому же у того при дворе сложилась сильная оппозиция, которая просто боялась очеред-

ных новаций. А Сергей Юльевич намеревался вслед за финансовой системой реформировать более глубокие основы государственного жизнеустройства. Он «покушался» на сельскую общину и намеревался ввести частную собственность на землю. То есть «продвинуть» экономику капитализма в аграрный сектор.

Российская империя к такому генеральному шагу в своем внутреннем переустройстве тогда была совсем не готова. Здесь здравые помыслы Витте потерпели полный крах. Он тогда не смог стать для отечественной истории таким великим реформатором, которым явился Петр Аркадьевич Столыпин, ставший последней «фигурой» на звездном небосклоне российских государственных деятелей эпохи Романовых.

Боявшийся новых экономических реформ, хотя и понимая их жизненную необходимость, Николай II решился на смену не только главы Министерства финансов, но и правительства. Главой кабинета министров стал Иван Николаевич Дурново, занимавший этот пост с конца 1895 года. Свою службу он начал в армии (окончил Михайловское артиллерийское училище. Отличился в первый год Крымской войны в боях на Дунае, при осаде крепости Силистрия. Из армии уволился по окончании войны в чине поручика и перешел на гражданскую службу).

Действительный тайный советник И.Н. Дурново был одним из тех людей, которые не за страх, а за совесть оберегали устои царского самодержавия. Он был обласкан императорами Александром III и Николаем II, который сделал его председателем Кабинета министров. Возможно, что 69-летний Дурново продержался бы еще какое-то время на этом посту, но в конце мая 1903 года он скончался.

Полмесяца ушло у самодержца Николая II на раздумывание, кому доверить этот пост. К слову сказать, кандидатов набиралось совсем немного. Требовался способный, всесторонне одаренный человек государственного ума. И обязательно стойких монархических убеждений. Выбор пал на Витте.

За Сергея Юльевича говорило многое: полезные для империи труды, экономический подъем России, устойчивость золотого рубля, строительство Транссиба, установление государственной винной монополии, имя во внешнеполитических кругах, личный авторитет в столицах многих зарубежных стран, последовательность и настойчивость в реализации принятых

решений. В его преданности Романовым сомневаться не приходилось. К тому же на посту министра финансов он доказал свое полное бескорыстие, всегда стоя на страже интересов российской казны.

Последние годы на него, как из рога изобилия, сыпались всевозможные награды и почести. Их перечню можно было только удивляться. 1898 год: Большой крест греческого ордена Спасителя, болгарские ордена Румелийской звезды 1-й степени и ордена Святого Александра 1-й степени. 1899 год: Высочайший рескрипт и знак Попечительства о глухонемых 1-й степени. 1900 год: портрет персидского шаха с алмазами на голубой ленте для ношения на шее и знак РОКК (Российского Общества Красного Креста) при рескрипте императрицы Марии Федоровны. 1901 год: орден Св. Владимира 2-й степени, турецкий орден Османье 1-й степени с алмазами, сербский орден Белого Орла 1-й степени, знак за содействие духовному просвещению Сибири, серебряный жетон РОКК в память сделанного пожертвования в пользу Мариинской барачной больницы.

В эти же годы С.Ю. Витте был избран почетным гражданином городов Киева и Саранска Пензенской губернии, Ревеля и Великих Лук Псковской губернии, Череповца, Боровичей и Гихвина Новгородской губернии, Александровска Екатеринославской губернии.

О личной популярности министра финансов в российском обществе свидетельствуют избрания его почетным членом различных обществ, высших учебных заведений и научных организаций. Эти почетные звания являлись подлинным украшением формулярного списка действительного тайного советника С.Ю. Витте, самой судьбой подготовленного возглавить пост главы Кабинета министров. Их стоит перечислить.

В 1898 году он избирается почетным членом Археологического института и нижегородского общества «Ясли», Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III и Русского археологического института в Константинополе (Стамбуле, Турция), Попечительского совета о домах трудолюбия и работных домах, Императорской Военно-Медицинской академии и Русского общества охранения народного здоровья.

Следующий, 1899 год принес С.Ю. Витте почетное членство в Петербургском городском обществе попечительства о народной трезвости и Русского общества садоводства. Он утверждает-ся членом-корреспондентом Главной физической обсерватории

1900 год начинается для Сергея Юльевича с утверждения его почетным председателем юбилейной промышленной выставки в городе Риге, которая открывалась в следующем году. Затем последовало избрание почетными членами: Отделения геологии и минералогии Императорского Петербургского общества естествоиспытателей, Русского агрономического общества, Общества востоковедения, Русского благотворительного общества в Царстве Польском, Московского общества любителей птицеводства, Общества для усиления средств Петербургского женского медицинского института, 1-го санкт-петербургского дамского комитета РОКК и, наконец, Императорского Русского общества рыбоводства и рыболовства.

Следующий год в почетных избраниях выглядел несколько скромнее. Витте стал почетным членом Костромского общества пчеловодства, Императорского Казанского университета, Общества для пособия вдовам чиновников, не получающим пенсий от Государственного казначейства,

Все эти почести под собой имели одно: благодарность общественности, государства и правившего самодержца, осознавших значение введения золотого паритета рубля. Преобразования 1895—1897 годов, являясь определяющей составной частью экономических нововведений 90-х годов, оздоровили финансовое обращение, ускорили индустриальную модернизацию России и помогли хозяйственному организму в последующем выдержать потрясения русско-японской войны и «первой» революции 1904—1905 годов.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ПОЛИТИКА ВИТТЕ В МАНЬЧЖУРИИ

1

ИМПЕРСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ. УХОД С АЛЯСКИ. ПРИХОД В МАНЬЧЖУРИЮ

Проявить себя как искусному дипломату С.Ю. Витте довелось впервые во время трудных торговых переговоров с Германией, когда его противником оказался не кто иной, как сам канцлер Бисмарк. Тогда российский министр финансов переиграл своего маститого оппонента, навязав ему собственные правила ведения торговой игры. Уже тогда император обратил внимание на несомненные способности Витте в области внешней политики.

Второй пробой сил на дипломатическом поприще стало участие Витте в переговорах с посланцем Китайской империи Ли Хун Чаном в Москве, во время коронационных торжеств Николая II. Переговоры гласными не были, хотя их и вели высокопоставленные официальные лица России и Китая. К этому не располагала ситуация на Дальнем Востоке и присутствие на коронации делегации Японии. С ней российская сторона тоже вела переговоры по Корее, торговле и мореплаванию.

Японо-китайская война 1894—1895 годов резко изменила ситуацию на Дальнем Востоке. Победительница Япония стала обладателем не только огромной контрибуции, но и Ляодунского полуострова с Порт-Артуром.

Та непродолжительная война, которая велась в основном на море, коснулась и российских интересов. Империя в это время обживала свой Дальний Восток: казачьи войска занимали новые участки границы по рекам Амур и Уссури, первые переселенцы распахивали заповедные земли, быстрыми темпами ро­ город-порт Владивосток.

Известие о победе в войне с Китаем застало Россию в невыгодном положении: войск Россия на Дальнем Востоке имела совсем немного, флот (Сибирская военная флотилия) не был обустроен. Тревогу вселяло и то, что японские войска готовы были вторгнуться в Маньчжурию и двинуться, насколько возможно, на ее север.

Быстро нарастить на Востоке свои армейские и морские силы Россия не могла. К концу японо-китайской войны Сибирская железнодорожная магистраль только подошла к Иркутску. И сразу же встали две серьезнейшие проблема: как железной дороге войти в Забайкалье и как путем довести ее до Владивостока. То ли через китайскую Маньчжурию, то ли в обход вдоль Амура и Уссури. Первый вариант казался предпочтительным.

Поскольку ведение дел строительства Сибирской магистрали императором Александром III было поручено С.Ю. Витте, то воцарившийся Николай II не стал менять отцовского решения, поскольку он уже не раз лично убеждался в больших познаниях Сергея Юльевича и в железнодорожном, и финансовом деле. Транссиб со всеми его проблемами и перспективами был «отдан» в ведение главы финансового ведомства империи.

Сам Витте высказался по этому поводу следующим образом: «Так как я более всех остальных, так сказать, играл роль в этом деле, то и дело это я наиболее изучил и знал».

Конкурентом в деле строительства гигантской железной дороги по заповедным сибирским землям, по таежной глухомани у него, скажем прямо, не было. Уж слишком много было на этом пути «порогов», на которых можно было сломать служебную карьеру. Да и ведение каких-либо хозяйственных проектов на Востоке было связано с известной долей риска. А рисковать своей репутацией из министров особо никто и не хотел. Так что коллеги Витте по Кабинету министров в один голос говорили ему:

— Вам, Сергей Юльевич, так красиво шагнувшему из одно-

то министерского кресла в другое, как говорится, и все карты в руки. А мы будем вам в помощь.

Сложность дипломатического поручения министру финансов шклячалась и в другом, из чего в Санкт-Петербурге никто большого секрета не делал, и Витте это прекрасно знал. Дело касалось личного отношения только-только коронованного Николая II к Японии.

В свое время Александр III решил направить наследника-цесаревича Николая Александровича вместе с его братом Георгием в длительное заграничное путешествие. Они должны были «представиться» при дворах монархов и посетить страны Востока. В ходе путешествия Георгий тяжело заболел и был вынужден вернуться из поездки, поселиться для лечения на Кавказе, где великий князь и умер в Абастумане.

Новым товарищем по путешествию для наследника стал его двоюродный брат греческий принц Георг (Георгий). Витте писал о нем, что этот «молодой человек, наиболее склонный к таким действиям, которые не могли служить образцом для великих князей и принцев». В поездке цесаревича Николая сопровождали несколько блестящих молодых офицеров императорской Гвардии: из Конногвардейского полка князь Николай Оболенский, кавалергард князь Кочубей и лейб-гусар Волков. Организацию всей этой экспедиции император возложил на генерал-адъютанта князя Барятинского.

29 апреля 1891 года во время путешествия по Японии наследник царского престола великий князь Николай Александрович оказался жертвой покушения на него. На главной улице древнего города Киото полицейский Цуда Сандзо, стоявший в оцеплении по пути следования высокопоставленного гостя императорского правительства, неожиданно нанес ему сильный удар мечом. Скользящий удар клинка прошелся по правой стороне головы цесаревича. Будущий самодержец России бросился бежать, поскольку одержимый японский полицейский явно намеревался повторить удар самурайским мечом.

От неминуемой смерти наследника российского престола спас его двоюродный брат греческий принц Георг, который находился с ним в одной коляске. Он уложил нападавшего полицейского ударом бамбуковой палки. Цуда Сандзо был схвачен на месте преступления и предан неумолимому и скорому суду. Фанатик

оказался членом одной из тайных самурайских организаций. Цесаревич Николай Александрович в тот же день подробно описал происшествие с его смертельной опасностью в своем дневнике.

Именно с этого апрельского дня государь «всёя Руси» возненавидел ближневосточных соседей, презрительно именуя их «косоглазыми япошками». На всю жизнь у Николая II остался шрам, и временами он страдал от сильных головных болей.

Витте считал, что поездка последнего всероссийского императора из династии Романовых на Дальний Восток «была фатальной» для Николая II. Сергей Юльевич писал о тех событиях в своих «Воспоминаниях» так:

«Этот инцидент весьма тягостно отразился в Петербурге. Он очень сильно подействовал на императора Александра III и не менее тягостно, что вполне естественно, подействовал и на наследника. Мне представляется, что это событие вызвало в душе будущего императора отрицательное отношение к Японии, то есть я хочу сказать, что этот удар шашкой японского изувера, нанесенный в голову молодому цесаревичу, конечно, неблагоприятно повлиял на его впечатления о Японии, и о японцах в частности.

Поэтому понятно, что император Николай II, когда вступил на престол, не мог относиться к японцам особенно доброжелательно. И когда явились лица, которые начали представлять Японию и японцев как нацию крайне антипатичную, ничтожную и слабую, то этот взгляд на Японию с особой легкостью воспринимался императором, а потому император всегда относился к японцам презрительно».

Как бы то ни было, но отношения с восточным соседом надлежало строить дружественные. Недавно назначенный на пост главы Министерства иностранных дел князь А.Б. Лобанов-Ростовский имел довольно смутное понятие о проблемах российского Дальнего Востока. Он не был в этом одинок: большинство государственных деятелей старательно занимались Западом, то есть Европой, а Востоком заниматься стремились совсем немногие. А между тем обстановка вокруг российской окраины складывалась не самая благополучная.

(Глава российского МИДа Алексей Борисович Лобанов-Ростовский происходил из старинного княжеского рода конца

XV века, восходящего к Рюрику. Прослужив почти два десятка лет на дипломатическом поприще и будучи уже чрезвычайным посланником и полномочным министром в Турции, князь уволился со службы «по домашним обстоятельствам». Позже возобновил службу в Министерстве внутренних дел и был орловским губернатором. При завершении Русско-турецкой войны 1877—1878 годов вновь перешел в МИД.)

После того как князь Лобанов-Ростовский побывал чрезвычайным и полномочным послом в Лондоне, Вене и Берлине, он стал убежденным сторонником ориентации внешней политики России на Европу. Из азиатских стран чествовал только султанскую Турцию. Востоком старался не заниматься, что было известно и императору Николаю II. То, что он поручил ведение переговоров в отношении Японии и Китая министру финансов «посточнику» Витте, случайностью не выделось.

Витте знал проблемы дальневосточной российской окраины. Если раньше российское Приморье с Владивостоком от Японии отделяло море, то теперь, после войны с Китаем, Япония укрепилась на материке в Корее.

В японо-китайской войне японцы показали всем, что их отечество становится мировой державой. Войну они начали чисто в самурайском духе. За шесть дней до ее официального объявления крейсер «Нанива», которым командовал будущий флотоводец и победитель в Цусимском сражении Хейхатиро Того, встретил у корейских берегов британский транспорт, который перевозил китайские войска. Того, не задумываясь, приказал расстрелять судно, шедшее под английским флагом. После этого он организовал спасение британской команды, но не стал подбирать из воды оставшихся в живых китайских солдат. Командир крейсера даже отдал команду обстреливать из орудий опасательные лодки с китайцами.

После разгрома китайской армии у Пхеньяна полному разгрому подвергся и китайский флот. Это случилось в морском сражении у острова Хаян (Хаяндао), лежащего в 70 милях от устья реки Ялу в Желтом море. Победителем оказался командующий японским флотом адмирал Юко Ито. Остатки китайского флота, укrywшиеся в порту Вэйхайвэй, сдались на милость победителей. После подписания капитуляции циньский адмирал Тин Ючан покончил жизнь самоубийством.

Мирные переговоры велись в японском городе Симоносеки между маркизом Ито и главой правительства Китая Ли Хун Чаном. Победенная сторона лишалась острова Тайвань, Пескадорских островов, а также полуострова Ляодун с прилегающими островами в Желтом море. Пекин выплачивал Токио огромную контрибуцию в размере 200 миллионов лан (таэлей), что составляло в английских фунтах стерлингов сумму, превышающую 25 миллионов.

Симоносекский мирный японо-китайский договор никак не устраивал Российскую империю. Встревоженный таким исходом войны, С.Ю. Витте писал о своих дипломатических замыслах:

«Я пришел тогда к заключению, которого держался все время, а именно, что России наиболее выгодно иметь около себя соседом своим сильный, но неподвижный Китай, что в этом заключается залог спокойствия России со стороны Востока, а следовательно, и будущего благоденствия Российской империи. Поэтому мне стало ясно, что невозможно допустить, чтобы Япония внедрилась около самого Пекина и приобрела столь важную область, как Ляодунский полуостров, который в известном отношении представлял собой доминирующую позицию. Вследствие этого я поднял вопрос о том, что необходимо воспрепятствовать осуществлению указанного договора между Японией и Китаем».

Император Николай II к мнению главы финансового ведомства отнесся с пониманием и заинтересованностью. Чтобы особо не афишировать это и не привлекать к проблеме внимание иностранных разведок, то есть посольств европейских держав и Японии, служебное Особое совещание по дальневосточной проблеме состоялось на квартире товарища (заместителя) министра иностранных дел. Председательствовал генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович. В совещании участвовали Витте, князь А.Б. Лобанов-Ростовский, военный министр П.С. Ванновский, начальник Главного штаба генерал-адъютант Н.Н. Обручев и управляющий Морским министерством Н.М. Чихачев. То есть на частной петербургской квартире собрался узкий круг самых высокопоставленных деятелей николаевской империи. Почти все они представляли силовые ведомства империи, что было весьма показательным.

В числе первых выступил Витте. Его главной целью было доказать заинтересованность России в сохранении Китаем его нынешнего состояния. Поэтому предлагалось всеми силами поддерживать принципы целостности и неприкосновенности Китайской империи. Свою позицию министр финансов высказал с достаточной твердостью.

К удивлению Сергея Юльевича, его поддержал лишь глава Военного ведомства Ванновский, а генерал-адъютант Обручев указал, что его заботят прежде всего военные проблемы на западных государственных границах, и прежде всего с Германией и Австро-Венгрией.

Единого мнения участники совещания не высказывали. Тогда Сергей Юльевич решился взять на себя ответственность, забыв о своем праве министра финансов иметь первый голос в деле, неудачное решение которого может свести на нет результаты всей предшествующей финансово-экономической политики империи.

Как же видел Витте международную ситуацию на Дальнем Востоке с позиций главы финансового ведомства? Он считал, что японо-китайская война является, по существу, реакцией империи на Японских островах на строительство Сибирской железной дороги. Враждебные действия микадо против Китая считал направленными главным образом против России. Предупреждал, что нельзя допускать утверждения Японии на Ляодунском полуострове, что это создаст прямую угрозу России и повлечет за собой присоединение Кореи к Японии. Что получив от Китая огромную контрибуцию, Токио привлечет на свою сторону монголов и маньчжур и начнет новую войну для подчинения себе всего континентального Китая.

Концовка того выступления Витте звучала пророчески. Он заявил участникам Особого совещания, что если допустить японцев в Маньчжурию, то для охраны русских дальневосточных владений потребуются сотни тысяч солдат и значительное увеличение сил военного флота. Причем рано или поздно все это приведет к неизбежному столкновению двух империй.

Исходя из этого, Витте предостерегал от каких-либо территориальных захватов в Китае, с которым следовало сохранять добрые отношения. Одновременно нельзя было допускать посылки Японии в Южной Маньчжурии. Министр финансов

признавал чрезвычайную нежелательность войны, но считал большое военное столкновение на Дальнем Востоке делом неизбежным.

Поскольку никто из участников Особого совещания не высказывал определенных предложений и мнений, а князь Лобанов-Ростовский отмалчивался, Витге попросил у великого князя еще слово. Он сказал, что от Японии надо потребовать соблюдения территориальной целостности Китая, даже в обмен на большую контрибуцию с побежденной страны. Свое повторное выступление Сергей Юльевич закончил следующим воинственным предложением, окончательно смутившим главу российского МИДа, упорно не желавшего видеть на Дальнем Востоке вызревший очаг будущего военного конфликта с Токио:

«Если же Япония на это не согласится, то нам ничего другого не остается, как начать активные действия; что теперь еще не время судить о том, какие активные действия предпринимать, но я того убеждения, что можно дойти и до бомбардировки некоторых японских портов».

Ничем определенным то совещание не закончилось. Великий князь Алексей Александрович, по долгу службы, доложил о нем государю. Тогда Николай II собрал второе Особое совещание по Дальнему Востоку, на сей раз у себя. На нем, кроме генерал-адмирала, присутствовали только три министра: военный, финансов и иностранных дел.

После той встречи император записал в своем дневнике одну короткую, но так много значащую фразу: «Дай Бог только бы не втянуться в войну».

Итогом Особого совещания в самом узком составе у императора стало обращение российского МИДа к правительствам Франции и Германии с предложением «повлиять» на Токио и «попросить» его не лишать Китай Ляодунского полуострова. Витге было известно не только по «банковским каналам», что значительные территориальные приобретения Японии в войне вызвали отрицательную реакцию ряда европейских держав, имевших колониальные владения и желавших их расширить за счет азиатских земель. В их столицах считали, что серьезное изменение баланса сил на Дальнем Востоке затрагивает их государственные интересы.

В апреле 1895 года Россия, Франция и Германия направили Токио союзную ноту, требуя отказа от пункта Симоносекского мирного договора, который предусматривал передачу победителям Ляодунского полуострова. По сути дела начальным инициатором этого коллективного дипломатического демарша являлся российский министр финансов. Для мировой истории подобное случалось достаточно редко.

Три европейские державы давали «дружеский совет» японскому правительству отказаться от Ляодуна. Они мотивировали свой совет тем, что если Япония оставит за собой полуостров и будет стратегически господствовать над китайской столичной провинцией Джили (то есть по сути дела над столичным Пекином), то это будет угрожать миру на Дальнем Востоке.

В Санкт-Петербурге, Париже и Берлине поняли, что одного «дружеского совета» будет мало. Свои требования на Востоке державы Европы традиционно подкрепили конкретными действиями. Дипломатический демарш подкрепили открытой военной демонстрацией. Германия и Франция усилили (широко известная об этом весь мир) свои экспедиционные эскадры в Тихом океане, доведя их состав до 38 боевых кораблей. А Россия, со своей стороны, объявила мобилизацию военнообязанных в Приамурском военном округе, что могло дать на случай войны 22 пехотных батальона.

На Японских островах отмалчивались. Даже самые отчаянные головы в Токио понимали, что на такое военное столкновение идти нельзя. Там хорошо понимали, что три державы Европы задумали отобрать у них главную добычу в блестяще выигранной войне — Ляодунский полуостров. Главная ценность которого состояла в том, что он являлся частью материка, а Япония в своих геополитических устремлениях всегда стремилась шагнуть с островов на материковую Азию.

На очередном Особом совещании в городе на Неве министр финансов С.Ю. Витте, получив поддержку других участников делового разговора, вновь высказал прямую озабоченность развитием ситуации вокруг Ляодуна. Русскому послу в Токио была отправлена следующая шифрованная телеграмма:

«Рассмотрев условия мира, которые Япония соизволила предъявить Китаю, мы находим, что присоединение Ляодунского полуострова, потребованное Японией, явилось бы постоянной угрозой китайской столице, сделало бы призрачной не-

зависимость Кореи и было бы постоянным препятствием к продолжительному успокоению на Дальнем Востоке. Благоволите высказаться в указанном смысле перед японским правительством и посоветовать ему отказаться от окончательного овладения этим полуостровом. Мы все же хотим пощадить самолюбие японцев. Ввиду этого вы должны придать своему шагу самый дружеский характер и должны войти по этому поводу в соглашение с вашими французскими и германскими коллегами, которые получают такие же инструкции».

В заключение в той же депеше говорилось, что командующий Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал П.П. Тыртов получил приказание быть готовым ко всякой случайности.

Спорить с тремя державами Европы не приходилось. Японии пришлось без лишних разговоров пойти на уступки. В Токио было официально объявлено, что божественный микадо в целях сохранения мира и «уступая требованиям великодушия, принимает советы трех держав». Далее микадо объявлял, что такое его «великодушное решение» не может омрачить «славу и унижить достоинство империи».

В трех европейских столицах дипломатические ведомства могли торжествовать. На удивление несведущим, главные торжества в Санкт-Петербурге по поводу «исправления» итогов японо-китайской войны состоялись не в МИДе, а в Министерстве финансов, хотя оба этих ведомства и занимали одно здание на набережной Мойки.

Японии пришлось уступить свою главную добычу в успешно выигранной войне. Так на свет появился «окончательно доработанный» Симонсекский мирный договор, в котором полностью была исключена статья об отказе Китая от Ляодунского полуострова в пользу Японии. Это устраивало в первую очередь Россию. Территориальное приобретение японцев заменялось дополнительной контрибуцией в 5 миллионов фунтов стерлингов.

Витте вряд ли мог предвидеть последствия организованного прежде всего лично им дипломатического давления на Токио. Понятно, что главное негодование японцев сейчас же обрушилось на соседнюю Россию, как на ту европейскую державу, которой, по общему мнению, принадлежала вся инициатива коллективного протеста Санкт-Петербурга, Парижа и Берлина. Японцы считали, что именно Российская империя стояла во

главе дипломатического похода, подкрепленного орудиями экспедиционных эскадр, против Токио. Объяснялось такое мнение весьма просто, поскольку российское правительство, «ведомое Витте», энергичнее других принимало меры к пересмотру Симоносекского мирного договора.

Россия становилась врагом № 1 для Страны восходящего солнца, и это предопределило во многом дальнейшее развитие хода событий на Дальнем Востоке.

Витте приходилось знакомиться с донесениями российских дипломатов, аккредитованных в Токио. Так, морской агент (военно-морской атташе) писал о тех событиях:

«Кому приходилось проживать в Японии в 1885, 1896 и 1897 годах, иметь сношения с иностранными и русскими торговыми людьми, там проживавшими, тот, конечно, видел и живо чувствовал на себе, как были возбуждены японцы против России и русских».

Посольские донесения из Токио становились все более тревожными. С 1895 года антироссийское настроение в японском обществе стало сильно возрастать, что нашло широкий отклик на страницах газет, вещавших о желательности войны с Россией. Сторонники такого «общественного мнения» в ноябре того же 1895 года провели в столице особый съезд своих представителей с участием официальных правительственных лиц. На съезде было единодушно одобрено прошение к микадо с требованием, чтобы России была объявлена война.

Присутствовавшие на этом представительном собрании офицеры императорской армии и флота торжественно поклялись на мечах могилами своих предков-самураев отомстить России за ее вмешательство в «японо-китайскую распрю». Правительство микадо умело воспользовалось таким антироссийским движением в стране и, начав подготовку к будущей войне против своего северного соседа — России, успело к началу XX столетия сделать ее делом всенародным.

Этот неопровержимый факт большинство отечественных историков, пишущих о Русско-японской войне 1904—1905 годов, стараются не признавать и сегодня. Нет ничего об этом и в «Воспоминаниях» С.Ю. Витте, хотя о действительном положении дел на Японских островах, в силу своего положения, он знал доподлинно очень многое.

Тем не менее Витте видел, что японо-китайская война резко изменила военно-политическую ситуацию в регионе. Из четырех соседних государств одно — Китай — оказалось побежденным Японской империей и было не в состоянии в ближайшие десятилетия набраться военной мощи, которая позволяла бы ему стать вровень с победителем в войне. Другое государство — Корея оказалось под фактическим контролем Японии. Теперь экспансионистским, захватническим устремлениям Японии противостояла только одна Россия.

Однако внешняя политика России на Дальнем Востоке, которая начала строиться в известной степени по планам Витте, не соответствовала ее реальным возможностям и интересам. Более того, она была вызывающей по отношению к Японии, которая встала на путь самоутверждения в регионе. Официальный Санкт-Петербург, строя свою политику по отношению к Токио, не учел возможного противодействия других стран в случае возникновения военного конфликта. Более того, правительство Николая II недооценивало Японию как своего вероятного противника. Прозрение пришло слишком поздно, когда война уже стояла на пороге.

Один из творцов дальневосточной политики тех лет, С.Ю. Витте, в своих мемуарах откровенно писал о том, что успех европейской военно-морской дипломатии по отношению к Стране восходящего солнца (после ее победы в войне над Китаем) вскружил головы многим. Витте отмечал следующее:

«В то время, в сущности говоря, было очень мало лиц, которые знали бы вообще, что такое Китай, имели бы ясное представление о географическом положении Китая, Кореи, Японии, о соотношении всех этих стран; вообще в отношении Китая наше общество и даже высшие государственные деятели были полные невежды».

Однако беда крылась даже не в этом. Как указывал российский историк А.Л. Нарочницкий, «царские дипломаты, за немногим исключением, проявляли почти полное незнакомство с внутренней жизнью и внешней политикой Японии и с ироническим пренебрежением относились к агрессивным выступлениям японских политических деятелей и прессы, не понимая надвигающейся с этой стороны угрозы для царизма».

В Токио запомнили, кто оказался главным виновником того, по чьей инициативе империю лишили куска китайской терри-

тории. В Пекине поняли, что с Россией надо дружить более тесно, даже чего-то лишаясь ради такого союзничества с соседом, граница с которым тянулась не одну тысячу верст.

Глава финансового ведомства России взялся за наведение более тесных межгосударственных мостов с Китаем. Витте для начала предложил правительству соседней страны крупный кредит для выплаты первой части контрибуции Токио: деньги брались для Китая у французских банков. Россия гарантировала его своими доходами от взимания таможенных пошлин и «вообще постоянным Китаем».

Популярный советский писатель Валентин Пикуль в своем историческом романе «Три возраста Окини-сан» с иронией писал по этому поводу:

«Россия, кажется, здорово сглупила, гарантируя Китаю заем для оплаты контрибуций Японии. Тем самым мы, русские, обеспечили самураям мощный финансовый источник развития их флота».

Затем по просьбе тех же парижских финансовых кругов — банка «Лионский кредит», банкирского дома Ж. Готингера, финансистов Э. Нецлина, Р. Бриса и других С.Ю. Витте организовал Русско-Китайский банк. Основная доля в нем, естественно, принадлежала все тем же французам, хотя первоначально значительным акционером Русско-Китайского банка была российская казна, доля которой в скором времени резко сократилась. Банк способствовал проникновению российского капитала в Китай (прежде всего в Маньчжурию) и Корею (в ее северную часть).

После русско-японской войны творение Витте, основанное на французских капиталах, потеряло «свою почву». Но Сергей Юльевич нашел выход: Русско-Китайский банк объединили с Северным банком, и таким образом на свет появился Русско-Азиатский банк. Новое финансовое образование начало действовать на основе устава Русско-Китайского банка. Он предусматривал, помимо обычных банковских функций, финансирование китайских властей, хранение налоговых поступлений, получение железнодорожных и иных концессий на всей территории Китая. Банк также имел специальный фонд для подкупа китайских сановников, о чем не афишировалось.

Когда на церемонию коронавания Николая II в Москву стали съезжаться титулованные гости, среди них оказался Ли Хун Чжан, один из самых выдающихся государственных деятелей

империи Цинь того времени. Через него Китай высказал благодарность России за то, что та спасла целостность китайской территории и оказала большую финансовую помощь.

Ли Хун Чжан уже длительное время считался одним из самых влиятельных сановников. Он имел несколько официальных титулов и должностей: уполномоченный его величества императора Китая (читай — вдовствующей императрицы-регенши Цы Си), старший попечитель наследника престола, старший государственный секретарь, министр главнoзаведывающий торговлею северных портов Китая, вице-король (столичной) провинции Джили и граф первой степени. Больше подобных регалий имели лишь немногие князья из правящей в Поднебесной империи маньчжурской династии.

Российская сторона могла положиться в своих китайских делах на циньского канцлера Ли Хун Чжана по одной немало важной причине личного характера. Дело заключалось в том, что у него были веские причины ненавидеть японцев. Он был главой китайской делегации на переговорах в Симоносеки. Там на него было совершено покушение — террорист из секты «соши» неудачно стрелял в Ли Хун Чжана из револьвера и ранил его в щеку. Правительству микадо пришлось приносить свои извинения, иначе в противном случае переговоры были бы сорваны.

В ходе коронационных торжеств Витте провел несколько деловых встреч с Ли Хун Чжаном. Сергей Юльевич уже имел достаточно точное представление об этом типичном циньском чиновнике. И в Пекине и в китайских провинциях, как нигде, процветало взяточничество. Российский министр финансов решил воспользоваться этой «слабостью» высокопоставленного чиновника-мандарина.

Беседы с Ли Хун Чжаном сводились к одной проблеме: прокладке Транссибирской железнодорожной магистрали через Маньчжурию из Забайкалья до Владивостока. Китайский сановник прибыл заранее, до торжеств вступив на российскую землю в Одессе, и был встречен в соответствии с его рангом. Ли Хун Чжан уже знал, что переговоры с ним по повелению императора Николая II будет вести не министр иностранных дел, а более влиятельный министр финансов, о котором «великий мандарин» Циньской династии был много наслышан.

Получилось так, что министр финансов С.Ю. Витте оказался на острие геополитических устремлений Российской империи. После продажи Соединенным Штатам Аляски, которую держава не могла ни защитить, ни обустроить в хозяйственном отношении, вектор ее геополитики перешел с севера на юг. После Приамурья, Приморья и острова Сахалина имперские интересы России были направлены на китайскую Маньчжурию и Корею.

Витте такой расклад внешнеполитических акцентов понимал прекрасно. Поэтому, разумеется, с полного согласия императора Николая II, он свои усилия направил на утверждения более тесных контактов с Китаем. В столице Циньской империи у него оказался надежный союзник — Ли Хун Чжан, с которым они теперь понимали друг друга с полуслова.

В своих «Воспоминаниях» Сергей Юльевич красочно описал свою первую встречу с Ли Хун Чжаном. Дипломаты, работавшие в Пекине, учили его в переговорах с китайскими сановниками прежде всего никогда не спешить, так как это считалось у них дурным тоном. Что все надо делать крайне медленно и обставлять все различными китайскими церемониями. Витте так и поступал:

«И вот когда вошел ко мне Ли Хун Чан в гостиную, я вышел к нему навстречу в виц-мундире. Мы с ним поздравствовались, очень низко друг другу поклонились. Потом я его провел во вторую гостиную и приказал дать чай. Я и Ли Хун Чан сидели, а все лица его свиты, так же как и мои чиновники, стояли. Затем я предложил Ли Хун Чану, не желает ли он закурить? В это время Ли Хун Чан начал издавать звук, подобный ржанию жеребца. Немедленно из соседней комнаты прибежали два китайца, из которых один принес кальян, а другой табак. Потом началась церемония курения, которая заключалась в том, что Ли Хун Чан сидел совершенно спокойно, только втягивая и выпуская из своего рта дым, а зажигание кальяна, держание трубки, вынимание этой трубки изо рта и затем вставление ее в рот — все это делалось окружающими китайцами с большим благоговением.

Подобного рода церемониями Ли Хун Чан явно желал произвести на меня сильное впечатление. Я к этому относился, конечно, очень спокойно и делал вид, как будто я на все это не обращаю никакого внимания.

Конечно, во время первого визита я ни слова не говорил о деле. Мы только друг друга десятки раз расспрашивали: он о том, как здоровье Государя императора, как здоровье Государыни императрицы, как здоровье каждого из детей. А я расспрашивал, как здоровье богдыхана и вообще всех ближайших родственников богдыхана. Так что в первый раз, в первое наше свидание, разговоры наши этим только и ограничивались.

Затем, в следующее наше свидание, Ли Хун Чан ознакомился ближе со мной и, видя, что на меня, собственно, все эти церемонии не особенно действуют, начал говорить со мной нараспашку и уже более этих церемоний не делал».

После этого переговоры между Витте и Ли Хун Чжаном пошли без всяких условностей, с большой открытостью. Два великих государственных деятеля своей эпохи понимали друг друга с полуслова. Хитрить им не приходилось, поскольку каждый пекся о «здоровье и благополучии» своей империи.

Глава китайского правительства был удовлетворен тем, что Россия стояла за принцип сохранения территориальной целостности своего соседа. Но Витте сказал Ли Хун Чжану, что его империя может прийти на помощь Китаю только в том случае, если сама будет сильна на Дальнем Востоке. Этого она может достичь только в том случае, если военный порт Владивосток будет связан с центральными губерниями России железной дорогой. Сергей Юльевич в качестве довода привел своему собеседнику самый свежий пример:

«Мы во время войны Китая с Японией двинули некоторые части наших войск из Владивостока по направлению к Гирину, но по неимению путей сообщения войска эти шли так медленно, что не дошли до Гирина даже тогда, когда война между Китаем и Японией уже окончилась».

Витте доказывал Ли Хун Чжану ту истину, что эта дорога оживит экономику не только российских областей, но и тех китайских провинций, через которую она пройдет. Будет процветать и внешняя торговля двух соседних стран, и местная торговля. Тот соглашался с доводами, но все продолжал колебаться в выборе правильного ответа на российские предложения.

Тогда в переговорный процесс вмешался лично император Николай II. Он принял китайского канцлера в неофициальной обстановке и имел с ним дружественную беседу. Самодержец при

первой же встрече сказал своему министру финансов с «засветившимся лицом»:

— Ли Хун Чан у меня был, и я ему все сказал.

После этого Витте не составило труда начать переговоры по поддержанию секретного договора России с Китаем. В выработке его статей чиновники министра иностранных дел князя А.Б. Лобанова-Ростовского особо и не участвовали. Только когда были обговорены все статьи соглашения, Николай II попросил Сергея Юльевича проинформировать о них Министерство иностранных дел, что и было исполнено.

Секретный договор между Россией и Китайской империей об оборонительном союзе против Японии был подписан в начале 1896 года. Первая статья его гласила:

«Всякое нападение Японии как на русскую территорию в Восточной Азии, так и на территорию Китая или Кореи будет рассматриваться как повод к немедленному применению настоящего договора».

По этому договору два соседних государства брали на себя высокое обязательство о поддержке друг друга сухопутными и морскими силами. В колониальную эпоху поделенного мира, когда Китай становился объектом экспансии европейских держав и Японии, такой договор можно было отнести к числу редких, даже уникальных.

Со стороны Китайской империи его подписал «главный саповник», то есть глава правительства старший государственный секретарь Ли Хун Чжан. Со стороны России — министр финансов С.Ю. Витте и министр иностранных дел князь А.Б. Лобанов-Ростовский. Но дипломаты многих стран часто называли этот секретный антияпонский договор о взаимной обороне «виттевским». Однако ему не суждено было реализоваться в жизни по той веской причине, что в скором времени внешнеполитическая конъюнктура на Дальнем Востоке изменилась не в пользу договорившихся стран.

К этому следует добавить, что перед началом переговоров стороны в лице полномочных руководителей делегаций традиционно обменялись ценными подарками. Китайский канцлер Ли Хун Чжан преподнес министру финансов С.Ю. Витте знаки отличия мандарина — циньского чиновника высокого ранга и

другие подарки от его величества богдыхана, которые были с благодарностью приняты.

Ответный ценный подарок мудрый Ли Хун Чжан попросил выбрать самому, в чем ему, естественно, отказа не последовало. Его желание воплотилось в редкостном по красоте и стоимости уральском изумруде, который был подлинным украшением Нижегородской всероссийской выставки. Ли Хун Чжан объяснил свою просьбу тем, что он является собирателем уникальных драгоценных камней, прежде всего алмазов, изумрудов и рубинов, коллекцией которых он мог гордиться не только в собственной стране.

2

КВЖД. САНОВНИКИ ДВУХ ИМПЕРИЙ

За российско-китайским договором о взаимной защите при возможном нападении Японии последовал другой, исключительной стратегической важности. Для Витте, который по поручению императора Николая II вел переговоры с Ли Хун Чжаном, второе межгосударственное соглашение имело в известной степени личный триумф. Речь шла о строительстве через Маньчжурию железной дороги из Забайкалья во Владивосток.

Заключенное соглашение стороны до поры до времени широко не афишировали. Это было пожелание и российской стороны, и Ли Хун Чжана. Витте называл соглашение секретным и чрезвычайно важным для империи. Уже после постройки железной дороги он писал:

«Только часть этого соглашения могла сделаться известной Европе, и то только в том смысле, что Китай дал концессию Русско-Китайскому банку на сооружение Восточно-Китайской железной дороги, служащей продолжением великого Сибирского пути. Это неизбежно должно было сделаться известным, потому что во исполнение договора, заключенного в Москве, русские уполномоченные и уполномоченный со стороны Китая должны были составить концессию на сооружение Восточно-Китайской дороги.

Все указания по этому предмету, то есть в каком смысле должна быть составлена концессия, чего мы в этой концессии должны добиваться, были мной даны моему товарищу по министер-

ству финансов Петру Михайловичу Романову, в высокой степени почтенному и знающему государственному деятелю.

А со стороны Китая для составления проекта концессии был уполномочен китайский посол в Петербурге (Сюй Цзюнь Чэн. — *Автор*), который вместе с тем был и послом в Берлине. Часть года, обыкновенно всю зиму и весну он проживал в Петербурге, а лето и осень — в Берлине».

Так как составлять и заключать концессию пришлось летом, то российскому представителю П.М. Романову пришлось отправиться в Берлин, где в то время находился китайский посол Сюй Цзюнь Чэн. Перед отъездом он получил от Витте самые подробные инструкции на все случаи жизни. Составленный берлинский проект концессии без особых проволочек был ратифицирован и правительством России (по докладу Витте), и правительством Циньской империи с подачи Ли Хун Чжана.

Дальнейшая судьба китайского посла в России и Германии была такова. Отозванный в Пекин из столиц сразу двух европейских держав, Сюй Цзюнь Чэн был избран номинальным председателем Общества Восточно-Китайской железной дороги. Ему поручалось отстаивать интересы КВЖД перед пекинским правительством.

Сам же контракт на постройку и эксплуатацию КВЖД китайское правительство и Русско-Китайский банк подписали 8 сентября 1896 года. Всеми делами заправляло Общество Восточно-Китайской железной дороги. Согласно концессионному договору ширина колеи КВЖД должна была быть такой же, как и на железных дорогах России. Земли, принадлежавшие обществу, а также его доходы освобождались от всяких пошлин и палогов. Общество получило право самостоятельно устанавливать железнодорожные тарифы. КВЖД имело собственную вооруженную полицию (охранную стражу).

Все эти льготы и привилегии были получены российской дипломатией при самом деятельном участии министра финансов С.Ю. Витте. Он участвовал в переговорах (через своих агентов) по заключению концессионного договора как одно из самых заинтересованных лиц.

Однако не только одна Россия добивалась у Циньской империи концессий на железнодорожное строительство. Пекин оказался под таким дипломатическим прессом, что к концу 1898 года

дал согласие на несколько концессий по сооружению железных дорог. Если Россия получила право провести по китайской (маньчжурской) территории магистраль протяженностью в 1530 миль, то Великобритания — на 2800 миль железнодорожных путей, Германия — 720 миль, маленькая Бельгия — 650 миль, Франция — 420 миль и США — 300 миль.

Среди прочих Общество Восточно-Китайской железной дороги получило право иметь собственный флаг. Он был наполовину российский, наполовину китайский. По диагонали шелковое полотнище разделялось на два цвета — белый и желтый. На одной половине изображались солнце и дракон. На другой, в левом верхнем углу — российский бело-сине-красный прямоугольник. Флаг как бы символизировал дружбу двух империй в постройке железнодорожной магистрали, которой была уготовлена долгая жизнь.

Впервые флаг КВЖД был выставлен на всеобщее обозрение в августе 1897 года, когда на границе Маньчжурии и Приморья, на китайском берегу реки Уши состоялась церемония открытия работ по постройке Китайско-Восточной железной дороги. В торжествах участвовали не только официальные лица двух сторон, но и жители приграничных казачьих станиц Южно-Уссурийского края.

В европейских столицах тогда в дипломатических кругах немало удивлялись, как России удалось через Ли Хун Чжана заключить два столь важных договора, менявших соотношение сил на Дальнем Востоке. Тогда и начали ходить упорные слухи о том, что российский министр финансов «дал китайскому канцлеру большую взятку». Прямых подтверждений этому не было, хотя подобная практика решения важных межгосударственных проблем была известна с незапамятных времен. Сам же С.Ю. Витте о том писал в своих «Воспоминаниях» предельно кратко и достаточно категорично:

«В Европе в то время говорили, будто бы Ли Хун Чан получил от русского правительства взятку. Это неверно. Тогда в Петербурге (переговоры велись подальше от конкурентов. — Автор) Ли Хун Чан никакой взятки не получал. Об этом не было со стороны Ли Хун Чана никакой речи».

Однако современники опровергали автора этих строк. Говорили, что российский министр путей сообщения пообещал ки-

пищу Ли Хун Чжану в виде взятки три миллиона рублей, разумеется, серебряной монетой, поскольку золотая в Циньской империи хождения не имела. Утверждалось и то, за что давалась выплата. Витте уговаривал китайца подписать концессию на строительство КВЖД с ответвлением дороги на юг, к полуострову Ляодун. Тот такое согласие от имени Пекина дал и якобы сразу получил треть обещанной суммы — на миллион рублей серебряной монеты. Говорилось, что непосредственное участие в этом деле принял тогдашний русский посланник в Пекине А.П. Кассини.

Витте действительно хотел протянуть ветку от идущей по северной части Маньчжурии Сибирской магистрали на юг, к китайскому побережью Тихого океана, к одному из портов Желтого моря. И предполагал аренду портов Киао-Чао, Порт-Артур и Даляньвань. Российский министр финансов желал получить от китайской стороны, от всемогущего Ли Хун Чжана концессию на строительство двух железных дорог, ведущих на юг Маньчжурии. Одна могла быть построена по русским стандартам от Шанхайгуаня через Мукден до Гирина, вторая — от того же Шанхайгуаня до Порт-Артура. Строить их должна была частная компания, контрольный пакет акций которой находился бы в руках россиян.

Кроме военного, стратегического значения эти две железные дороги явились бы отражением экономических планов С.Ю. Витте. Дороги бы дали право российской стороне на разработку угольных и горнорудных богатств провинций Гири и Хэйлуцзян.

Эти планы тогда так и не были реализованы: автор отложил их просто в «долгий ящик». Эти мысли Сергея Юльевича остались в меморандуме для русского посланника в Пекине Кассини, который на месте должен был вести переговоры на сей счет с китайской стороной. Дипломат имел беседу с Ли Хун Чжаном, но тот в положительном решении вопроса не получил поддержки ни при циньском императорском дворе, ни у столичной общественности, которая недвусмысленно высказала свой протест в связи с очередной попыткой европейцев проникнуть в страну поглубже.

Как восточный сановник, Ли Хун Чжан отличался большой хитростью и осторожностью, особенно в денежных делах. В ожидании обещанных денег сполна, он подписал концессию

на строительство железной дороги через Маньчжурию лишь до Владивостока, без ответвления к Ляодунскому полуострову. По всей видимости, он боялся быть обманутым.

Вскоре 77-летний сановник, имевший право подписывать межгосударственные соглашения, умер. И царская Россия, и министр финансов С.Ю. Витте якобы «сэкономили» для казны два миллиона рублей. Потом железнодорожная ветка от трассы КВЖД все же была построена до Порт-Артура. Случилось это перед самой русско-японской войной.

Те же злые языки утверждали, что Витте давал взятки за строительство этой стратегически важной железной дороги, которая имела почти чисто военное значение. Но кому и сколько заплатили в качестве взяток — о том история умалчивает. Такие слухи ходили вокруг имени Сергея Юльевича до его последних дней. Но, если судить по его мемуарам, они его беспокоили мало. Или совсем не беспокоили.

Однако ряд исследователей, таких как Б.А. Романов в книге «Россия и Маньчжурия», увидевшей свет в 1928 году, утверждают следующее: Витте решил основательно поставить дело подкупа китайских сановников, создав особый фонд «на покрытие расходов, связанных с выдачею концессии на КВЖД», — «лихунчжанский» фонд.

Изначально планы строительства КВЖД со стороны России имели некий авантюрный характер. Но такой оттенок Великому железнодорожному проекту придал ни С.Ю. Витте, ни его коллеги из Министерств финансов и путей сообщения, ни генералитет Военного ведомства. В этом виновен весьма одиозный, но популярный в столице, врач «тибетской медицины» бурят П.А. Бадмаев. Ко всему прочему он был крестником императора Александра III, а «самородком» нетрадиционного врачевания оказался достаточно сомнительным, о чем, в частности, писал в своих воспоминаниях сам Витте.

Сергей Юльевич был достаточно близко знаком с этим неодиничным человеком. С Бадмаевым его познакомил в начале 1893 года князь Э.Э. Ухтомский, в то время издатель влиятельных и весьма осведомленных «Санкт-Петербургских ведомостей».

Некоторые исследователи не без справедливости считают Бадмаева «предвестником» появления на столичной сцене такой личности, как Григорий Распутин.

Бадмаев вознамерился внести «коррективы» во внешнюю политику России, разумеется, на Востоке. В феврале 1893 года он представил С.Ю. Витте, с которым был уже достаточно хорошо знаком, записку на имя императора Александра III. Суть ее состояла в следующем: знаток тибетской медицины предлагал соорудить от строящейся Сибирской железной дороги 1500-верстную ветку в Китай до города Лан Чжоуфу, центра провинции Ганьсу. Ее сооружение было связано с витавшими тогда в воздухе европейских колониальных держав планами раздела совершенно ослабшей в военном отношении Циньской империи.

Но ко времени начала строительства железнодорожной ветки Бадмаев обещал осуществить восстание монголов и тибетцев против власти империи Цинь и захватить силами повстанцев столицу провинции Ганьсу. Практикующий в Санкт-Петербурге посточный врач для организации восстания среди подданных циньской династии предлагал наладить активные торговые отношения с «монголо-тибето-китайским Востоком». Эти торговые отношения должны были налаживать специальные агенты, развозящие по национальным окраинам севера и запада Китая российские промышленные товары, обменивая их «на все полезное, что производилось в Монголии и Тибете». Предполагалось, что восставшие после свержения Циньской династии будут просить «белого царя» принять их в свое подданство.

Свое удивительное по авантюризму предложение Бадмаев подкреплял рассуждениями «стратегического характера», касающихся будущего Китайской империи. Он объявлял город Лан Чжоуфу единственным местом, имеющим «серьезное торговое, политическое и стратегическое значение во всем мире». И отвечал, почему сделан подобный вывод: оказывается, что этот провинциальный город является в Китае чуть ли не главным центром производства чая и шелка.

Перспектива развития событий по бадмаевскому плану рисовалась еще более удивительной. После восстания монголов и тибетцев, захвата войском восставших города Лан Чжоуфу и окончания строительства железнодорожной ветки от Сибирской магистрали «вся торговля Китая попадет в наши руки» и в «Россию потекут «вековые миллиарды золота и серебра», скопившиеся в Китае за последние 20 столетий. То есть которые стали

скапливаться там еще за тысячу лет до появления на свет великого завоевателя из монгольских степей Чингисхана.

По Бадмаеву выгода Российской империи от реализации его плана состояла не только в реках «вековых миллиардов золота и серебра». Конечной целью осуществления предлагаемой тибетским врачом идеи становилось присоединение большей части территорий Срединной империи к России, и та в силу этого становилась на Востоке мощнейшей державой.

Витте внимательно изучил бадмаевскую записку, которая «насквозь была пропитана духом невероятного авантюризма». Однако Сергей Юльевич не мог не отметить в ней отзвуки собственных предложений, связанных с прокладкой Транссиба. Ведь Бадмаев тоже, пусть и другим языком, говорил о строительстве железнодорожной ветки на китайскую территорию, развитии торговых отношений двух соседних государств, выгодах для отечественной промышленности от изменения ситуации на Дальнем Востоке, позитивном решении для России ряда внешнеполитических вопросов.

То есть министр финансов, озабоченный в том 1893 году трудностями прохождения плана строительства железной дороги по Сибири в придворных кругах и в Государственном совете, увидел во враче Бадмаева своего союзника. Пусть и временного единомышленника, откровенно авантюрного, разумно не воспринимаемого. И Сергей Юльевич дал такую оценку записке П.А. Бадмаева: «Весьма серьезные взгляды».

Витте представил бадмаевскую записку государю вместе со своим заключением, достаточно благоприятным для автора. Он особо выделил то место, где Бадмаев говорил, что недружественные России европейцы могут постараться захватить слабо охраняемые территории Приморья «китайскими руками».

Реакция императора Александра III, человека осторожного и здравомыслящего, на предлагаемый план восточного человека поразила прежде всего самого Витте. Самодержец, в душе которого вдруг поселилась мысль о возможности широкой экспансии в циньском Китае, повелел выдать Бадмаеву на реализацию его плана ссуду в два миллиона рублей. И такое указание министру финансов дал монарх, который за все свое правление склонностей к государственным авантюрам не проявлял.

Понимая всю несостоятельность бадмаевской идеи и пустоту трат казенных миллионов, Витте с откровенной неохотой стал выдавать тибетскому врачу названную ссуду небольшими частями. Он явно надеялся, что в этом денежном проекте монарх изменит свое решение. На докладах Сергей Юльевич теперь обязательно намекал на слабую разработку Бадмаевым своего плана и на то, что шансы на возвращение денежной ссуды в государственную казну весьма сомнительны, если не говорить большего.

Однако на все эти кивки в сторону автора «стратегического плана» успеха не имели. Император отдал главе финансового ведомства самый категорический приказ выдать обещанную ссуду. Витте приказ государя выполнил, но деньги Бадмаев получил только в четыре приема. Когда же ловкий в одалживании казенных миллионов Бадмаев в конце 1896 года стал просить вторую ссуду на реализацию своей авантюрной идеи, то он получил вежливый, но твердый отказ.

Свою повторную просьбу Бадмаев обосновывал тем, что по слухам в провинции Ганьсу якобы началось восстание против пекинских властей. Министру финансов пришлось перепроверять «обоснование». Во всеподданнейшей записке Витте заявил, что обстоятельства для реализации заманчивого бадмаевского плана коренным образом изменились. И что народное восстание в провинции Ганьсу есть не что иное, как часть восстания ханьцев (собственно китайцев, а не монголов и тибетцев) против иностранцев и продажных циньских чиновников-мандаринов.

В данном случае позиция С.Ю. Витте свидетельствовала о том, что он был сторонником исключительно мирного «проникновения» в соседний Китай. Такая позиция в принципе отличалась от высказываний и действий его коллег — министров финансов правительств держав Европы, смотревших на Азию и другие «окраины» цивилизованного мира как на поле для колониальной экспансии.

После Октября архив П.А. Бадмаева был опубликован в книге «За кулисами царизма», увидевшей свет в 1925 году. Тогда бадмаевская идея в своем документальном оформлении и стала достоянием отечественных историков, вызвав к себе неподдельный интерес и со стороны иностранных исследователей, писавших об авантюризме внешней политики Российской империи.

Собственно говоря, С.Ю. Витте к середине 1895 года сформулировал собственную геополитическую программу. Однако к проблемам геополитических устремлений Российской империи он подходил прежде всего с позиций главы финансового ведомства, с позиций казначейства.

Относительно политики России в Центральной Азии Витте говорил, что она «должна быть нашей не в смысле материального завоевания, а для того, чтобы заставить ее служить нашим целям и нашим интересам». В этом отношении с ним был солидарен тогдашний министр иностранных дел князь А.Б. Лобанов-Ростовский, который не приветствовал решение вопросов внешней политики хирургическими, военными операциями. Поэтому Сергей Юльевич считал прокладку спрямленного Транссиба через Маньчжурию одним из важнейших орудий российской экспансии в циньском Китае.

От строительства железнодорожной магистрали (получившей название КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога) обе стороны получали существенную выгоду. Россия значительно укрепляла свои позиции на Дальнем Востоке, а Китай, получая твердые гарантии защиты от новых агрессий Японии, мог начать экономическое освоение огромного Маньчжурского края. До этого вся территория Маньчжурии рассматривалась правящей династией Цинн как заповедная зона ее предков-маньчжур. Дух похороненных там маньчжурских императоров никто не должен был тревожить.

Специальное соглашение об условиях строительства магистрали — продолжения Сибирской железной дороги было, как уже говорилось, подписано только в сентябре 1896 года в Берлине. По желанию китайской стороны финансировать строительство должен был недавно учрежденный Русско-Китайский банк, в который пекинское правительство внесло около 18 миллионов франков. Устав банка разрешал получение концессий на строительство железных дорог. Берлинское соглашение предусматривало учреждение банком Общества Китайско-Восточной железной дороги. Акции общества могли приобретать как китайские, так и русские подданные. Иностранным коммерсантам они, по взаимной договоренности, не продавались.

Пекинское правительство отказывалось от всякого вмешательства в финансовую сторону деятельности общества, то есть до-

ходы от эксплуатации построенной дороги освобождались от каких-либо сборов и налогов. Правда, предусматривалась возможность выкупа Китаем дороги через 36 лет после окончания ее строительства. Спустя 80 лет после начала эксплуатации КВЖД бесплатно передавалась китайской стороне.

Общество Китайско-Восточной железной дороги должно было построить и эксплуатировать дорогу за собственный счет. В течение всех 80 лет с момента ее ввода в эксплуатацию пекинское правительство не несло ответственности и не покрывало возможный финансовый дефицит. По воле С.Ю. Витте основной пакет акций принадлежал Министерству финансов Российской империи, следовательно, все возможные издержки должны были покрываться Россией.

Материальные затраты начинались еще до начала строительных работ. По договоренности с местными китайскими властями КВЖД обязывалось выкупать у частных владельцев земли, отчуждаемые ею для нужд дороги. Определялась и ширина отчуждаемой земли: она останавливалась на перегонах между станциями в 40 сажень (85,4 метра) — по 20 сажень в каждую сторону. Но фактически же полоса отчуждаемой (выкупаемой) земли была меньше: 15 сажень (32 метра) с одной стороны и 18 сажень (38,4 метра) с другой. Под большие станции отчуждалось по 50 десятин земли (54,5 гектара), под малые станции и разъезды — по 30 десятин (32,7 гектара).

По Берлинскому соглашению России не разрешалось иметь свои регулярные армейские войска на территории Северной Маньчжурии, где предполагалось строительство. Однако для КВЖД все же была создана сильная охрана — военизированный Закаспийский корпус пограничной стражи, находившийся в прямом подчинении министра финансов Витте. После окончания работ была возможна только лишь транзитная перевозка войск между станциями на российской территории «без остановок в пути под каким бы то ни было предлогом».

Россия, от которой переговоры велись под эгидой Министерства финансов, согласилась на все эти «берлинские» условия, потому что получала важные стратегические преимущества. И к тому же принятие решения торопили более чем серьезные внешнеполитические обстоятельства, менявшие ситуацию на Дальнем Востоке.

Во-первых, российской стороне приходилось учитывать, что один из ее политических противников — Великобритания — спешно строила собственную железную дорогу от Пекина к Мукдену по ранее полученному согласию Китая с выходом ее северного участка в пределы южной Маньчжурии. Отношения же Лондона и Санкт-Петербурга в то время желали быть много лучше: их напряженность сохранялась почти до самой Первой мировой войны.

Во-вторых, достигался максимальный экономический эффект от уже начавшей работать Сибирской железной дороги, так как путь к Владивостоку через Маньчжурию был кратчайшим, прямым.

В январе 1897 года в Санкт-Петербурге начало свою деятельность строительное управление Китайско-Восточной железной дороги. Его возглавил серб по национальности инженер-строитель А.И. Югович, известный специалист по сооружению железных дорог в пустынных и горных местностях.

Витте был одним из немногих руководителей проекта Транссиба, который знал особенности прокладки будущей магистрали. Железную дорогу строили в малоосвоенных землях. Строителям приходилось преодолевать нетронутые массивы девственных лесов, пустыни, горные хребты, бурные реки. То есть география железнодорожной трассы изобиловала самыми разнообразными природными препятствиями.

К этому еще следовало добавить многочисленные банды местных разбойников-хунхузов. Местная китайская администрация была на удивление слабой и не способной защитить население и строителей от хунхузов.

В Северной Маньчжурии полностью отсутствовала какая-либо промышленность, которая могла бы поработать на великую стройку. И все, до последнего гвоздя, приходилось доставлять чуть ли не кругосветным путем из Одессы и других черноморских портов во Владивосток. Отсутствовали пригодные для перемещения большого количества грузов дороги для гужевого транспорта. Зимой морозы достигали 40 градусов, летом приходилось преодолевать последствия катастрофических ливней.

Российское Министерство финансов и Общество Восточно-Китайской железной дороги делало все, чтобы строительство

КВЖД велось прогрессивными методами. Объем работ поражал своим размахом и сложностями.

Мосты на трассе возводились из железа или камня. Временные, деревянные возводились только в особых случаях. Всего было сооружено 1464 моста, проложено девять туннелей, из них два протяженностью более трех километров. Уникальным для тех лет стал двухпутный Хинганский туннель, построенный под руководством талантливого русского инженера Н.И. Бочарова.

На строительстве трудились почти 200 тысяч китайских рабочих, получавших для условий их страны приличную заработную плату серебряной монетой. Им, в своей массе простым землеопам, платили по-европейски. Но трудность заключалось в том, что строительных рабочих-китайцев почти всюду приходилось охранять от грабительских нападений банд хунхузов. С такой задачей русские заамурские стражники справлялись достаточно успешно. Квалифицированную работу выполняли российские специалисты, техники и инженеры из других стран.

2 ноября 1901 года на всем протяжении КВЖД была завершена прокладка рельсов, и дорога открылась для временной эксплуатации, с ограничением скорости движения поездов. Регулярное же движение по всей магистрали началось 13 июля 1903 года. Это был триумф и Общества Восточно-Китайской железной дороги, и правления Русско-Китайского банка с его французскими акционерами, и лично Сергея Юльевича Витте. Его высокое покровительство Великой Транссибирской магистрали дало новую жизнь просторам Сибири и Дальнего Востока.

Административно-техническим центром КВЖД стал город Харбин, который за время строительства значительно расширился и внешне преобразился. Первоначально это был просто поселок строителей-железнодорожников под названием Сунгари. В Харбине имелись русские кварталы, которые составили европейскую часть города. Здесь размещались банковские отделения, многочисленные торговые конторы и склады, жилые кирпичные дома, казармы пограничных стражников. Украшением города стал железнодорожный вокзал и храм.

Устроители дороги, в том числе и глава российского Министерства финансов, сочли за необходимым создать на территории самой Маньчжурии опорный пункт гигантской стройки. Местом для него и был выбран берег реки Сунгари, где наме-

чалось построить большой мост. («Харбин» имеет маньчжурские корни, скорее всего от слова «харба», что обозначает «брод», «переправа». Русские, видимо, добавили к слову суффикс «ин». Такую версию происхождения названия города высказал Г. Мелихов в своей книге «Маньчжурия далекая и близкая».)

Земля под строительство нового города также отчуждалась (выкупалась) у частных владельцев. Первоначально под Харбин Общество КВЖД выкупило несколько отдельных участков общей площадью в 5650 десятин (6158,5 гектара). Но этого оказалось мало. Поэтому к 1902 году площадь отчужденных земель увеличилась до 11 102 десятин (12 101 гектара). Эта территория делилась примерно на две равные половины: на правом берегу реки Сунгари располагался собственно город Харбин, а на левом берегу его портовая часть (затон). Вся эта территория была очерчена общей границей.

Город обустроивался быстро во многом благодаря тому, что ни Общество КВЖД, ни российское Министерство финансов не строили препятствий ускоренному обустройству столицы Восточно-Китайской железной дороги. В мае 1898 года здесь открылась первая железнодорожная больница. Затем появилась первая частная гостиница под непривычным для наших дней названием — «Номера для приезжих Гамартели». Она была маленькой и грязноватой, но номера ее не пустовали. Затем появилось отделение Русско-Китайского банка. Открылись первые кафе-кондитерская, парфюмерный и галантерейный французский магазин, парикмахерская. В том же 1898 году начали свою работу типография, начальная детская школа, православная церковь. Харбин с Россией связывала телеграфная линия.

По реке Сунгари, впадавшей в Амур, Харбин имел прямое сообщение с Хабаровском. На пароходе такое путешествие занимало примерно двадцать дней. Первыми пароходами, прибывшими из Хабаровска в столицу КВЖД, стали «Святой Иннокентий» и «Благовещенск».

Город рос довольно быстро. Всего через год с его образования там проживало 14 тысяч россиян. По данным переписи 1903 года в Харбине, то есть проживало в полосе отчуждения, 44 576 человек (38 983 мужчины и 5593 женщины). Из них российских подданных было 15 579, китайцев — 28 338, японцев — 462, прочих иностранцев двести человек.

С.Ю. Витте. 1902 г.

Император Александр III

Император Николай II

С.Ю. Витге. 1915 г.

Министр иностранных дел
граф В.Н. Ламздорф. 1902 г.

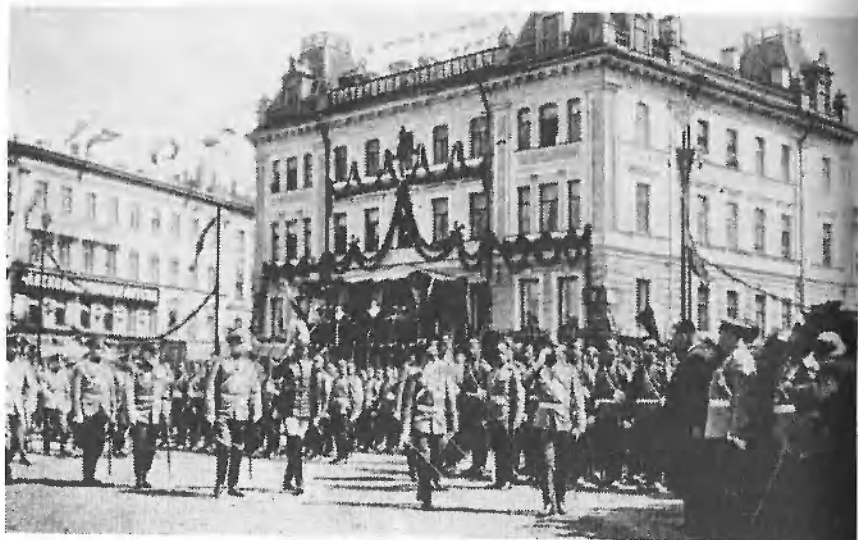
Дворцовая площадь. Середина XIX в.

Одесса. Вид с Приморского бульвара. Середина XIX в.

9 января 1905 года на Васильевском острове. Худ. В.Е. Маковский

Церемония открытия памятника Александру III в Петербурге, 1909 г.

Император Николай II пробует пищу на корабле. 1912 г.

Подарочная монета достоинством в 25 рублей. 1896 г.
Золото. Масса 32,26 г. Диаметр 33 мм.
Отчеканена на Парижском монетном дворе.

*Монета достоинством в 10 рублей. 1899 г.
Золото. Масса 8,60 г. Диаметр 22 мм.*

Станция Байкаль

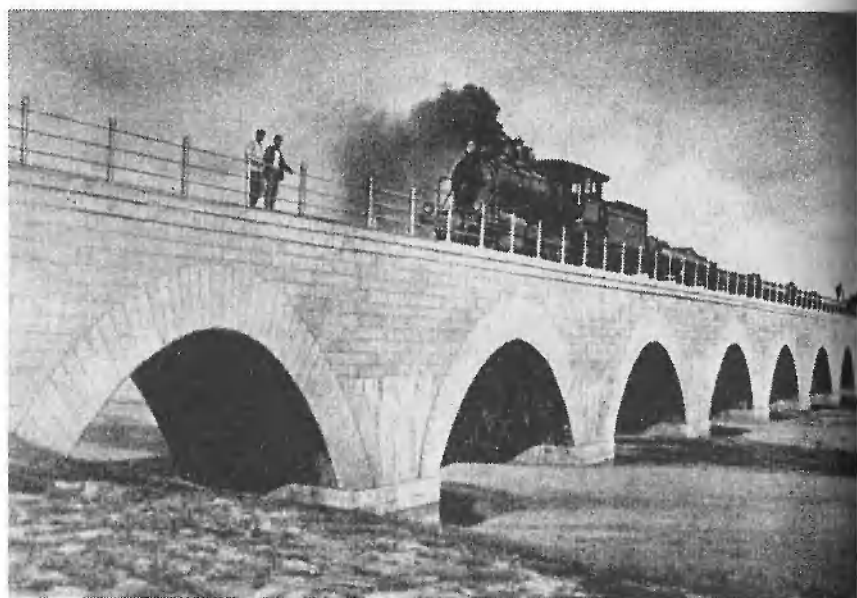
Станция Байкал на Транссибирской магистрали

Станция Архиповка на Транссибирской магистрали

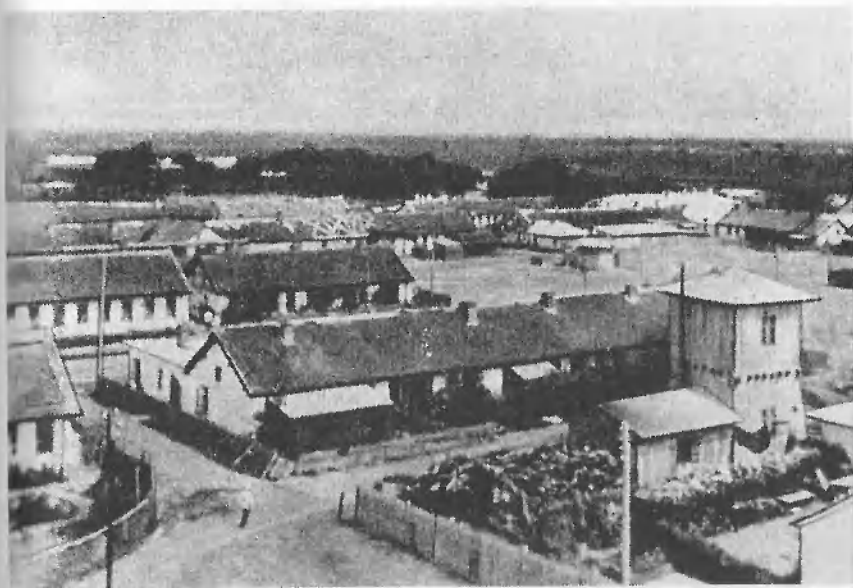
Рабочие на строительстве Транссибирской магистрали

Мост на КВЖД

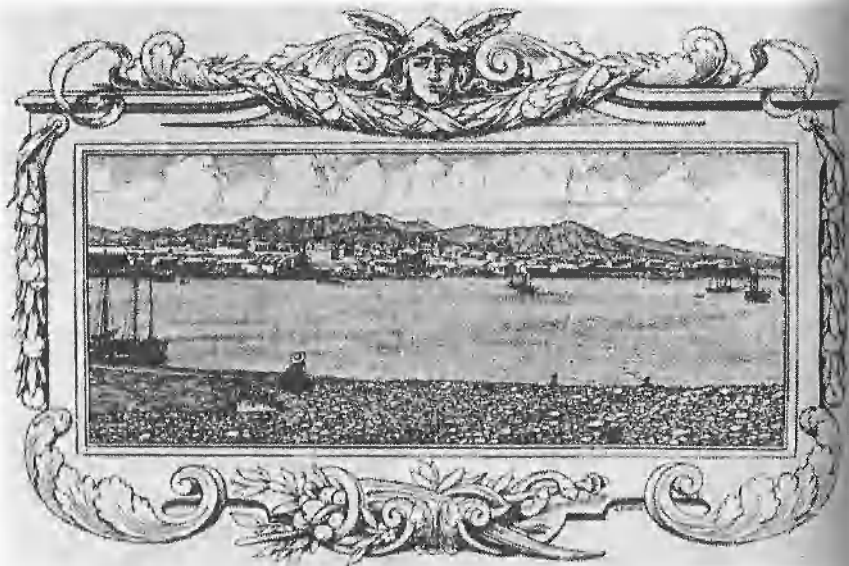
Отряд охранной стражи на КВЖД

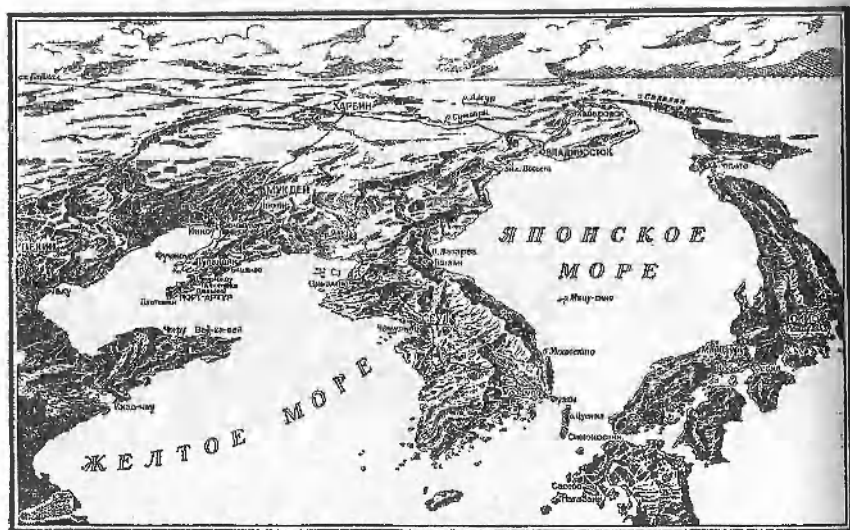
Город Харбин

Церковь в Харбине

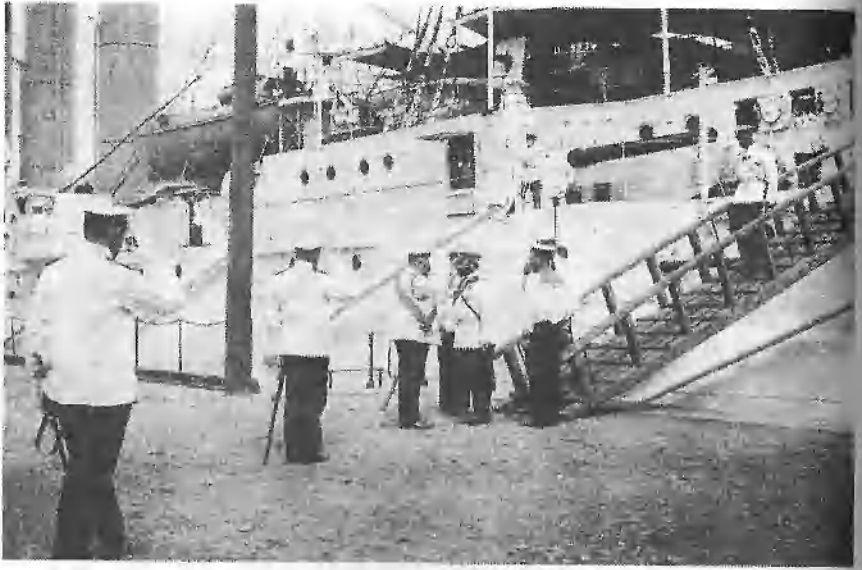
Порт Дальний

Рельефная карта театра военных действий 1904—1905 гг.

Западные карикатуры. 1904—1905 гг.

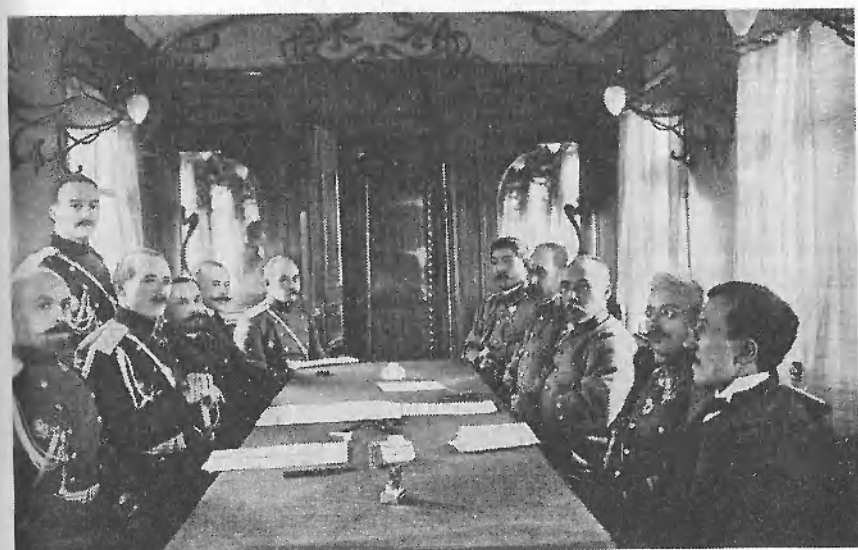
Встреча военного министра генерала А.Н. Куропаткина на крейсере «Аскольд» в Порт-Артуре

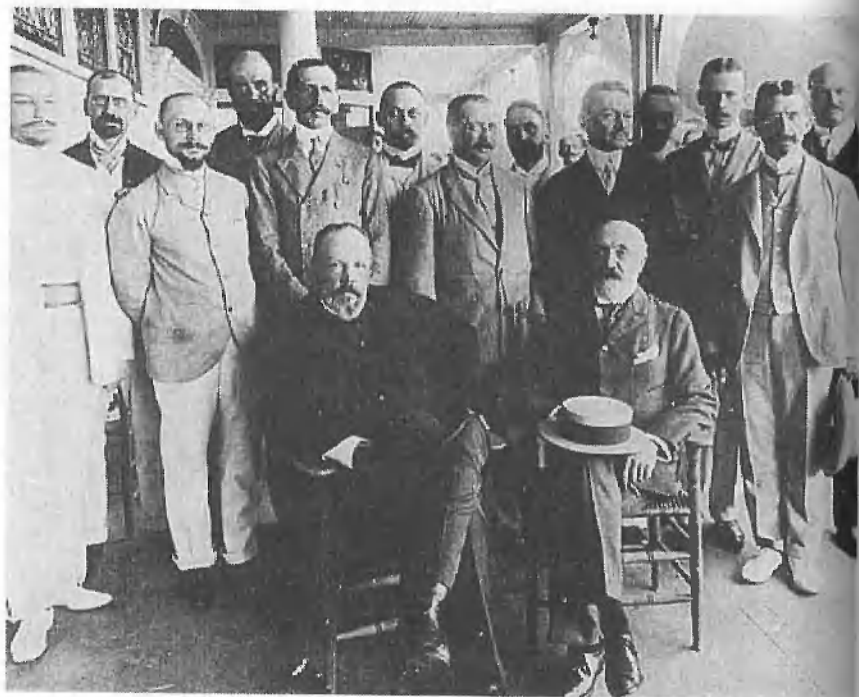
Контратака русской пехоты под Ляоляном

Русская пехота проходит по улицам Ляоляна

Переговоры об эвакуации. 18 октября 1905 г.

Русская делегация на мирных переговорах в Портсмуте.
Сидят: Витте и барон Розен

Русско-японские переговоры в Портсмуте. 1905 г.

Всего на 1903 год в Маньчжурии проживало около 83 тысяч граждан России. В Порт-Артуре и Дальнем их численность по данным проведенной там местными властями переписи составляла более 17 тысяч.

Отношение русских к основанию столицы КВЖД поэтической строкой выразил поэт А.И. Митропольский, печатавшийся под псевдонимом Арсений Несмелов:

Под асфальт, сухой и гладкий,
 Наледь наших лет, —
 Изыскательской палатки
 Канул давний след
 Флаг Российский. Коновязи.
 Говор казаков.
 Нет с былым и робкой связи, —
 Русский рок таков.
 Инженер. Расстегнут ворот.
 Фляга. Карабин.
 — Здесь построим русский город,
 Назовем Харбин.

Прокладка продолжения Транссибирской магистрали давала северу Китая новую жизнь. На карте Маньчжурии появились новые города — Дальний, Маньчжурия и Харбин. 107 железнодорожных станций превратились в цветущие поселки, где каждый дееспособный житель имел постоянную, хорошо оплачиваемую работу. Среди китайцев находилась масса желающих трудиться на железной дороге.

Общество КВЖД обладало огромной недвижимостью. К 1903 году оно выстроило почти 300 тысяч квадратных метров жилых помещений, а к 1910 году более чем удвоило их (почти 468 квадратных метров на один километр главного пути).

Аппарат работников на КВЖД тоже впечатлял цифрами. В 1903 году на железной дороге численность служащих достигала 39 112 человек, из них русских было 18 123, китайцев — 20 948, прочих национальностей 43 человека.

Новая железнодорожная магистраль, соединившись с Транссибирской, имела один серьезный недостаток: единая трасса,

связывающая центральную Россию с Владивостоком, а потом и с Порт-Артуром, имела 260-километровый разрыв в районе озера Байкал. Перевозка по озеру осуществлялась с помощью двух паромов-ледоколов. В зимнюю стужу рельсовый путь прокладывался прямо по байкальскому льду, который для пущей крепости усиливался искусственной наледью.

Единомышленники С.Ю. Витте по устройству Транссиба решили эту проблему, как уже говорилось, в пользу России. И КВЖД, Кругобайкальская часть Транссиба оказалась исключительно сложной по геологическим причинам. Поэтому строители магистрали вознамерились пока поостеречься. Участок вокруг южной части озера Байкал решили пока не строить из-за высокой стоимости и сэкономили на этом 25 миллионов рублей.

Стоимость КВЖД, исключая содержание порта и города Дальний на Ляодунском полуострове, составила к 1903 году свыше 318 миллионов золотых рублей. К 1906 году она возросла до 375 миллионов рублей. В последующем эта сумма приблизилась к 500 миллионам рублей золотом. Однако, пожалуй, сам Сергей Юльевич Витте, министр финансов и в последующем председатель Совета министров Российской империи, не смог бы высчитать стоимость КВЖД, своего любимого детища, на котором он истратил несколько лет своей жизни.

КВЖД, соединенная с Великой Сибирской железной дорогой, была принята к временной эксплуатации уже летом 1901 года, которая вскоре (1 июля 1903 года) стала регулярной. Через Северную Маньчжурию грузы и пассажиры из Российского запада и Сибири пошли в Приморье и Приамурье. Но в постоянную эксплуатацию (еще не было закончено строительство Хинганского туннеля) КВЖД была принята с большим числом недоделок. Министерства путей сообщения и финансов оценивали их в 57 миллионов золотых рублей.

Сразу после ввода магистрали в постоянную эксплуатацию по ней пошли грузовые и пассажирские поезда. В первую зиму между Москвой и Дальним еженедельно ходило четыре пассажирских поезда. Вся поездка занимала 16 суток.

Участки Транссиба к 1904 году выглядели по протяженности и году завершения постройки так:

Западно-Сибирская (Челябинск — Обь) — 1418 километров, 1896 год.

Южно-Уссурийская (Владивосток — Графская) — 418 километров; 1896 год.

Северо-Уссурийская (Графская — Хабаровск) — 361 километр; 1897 год.

Средне-Сибирская (Обь — Иркутск) — 1818 километров; 1899 год.

Забайкальская (Иркутск — Сретенск, с паромной переправой через Байкал) — 1220 километров; 1900 год.

КВЖД: Китайский разъезд — Маньчжурия — 374 километра, 1900 год.

КВЖД: Маньчжурия — Никольское (Приморье) — 1520 километров; 1903 год.

Ветка: Харбин — Дальний — Порт-Артур — 1025 километров; конец 1903 года.

Всего протяженность Транссибирской магистрали к началу русско-японской войны составляла 8144 километра. Завершение великой железнодорожной стройки («великого национального дела») на рубеже двух столетий составило Российской державе большую славу. Транссиб как нельзя лучше продемонстрировал миру потенциальные возможности империи, ее устремленность не только на Восток, но и в будущее.

После ввода Транссиба и вместе с ним КВЖД, на людей, которые «жили» великой стройкой, выпали поистине исторические почести. Пожалуй, вторым человеком после, разумеется, императора Николая II, на долю которого досталось больше всех поздравлений, стал Сергей Юльевич Витте, министр финансов Российской державы: ему выпала великая честь и хвала не только от соотечественников, но и от зарубежья.

Дело было даже не в обилии официальных почестей и газетных публикаций, в которых мелькали слова-синонимы «виттевской звезды», восходящей над Россией. Самому виновнику торжеств, пожалуй, больше всего льстило то, что репортеры нередко стали его величать «русским Бисмарком». Причем это выражение на страницы отечественной прессы пришло из Европы. А там взирали на усиление России на Дальнем Востоке более чем заинтересованно. И не всегда дружелюбно или нейтрально. Особенно в Лондоне и Берлине. И даже в Вашингтоне, столице Соединенных Штатов, которые уже тогда претендова-

ли на титул пока еще не мировой, а только тихоокеанской державы № 1.

Но как бы ни развивались события на восточной окраине Евразийского континента, завершение строительства Транссибирской магистрали и Восточно-Китайской железной дороги произвело на саму Россию должное впечатление. В сибирские края начался приток переселенцев, российские предприниматели теперь не боялись вкладывать туда деньги. Зауральское масло стало экспортироваться в Англию. В Кузнецком бассейне начали добывать уголь. Росли города, развивалось судоходство на великих реках Сибири. Перспективность развития восточной окраины России стало очевидным. Начиналась новая экономическая жизнь края, и государство уже больше не уповало здесь на добычу «сорока сороков соболей» для пушного экспорта.

В России министра финансов и устроителя Транссиба Сергея Юльевича Витте чтили теперь так, как не почитали многих великих князей и царедворцев, и тому есть интересное свидетельство. В апреле 1895 года Николай II подписал Высочайший указ «Об учреждении особого установления под названием «Русский музей императора Александра III». В указе особо оговаривалось следующее:

«В музее этом должна быть, прежде всего, отведена подобающая важному ее значению часть, посвященная памяти и жизни и Царственным трудам Родителя Нашего».

Говоря другими словами, воцарившийся Николай II решил увековечить память своего венценосного отца в прославленном на весь мир Русском музее. И создать там в числе основных экспозиций такую, которая бы музейными, художественными средствами увековечила образ всероссийского императора Александра III. Было принято решение о создании так называемого Памятного отдела из нескольких залов.

В апреле 1897 года на стол управляющего Русским музеем великого князя Георгия Михайловича Романова лег первый проект Памятного отдела. Его авторами были художники А.Н. Бенуа и П.А. Брюллов. Последний являлся хранителем Памятного отдела. Обсуждение представленных проектов состоялось в марте 1890 года. В принятом компромиссном решении говорилось, что основой экспозиции должны быть произведения искусства: картины признанных мастеров кисти (портретистов

Крамского, Антокольского, Маковского и ряда других), модели кораблей, макеты фортификационных сооружений, военная форма и прочее.

Основой портретной композиции должны были стать картины с изображением личности Царя-Миротворца. Но рядом с ним (вернее — ниже его) должны были смотреться великие люди России, жившие и творившие в его правление. Поэтому к своему решению Комиссия по устройству Памятного отдела приложила список лиц, чьи портреты должны были украсить «Александровские залы» Русского музея. Сам по себе список выглядел впечатляюще:

— великие князья Владимир, Алексей, Михаил и Сергей Александровичи Романовы;

— великий князь Константин Константинович Романов;

— генерал-майор Николай Михайлович Пржевальский, прославленный русский путешественник и географ, исследователь Центральной Азии и Уссурийского края;

— генерал от инфантерии Николай Николаевич Обручев, военный реформатор, почетный член Петербургской Академии наук, управляющий делами Военно-ученого комитета и начальник Главного штаба;

— отец Иоанн Кронштадский, ставший после смерти святым Русской Православной Церкви;

— великий русский писатель, гений мировой литературы граф Лев Николаевич Толстой, автор неповторимого романа «Война и мир»;

— талантливейший врач-терапевт Сергей Петрович Боткин, один из основоположников клиники внутренних болезней, один из светочей отечественной медицины;

— композитор Николай Андреевич Римский-Корсаков, автор таких опер, как «Снегурочка» и «Садко», «Царская невеста» и «Кашей Бессмертный», «Золотой петушок»;

— Константин Петрович Победоносцев, обер-прокурор Синода, государственный деятель, имевший исключительное влияние на императора Александра III Миротворца, во многом определявший его внешний и внутренний политический курс;

— ученый с мировым именем Дмитрий Иванович Менделеев, открывший периодический закон химических элементов,

организатор Главной палаты мер и весов, человек уникальных научных познаний;

— гордость русской живописи Илья Ефимович Репин, автор таких великих полотен, как «Иван Грозный и сын его Иван», «Бурлаки на Волге», «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», «Крестный ход в Курской губернии»;

— крупнейший русский симфонист Петр Ильич Чайковский, автор музыки к балетам «Лебединое озеро» и «Спящая красавица», операм «Пиковая дама» и «Чародейка».

В этом списке талантливых людей (не исключая совсем и великих князей из семьи Романовых), которыми гордилась и гордится по сей день государство Российское, на двадцатом месте стояла фамилия С.Ю. Витте. Случайным человеком в кругу знаменитостей эпохи императора Александра III «золотой» и «винный» реформатор, «генератор» строительства Сибирской железнодорожной магистрали и КВЖД никак не смотрелся. Его деяния на благо Российской империи были уже общепризнанны.

3

АРЕНДА ЛЯОДУНА. НАЧАЛО СКРЫТОГО РАЗДЕЛА КИТАЯ

Истории доподлинно известно, что не Россия начинала под благовидным термином «аренда» утверждаться на китайской территории. Китай на рубеже веков ослаб настолько, что Англия, Франция и др. стали диктовать ему условия под дулами крупнокалиберных корабельных орудий.

В первые годы нового, XX века, экономическое положение Китайской империи, резко ослабленной в результате проигранной войны и выплаты огромной контрибуции, было достаточно сложным. Только за три года пекинское правительство выдало 19 железнодорожных концессий. Это стало своеобразным прологом скрытого раздела Китая европейскими державами, которые видели в этой стране объект для колониальных захватов.

Пример другим в захватах на китайском побережье подала, пожалуй, именно Германия. В ноябре 1897 года она «приобрела» удобный порт Циндао (Киао-Чао) на Шаньдунском полуострове. Поводом для такой военной операции стало убийство местными жителями неподалеку от Циндао двух католических

миссионеров, немцев по национальности. В Берлине отлично знали, что надо было захватывать у Китая с целью «наказания местных разбойников». Один из русских дипломатов писал перед этим в Санкт-Петербург:

«Стратегическое значение Циндао (...), в силу его географического положения, громадно, оно отдает в руки занявшего его весь Шаньдун и открывает свободный доступ в Пекин, упраздняя все Печелийские укрепления как средства для обороны подступов к столице против владеющего названной бухтой».

Больших усилий для захвата Циндао германцам не потребовалось. Утром 2 ноября 1897 года в бухту вошли три военных корабля, с которых на берег высадилось 200 моряков-десантников. Они сразу же захватили телеграф и прекратили всякую связь с Пекином и другими городами. Циньский комендант, испугавшись угроз немецкого адмирала, очистил порт и бежал вместе с гарнизоном, оставив завоевателям городские укрепления и артиллерию. Вскоре на помощь германской эскадре Тихого океана из метрополии прибыла 2-я дивизия крейсеров под флагом брата императора принца Генриха.

Этот китайский город немецкие фортификаторы быстро превратили в морскую крепость с хорошо обустроенной военной гаванью. За несколько лет здесь вырос город с населением в 60 тысяч человек. Любопытной деталью стало то, что новая колония была подчинена не Министерству колоний, а германскому Министерству военно-морского флота. Здесь стала базироваться его Восточно-Азиатская эскадра.

Захват Циндао был осуществлен с ведома Санкт-Петербурга: Николай II телеграфировал ответной телеграммой императору Вильгельму II, что он не будет возражать против стоянки немецкой эскадры в гавани Циндао. Ее отправка в Германии сопровождалась большой пропагандистской помпой и политическими манифестациями в поддержку действий Вильгельма II, его правительства и адмиралов.

Китайское правительство вознамерилось было оказать отпор агрессору и послало к Циндао отряд войск в пять тысяч человек. Исполнявший обязанности главы циньского правительства князь Гунн обратился к русскому послу А.И. Павлову с просьбой добиться у императора Николая II посылки эскадры к месту конф-

ликта. При этом китайская сторона ссылалась на известные соглашения с российской стороной.

Всероссийский самодержец сгоряча отдал приказ Тихоокеанской эскадре идти в Циндао для содействия китайцам, но уже 8 ноября отменил свой приказ. Против военного конфликта с Германией выступили великие князья и члены правительства, в том числе и министр финансов Витте.

О той странице китайской и германской истории с ее далеко идущими последствиями для судеб дальневосточных стран С.Ю. Витте рассказал в своих мемуарах так:

«Во время заседания чумной комиссии (эпидемия чумы появилась в 1896 году в Индии, а ее отдельные вспышки на территории России — в Астраханской губернии и Киргизских степях нынешнего центрального Казахстана. — *Автор*) из Министерства иностранных дел принесли экстренную депешу, дешифрованную в министерстве. И подали ее министру иностранных дел Муравьеву.

Граф Муравьев, прочитав эту депешу и несколько взволновавшись, передал прочесть ее мне. В этой депеше говорилось, что германские военные суда вошли в порт Тзин-Той (Киао-Чао).

Прочитав эту телеграмму, я сказал графу Муравьеву, что я надеюсь на то, что это, вероятно, временное занятие и что они (то есть немцы) затем уйдут, но если бы они не ушли, то я уверен, что Россия и другие державы заставят их покинуть этот порт.

На это граф Муравьев мне ничего не ответил, очевидно, не желая сказать ни «нет», ни «да».

После сказанного заседания чумной комиссии, на котором министр иностранных дел и я узнали о входе немецких военных судов в порт Цинтау (Циндао. — *Автор*). Причем для министра иностранных дел это известие не было вполне неожиданным, но для меня же это было вполне неожиданно. Через несколько дней о входе этих судов в порт Цинтау стало известно из официальных сообщений, причем германская дипломатия объявила, что эти суда вошли туда для того, чтобы наказать китайцев, так как там несколько времени тому назад был убит один из немецких миссионеров. Но всем показалось странным, что для совершения такой экзекуции понадобилось, чтобы в порт этот вошла довольно сильная эскадра. Эскадра эта высадила на берег военную силу, которая и заняла Цинтау».

Когда в Пекине поняли, что Россия не окажет Циньской империи военной помощи, китайское правительство начало с германской стороны переговоры. Они завершились подписанием арендного договора на бухту Циндао сроком на 99 лет.

Циндао стал для европейских держав «пробным камнем» на китайском побережье. Почти одновременно с Германией Россия разрешила проблему незамерзающей военно-морской базы, что являлось настоятельной необходимостью в возникшем противостоянии с Японией. Первоначально таким пунктом назывались корейский порт Мозампо (ныне Масан). Но открытые намерения англичан опередить Россию в захвате Порт-Артура заставили правительство императора Николая II поспешить с развитием событий: «дабы предупредить занятие этой гавани другой нацией».

В декабре 1897 года русская эскадра контр-адмирала Федора Васильевича Дубасова появилась у Ляодунского полуострова, и отряд контр-адмирала Реутова 4 декабря в составе трех кораблей вошел во внутреннюю гавань Порт-Артура. Приказ о том содержался в шифрованной телеграмме, которая пришла из столицы от генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича. Сопrotивления со стороны местного китайского гарнизона встречено не было.

В это время англичане спешно грузили уголь на свои корабли в порту Чифу. Первая английская канонерская лодка подошла к Порт-Артуру только 6 декабря, но местные китайские власти не разрешили ей вход в гавань. Такой же сигнал с берега получили и командиры двух британских крейсеров, подошедшие несколько позже. Тем пришлось поднять якоря и покинуть порт-артурский внешний рейд. Контр-адмирал Дубасов, чтобы пресечь активность англичан у Ляодуна, приказал другому отряду своих кораблей занять бухту Талиенван.

Первоначально отношения китайцев с русскими моряками в Порт-Артуре были самые дружественные. Посол Павлов писал в донесении, что «китайские власти в Порт-Артуре и Талиенване оказывают нашим судам самое широкое внимание».

Это было действительно так, и причиной такой открытой дружественности являлся договор о взаимопомощи между Россией и Китаем, подписанный во время московских коронационных торжеств во многом благодаря усилиям С.Ю. Витте. Мес-

тные власти отправили три судна в Чифу за провизией для экипажей русских кораблей. Контр-адмиралу Реутову бесплатно передали весь запас угля, имевшийся в Порт-Артуре. Местные власти устраивали приемы, на которых за обеденным столом происходил обмен подарками и любезностями.

Англичане больше не покушались на «беспризорный» Порт-Артур. «Операция по аренде Ляодуна» проходила под прикрытием усилий российской дипломатии. Теперь во главе МИДа стоял граф Михаил Николаевич Муравьев, сменивший на этом посту в январе 1897 года Н.П. Шишкина, продержавшегося в высокой должности всего ровно один год. В вопросах внешнеэкономической политики министр финансов настойчиво брал себе в союзники Муравьева, но уже вскоре понял, что в действительности МИДом заправляет товарищ (заместитель) министра иностранных дел Владимир Николаевич Ламздорф (в июне 1900 года он сам получит министерский портфель, и когда Витте станет главой правительства, оставит в его составе опытного и надежного союзника Ламздорфа).

Действиям русской эскадры по занятию Порт-Артурского предшествовало заседание силовых министров под председательством императора Николая II. Участвовавший в обсуждении спорного вопроса С.Ю. Витте описывает тот день достаточно кратко:

«На заседании присутствовали: военный министр Ванновский, я, управляющий морским министерством Тыртов и министр иностранных дел граф Муравьев.

Высказывалось, что ввиду того, что немцы заняли Цинтау, явился благоприятный для нас момент занять один из китайских портов, причем предлагалось занять Порт-Артур или рядом находящийся Да-лянь-ван (Далянь вань, впоследствии Дальний. — Автор).

На этом заседании граф Муравьев заявил, что считает такого рода занятие, или, выражаясь правильнее, «захват», весьма своевременным, так как для России было бы желательно иметь порт на Тихом океане на Дальнем Востоке. Причем порты эти (Порт-Артур или Да-лянь-ван) по стратегическому своему положению являются местами, которые имеют громадное значение».

На том заседании у государя С.Ю. Витте выступил против такого захвата. Он заявил, что это противоречит принципу неприкосновенности территории Китая и что в силу именно этого

принципа японцы покинули Ляодунский полуостров. В «Воспоминаниях» Витте высказался достаточно решительно:

«После того, как вошли с Китаем в секретный союзный оборонительный договор против Японии, причем обязались защищать Китай от всяких поползновений Японии занять какую-либо часть китайской территории, что после всего этого подобного рода захват явился бы мерой возмутительной и в высокой степени коварной».

Опасения С.Ю. Витте в целесообразности подобной военной операции беспочвенными не являлись. В северной Маньчжурии началась постройка Восточно-Китайской железной дороги. Отношения с китайской стороной складывались достаточно хорошо, и даже более — благожелательно. Воодушевленный этим, министр финансов уже строил планы повести ветку от КВЖД дальше на густо заселенный маньчжурский юг через город Мукден. Сергей Юльевич опасался, что захват Ляодуна может вовлечь Россию в такие осложнения, которые могут закончиться самыми плачевными результатами.

Однако против Витте на совещании выступили Муравьев и Ванновский. Адмирал же Тыртов сказал, что Морское министерство не могут удовлетворить порты Ляодуна, поскольку они не стояли на берегу открытого океана. Молчаливо слушавший жаркий спор четырех министров император Николай II поддержал идею приобретения Ляодунского полуострова. Витте впоследствии отметил, что государю «мои возражения, по-видимому, были неприятны». Позиция самодержца и предопределила дальнейшие действия России в скрытом разделе Китайской империи.

Почти сразу после того заседания император приказал министру финансов отпустить дополнительно 90 миллионов рублей на нужды военного судостроения. Прежде всего имелось в виду усиление броненосной Тихоокеанской эскадры. Изыскание этих средств Витте начал по просьбе генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича, чем еще больше расположил к себе Николая II.

По всей видимости, спор на том заседании зашел далеко. Иначе бы С.Ю. Витте в своих «Воспоминаниях» не выразился бы так резко о главе МИДа:

«Должен сказать, что граф Муравьев, будучи человеком весьма пустым, тем не менее желал непременно чем-нибудь отли-

читься. И ему не давал покоя тот факт, что ранее вступлении его на пост министра я и князь Лобанов-Ростовский достигли таких больших результатов в политике на Дальнем Востоке».

Через несколько дней после того памятного совещания министр финансов прибыл к государю с очередным докладом. Выслушав его, император Николай II, «немного смущенный», сказал Витте:

— А знаете ли, Сергей Юльевич, я решил взять Порт-Артур и Да-лянь-ван и направил уже туда нашу флотилию с военной силой.

Проницательный министр финансов понял, что речь идет уже о деле решенном. И потому возражать монарху не стал. А тот прибавил к сказанному:

— Я это сделал потому, что министр иностранных дел мне доложил после заседания, что, по его сведениям, английские суда крейсеруют в местностях около Порт-Артура и Да-лянь-вана. И что если мы не захватим эти порты, то их захватят англичане.

Это было действительно так. У британской короны высветились широкие планы захвата опорных пунктов и на китайском побережье Желтого моря. Только в том историческом эпизоде английские адмиралы и их советники-дипломаты промедлили с решительными действиями.

То, что не было высказано государю, Витте высказал в тот же день, прямо в императорской приемной великому князю Александру Михайловичу. Внук императора Николая I и племянник императора Александра II носил эполеты капитана 2-го ранга, числясь в списках Гвардейского флотского экипажа, и еще был далек от чина генерал-адмирала. Он находился в «некотором» подчинении у Сергея Юльевича, состоя членом Совета по делам торгового мореплавания при Министерстве финансов:

— Вот, ваше императорское высочество, припомните сегодняшний день. Вы увидите, какие ужасные для России последствия будет иметь этот роковой шаг.

Витте вознамерился было самостоятельно разрешить вызревающую конфликтную ситуацию на китайском побережье. Он отправился в германское посольство и через Г. Чиршки (Чирского), заменявшего бывшего в отпуске посла, телеграфировал

оттуда императору Вильгельму личную просьбу в интересах Германии и России удалить из Циндао немецкие войска.

Через несколько дней из Берлина через германское посольство на имя российского министра финансов пришел высочайший ответ. В телеграмме говорилось:

«Передайте Витте, что из его телеграммы я усмотрел, что ему некоторые обстоятельства, весьма существенные и касающиеся этого дела — неизвестны. А потому последовать его совету мы не можем».

Из этой телеграммы Витте понял, что Германия предприняла захват портового города Циндао не без оповещения о возможной акции российского МИДа. И что министр иностранных дел граф Муравьев счел возможным информировать о том главу финансового ведомства. Сергей Юльевич оказался сильно уязвлен этим: он уже тогда претендовал на особое положение в правительстве. Между двумя министрами установились весьма натянутые и холодные отношения. Они не улучшились даже после того, как граф Муравьев попытался объясниться с Витте:

— Мы не можем, господин Витте, действовать на Германию по поводу захвата ею китайского Цинтау.

— Почему же, господин граф. Ведь между Гоненцоллернами и Романовыми самые тесные династические отношения?

— Все дело в том, что нами было дано неосторожное согласие на этот шаг, который Германия и сделала. Его императорское величество не возражало против намерения императора Вильгельма занять Цинтау военной силой.

После этого разговора С.Ю. Витте нашел повод встретиться с германским послом князем Г. Радолиным, и ему было сказано (разумеется, для передачи в Берлин) по поводу захвата Циндао следующее:

— Я думаю, господин посол, что все это большое ребячество, и, к сожалению, это ребячество очень дурно кончится.

Под «ребячеством» Витте подразумевал действия германского императора. Посол это понял, и в тот же день в Берлин шифрованной телеграммой был дословно передан разговор с российским министром финансов. Все телеграммы от иностранных послов, естественно, перехватывались и подлежали дешифровке специальной службой МИДа России. Так произошло и в этот раз. Граф Муравьев телеграмму германского посла о разговоре с

Витте положил на стол государя. Через несколько дней у министра финансов с «холодным» Николаем II состоялся, после доклада, такой разговор:

«— Сергей Юльевич, я бы советовал вам быть более осторожным в разговорах с иностранными послами.

Я тогда сразу не понял, о каком именно разговоре идет речь и ответил государю:

— Ваше императорское величество. Я не знаю, на какой разговор вы намекаете, но я знаю одно, что я никогда с иностранными послами не говорю что-либо, что могло бы принести вред вашему императорскому величеству или моей родине.

На это мне государь император ничего не ответил».

Опасения Витте по поводу осложнений с Китаем из-за занятия Ляодуна с его гаванями оправдались только наполовину. В Пекине Ли Хун Чжан сумел успокоить верховную циньскую власть в важности устройства железной дороги по Маньчжурии руками европейцев из России. К тому же русские войска, высадившиеся в Порт-Артуре, не применяли оружия, как немцы. И вопрос стоял только об аренде, к чему китайская сторона не принуждалась. Сказывалось наличие секретного оборонительного договора с Россией и опасение новой войны с Японией.

Витте же продолжал стоять на своем. Он видел в том, что Россия последовала примеру Германии и других европейских держав в скрытом разделе Циньской империи на сферы влияния, явную внешнеполитическую промашку, чреватую серьезными последствиями. Оправдывая свою позицию, Сергей Юльевич (с которым не посоветовались по поводу такой акции) записал в «Воспоминаниях»:

«Наши суда с войсками все стояли около Порт-Артура, причем, когда они прибыли в Порт-Артур, то граф Муравьев дал указание нашему посланнику в Пекине, чтобы он успокоил китайское правительство и заявил, что мы пришли туда для того, чтобы помочь Китаю избавиться от немцев. Что мы пришли защищать Китай от немцев, и как только немцы уйдут — и мы уйдем.

Поэтому Китай отнесся к нашему приходу весьма радостно и первые недели верил нашему сообщению.

Но вскоре китайское правительство от своего посла в Пеки-

не узнало, что мы действуем по соглашению с Германией. И поэтому начало к нам относиться крайне недоверчиво».

В проходивших вокруг Порт-Артура переговорах министр финансов деятельного участия не принял. Правда, за исключением одного немаловажного эпизода. За день до прихода русской эскадры в Порт-Артур Пекин попросил у России новый заем в сто тысяч лан серебром. Для Китая эти деньги были крайне нужны для выплаты Японии последней доли военной контрибуции. Представитель министерства финансов в Пекине Д.Д. Покотиллов (он же директор пекинского отделения Русско-Китайского банка) передал своему шефу эту просьбу.

По этому поводу состоялось узкое совещание Совета министров. Через два дня, то есть 4 декабря 1897 года, С.Ю. Витте уведомил Покотиллова, что по решению государя Россия готова взять на себя выплату нового займа Китаю на следующих условиях:

1). Если Китай предоставит России надлежащие гарантии в исправности своих платежей по этому займу.

2) Если Пекин подтвердит в безусловной форме разрешение на изменение южного направления КВЖД по сравнению с первоначально планировавшимся.

3) Если китайское правительство примет на себя обязательство не допускать никаких иностранцев, кроме русских, к сооружению железных дорог и к эксплуатации других промышленных предприятий во всех трех провинциях Маньчжурии, а также в Монголии.

4) Если китайская сторона предоставит России право выбора гавани для устройства там порта коммерческого Добровольного флота, причем в этот порт могли входить любые суда под русским флагом, в том числе и военные.

Предложения России, переданные Д.Д. Покотиллову за подписью Витте шифрованной телеграммой, были немедленно переданы правительству Китая. Российская позиция подкреплялась посылкой в Желтое море броненосных крейсеров «Рюрик» и «Дмитрий Донской», которые спешили к месту событий на всех парах.

Переговоры сторон проходили успешно. 11 марта 1898 года российской стороной с Китаем был подписан договор об условиях аренды на 25 лет южной части Ляодунского полуострова

(так называемой Квантунской области) с портами и прилегающими островами. Порт-Артур превращался в главную военную базу русской Тихоокеанской эскадры. Соседний порт Дальний объявлялся открытым коммерческим портом (он строился Обществом КВЖД как собственный морской порт). Теперь Россия могла на вполне законных основаниях вводить на китайскую территорию силы армии и флота.

Однако добиться аренды Квантунской области российской стороне удалось с известными трудностями. В Пекине противодействие оказывали японские и английские дипломаты. Проблему разрешил С.Ю. Витте: он телеграфировал агенту Министерства финансов в Пекине Д.Д. Покотилову, чтобы тот последовал примеру англичан и подкупил влиятельных китайских сановников. Согласие Ли Хун Чжана «стоило» в 500 тысяч рублей, а второго лица в циньском правительстве Чан Инхуана — в 250 тысяч рублей. «Подарки» выплачивались, разумеется, высокопробной серебряной монетой.

Ценные подарки были сделаны верхушке администрации в Порт-Артуре и Даляньване. Местные генералы Сун Цин и Ма Юйкунь имели под своим командованием на Ляодунском полуострове 7,5 тысячи пехоты и конницы при 20 полевых орудиях. Переговоры с ними закончились выдачей первому 100 тысяч рублей, второму — 50 тысяч рублей серебром. После этого местные мандарины, тоже получившие денежные подарки, уже и не думали хоть в чем-то перечить появившимся на Ляодуне русским.

«Живые» деньги серебром, соответствующий приказ из Пекина и 12-дюймовые пушки русских эскадренных броненосцев «Наварин» и «Сисой Великий», стоявших на порт-артурском рейде, окончательно решили проблему на месте. Менее чем за сутки, к утру 16 марта, китайские войска генералов Сун Цина и Ма Юйкуня покинули Порт-Артур, забрав с собой только часть полевых пушек и личное имущество.

Утром того же 16 марта в Порт-Артур из Владивостока прибыл пароход Добровольного флота «Саратов». С него на берег высадились первые русские войска: две сотни забайкальских казаков, дивизион полевой артиллерии и команда крепостной артиллерии. Они были встречены местным населением самым неожиданным образом. Большая часть его покинула Порт-Артур и Талиенван, хорошо помня резню, которую учинили японцы

при взятии ими Порт-Артура. Поэтому китайцы Ляодуна решили не испытывать судьбы при встрече с новыми хозяевами.

Пока шла неспешная высадка десанта и своз на берег различного военного имущества, состоялась официальная церемония превращения Порт-Артура в военно-морскую базу Российской империи. Великий князь Кирилл Владимирович собственноручно поднял на Золотой горе, которая господствовала над бухтой, Андреевский флаг рядом с желтым флагом Циньской империи. Русская эскадра отсалютовала пушечным залпом.

В тот же день на берега бухты Талинван был высажен десант в 180 человек при трех полевых орудиях. Ни здесь, ни в Порт-Артуре порядок не нарушался, и с местным населением складывались доброжелательные отношения. В ближайшие дни жители-ляодунцы со своим скарбом возвратились домой.

Из Порт-Артура одной из первых телеграмм в российскую столицу сообщалось, что китайские военные оставили все крепостные орудия: несколько десятков стволов с боеприпасами к ним. В числе таких неожиданных трофеев оказалось 59 немецких пушек Крупа. Большая часть этой артиллерии поступила на вооружение Порт-Артурской морской крепости и была использована при ее обороне в 1904 году. Так что взятки китайским генералам и Ляодунским мандаринам окупались с лихвой.

Договор между Китаем и Россией об аренде Ляодунского полуострова подписали с российской стороны посол в Пекине А.И. Павлов, с китайской стороны — Ли Хун Чжан и Чан Инхуань. Последние к тексту проекта документа особых претензий не высказывали: его подписание прошло гладко.

Два великих китайских взяточника подписанием договора об аренде Россией Ляодунского полуострова сразу же потеряли свой престиж. Старшему государственному секретарю Ли Хун Чжану пришлось покинуть свой высший пост в Циньской империи и на непродолжительное время удалиться из столицы на юг страны, где он стал наместником двух провинций. Чан Инхуаня после него (во время восстания ихэтуаней) постигла более суровая кара: он был отправлен в одну из глухих тюрем в китайской глубинке, где умер насильственной смертью. Бывший в то время полномочным послом в Берлине и Санкт-Петербурге Сюй Цзюнь Чэн (Сюй Цзюньчэн) по возвращении в Пекин был там публично казнен.

Приобретение базы для Тихоокеанского флота в Желтом море как большую внешнеполитическую удачу, в Санкт-Петербург отметили вполне торжественно. Император Николай II уж 19 марта подписал следующий приказ:

«Государь Император объявляет Высочайшую благодарности Командующему эскадрой в Тихом океане, контр-адмиралу Дубасову и Монаршее благоволение — всем чинам вверенной ему эскадры и сухопутного отряда за отличное исполнение возложенных на них поручений по занятию Порт-Артура и Талиенвана».

Затем последовали орденские и иные награждения «за труды по занятию портов Квантунского полуострова Артур и Талиенван». Командующий Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал Ф.В. Дубасов удостоился ордена Святой Анны 1-й степени...

После обидного «поражения» в столкновении с графом М.Н. Муравьевым и в его лице с Министерством иностранных дел, Витте уже вскоре вновь стал главным генератором внешнеполитической деятельности на Дальнем Востоке. Восстановление своего положения на поприще дипломатии он начал с того, что первым (а не МИД) сообщил императору Николаю II о заключении с Пекином договора на аренду: такую срочную телеграмму он получил от Д.Д. Покотилова, своего агента и будущего российского посла в Китае. Прочитав телеграмму, откровенно обрадованный сообщением государь написал на ней:

«Это очень хорошо, что даже не верится».

Сразу же началось обсуждение вопроса: как назвать открытый для всех коммерческий порт, который предстояло построить в Даляньване. Порт-Артур объявлялся военно-морской гаванью и вход в нее иностранным судам запрещался. Вариантов названия было несколько: Светониколаевск (в честь царствующего Романова), Порт-Славься, Светозар, Алексеевск (в честь генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича) и другие. Все же название было дано виттевское.

Во время одного из докладов по Дальнему Востоку в Петергофском дворце император Николай II спросил министра финансов:

— А как вы думаете, каким именем назвать этот порт?

Витте ответил на вопрос так:

— Я бы его, ваше величество, не назвал громким именем, на котором настаивает генерал-адмирал.

— Почему, Сергей Юльевич?

— Потому что Бог знает, какая участь будет этого порта. Может быть, он прославит Россию. А может быть, он будет причиной нанесения России большого урона. Лучше назвать каким-нибудь скромным именем.

Монарх, подумав, согласно кивнул головой и спросил:

— Каким же, например?

Ответ сообразительного Витте не заставил себя ждать:

— Да, вот например, ваше величество, бухта называется Дальнянь-ван, вероятно, наши солдаты окрестят ее и скажут «Дальний». И это название будет соответствовать действительному положению дела, потому что этот порт ужасно далек от России.

Николаю II такое название понравилось. Он сказал:

— Да, я также нахожу, что было бы лучше назвать этот порт «Дальний».

Тогда С.Ю. Витте положил перед императором заранее приготовленный высочайший указ, в котором было оставлено свободное место для того, чтобы туда проставить название порта, когда о том будет принято решение. Николай II подписал указ и после этого прошелся пером по месту, оставленному для названия коммерческого порта на Ляодунском полуострове, старательно выведя слово «Дальний».

После этих двух акций (Циндао и Ляодуна) скрытый раздел Китая получает новое развитие. Великобритания, обладательница самой крупной колониальной системы, быстро компенсировала усиление России на Дальнем Востоке. Англичане захватили портовый город Вэйхайвэй (Вей—Хай-Вей, ныне Вэйхай) и установили свой контроль над бассейном реки Янцзы, расширив свои права по судоходству на ней. Но для британской короны это было не самое первое территориальное приобретение в Китае.

Вскоре Лондон добился от Пекина 99-летней аренды значительной части полуострова Цзюлун с прилегающими островами (или, иначе, Коулун — район современного города Сянган), расположенного на материке напротив британской островной колонии Гонконг на юге Китая. Получилась небольшая, стратегически важная по местоположению, колония площадью в

1045 квадратных километров. Отсюда английская эскадра могла контролировать торговые пути Южно-Китайского моря, которые вели на Дальний Восток и в Индийский океан.

Не осталась в стороне от территориальных приобретений и Франция. Она получила морскую базу — порт Гуанчжоувань, железнодорожные концессии в приграничных с французским Индокитаем китайских провинциях и часть побережья Гуанчжоуваньского залива (провинция Гуаньси) близ острова Хайнань, неподалеку от британского Гонконга.

Германия, получив Циндао, в скором времени заняла своими войсками Цзяочжоу. Затем она еще больше расширила захваченную территорию. (Удержать военно-морскую крепость в Тихом океане германцы, имевшие далеко идущие планы, долго не смогли. В самом начале Первой мировой войны, в 1914 году японцы при символической союзной поддержке англичан взяли Циндао штурмом с суши и с моря, заставив гарнизон капитулировать.)

Если Германия, Великобритания, Россия и Франция признанно считались великими державами, этого нельзя было сказать об Италии. Однако даже Рим в те годы предъявил Китаю целый пакет требований различных уступок. Итальянцы потребовали бухту Санмынь, железнодорожную концессию и полный контроль над торговлей шелком в провинции Чжэцзян.

Правда, итальянцы не пошли на территориальные захваты, поскольку у них с трудом набиралось сил для операций на северо-востоке Африки, на так называемом Африканском Роге. В Риме подсчитали, что к берегам Китая они смогут отправить эскадру всего в пять вымпелов, которые могли нести на борту десант только в 500 человек. Угрожать такими силами Циньской империи было делом несерьезным. Да и к тому же дело с финансами обстояло плачевно. Конфликт разрешился тем, что итальянскому посланнику Мартино пришлось покинуть Пекин.

Приобретение Квантуна с Порт-Артуром и портом Дальним российская общественность, как и ожидал С.Ю. Витте, встретила с известной долей понимания. Участник Русско-японской войны 1904—1905 годов Д.В. Никитин писал:

«Наше правительство предприняло в 1898 году очень смелый, но вполне правильный и своевременный шаг: оно заняло военной силой Квантунский полуостров, получив на это согласи

Китай. Оно ясно сознавало, что путь к владению Владивостоком лежит через Порт-Артур. Оставалось только по мере усиления Японии своей военной мощи соответственно увеличивать сухопутную и морскую оборону вдоль занятой области. Самые крупные расходы, которые приходилось бы при этом нести, несомненно, явились бы каплей в море по сравнению с тем, что стоило бы оборонять рядом крепостей грандиозной длины границу вдоль реки Амур. Нечего говорить и о том, что они представлялись бы прямо ничтожными, если учесть тот моральный и материальный ущерб, какой понесла Россия в результате неудачной войны.

Но тут выступила на сцену так называемая русская общественность. Совершенно не разбираясь в стратегической обстановке на Дальнем Востоке, наши тогдашние газеты зашумели о безумной аванюре. В обществе стали говорить:

«Швыряют миллионы, чтобы великим князьям можно было паживаться на лесных концессиях на Ялу».

Давление на правительство было произведено такое организованное и всестороннее, что по настоянию Витте средства на постройку Порт-Артурской крепости были значительно уреваны».

В Японии занятие Квантунского полуострова русскими вооруженными силами вызвало очередной взрыв народного возмущения. Японский посланник в Лондоне виконт Хаяши говорил российскому посланнику откровенно и прямо:

«Занятие вами Порт-Артура проложило глубокую борозду между Россией и Японией. Это занятие породило в японцах и несомненную жажду мщения».

Неприязнь японцев к России была в те годы столь велика, что, по их собственному выражению, «они спали на хворосте, питались желчью и хотели небо пронзить своей ненавистью». Квантун, который они завоевали в войне с Китаем, в итоге оказался в руках их северного соседа, у «белых варваров». Россия «рисовалась японцам то в виде акулы, то в роли голодного тигра».

То, что Франция, Россия и Германия заставили Страну восходящего солнца вернуть побежденному циньскому Китаю Квантунский полуостров, наибольшее возмущение вызвало в рядах императорской армии. Известен факт, что в знак протеста про-

тив этого решения своего правительства (в том никогда никто не винил божественного императора-микадо) сорок высших чинов японской армии, участников войны с Китаем, совершили харакири.

Империалистические державы продолжали официально скрывать борьбу за колонии в Китае. Российская империя тоже старалась не отстать от конкурентов. Но разница в колонизации по-западноевропейски и по-русски была существенной. Если у первых был избыток товаров и капиталов, то есть на первом плане смотрелись экономические интересы, то Российская империя сперва занимала новые территории, подразумевая создать экономические интересы потом.

Понимая, что российские промышленные и финансовые предприятия в Маньчжурии не выдержат свободной конкуренции с более развитыми странами, российская дипломатия категорически противилась политике «открытых дверей». Такая правительственная позиция проводилась в первую очередь по настоянию Министерства финансов, которое пеклось о доходности внешней торговли.

За политику «открытых дверей» в Китае выступали Великобритания и США. Именно британцы шли на торговую конфронтацию в Маньчжурии, китайском Туркестане и Внешней Монголии, традиционных зонах торгового влияния России. В силу такой конфронтации Лондон и Вашингтон решили устранить препятствие «открытым дверям» в лице России японскими руками.

В Санкт-Петербурге уже вскоре стали ощущать заметное дипломатическое давление. Сам С.Ю. Витте воспринимал его по «банковским каналам». При столь заметных геополитических успехах в Китае, России пришлось пойти на уступки Японии. В корейской столице Сеуле 2 мая 1896 года был подписан меморандум, которым было зафиксировано право России иметь в Корее (речь шла о ее северной и центральной части) свою военную стражу. Но она не могла превышать по численности японские войска, которые уже находились в этой стране. Меморандум гласил:

«Представляя собственному усмотрению и решению корейского короля вопрос о возвращении его в свой дворец, оба

представителя дружески посоветуют его величеству возвратиться туда, как скоро исчезнет всякое сомнение в его безопасности.

Оба правительства всегда будут стараться советовать его величеству назначать министров из лиц, просвещенных и умеренных, а также высказывать милосердие к своим подданным.

Представитель России вполне разделяет мнение представителя Японии, что при настоящем положении вещей в Корее, по-видимому, необходимо содержать в некоторых местностях японскую стражу для охраны японской телеграфной линии между Фузаном и Сеулом.

Для охраны русской миссии и консульств русское правительство может также содержать стражу, не превышающую количество японских войск в тех же местностях; она будет отозвана, как скоро спокойствие внутри страны восстановится».

В том же году стороны Московским протоколом подтвердили равенство обоих государств в Корее. Этот документ устанавливал фактический и военный контроль России и Японии над королевством. Обе стороны брали на себя обязательства по организации в этой стране армии и полиции в достаточном количестве.

По установившемуся в мире дипломатии порядку, в Московском протоколе имелись две секретные статьи. Согласно им обе стороны получали право вводить в Корею равное количество войск в случае «возникновения в ней внутренних или внешних осложнений. При этом между войсками должна была оставаться полоса, свободная от оккупации». Естественно, что разрешения в таких случаях у корейского правительства можно было не спрашивать даже формально.

Вопреки ожиданиям Токио, российское влияние в Корее начало заметно усиливаться. В 1897 году туда прибыли русские военные инструкторы для организации на европейский лад королевской армии и финансовый советник от Витте. Ему предстояло заняться устройством денежных дел в стране, естественно, в интересах своего Министерства финансов. Присутствие России на Корейском полуострове вызвало, как и ожидалось, на Японских островах большую тревогу и энергичное сопротивление. Причина этого в Токио не скрывалась: там считали Корейское королевство сферой своего исторического влияния, в том числе экономического, торгового.

Милитаристские и промышленно-финансовые круги Японии стали оказывать на правительство сильное давление. Руководитель концерна Мицуи, которому суждено было стать одним из столпов японской военной промышленности, Тахакаси Эсма в следующих словах высказал позицию сторонников войны с Россией:

«Прочно обосновываясь в Маньчжурии, Россия тем самым создает угрозу Корее. В конечном итоге дело дойдет до того, что сломленная Корея также будет вынуждена подчиниться диктату русского правительства. Следовательно, для государственной обороны Японии складывается очень опасное положение. Эта опасность даже больше, чем если бы сама Япония, захватила Корею, стала угрожать России».

Деятельность Японии по ограничению российского влияния (прежде всего экономического) на корейской земле имела успех. В апреле 1898 года Россия и Япония подписали между собой новый протокол, по которому Санкт-Петербург официально признавал преобладание японских экономических интересов в этой стране.

К концу XIX столетия великие державы окончательно подделили Китай на сферы влияния. Это противоречило экономическим интересам США. В сентябре 1899 года вашингтонский статс-секретарь (министр иностранных дел) Хэй обратился к великим державам с нотами, в которых, провозглашая так называемую доктрину «открытых дверей» в Китае, приглашал присоединиться к этому принципу строительства международных отношений.

Официальные Лондон, Берлин, Париж, Токио и Рим ответили на ноту Хэя согласием. Санкт-Петербург, выражая позицию государственных деятелей во главе с министром финансов С.Ю. Витте, дал уклончивый ответ. Сергей Юльевич предупреждал и коллег-министров, и МИД о том, что русские товары в Маньчжурии больше всего нуждаются в тарифной защите. Японская же торговля в Корее и Китае имело неоспоримое преимущество вследствие морской близости стран. В Вашингтоне посчитали Россию главной угрозой для американских интересов в Китае. В итоге Япония в своей антироссийской политике на Дальнем Востоке, помимо Англии, приобрела еще одного союзника.

Витте был одним из тех царских сановников, который предложил разложить эту враждебную коалицию экономическими

способами. Чтобы ослабить взаимную конкуренцию между Россией и Англией, в апреле 1899 года было заключено соглашение о разграничении между ними сфер влияния в железнодорожном строительстве. Лондон отказывался от концессий к северу от Великой Китайской стены, где признавалось русское влияние. Россия же, в свою очередь, отказывалась от стремлений к железнодорожным концессиям в бассейне реки Янцзы, то есть в циньских провинциях южнее Маньчжурии.

Подобное увлечение железнодорожными концессиями не являлось желанием С.Ю. Витте. Он считал, что Россия должна укрепиться прежде всего на маньчжурском севере Китая, которое было стратегическим приграничьем Российской империи. Для этого важно было торговое и военное присутствие, прямые выходы по железной дороге от Транссиба. Но именно туда, в северные провинции Циньского государства, и стремились войти вместе с железнодорожными концессиями «на законных правах» англичане.

Как глава финансового ведомства, С.Ю. Витте прекрасно понимал, что занятие Порт-Артура потребует от правительства Николая II огромных средств на строительство в Маньчжурии новой железной дороги. Она должна была связать морскую крепость с КВЖД (Порт-Артур — Харбин). Помимо этого, десятки и десятки миллионов рублей требовались на строительство коммерческого порта в Дальнем и современной военно-морской базы, а также для усиления русского флота Тихого океана. Наиболее трезвые головы уже тогда понимали, что обладание Россией Порт-Артуром заметно приблизило русско-японскую войну.

Взятие Россией в аренду на 25 лет Квантунского полуострова с Порт-Артуром и Дальним серьезно ухудшило ее международное положение. И дело было не только в том, что таким актом ущемлялась национальная гордость японцев, военная добыча которой досталась «лицемерному миротворцу» — Российской империи. Усиление последней на берегах Тихого океана не приветствовалось во многих западноевропейских столицах и Вашингтоне. А это грозило ей в случае возникновения военного конфликта на Дальнем Востоке оказаться в опасной изоляции на внешнеполитической арене.

В своих «Воспоминаниях» генерал Алексей Николаевич Куропаткин, в 1898 году сменивший на посту военного министра Ванновского, констатировал как факт следующее:

«Война стала неизбежной, но мы этого не осознавали и должной мере не готовились к ней».

Такая не реальная оценка хода дальневосточных событий Санкт-Петербурге объяснялась в те годы легко. Политику России на ее восточных границах расчетливо поддерживала Германия. Но она в действительности стремилась втянуть своего потенциального противника в Европе в серьезный военный конфликт на его Тихоокеанской окраине. Однако на рубеже двух столетий русско-японская война еще только вызревала. Токио начинало готовиться к ней исподволь.

Открытой вражды на межгосударственном уровне между двумя империями еще не было. Перед самой Русско-японской войной 1904—1905 годов Российской империи и Стране восходящего солнца довелось даже побывать в роли заинтересованных союзников по оружию. Случилось это во время широкомасштабного восстания ихэтуаней, которое потрясло до основания Циньский Китай.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ПЕРЕД РУССКО- ЯПОНСКОЙ ВОЙНОЙ

1

«БОКСЕРСКОЕ» ВОССТАНИЕ. ПОГРОМ КВЖД

Грубое иностранное, в том числе и российское, вмешательство в жизнь Китайской империи, территориальные захваты вызвали в этой огромной стране в мае 1900 года мощное восстание. Первоначальные выступления народных повстанцев, вспыхнувшие в ряде провинций, были с огромным трудом подавлены (скорее всего приглушены) императорскими войсками. Циньские солдаты обычно или уклонялись от боя, или переходили на сторону повстанцев. Но все эти разрозненные выступления явились только предвестниками страшной социальной бури.

Недовольство китайцев поведением в их стране иностранцев в первую очередь было связано с миссионерской деятельностью христианских проповедников-католиков, которые устремились в Китай с середины XIX столетия. Вопреки бытующему мнению, католические миссионеры на китайской земле вели себя совсем не как добрые пастыри, проповедующие добро, справедливость и послушание. Автор известной книги «Европа и Китай» Ф. Мартенс с откровением писал:

«Католические миссионеры защищали всякого крещеного туземца против законных требований отечественного правительства. Они не признавали власти китайского правительства по отношению к его подданным христианам. Они, наконец, часто

с явным презрением относились к этому правительству и к органам местной администрации».

Народное возмущение началось в Шаньдуне, поблизости от германской колонии Циндао. Оттуда восстание крестьян и городской бедноты быстро, как степной пожар, перекинулось в столичную провинцию Джили, Шаньси и в Маньчжурию. Власти — двор и огромный аппарат чиновников, многочисленная императорская армия, которая отличалась удивительным отсутствием боеспособности, не смогли взять ситуацию в стране под контроль.

Циньская Поднебесная империя давно не знала такого мощного вооруженного выступления китайского крестьянства. Она за время 47-летнего пребывания императрицы Цы Си (Цыси) на престоле было по силе сравнимо разве только с восстанием 1851 года в Цзяньтяне, которое продолжалось 18 лет, с противостоянием имперской власти народности хуэй, длившимся тоже 18 лет, и Тайпинским восстанием, потрясавшим Китай 14 лет.

Это было неоспоримым доказательством того, что «женщина замечательно умная и с феноменальной твердостью воли» императрица Цы Си почти все свое необычайно долгое правление сидела на пороховой бочке. (Правя Поднебесной империей с 1861 по 1906 год, она все же не установила рекорд в мировой истории. Победительницей в подобном состязании коронованных особ оказалась английская королева Виктория, державшая в руке скипетр 64 года (!). Историки отличали у них две сходные черты: неумную страсть к драгоценностям и ожесточенное неприятие всего, к чему могло быть применено слово «новое» — от личных взглядов до изменений в системе социальных и экономических отношений.)

Инициатором восстания явилось тайное религиозное общество «Ихэцюань» («Кулак во имя справедливости и согласия»). Вступившие в общество давали клятву «не быть жадными, не развратничать, не нарушать приказаний родителей, не нарушать существующих законов, уничтожать иностранцев, убивать чиновников-взяточников». То есть направленность борьбы тайного общества против любых иностранцев, появившихся на китайской земле, стала одним из пунктов программы восставших.

Позже повстанческие отряды «Ихэцюаня» были переименованы в «Ихэтуани» («Отряды справедливости и согласия»). В связи

с тем, что в название тайного религиозного общества входило слово «цюань» (кулак), то европейцы назвали повстанцев «боксерами», а само восстание — «боксерским». К слову сказать, изображение кулака украшало многие знамена ихэтуаней. В большинстве случаев они имели пояса и повязки отличительного красного цвета. Желтый, императорский цвет встречался на знаменах восставших гораздо реже. В переводе с китайского отряды восставших носили для европейцев удивительные названия: «Красный кулак», «Покрышка подобно золотому колоколу», «Кулак в форме цветка сливы» и тому подобные.

Ихэтуаней из разных мест объединяло два обязательных признака принадлежности к этому тайному обществу. Во-первых, испепеляющая ненависть к европейцам и христианской религии. Во-вторых, страстная любовь к физическим упражнениям по системе «цюань» и фехтованию на мечех.

Члены тайного общества отличались мистицизмом: они верили в возможность достижения бессмертия и собственной неуязвимости от пуль и клинков «белых дьяволов» и их пособников и надеялись достигнуть этого с помощью всевозможных ограничений в пище, дыхательной и физической (напоминавшей кулачный бой) гимнастике, волшебных талисманов и заклинаний.

Народные массы стихийно откликались на броские призывы членов тайного общества, которые боролись против зла за добро. Причем такое сочувствие ихэтуаньскому движению в ряде мест принимало форму массового психоза. Так, свидетель подобных событий в Пучжоу говорил о многократно увиденных им на городских перекрестках старухах в нищенской одежде, которые занимались «публичным колдовством». Они лепили из теста фигурки человечков по образу европейцев и бросали их в котлы с кипящей водой. При этом местные колдуньи во весь голос произносили заклинания:

— Соберем муки с тысячи семей! Соберем воды со ста семей! И живо сварим иностранных чертей!..

Движение ихэтуаней развилось не на пустом месте. В последние десятилетия XIX века на Поднебесную империю обрушилась череда нескончаемых несчастий, от которых страдал в первую очередь простой люд. Многие провинции по несколько лет кряду испытывали тяжелейшие стихийные бедствия, которые

влекли за собой гибель посевов, небывалый рост цен на продукты питания и массовый голод.

Как сообщал в ведомство С.Ю. Витте в 1899 году его финансовый агент в Китае Протасьев, сплошная череда неурожаев «сильно обострила нужду и поставила десятки тысяч туземцев в безвыходное положение».

Императорские власти в целях экономии казенных средств провели в эти годы демобилизацию немалой части солдат. Они отпускались на все стороны без всякого вспомоществования. Голодные солдаты пополнили банды местных разбойников-хунхузов, грабивших и убивавших всех встречных.

В простом народе — крестьянстве и среди городской бедноты появилось много проповедников идеи освобождения Китая от зла. На многолюдных митингах на городских и сельских площадях, на рынках такие люди проповедовали, что боги наказали народ Китая за то, что он впустил к себе иностранцев, этих «белых дьяволов», которые не уважают ни обычаев, ни религии той страны, в которой они объявились из-за моря.

Отечественный историк С.С. Ольденбург, занимавшийся изучением ихэтуаньского восстания и жизни Циньской империи на рубеже веков, писал:

«Китай, так долго молчавший и покорявшийся, перестал быть мертвым телом, он восстал на иностранцев, и правительству поддалось народному движению.

Сотни белых, в том числе немало женщин и детей, погибли при этом внезапном пробуждении китайского национализма».

Известный китайский историк Фан Ваньлань, исследовавший Ихэтуаньское восстание, писал, что вид любого человека или вещи, имевшей европейский «отпечаток», приводил ихэтуаней в такое состояние, что «они не могли сдержать гнева и успокаивались, лишь уничтожив этот предмет или убив такого человека».

Однако не одни ихэтуани стремились уничтожить на китайской земле «иностранных дьяволов». В нападениях на европейцев и китайцев-христиан в Северном Китае и в самом Пекине принимали участие регулярные войска под командованием военачальника Дун Фусяна. Причем в таких делах оказался замешанным и наследный принц Дуаньчу, и многие высокопоставленные сановники.

Напуганное размахом крестьянского восстания ихэтуаней, императорские власти на сей раз не решились открыто выступить против него. Для обеспокоенной Европы не стало секретом то, что в китайских правящих верхах уже вызрело негодование бесцеремонным поведением иностранцев в вопросах, которые касались национального суверенитета Циньской империи. В своих мемуарах С.Ю. Витте по этому поводу со всей объективностью замечал:

«Китайское правительство мало-помалу было вынуждено если не явно, то тайно встать на сторону боксеров. Во всяком случае оно не имело ни желания, ни средств противодействовать этому восстанию».

В июне 1900 года «боксеры» многочисленными отрядами дошли до Пекина, по пути подвергая поголовному истреблению всех иностранных граждан и соотечественников, принявших христианство. В столице жестокой осаде подвергся европейский квартал, где находились дипломатические миссии. На одной из пекинских улиц были убиты германский посланник барон Кеттелер (его застрелил китайский солдат, а тело было изрублено ихэтуанями на куски) и японский советник Сугияма.

Начался ихэтуаньский погром циньской столицы. Были порваны электрические провода, протянутые вдоль городских стен, предназначенные для снабжения электроэнергией трамвайных линий. Трамвайные вагоны сжигались, а их водители и кондуктора подвергались физической расправе. Рядом с Пекином была предана огню железнодорожная станция Фэнтай. Солдаты столичного гарнизона братались с ихэтуанями и не исполняли приказов своих начальников.

Перепуганная огненным валом народного восстания в Северном Китае и вооруженными беспорядками в столице, над которой был потерян всякий контроль, императрица Цы Си 28 мая 1900 года издала указ, обращенный к ихэтуаням:

«Пришло время следовать старому и испытанному пути наших предков. Помогите нам, божество Юй Хуан! Повинуйтесь и следуйте его наставлениям! Смерть иностранцам!»

Такое поведение правительницы Поднебесной империи случайным назвать было никак нельзя. Политика императорского двора ввиду успехов ихэтуаней, а затем вступления на китайскую территорию иностранных войск с целью защиты своих

граждан явила поразительный даже для двора Цы Си образец лицемерия. Сначала циньская армия безрезультатно пыталась разбить восставших. Но стоило императрице почувствовать угрозу со стороны хорошо вооруженных европейцев, как она прекратила всякие военные действия против ихэтуаней, и более того, желая прослыть «народной императрицей», призвала подданных создавать отряды мщения «для защиты от иностранных оскорбителей».

Тогда в близлежащем приморском Тяньцзине из моряков стоявших там иностранных военных судов (канонерок) — японских, английских, американских, российских, германских, французских, австрийских и итальянских — был сформирован сводный отряд в 2266 человек (в том числе 312 русских, две сводные роты под командованием лейтенанта Бурхановского) под командованием английского вице-адмирала Сеймура. Интернациональный отряд безуспешно пытался пробиться к Пекину, находившемуся в руках ихэтуаней. Те разрушили железную дорогу к столице из Тяньцзиня и не позволили «белым дьяволам» добраться к Пекину на лодках по Великому каналу. Сеймур был вынужден отдать приказ отступить к берегу моря.

Императрица-регентша Цы Си вместе с сановниками и придворными спешно покинула столицу, хотя восставшие и «белые дьяволы» ей прямо и не угрожали. Цы Си и наследный принц Дуаньчу бежали, переодевшись в крестьянскую одежду.

Но перед этим военная помощь осажденному дипломатическому кварталу все же была подана. Вошедшая в Печилийский залив русская эскадра под командованием контр-адмирала М.Г. Веселаго встала на якорь на рейде Дагу. С нее на берег высадилось 74 матроса с одной десантной пушкой и 30 казаков-бурят Верхнеудинского полка Забайкальского войска. На берег сошли и другие небольшие воинские команды с иностранных кораблей, стоявших здесь же.

Весь этот сводный интернациональный отряд отправился вверх по реке Бэйхэ под охраной русской канонерской лодки «Кореец». В Тяньцзине десантники сели на поезд и прибыли в Пекин, взяв на себя защиту посольского квартала. Всего набралось 454 штыка: кроме русских было 79 англичан (при двух пушках), 75 французов, 63 американца, 50 немцев, 30 австрий-

цев, 28 итальянцев и 25 японцев. Они взяли под защиту 900 европейцев и американцев, а также три тысячи китайцев-христиан.

На берегах Желтого моря начались боевые действия. Военные корабли союзников-европейцев подвергли бомбардировке форты города Дагу (его комендант не ответил на посланный ультиматум) и после артиллерийской дуэли с китайцами высадили в фортах десант. В этой интернациональной операции, которая проходила под общим командованием капитана 1-го ранга Добровольского, участвовало три русских канонерских лодки — «Кореец», «Гиляк» и «Бобр».

Во время жарких боев в районе Тяньцзиня с 30-тысячной китайской армией, которая защищала укрепленный город с арсеналами, китайцы потеряли три тысячи человек, союзники — 600 и русские — 168 человек.

В целях освобождения осажденных в Пекине дипломатических миссий заинтересованные страны стали спешно готовить вооруженную интервенцию. Подобное решение созрело в европейских столицах незамедлительно по двум веским причинам. Во-первых, ситуация не ждала промедления. Во-вторых, восставшие «боксеры» не делали различия между европейцами, безжалостно уничтожали всех «белых чертей», по разным причинам оказавшихся на китайской земле.

В российской столице, в ее официальных кругах, к народному восстанию в Китае отнеслись по-разному. По достоверному свидетельству С.Ю. Витте, новый военный министр А.Н. Куропаткин был чрезвычайно доволен начавшимся восстанием. Сергей Юльевич в мемуарах вспоминал:

«Когда началось боксерское восстание, то военный министр Куропаткин находился в Донской области. Он немедленно вернулся в Петербург и прямо с вокзала пришел ко мне в Министерство финансов с весьма сияющим видом.

Когда я сказал ему: «Вот результат и последствия нашего захвата Квантунской области», — он с радостью мне ответил:

— Я со своей стороны этим результатом чрезвычайно доволен, потому что это нам даст повод захватить Маньчжурию.

Тогда я спросил, каким образом он хочет захватить Маньчжурию. Что же, он хочет Маньчжурию сделать тоже нашей губернией?

На это Куропаткин мне ответил:

— Нет, но из Маньчжурии надо сделать нечто вроде Бухары. Военной интервенции в Китай предшествовала ожесточенная дипломатическая борьба. Было ясно, что тот, кто освободит пекинский квартал с посольствами, станет хозяином положения в циньской столице. Британские дипломаты предлагали погасить подавление восстания японцам: в Лондоне рассчитывали образовать из них в Пекине заслон против России. Токио, в свою очередь, было очень желательно утвердиться в Пекине с санкции европейских держав и придать своей экспансионистской политике международное «обоснование».

В ходе дипломатических согласований действий России удалось с помощью Германии сорвать предложение английской стороны. Теперь интервенция окончательно приняла интернациональный характер.

В европейских столицах и Токио было принято решение об отправке великими державами в Пекин воинских контингентов. На должность главнокомандующего международной карательной экспедицией германский император Вильгельм II предложил своего генерал-фельдмаршала графа Альфреда фон Вальдерзее.

Германский кайзер был весьма польщен, что международным экспедиционным корпусом будет командовать немец. В своем обращении к отправляющимся в Китай войскам Вильгельм II публично призвал их учинить там такую расправу с «бунтовщиками», чтобы китайцы запомнили германское имя, как в свое время народы Европы сохранили в своей памяти имя народа гуннов и их вождя Атилы.

Впрочем, когда германский генерал-фельдмаршал прибыл на театр военных действий, борьба с ихэтуанями была в основном уже завершена. Из Тяньцзиня на столицу Циньской империи выступил международный 20-тысячный экспедиционный корпус под командованием русского генерал-лейтенанта Н.П. Линевича. Корпус состоял из 9000 японцев, 6000 англичан, 4000 русских и других. Союзники штурмом овладели крепостными воротами Пекина и освободили дипломатический квартал, защитники которого мужественно выдержали 54-дневную осаду.

Как оказалось, посольский квартал в Пекине оказался нетропутом, он был только блокирован китайскими мятежниками, которые при всей своей многочисленности так и не предприняли яростного штурма последнего убежища «белых дьяволов». Излишнее преувеличение жестокости ихэтуаней в обращении с иностранцами, особенно европейцами, дало повод С.Ю. Витте так охарактеризовать «Боксерское» восстание:

«Оно заключалось в том, что китайцы набрасывались на европейцев, истребляли их имущество и подвергали жизнь некоторых из них опасности».

Когда союзники заняли Пекин, то выяснилось, что в китайской столице нет верховной власти. Императорский двор во главе с Цы Си и императором Дуаньёу бежали в город Сиань.

Генерал-фельдмаршал фон Альфред Вальдерзее, прибыв в Пекин, начал проводить карательные экспедиции против близлежащих городов и уездов столичной провинции, еще находившихся в руках повстанцев. Но в подобных действиях русские войска не участвовали: в августе они были уже выведены из района Пекина. Карательные экспедиции союзниками проводились до весны 1900 года. Все это Витте резюмировал так:

«После взятия Пекина мы образумились. И в скором времени благодаря моему настоянию и настоянию министра иностранных дел наши войска оттуда ушли».

Причина того, что русские войска так скоро покинули китайскую столицу, крылась в следующем. Оккупация Пекина, Тяньцзиня и столичной провинции Чжили 70-тысячным экспедиционным корпусом и его дальнейшее пребывание стало беспокоить правительство России. Такое беспокойство высказывал и С.Ю. Витте. Поэтому Санкт-Петербург уже 25 августа официально уведомил союзные страны, что русские войска отзываются из Пекина. И что они покинут Маньчжурию, как только там будет восстановлен прежний порядок. На этом и настаивал Витте.

Военный же министр А.Н. Куропаткин ратовал за то, чтобы именно Россия встала во главе пекинской экспедиции. И что надо послать в Китай как можно больше сил, чтобы можно было «войти» по пути и в Корею. Министр финансов был резко против подобной идеи. Витте писал:

«Тут опять произошло полное разногласие между мной и Куропаткиным. Я уговаривал Куропаткина, просил Его Величество оставить Пекин в покое, не двигаться с нашими войсками для подавления беспорядков в Пекине, предоставив эту задачу иностранным державам.

Куропаткин же, наоборот, настаивал на том, чтобы мы играли доминирующую роль в наказании китайцев в Пекине и на пути в Пекин.

Я убеждал Его Величество, что нам не следует вмешиваться в это дело, потому что мы, собственно, в Пекине, да и вообще в Китае, за исключением Маньчжурии, не имеем никаких серьезных интересов, что нам нужно защищать наше положение в Маньчжурии, не раздражая китайцев и Китай. Пусть это делают те державы, которые заинтересованы в положении дел в Пекине и Южном Китае».

Однако в решении императора Николая II возобладала куропаткинская позиция. Русские войска, хотя и составили лишь пятую часть сил международного экспедиционного корпуса, оказались «на виду у всего Китая»: взятием Пекина командовал не немецкий генерал-фельдмаршал фон Вальдерзее, а русский генерал-лейтенант Н.П. Линевиц.

Когда «боксеры» оказались разгромленными, дала о себе знать верховная власть Циньской империи. В городе Сиани был издан императорский указ, обвинявший повстанцев-ихэтуаней во всех бедах страны и призывавший государственных чиновников к беспощадной расправе над ними. Начались массовые казни.

Японские войска (в основном части 5-й дивизии) тоже участвовали во взятии Пекина и «успешно» действовали при разграблении сокровищ многочисленных императорских дворцов. Они «отличились» в том, что вывезли к себе на Японские острова, помимо прочей военной добычи, серебряную казну Циньской империи.

Интервенционистский характер пекинской союзной экспедиции наложил свой негативный характер на ее участников. Витт в своих «Воспоминаниях» с откровенной горечью и сожалением писал о том:

«Мы вместе с японцами взяли Пекин, и взятие это ознаменовалось, главным образом, тем, что войска занялись грабежами, — дворец богдыханши был разграблен.

После взятия Пекина никаких экзекуций над китайцами не производили. Но только частные имущества были сильно разграблены, в особенности ценности дворца. Причем, как это ни больно и ни грустно сознаться, до нас доходили слухи, что русские военачальники в этом отношении не отставали от других военачальников, что, впрочем, было подтверждено мне неофициальным агентом Министерства финансов в Пекине — будущим посланником в Пекине Покотиловым».

Действительно, Д.Д. Покотиллов писал о пребывании союзных войск в столице Циньской империи следующее:

«Иностранные войска грабят китайцев, это, по-видимому, одобряется военными властями, которые, во всяком случае, ничего не предпринимают против этого. Стремление к легкой наживе обуяло не только военных, но и статских. Многие, вооружившись винтовками, отправляются в город и возвращаются с телегами, нагруженными шелками, мехами, а нередко и слитками серебра.

Разные предметы роскоши продаются солдатами за смехотворные цены, например, рубль за кусок шелка, стоивший не менее 20—25 рублей. Серебро же в первые дни разгрома уступались за 10—15 процентов своей стоимости».

Все же настойчивая позиция С.Ю. Витте наложила свой отпечаток на те пекинские события. Правительство России с неохотой согласилось на вооруженную интервенцию в Пекине, хотя за это выступил сам государь и глава Военного ведомства. В своем большинстве министры опасались, что появление в циньской столице сильных иностранных войск усилит там политическое влияние противников России и прежде всего Японии. К тому же могло измениться и само отношение китайцев к «европейской» России.

Но в Маньчжурии позиция официального Санкт-Петербурга в отношении мятежников оказалась совсем иной. Ситуация там, по словам Витте, складывалась следующим образом:

«Настояния наши увенчались бы успехом, если бы боксерское восстание не распространилось на Маньчжурию. Оно сперва выражалось отдельными инцидентами, захватом некоторых служащих на железных дорогах, пожарами некоторых железнодорожных зданий, а затем восстание это выразилось и в более значительной степени.

Когда началось восстание, то Куропаткин сейчас же хотел ввести войска в Китай, то есть двинуть их из Приамурской области в Маньчжурию. Я долго уговаривал этого не делать. И действительно в Маньчжурии все было спокойно, за исключением некоторых отдельных незначительных инцидентов. Но после того, как мы совершили экспедицию в Пекин, событие это, вместе с захватом Квантунского полуострова, совершенно вооружило против нас китайское население. Начались такие грозные явления, что я сам был вынужден просить ввести наши войска из Приамурской области в Маньчжурию».

Необычная решительность министра финансов, требовавшего для Маньчжурии немедленных хирургических, военных мер, была вполне объяснима. Он пекся о своем детище — Китайско-Восточной железной дороге. Витте не мог позволить, чтобы мятежники-боксеры разрушили ее, нанеся тем самым огромный материальный ущерб российской казне. И, действительно, события в Маньчжурии в конце «восстания большого кулака» развивались более чем тревожно.

Стоило только ихэтуаням (в их числе оказались местные китайские регулярные войска) в июле 1900 года начать нападения на КВЖД, как в Маньчжурию без промедления вводятся русские воинские части. В ходе боев с отрядами повстанцев русские экспедиционные войска потеряли 242 человека убитыми и 1283 ранеными. Но материальные потери России оказались более впечатляющими, чем людские.

Повстанцы всюду видели в наиболее «опасных» для них европейских «вещах» — железных дорогах и телеграфных линиях, грохочущих паровозах, которые китайцы называли «огненными телегами», нечистую силу. Которая нарушила покой добрых духов китайской земли. По стране, в том числе и по Маньчжурии, ходили листовки такого содержания:

«Железные дороги и огненные телеги беспокоят дракона земли и сводят на нет его хорошее влияние на землю. Красные капли, которые капают с железной змеи (то есть ржавчина, отлетающая с телеграфных проводов. — *Автор.*) является кровью оскорбленных духов, летающих в воздухе. Эти духи не в силах помочь нам, когда эти красные капли падают возле нас».

Можно считать, что ихэтуани в борьбе с «белыми дьяволами» на маньчжурской территории сделали свое дело. Из 1300 верст железнодорожного пути повстанцами было разрушено около

900 (!). Особенно сильно пострадал западный участок КВЖД. На восстановление железной дороги было истрачено более 70 миллионов рублей.

Сергей Юльевич знал ситуацию на Дальнем Востоке по «банковским каналам», вне всяких сомнений, лучше чиновников МИДа. Об этом свидетельствует его оценка событий, вызревших в Маньчжурии летом 1900 года, действий военного министра и допущенных российской стороной ошибок:

«В этом деле Куропаткин действовал со свойственным ему легкомыслием и непрозорливостью. Так, он отправил войска не только из Приамурской области, но и двинул войска морем из Европейской России, и притом в значительном количестве.

Я указывал на то, что Китай находится в таком положении, что самый незначительный отряд может положить предел всем беспорядкам.

Тем не менее, Куропаткин отправил войска в значительном количестве.

Но вскоре обнаружилось, что, несмотря на довольно произвольные действия наших войск в отношении Китая и Маньчжурии, население Китая, после того, как только несколько тысяч войск наших было введено в Маньчжурию, скоро успокоилось.

Таким образом, войска, отправленные из Европейской России морем, доехав до Порт-Артура (...) сейчас же вернулись обратно. Но те части, которые пришли в Приамурскую область и Сибирь по железной дороге, прочно оккупировали как юг, так и север Маньчжурии».

Министр финансов С.Ю. Витте с началом погромов на КВЖД, как шеф Отдельного корпуса пограничной стражи, издал приказ отрядам охранной стражи в Маньчжурии не отступать и обороняться. В противном случае, как говорилось в приказе, виновные подлежали суду военного трибунала.

Анализируя ход событий восстания и действий русских войск в так называемом Китайском походе, С.Ю. Витте не всегда соотносится с реалиями тех дней. Он стремится переложить большую часть вины за погром КВЖД на военного министра А.Н. Куропаткина. При этом он совершенно снимал вину с императора Николая II, который, собственно говоря, и дал добро на участие военных сил России в подавлении «возмущения боксеров».

При этом он совершенно не оговаривает того факта, что Куропаткин даже самые малые свои действия в Китае оговаривал с монархом, чтобы заручиться его полной поддержкой. Витте так писал о восстании:

«Как только войска вошли в Маньчжурию, началась двойственность власти в направлении действий русских властей в Китае. Вся администрация железной дороги, все служащие железной дороги, а в том числе пограничная или охранная стража, держались политики миролюбивой. Они во время пребывания там успели установить хорошие отношения с китайскими властями и населением. А поэтому утверждали, что если бы мы сами поступали в отношении Китая корректно, то Китай остался бы самым верным нашим союзником.

Поэтому следует заглазить все ошибки, которые были сделаны как по захвату Квантунского полуострова, что повлекло за собой сооружение южной ветви к Порт-Артуру, так и по занятию нами Пекина, тогда как мы не имели там никаких интересов. Вместо того, чтобы предоставить делать эту экзекуцию европейским державам, заинтересованным в Пекине, Среднем и Южном Китае, мы сами добровольно на себя взяли эту экзекуцию.

Куропаткин же держался той идеи, которую он мне высказал с такой радостью, когда началось боксерское восстание. А именно, что необходимо захватить, пользуясь этим случаем, всю Маньчжурию. Он проводил совсем другие идеи — идеи не мирные. Наши войска распоряжались в Китае совершенно произвольно, то есть так, как поступает неприятель в захваченной стране, да и то в стране азиатской.

Таким образом, была создана та почва, на которой должна была разразиться катастрофа».

События в Маньчжурии, в зоне КВЖД, во время Ихэтуаньского восстания развивались несколько иначе, чем это представлялось устроителю великих железнодорожных магистралей С.Ю. Витте. Китайские власти в Южной Маньчжурии, по сути дела, санкционировали разрушение железной дороги «иностранцев» на ее южном участке и Яньтайских угольных копей КВЖД местными войсками. А в их обязанности, между прочим, входила охрана железной дороги.

Нападения отрядов ихэтуаней во многих случаях застали вра-

плох строителей и служащих железной дороги. Большинству из них под защитой отрядов охранной стражи удалось благополучно спастись из районов, охваченных «восстанием большого кулака». В таких спасательных операциях отличились полковник Мищенко, который вывел большую партию строителей из Ляояна в Северную Корею, и штабс-капитан Ржевуцкий — с Телинского участка в спокойный город Харбин.

Отступление с линии КВЖД продолжалось около полумесяца, погибло свыше 100 россиян. Но там, где на железнодорожных станциях была возможность обороняться, то такие пункты решено было не сдавать. Но не всегда такие попытки венчались успехом. Так, 23 июня пять железнодорожных служащих и 12 стражников станции Суктунь (между Мукденом и Ляояном) отбивались от нападавших до последнего патрона, затем дрались врукопашную. Пять человек сумели вырваться со станции и к 13 июля доплыли на лодке по реке Ляохэ до Инкоу, остальные погибли в бою.

28 июля 1990 года генерал-губернатор Приамурской области и командующий войсками Приамурского военного округа генерал Н.И. Гродеков обратился с воззванием «К властям и населению Маньчжурской провинции». В документе говорилось следующее:

«Государь Император Всероссийский, снисходя к печальному положению законного китайского правительства и ради устранения опасности, грозящей нашему трудовому русскому народу, работающему над постройкой Восточно-Китайской железной дороги, повелеть соизволил: ввести в Маньчжурию свои войска».

Во время военных событий в Приамурье хорошо проявила пограничная Амуро-Уссурийская казачья флотилия, подчинявшаяся шефу Отдельного корпуса пограничной стражи С.Ю. Витте. В состав флотилии, созданной для борьбы с шайками хунхузов еще в 1897 году, входили пароходы «Казак Уссурийский» (бывший «Шилка») и «Атаман», паровой катер «Дозорный», баржи «Булава» и «Лена». Их экипажи формировались из амурских, уссурийских и забайкальских казаков, знакомых с речным делом. До ихэтуаньского восстания суда орудий не имели.

В боях на линии железнодорожной магистрали особенно отличился 17-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. Отличил-

ся и отряд П.К. фон Ренненкампа, состоявший из 450 казаков и конной батареи, который разбил сперва оборонявшихся китайцев на Малом Хингане, а затем в постоянных перестрелках за три недели прошел 400 километров и с налета взял город Цицикар.

События 1900 года в Маньчжурии, погром КВЖД свидетельствуют о том, что ихэтуаням не удалось организовать здесь массового движения против русских, а главное, возглавить его. Нападения на железную дорогу совершались зачастую солдатами провинциальных армий. На то были веские причины.

В книге В.Г. Дацышена (по всей видимости китайца, принявшего православие) «Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г.» об этом пишется так:

«Ихэтуани в основной своей массе были чужаками, и местное население не спешило довериться им. Кроме того, условия борьбы в Маньчжурии были отличны от Шаньдуна. Главным объектом борьбы ихэтуаней были не столько сами иностранцы, сколько их идеология, их система ценностей, выраженная в форме христианства. Она разрушала китайское общество изнутри. Но русские как раз и не пытались «залезть в душу китайцам», не пропагандировали, не распространяли христианство».

Контроль над КВЖД был восстановлен к 20 августа. Партии строителей и железнодорожные служащие постепенно возвращались в свои места. Но вывод армейских сил из Маньчжурии, по согласованию с Николаем II, военный министр А.Н. Куропаткин затягивал.

К началу ноября 1900 года русские войска, общая численность которых достигла ста тысяч, установили контроль над всей Маньчжурией, то есть над обширной зоной пролегания КВЖД и приграничными уездами. В своем докладе императору Николаю II генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин говорил о потерях в Китайском походе: убитых — 22 офицера и 220 нижних чинов, раненых — 60 офицеров и 1223 нижних чина.

О потерях повстанцев в ходе Ихэтуанского восстания, в том числе и на территории Маньчжурии, достоверных данных нет. Число убитых ни китайская сторона, ни европейцы не подсчитывали. Однако можно утверждать, что потери побежденных многократно превышали потери экспедиционных и русских войск.

Известен, например, один из приказов генерал-лейтенанта П. П. Линевича такого содержания:

«Разгромить Гайчжоу за сожжение станции и мостов (на линии КВЖД. — *Автор.*), наколоть как можно китайцев (то есть ихэтуаней. — *Автор.*), сжигать все беспощадно».

Витте в тех событиях оказался среди членов Кабинета министров едва ли не самым заинтересованным лицом, внимательно наблюдавшим за ходом военных действий в Маньчжурии. Его больше всего волновали вопросы о том, какой ущерб ихэтуани нанесли КВЖД и когда можно было продолжить строительство магистрали. Но в своих мемуарах Сергей Юльевич почти ничего не говорит о погроме боксерами дороги, размахе «восстания большого кулака» и трудностях Китайского похода русских войск, накале боевых столкновений на маньчжурской территории.

Скорее всего, такое умалчивание важных моментов событий в Циньской империи было связано с постоянными столкновениями Витте с генералом от инфантерии А. Н. Куропаткиным. Военный министр, стараясь заручиться каждый раз поддержкой государя, требовал на нужды армии много больше, чем могло дать финансовое ведомство.

На примере Китайского похода 1900 года русских войск Сергей Юльевич убедился в том, насколько обременительными могут быть для казны империи «незапланированные» военные расходы. Экстренные расходы на отправку и содержание экспедиционного корпуса оказались непомерно велики. Всего за несколько месяцев наличный запас Государственного банка России сократился со 100 миллионов фунтов стерлингов до 70 миллионов. А ведь Витте, как министру финансов, приходилось экономить буквально на всем для продолжения строительства Транссибирской железнодорожной магистрали и КВЖД.

События, связанные с участием русских экспедиционных войск в подавлении Ихэтуаньского восстания на территории Маньчжурии, С. Ю. Витте описал предельно кратко, но не забыв «вспомнить» военного министра, дав им следующую оценку:

«В первое время, когда разыгралось боксерское восстание в Маньчжурии, после того как мы захватили Пекин, действительно в Китае были некоторые силы, имеющие подобие сил военных, организованных. Но в скором времени они были уничтожены нашими войсками. Наиболее сильный боксерский отряд нахо-

дился около Мукдена и был побит нашим небольшим отрядом под командой генерала Субботича. Генерал Субботич получил за это Георгиевский крест. Впрочем, он получил Георгиевский крест главным образом потому, что был товарищем Куропаткина, был с ним на «ты».

На заседаниях Кабинета министров, на приемах у государя С.Ю. Витте отстаивал мысль, что надо сделать все для того, чтобы прежние дружественные отношения с Китаем не дали трещину. По его инициативе, поддержанной МИДом, российское правительство демонстративно заявило, что не считает себя находящимся в состоянии войны с Китаем, так как его власти вынуждены были выступить против иностранцев только под давлением вооруженных мятежников. Самым эффективным в мировом циркуляре было предложение ввиду освобождения посольств без промедления вывести все иностранные войска из Пекина. Тогда китайское правительство сможет вернуться в столицу и само окончательно навести порядок в собственном доме.

Союзные державы, и прежде всего Япония, отвергли российское предложение. Тогда, в августе, русские войска и покинули столицу Циньской империи одни. Тем самым Российское государство продемонстрировало свое добрососедство с Китаем. Озабоченные развитием внешнеполитической ситуации на Дальнем Востоке самодержец Николай II, министр финансов С.Ю. Витте и его единомышленники надеялись обрести в соседней империи союзника в ожидавшемся военном столкновении с Японией.

Правительство постаралось отметить доблесть участников Китайского похода. Военнослужащие экспедиционных войск были награждены специальной медалью из светлой бронзы «За поход в Китай: 1900—1901 гг.». Среди награжденных оказались защитники столицы КВЖД города Харбина. Шеф Отдельного корпуса пограничной стражи министр финансов С.Ю. Витте в специальном приказе поздравил тех пограничных стражников, которые удостоились этой награды.

Окончательное подавление Ихэтуаньского восстания ознаменовалось началом в октябре 1900 года переговоров между союзными державами и пекинским правительством. В этих переговорах приняла участие и Россия, экономическим интересам кото-

рой боксеры нанесли огромный материальный ущерб. Только один погром восставшими КВЖД оценивался в 90 миллионов рублей, не говоря уже о военных расходах.

На Циньскую империю была наложена новая контрибуция в 450 миллионов талей серебром, составлявшая в пересчете на российские рубли сумму около 650 миллионов рублей. Свои требования к Пекину о возмещении понесенных в Китае военных расходов выдвинули Россия, Германия, Франция, Великобритания, Япония, США, Италия, Австро-Венгрия, Бельгия, Голландия, Испания, Швеция и Португалия. Но требования последних пяти стран носили скорее символический характер.

Контрибуция выплачивалась в течение 39 лет с начислением четырех процентов годовых. На долю России приходилась пятая часть контрибуции, то есть 130 миллионов лан серебра. На китайские финансы легло тяжелое бремя новых продолжительных выплат после поражения в войне 1894—1895 годов с Японией.

Российская делегация на тех переговорах заняла особую позицию, определенную Витте. Министр финансов представил императору докладную записку по одному из основных вопросов переговоров — контрибуции. Сергей Юльевич предлагал не предъявлять Китаю чрезмерных требований и даже оказать ему поддержку в понижении претензий других стран. Это он объяснял тем, что большая внешняя задолженность Китая прежде всего выгодна тем державам, которые могли представить Пекину новые займы и, таким образом, усилить здесь свое влияние. Речь шла, разумеется, о Великобритании.

Такая позиция Россия в вопросе контрибуции позволяла ей рассчитывать, что за подобную услугу китайское правительство пойдет на выгодное для нее урегулирование отношений в Маньчжурии. Ради такого урегулирования можно было вообще отказаться впоследствии от своей доли контрибуции. Николай II одобрил такой подход министра финансов, и российская делегация на переговорах получила соответствующие указания.

Китайские власти обязывались казнить захваченных в плен с оружием в руках повстанцев-ихэтуаней, в том числе и мятежных высших сановников (многие из них, как люди из знати, были приговорены к самоубийству). В укрепленном Посольском квартале в центре столицы запрещалось селиться китайцам, полную ответственность за его охрану принимало на себя пекинское

правительство. Для сооружения Посольского квартала было снесено 1400 домов горожан. Форты Дагу подлежали уничтожению. В течение двух лет в страну запрещался ввоз оружия.

Переговоры сопровождались упорной дипломатической борьбой, в том числе и по «банковским каналам». России удалось отстаивать свои интересы в Маньчжурии, связанные прежде всего с КВЖД и Порт-Артуром. Политика «открытых дверей» на маньчжурской территории не действовала, как и в других областях Китая. Санкт-Петербург получил здесь поддержку Берлина. Токио и Лондону пришлось отступить.

Продолжая переговоры с китайским правительством, российская дипломатия в обмен на вывод русских войск из Маньчжурии стремилась добиться там для России привилегированного положения. Через «главного начальника» Квантунской области адмирала Е.И. Алексеева российское правительство заключило 9 ноября 1900 года «местное соглашение» с цзяньцзюном обширной Мукденской провинции Цзенем. Это соглашение ставило китайского генерал-губернатора по сути дела под русский протекторат.

После этого Санкт-Петербург попытался подписать новое межгосударственное соглашение с Пекином. Но в Китае не сложились с его обсуждением на официальном уровне. Вокруг новой дальневосточной инициативы российского правительства развернулась дипломатическая борьба. Россия продолжала добиваться от Китая нового соглашения по вопросу о Маньчжурии. Однако представители циньского правительства князь Цин и Ли Хун Чжан настаивали на восстановлении там императорской власти и выводе русских войск. Против этого выступал военный министр А.Н. Куропаткин, считавший, что для охраны КВЖД следует оставить 8—10 батальонов пехоты.

После погрома ихэтуанями большей части КВЖД вопрос о безопасности магистрали, станционных поселков стоял достаточно остро. Российское правительство попыталось решить проблему «традиционным» способом, то есть созданием военных поселений в полосе отчуждения железной дороги. Автором такой идеи выступил приамурский губернатор генерал Н.И. Гродеков. В докладной записке, поданной на имя императора Николая II, он предлагал:

«Заселить полосу отчуждения (КВЖД. — Автор.) русским эле-

ментом, способным найти силу хотя бы для первоначальной защиты линии от вооруженных нападений, так как охранная стража, разбросанная по всей территории КВЖД, численно недостаточна в каждом ее пункте».

Гродеков был членом Государственного совета и хорошо знаком государю, у которого пользовался большим доверием. Поэтому Николай II без лишней волокиты поручил Военному ведомству, Министерству финансов и земледелия разработать проект создания казачьих станиц и солдатских слободок вдоль всех веток КВЖД. Подобный опыт последний раз использовался в Туркестане, в районе крепости Кушка и при создании из части Сибирского казачьего войска нового, Семиреченского, которое взяло на себя охрану государственной границы с китайским Туркестаном.

Для заселения трассы железной дороги первоначально предполагалось привлечь сюда забайкальских казаков, прежде всего из числа верхнеудинских бурят, и подлежащих увольнению в запас нижних чинов экспедиционных войск, уже пообвыкших к условиям Маньчжурии. То есть было кого селить и было где создавать поселения людей военных. Тем более что казаки-забайкальцы уже стали в недавнем времени родоначальниками Амурского и Уссурийского казачьих войск.

Пахотная земля для поселенцев на первое время имелась в достаточных размерах. Им должна была выделяться земля, которую в 1903—1905 годах Россия получила от китайской стороны в концессию на правах длительной аренды. Она выделялась из следующего расчета: по три тысячи десятин при каждой станции на западной и восточной линиях КВЖД и по 600 десятин — при станциях южной линии Харбин — Порт-Артур.

План приамурского генерал-губернатора, с которым был согласен и С.Ю. Витте, остался на бумаге в самом начале его реализации. Правда, уже в ходе русско-японской войны этот план получил новое развитие. Государственный контролер П.Х. Шваннебах внес в Комитет министров собственный проект раздачи земель в «Азиатской России» военнотружущим Маньчжурской армии. Под Азиатской Россией понималась «Желтороссия», то есть Маньчжурия. Расчет выделяемой под заселение земли был таков: штабс-офицерам — по 400 десятин, обер-офицерам — по 200 десятин, нижним чинам — по 50 десятин.

Однако желающих поселиться в «Желтороссии» нашлось не так уж и много, благо через Амур и Уссури на российской территории имелось более чем достаточно свободных земель для переселенцев. Тогда Общество Китайско-Восточной железной дороги начало ежегодно выделять из своего бюджета по 200 тысяч рублей в качестве материальной помощи для первых поселенцев в полосе отчуждения дороги. Эти деньги предназначались для покупки сельскохозяйственного инвентаря и возведения домов, хозяйственных построек. Земельные участки предоставлялись с правом первые десять лет не платить за их аренду.

Командование Маньчжурской армии в ходе русско-японской войны проводило «выявление» таких желающих поселиться на маньчжурской земле для защиты КВЖД. Всего было зарегистрировано 2518 военнослужащих, пожелавших после победного окончания японской войны стать арендаторами земли у Общества Китайско-Восточной железной дороги, пахать землю и не расставаться с оружием.

В книге В.Г. Дацышена «Русско-китайская война. Маньчжурия» дается следующее «заключение» по проектам Н.И. Гродекова и П.Х. Шванебаха, которые получили одобрение императора Николая II и министра финансов С.Ю. Витте: «Позорный для России Портсмутский мир с последовавшей за ним уступкой Японии Порт-Артура и южной ветки КВЖД, эвакуация русских войск из Маньчжурии похоронили грандиозные планы военной колонизации «Желтороссии». Россияне, создавшие в полосе отчуждения построенной ими гигантской железнодорожной магистрали свою, русскую цивилизацию, так и не стали на этой земле хозяевами».

Знала ли китайская сторона о таких планах? Безусловно, знала. Собственно говоря, против охраны железной дороги и борьбы на линии КВЖД с бандами хунхузов российской стороной китайское правительство особых возражений не высказывало. Но оно продолжало настаивать на выводе иностранных войск, в том числе и Российской империи, со своей стороны.

Российская сторона держала свои требования в ходе дипломатических раундов в секрете. Не в ее интересах было предавать их гласности. Иначе поступила другая сторона за столом переговоров: дипломаты императрицы Цы Си решили ударить «варварами по варварам». Требования Санкт-Петербурга были дове-

лены до сведения других держав. Ввиду этого в феврале 1901 года в Пекине последовал совместный протест посланников Японии, Англии и США против договора, который закреплял бы русское влияние в Маньчжурии. Они заявляли, что это ущемляет их интересы в Китае.

Япония уведомила Пекин, что готова встать на сторону Поднебесной империи в случае ее военного конфликта с Россией из-за Маньчжурии. Это были не пустые слова. В.В. Корсаков в своей книге «В проснувшемся Китае. Дневник-хроника русской жизни перед русско-японской войной», которой С.Ю. Витте дал высокую оценку, писал с большим знанием дела:

«Японцы — и это резко бросается в глаза всякому, как европейцу, так и китайцу, — внесли в Китай свою нервно-подвижную, деловую, обдуманную и строго рассчитанную деятельность. Хотя японцы и примкнули к европейцам, но в Китае, не исключая и Пекина, они живут своею обособленною, замкнутою от европейцев жизнью, сближаясь лишь с китайским населением во всех его общественных слоях.

Японцы поставили себе целью подчинить Китай своему влиянию и достигают этой цели всеми средствами. Образование китайского юношества — в руках японцев, так как учителя во вновь открываемых школах, профессора в университетах — в большинстве японцы, инструкторы в китайской армии — японцы. Издатели многих китайских газет, направляемых на борьбу с русскими интересами, — японцы, и основатели многих рабочих домов, общественных учреждений, как, например, типографий, литографий, книжных лавок, — японцы.

Японская промышленность нашла для себя в Китае обширный сбыт. Повсюду можно встретить японские товары. Но японцы смогли найти для себя в стране и новую деятельность. Они в Китае не добиваются концессий, не организуют синдикатов, не требуют от китайского правительства отчуждения территорий, но мирными путями арендуют большие участки земли, садятся на них и начинают заниматься культурой китайского табака. Японцы нашли, что китайский табак составит превосходный материал для приготовления сигар. И благодаря внимательной предприимчивости японцев создается новая промышленность в стране, а японцы развивают и укрепляют свое влияние и свое экономическое господство.

Несомненно, что, идя тихими, но твердыми шагами, японцы удержали бы над Китаем свое влияние и свое значение, но нервность народа и особые политические влияния в стране не могли остановиться на мирной культурной борьбе и вызвали то боевое настроение, за которым «пахнет порохом». Что они (японцы. — *Автор.*) поставили на карту в Китае все свое значение, это неоспоримо».

В Токио стали понимать всю выгодность войны с Россией как можно скорее, пока не закончено строительство Сибирской железной дороги и КВЖД. Но Страну восходящего солнца сдерживала лишь собственная финансовая слабость, а также опасение, как бы Россию не поддержали Германия и Франция, как это случилось в 1895 году.

Пекин продолжал настаивать на выводе русских войск из Маньчжурии согласно достигнутой договоренности с союзными державами. Взявший в свои руки переговорный процесс, С.Ю. Витте встречался с китайским уполномоченным Ян Ю, вел телеграфные переговоры со своим старым знакомым Ли Хун Чжаном. При всей «податливости» высокопоставленных китайских чиновников вопрос решался достаточно туго. К тому же тревожило то, что циньское правительство все чаще стало обращаться за дипломатическим содействием к Лондону и особенно Токио.

Чтобы как-то сгладить разногласия в ходе переговоров, Россия пошла на возвращение Китаю южноманьчжурских железнодорожных линий. Речь шла о линии Шаньхайгуань — Инкоу — Синминтин. Такие рекомендации государю высказало Особое совещание в составе Витте, министра иностранных дел В.Н. Ламсдорфа и начальника Главного штаба генерала В.В. Сахарова, который представлял военного министра. При этом оговаривалось, что передача железнодорожных линий должна оговариваться условиями, обеспечивающими сохранение за Россией преобладающего влияния в Южной Маньчжурии.

Для обеспечения переговоров с Пекином, российский министр финансов встретился с японским послом в Санкт-Петербурге и имел с ним частную беседу. Чтобы расположить к себе Токио, Витте пообещал ему оказать содействие в получении большого займа у Франции. Кроме того, Сергей Юльевич дал понять, что его страна готова согласиться на фактический ад-

министративный, полицейский и финансовый контроль Японии в Корею в обмен на официальное признание своего преимущественного положения в Маньчжурии. Но при этом Корея должна была оставаться нейтрализованной.

Витте выступал за постепенный вывод русских войск из Маньчжурии. При этом охранная стража (Заамурский округ Отдельного корпуса пограничной стражи) должна была надежно обеспечивать безопасность КВЖД. Однако против этого выступал генералитет Военного ведомства, и прежде всего генерал А.Н. Куропаткин, царский наместник на Дальнем Востоке адмирал Е.И. Алексеев и командующий войсками, находившимися на маньчжурской территории, генерал Н.П. Линевиц.

Благодаря усилиям Витте и Ли Хун Чжану, которому обещалось за содействие 300 тысяч рублей, переговорный процесс подходил к завершению. По проекту российской стороны постепенный вывод русских войск с китайской территории производился в обмен на заключение циньским правительством с Русско-Китайским банком особого соглашения о концессиях в Маньчжурии. Условия этого соглашения были разработаны в ведомстве Витте. Казалось, что проблема разрешилась.

Однако секретные переговоры России с Китаем получили огласку. Посольства ряда держав начали вмешиваться в достижение договоренности двух соседних государств. На Дальнем Востоке наметился англо-японский союз антироссийской направленности. В довершение всего, скоропостижно скончался Ли Хун Чжан, человек, во многом определявший внешнюю политику Пекина на протяжении всех последних лет. Его преемник Ван Вэн Шао занял более жесткую позицию, добиваясь эвакуации русских войск из Маньчжурии в годичный срок. Пекин вскоре отказался и от соглашения с Русско-Китайским банком. В итоге переговоры затягивались и заходили в тупик.

Все же российской дипломатии и «банковской дипломатии» С.Ю. Витте удалось достичь нужного успеха. В марте 1902 года был подписан договор между Россией и Японией, по которому русские войска должны были покинуть Маньчжурский край поэтапно, в течение полутора лет. По мере их ухода части китайской императорской армии (армии местных генерал-губернаторов) возвращались на старые места своего квартирования.

Как бы там ни было, в воздухе Дальнего Востока запахло порохом. Российская сторона, понимая ситуацию, стала ускоренными темпами отстраивать морские крепости Порт-Артур и Владивосток.

2

СТРОИТЕЛЬСТВО ПОРТ-АРТУРА

В Санкт-Петербурге не без оснований надеялись на то, что морские крепости Порт-Артур и Владивосток своей мощью станут сдерживающим фактором для японской агрессии.

Порт-Артур, как морская крепость, занимал на Желтом море чрезвычайно выгодное положение: Ляодун прикрывал южную Маньчжурию. Отсюда русский флот мог держать под ударами Корейский и Печилийский заливы Желтого моря, по которым проходили важнейшие коммуникационные линии японской армии, в случае ее высадки в Маньчжурии.

Однако сооружение Порт-Артурской крепости велось медленными темпами и не было завершено к началу русско-японской войны. Возведение полностью главного опорного пункта российских морских сил на Квантунском полуострове на эти годы даже не планировалось и рассматривалось к финансированию по сметам государственного бюджета.

Порт-Артур, став российской арендованной территорией, быстро рос как город. На 1 января 1904 года в нем, наряду с военными, проживало многочисленное гражданское население, в том числе: русских — 15 888 человек, китайцев — 35 256, японцев — 659, других иностранцев — 603 человека.

Как главная база броненосной Тихоокеанской эскадры Порт-Артур оборудован был плохо. Внутренняя гавань для стоянки кораблей была тесна, мелководна, имела всего один выход, причем очень узкий и мелкий. Эскадренные броненосцы могли выходить в море и возвращаться в гавань только во время прилива и, как правило, при помощи буксиров.

Якорная стоянка на внешнем рейде в силу своей незащищенности допускала возможность ночной минной (торпедной) атаки неприятеля. Главное, морская крепость оказалась слабо защищенной с суши.

Смета на строительство военно-морского порта была представлена на подпись Николаю II еще в 1899 году. Работы же начались только в 1901 году, после подавления Ихэтуаньского восстания. Они разделялись на два этапа, причем первый из них был рассчитан на восемь (!) лет. Естественно, что Япония не стала ждать.

Поэтому из-за длительности сроков крепостного строительства, например, порт-артурский порт к началу боевых действий не имел ни доков для ремонта кораблей-броненосцев, ни углубленного внутреннего (западного) бассейна. Не было молов и даже бонного заграждения внешнего рейда.

Автор первого проекта сооружений крепости генерал-лейтенант Конович-Горбачкий считал, что Порт-Артур будет осажден противником в самом начале войны, что и соответствовало действительности. Он предлагал для защиты города и флота от артиллерийского огня с суши вынести пояс фортов к северу и северо-западу, оставив в расположении крепости командные высоты. То есть речь шла о создании по-европейски мощной, современной крепости с внушительными фортификационными сооружениями и хорошо вооруженной.

Авторитетные чиновники куропаткинского Военного ведомства, рассматривавшие проект Коновича-Горбачкого, не согласились с ним. Свое несогласие они мотивировали тем, что удлинение линии фортов потребует много артиллерийских орудий крупных калибров и больших материальных затрат на фортификационные работы. То есть все упиралось в вопросы финансирования строительства морской крепости, в позицию всесильного министра финансов С.Ю. Витте.

В итоге, после долгих и жарких споров, был утвержден гораздо более дешевый проект, подготовленный военным инженером полковником К.И. Величко. По этому проекту на приморском фронте протяженностью до девяти километров намечалось построить 27 батарей долговременного типа, а на сухопутном фронте протяженностью до 22 километров — 8 фортов, 9 укреплений, 6 долговременных батарей и 8 редутов. То есть о сплошной линии мощных фортификационных сооружений в виде фортов в утвержденном плане не велось и речи. Сухопутный фронт имел внешнюю и внутреннюю оборонительные линии.

По расчетам полковника Величко на вооружении Порт-Артурской крепости намечалось иметь 552 артиллерийских орудий различных калибров и 48 пулеметов. Пулеметы системы «Максим» только начинали поступать на вооружение русской армии и крепостных гарнизонов.

Численность порт-артурского гарнизона первоначально определялась в 11 300 человек.

«Экономические соображения» полковника инженерных войск Величко, получившие одобрения Министерств финансов и военного, утвержденные императором Николаем II, привели к «революционному» изменению взглядов на фортификационные сооружения. Заметно уменьшалась толщина перекрытий бетонных сводов погребов боеприпасов — до 1,5 метра, убежищ для гарнизонов фортов и других крепостных укреплений — до 0,9 метра. При этом Величко и его прямое начальство исходили из того, что у противника никак не могло быть более 40 осадных орудий калибром более 122 миллиметров.

По проекту строительства Порт-Артурской крепости ее сооружения были рассчитаны на защиту от снарядов калибром не более 230 миллиметров. В то время как в японской армии на вооружении состояли тяжелые 280-мм мортиры. Осуществление проекта планировалось завершить в 1909 году.

Витте стремился экономить на всем, в том числе и на будущей русско-японской войне. Поэтому фортификационные сооружения Порт-Артура строились чрезвычайно медленно. Особенно в сравнении с крепостями на полях Европы, к примеру, с линией Мажино во Франции. К тому же во главе строительства крепости оказались люди нечестные, привлеченные впоследствии за финансовые злоупотребления к уголовной ответственности.

К началу японской войны на приморском фронте Порт-Артурской крепости было возведено всего 9 батарей долговременного типа и 12 временных. Еще хуже обстояли дела на сухопутном фронте крепости: там был построен только один-единственный форт, 3 временных укрепления и 3 литерных батареи. В постройке находились 3 форта, литерная батарея и несколько других, менее значительных укреплений. Сооружение других фортификационных объектов даже не начиналось.

Неблагополучным было положение дел с вооружением рус-

ской крепости, вставшей на берегу Желтого моря. К февралю 1904 года крепость имела на вооружении всего 116 орудий, готовых к открытию огня. Из них на морском направлении было установлено 108 орудий преимущественно крупных калибров, а на сухопутном фронте — только 8 орудий.

В дальнейшем количество орудий было увеличено: к началу обороны крепости на сухопутных батареях уже имелось 274 артиллерийских ствола (по плану их должно было быть 399).

Экономия на сооружении Порт-Артурской крепости отразилась не только на темпах ее возведения, артиллерийской вооруженности, но и на боевых запасах. Некоторые исследователи считают положение со снарядами «ужасным». Действительно, к началу войны для пяти 254-миллиметровых орудий имелось всего 295 бронебойных снарядов и 495 чугунных снарядов. Фугасные стальные снаряды вообще отсутствовали. Крепостным артиллеристам в ходе обороны Порт-Артура приходилось заимствовать боезапас у кораблей Тихоокеанской эскадры.

В России были люди, которые, как военные профессионалы, тревожились за состояние морской крепости на Ляодунском полуострове. Один из них, вице-адмирал Степан Осипович Макаров, еще в марте 1900 года подал в Главный Морской штаб секретную записку «Мнение об организации обороны Порт-Артура». Среди прочего в ней говорилось о явно недостаточной вооруженности крепости:

«Сухопутная оборона Порт-Артура 22 версты, местность крайне пересеченная, и на нее назначают лишь 200 орудий, хотя подкомиссия, проектировавшая вооружение Порт-Артура, требовала 447 орудий. Представляется существенная опасность, чтобы полумера эта не имела пагубных последствий».

Официальный Санкт-Петербург заботился о готовности к предстоящему военному конфликту на Дальнем Востоке. Это тревожило и С.Ю. Витте, который продолжал изыскивать новые средства для ускорения завершения строительства Сибирской железнодорожной магистрали и КВЖД. Инспекции Министерства финансов не раз проверяли ход работ, в том числе и целевое назначение финансовых вливаний в крепостное дело.

Толчок к наращиванию темпов сооружения Порт-Артурской крепости дал маркиз Ито, официальный посланник японского императора, посетивший Санкт-Петербург в ноябре 1901 года.

Бывший премьер-министр был известен как противник войны с Россией. Формально целью визита высокопоставленного государственного деятеля, хотя и ушедшего в отставку, являлось налаживание более дружественных контактов между двумя империями.

Маркизу Ито было заявлено, что главный интерес России в Корее заключается в свободе плавания по Цусимскому проливу. Правда, признавая за Японией «право» вводить в Корею свои войска, российское правительство требовало ограничения их численности и сроков пребывания в этой стране и «чтобы Корея не использовалась для стратегических целей».

Однако о какой-то дружественности говорить пока не приходилось, поскольку японская сторона организовала подобный визит в Лондон, с которым у России отношения последнее время не ладилось. Более того, Британия все более и более ясно давала понять всем в Европе, что именно она является защитницей Японии. Миссия маркиза Ито была лишь средством нажима на Англию. Перспективы русско-японского соглашения должны были побудить ее заключить союз с Японией для войны против России.

Витте в ходе тех международных согласований оказался в правительстве одним из немногих министров, которые желали наладить с Японией действительно добрососедские отношения, которые хотели избежать неизбежного военного конфликта двух держав у которого с маркизом Ито наладилось взаимопонимание. Но их совместные усилия по разрядке напряженности успеха не имели. Да и вряд ли могли иметь в той ситуации. Витте писал:

«Ито был встречен в Петербурге весьма холодно. Он представлялся Его Величеству, был у министра иностранных дел, но никаких особых знаков внимания или радушия ему оказано не было. Со мной он вел несколько раз продолжительные беседы так как знал, что я являюсь ярым сторонником соглашения с Японией, предвидя, что если мы не заключим такого соглашения, то произойдут на Дальнем Востоке катастрофы, результаты которых предсказать нельзя».

Так свидетельствовал в своих мемуарах С.Ю. Витте. Совсем иное говорили о встрече маркиза Ито в российской столице японские дипломаты. Один из них, Исии, сообщал в Токио:

«Русские деятели и сам царь устроили маркизу Ито более чем

королевский прием. Они говорили с ним о политических вопросах и заняли чрезвычайно благожелательную позицию».

Маневры японской дипломатии увенчались успехом, что приписывал и Витте. 30 января 1902 года Англия и Япония подписали союзный договор. В его первой статье обе стороны признавали друг за другом право на вмешательство во внутренние дела Китая и Кореи для защиты своих интересов, «если им будут угрожать либо агрессивные действия какой-либо другой страны, либо беспорядки, возникшие в Китае или Корее».

Статья вторая обязывала каждую из сторон соблюдать строгий нейтралитет, если другая сторона, защищая свои интересы в Китае или Корее, окажется в состоянии войны с третьей державой. В случае войны одного из союзников с двумя и более державами договор обязывал другую договаривающуюся сторону оказать военную помощь.

Договор давал Японии возможность начать войну с Россией в уверенности, что ни одна держава не окажет противнику вооруженной поддержки из опасения войны уже не с одной Японией, но и Британией. Вместе с тем Токио была обеспечена финансовая помощь Лондона. В ответ на англо-японский союзный договор Россия заключала подобный с Францией, но союзная декларация имела малообязывающий характер. Когда на Дальнем Востоке началась война, то Париж своему союзнику помощи не оказал.

В российском МИДе не решились самостоятельно «определиться» в отношении визита маркиза Ито. Тогда глава российского внешнеполитического ведомства запросил мнения трех министров: военного, морского и финансов. Из них только один С. Ю. Витте высказался за «желательность покончить дело с Японией». Так ничего серьезного и не добившись в городе на Неве, маркиз Ито убыл в Берлин, продолжив там свою официальную поездку по европейским столицам.

Визит маркиза Ито встревожил императора Николая II и его ближайших советников. В конце лета 1902 года у него состоялся доверительный разговор с министром финансов, итогом которого стала служебная командировка Витте на Дальний Восток с посещением Порт-Артура и Владивостока. То есть самодержец хотел глазами Сергея Юльевича познакомиться с истинным

положением вещей. Сам Витте, среди прочего, желал ознакомиться с ходом прокладки КВЖД и Транссиба.

Итогом дальневосточной поездки стал доклад государю. Основные его положения тот услышал от министра финансов Ливадии, а весь доклад был написан уже в Санкт-Петербурге. Известно, что увиденное Витте на Дальнем Востоке не настроило императора на благодушный лад.

Извлечения из виттевского доклада были вскоре опубликованы в «Правительственном вестнике». Но весь материал, разумеется, «обнародованию не подлежал». Все же после заключения Портсмутского мира с Японией в 1905 году большая часть доклада Витте увидела свет. В «Воспоминаниях» о своей командировке С.Ю. Витте писал на удивление немногословно:

«Я совершил путешествие на Дальний Восток, был в Порт-Артуре, во Владивостоке, в Дальнем, совершенно ознакомился с тем, что там делается, на дальней окраине. И из всего моего осмотра вывел мрачные заключения».

Витте, лично пристрастно относившийся к русско-японской войне и особенно к ее итогам и последствиям, дополнял вышесказанное таким утверждением, которое часто встречается на страницах его мемуаров:

«Если бы угодно было принять во внимание мои мнения и указания, то мы избегли бы ужасной и несчастнейшей японской войны и всех последствий, от того происшедших».

По указанию монарха летом 1903 года российский военный министр инспектировал войска, расквартированные на Дальнем Востоке. Генерал А.Н. Куропаткин тщательно ознакомился с оборонительными сооружениями Порт-Артурской морской крепости. По возвращении в Санкт-Петербург в докладе императору Николаю II глава Военного ведомства писал:

«Укрепления Порт-Артура подходят к концу и сделают его при достаточном гарнизоне и запасах неприступным с моря и с суши. Гарнизон Квантуна усилился в значительной степени. Нынче можно не тревожиться, если даже большая часть, например, японской армии обрушится на Порт-Артур. Мы имеем силы и средства отстоять Порт-Артур, даже борясь один против 5—10 врагов.

Дальнейшие работы дадут возможность найти безопасное убежище всей нашей Тихоокеанской эскадры. Уже и ныне эти

скадра может смело мерить свои силы со всем флотом Японии с надеждою на полный успех. Таким образом, Порт-Артур, обеспеченный с моря и с суши, снабженный сильным гарнизоном и поддержанный могущественным флотом, представляет вполне самостоятельную силу. Запасов собрано столько, что наши войска успеют собраться в Маньчжурии, нанести решительное поражение противнику и освободить осажденный или блокированный Порт-Артур.

Два года назад, даже год тому назад, мы могли тревожиться оторванностью Порт-Артура от России и Приамурья. Теперь можно и не тревожиться».

С Куропаткинским докладом по итогам инспекционной поездки на Дальний Восток были ознакомлены главы ведущих ведомств, в том числе и С.Ю. Витте. У него не последовало серьезных вопросов к вышеизложенному, хотя он, как министр финансов, достаточно хорошо знал, что сметы на крепостное строительство Порт-Артура и Владивостока еще далеко не профинансированы. И что многое из запрашиваемых средств еще не найдено в доходных статьях государственного бюджета.

Скорее всего, у Сергея Юльевича были все основания усомниться в объективности оценок военного министра. И была возможность изложить свои сомнения перед монархом. Думается, что Витте такой возможностью воспользовался, хотя в мемуарах он на это прямо и не указывает.

Все еще находившийся в блеске скобелевской славы генерал А.Н. Куропаткин, как военный министр Российской империи и в скором времени командующий русской Маньчжурской армии, безусловно, переоценивал силы и возможности отечественных вооруженных сил на Дальнем Востоке. Равно как он и недооценивал реального противника — армию и флот Японской империи. И словно не видел, что японская военная сила с ее планами на ближайшее будущее пользуется откровенной поддержкой в ряде европейских столиц.

Как и в Порт-Артуре, вяло велись работы и по укреплению обороноспособности морской крепости Владивосток. Причины здесь крылись не только в нехватке средств. В Порт-Артуре не было проблем с дешевой рабочей силой: тысячи и тысячи безработных китайцев шли в землекопы и носильщики (кули). В Приморье такой рабочей силы почти не находилось. Поэтому

в строительных, фортификационных, железнодорожных работах широко использовался солдатский труд.

Фортификационное строительство во Владивостоке значительно отставало от планового. Особенно тревожно это выглядело на острове Русском, который прикрывал вход в бухту Золотой Рог. Город, обладавший хорошо защищенной глубоководной внутренней гаванью, имел большую перспективу в будущем. Но оборонять Владивосток со стороны моря могли только форты и батареи острова Русский.

По переписи 1897 года, в организации которой министр финансов С.Ю. Витте принял самое деятельное и заинтересованное участие, во Владивостоке, кроме людей военных, проживали 21 тысяча русских, тысяча корейцев и японцев и пять тысяч китайцев. Выход к Владивостоку конечной ветки Китайско-Восточной железной дороги должен был придать развитию портового города мощный импульс.

По утвержденному Николаем II плану фортификационного строительства, Владивостокский крепостной район разделялся на две обособленные части. Первой был обширный полуостров Муравьева-Амурского, вытянутый с северо-востока на юго-запад. Второй частью являлся остров Русский, отделенный от материка нешироким проливом Босфор Восточный. Глубоководная бухта Золотой Рог, хотя и небольшая по размерам, являлась удобнейшей стоянкой для военных кораблей, в том числе броненосных.

В крепости имелись семь деревоземляных укреплений с двойными валами, построенными еще в 1878—1880 годах. Четыре из них располагались на высотах, непосредственно примыкающих к городу с севера, и два на полуострове Саперный острова Русский. С годами эти временные городские укрепления из-за частых сильных ливней и штормовых ветров серьезно обветшали и были по сути дела заброшены.

Российское Министерство финансов достаточно прохладно отнеслось к мысли одновременного строительства на Дальнем Востоке двух мощных морских крепостей. Российская казна откровенно не выдерживала таких перегрузок. В силу этой главной причины накануне войны Владивостокская крепость находилась в явно неудовлетворительном состоянии. Военный министр А.Н. Куропаткин, посетивший Владивосток, со всей откровен-

ностью записал в своем дневнике следующее впечатление от увиденного:

«Общее впечатление неблагоприятное — не вижу идеи в применении к местности. Сажали батареи и укрепления там, где по местности это было выгодно, не связывая общей идеей то, что делали Артиллерийское вооружение в общем устаревших образцов».

Все же инспекционное посещение военным министром Владивостока имело позитивный результат. Был принят ряд мер по усилению крепости, однако намеченные фортификационные работы к началу русско-японской войны не были завершены. Причин виделось несколько: нехватка денег (Министерство финансов так и не смогло найти их в достаточном количестве), рабочих рук, самых различных материалов и артиллерийского вооружения для создаваемой морской крепости.

Главная линия обороны Владивостока проходила в 3—5 километрах от города. Она состояла из северного и восточного фронтов, имела ряд укреплений, соединенных между собой непрерывной оградой. С суши и со стороны Японского моря оборона города-крепости опиралась на пять фортов, три люнета, два редута, два временных укрепления и 11 открытых артиллерийских батарей. Во время русско-японской войны в крепости было сооружено много окопов, блиндажей и других сооружений полевой фортификации.

Сильным от природы фортпостом Владивостокской крепости был остров Русский, с крутыми, обрывистыми берегами и с несколькими удобными, защищенными со стороны моря бухточками. В северной части острова Русский были сооружены два форта и пять открытых артиллерийских позиций. Близость к городу позволяла в трудную минуту усиливать островной гарнизон, а созданная система наблюдения и оповещения гарантировала безопасность от внезапного появления вражеского флота перед морской крепостью.

Главная линия крепостной обороны по своей дальности не обеспечивала защиту города Владивостока от артиллерийского обстрела с моря. На вооружении крепости состояло 400 орудий, но из них крепостных, крупнокалиберных было только 80. Современных артиллерийских систем набиралось совсем мало.

Причина такой артиллерийской вооруженности Владивостокской крепости крылась в следующем. Крепости, которые прикрывали западную границу России, находились в гораздо более привилегированном положении. Туда и поступала почти вся современная крепостная артиллерия, а Владивосток и отчасти Порт-Артур снабжались по остаточному принципу. Военное ведомство, его артиллерийское управление старалось морально устаревшие орудия, хранившиеся на всякий случай в арсеналах, «сплавлять» на Восток, не встречая при этом противодействия властей.

К началу войны финансовое ведомство империи выделяло недостаточно денежных сумм для обеспечения войск, расквартированных на Дальнем Востоке, военными материалами, запасными частями и боеприпасами. Особенно показательными в этом отношении стали ничтожные запасы вооружения, сосредоточенные до войны в Читинском и Хабаровском арсеналах. На их складах имелось: орудий пешей артиллерии — 16, горной — 16, мортир — 3, винтовок — 36 100, револьверов — 500, шашек — 1600. Эти запасы были израсходованы уже в самом начале русско-японской войны, их хватило только на первые воинские формирования из призванных на войну запасников-сибиряков.

Такая ситуация вполне устраивала Министерство финансов. Военное ведомство не требовало у казны значительных сумм денег для замены старых систем крепостной артиллерии на Дальнем Востоке на более современные и потому дорогостоящие. Туда отправлялись орудия устаревшие, полнившие собой армейские склады. По такому поводу ни С.Ю. Витте, ни генерал А.Н. Куропаткин в колокола тревогу не били. Первый старался на все экономить казенные деньги, у второго на случай войны уже вызрели «шапкозакидательские» настроения.

Официальный Санкт-Петербург во многом успокаивали верноподданнейшие донесения командующего войсками Приморского военного округа генерала Н.И. Гродекова. Состояние Владивостокской морской крепости перед войной он констатировал следующим образом:

«Вообще в отношении приморской обороны крепости нет никакого сравнения с тем, что представлял собою Владивосток в 1895 году, когда ожидался разрыв с Японией.

Пассивные оборонительные средства Владивостока за последнее время значительно развились».

Помимо Порт-Артура и Владивостока на театре будущих военных действий имелся еще и Гиринский форт, вооруженный четырьмя 6-дюймовыми крепостными мортирами и двумя 9-фунговыми пушками. Он прикрывал удобный путь из Маньчжурии в Приморье. Гиринский форт, равно как и большинство порт-артурских укреплений, сооружался руками наемных китайских рабочих.

Существовало еще два проекта крепостного строительства. Они касались оборудования и вооружения укреплений залива Посыет и города Николаевска, защищавших соответственно Новогеоргиевскую бухту и устье Амура. В Главном штабе резонно считали, что при размахе военного конфликта с Японией с ее морской силой, боевые действия могли развернуться и в этих точках российского тихоокеанского побережья. То есть речь шла о возможных артиллерийских бомбардировках со стороны моря и высадках неприятельских десантов.

Однако эти проекты к началу японской войны так и остались на бумаге: сметы на них в Министерстве финансов не рассматривались. Более того, Военное ведомство на том и не настаивало. Если не настаивало, то, как рассудили в ближайшем окружении С.Ю. Витте, Российская империя в излишних фортификационных стройках на Дальнем Востоке и не нуждалась. Такое мнение людей сугубо гражданских себя оправдало. Пожар русско-японской войны не коснулся ни залива Посыет, ни устья Амура, ни города Николаевска.

3

БЕЗОБРАЗОВСКАЯ КОМПАНИЯ

Вполне возможно, что русско-японский военный конфликт для истории имел бы некую отсрочку, если бы не одно обстоятельство субъективного характера. Связано оно было с коммерческой деятельностью отставного офицера самого привилегированного в русской гвардии Кавалергардского полка, действительного статского советника Александра Михайловича Безобразова и его компаньонов. Это сообщество по имени своего

лидера получило в отечественной истории название «безобразовской клики».

Безобразов стал примечательной личностью николаевского времени. Закончив столичное Николаевское кавалерийское училище, он недолгое время служил сперва в лейб-гвардии Гусарском, затем в Кавалергардском полку. Одно время входил в «Священную дружину», был членом ее Исполнительного комитета и попечителем железнодорожной агентуры. В 90-х годах служил в Иркутском отделении Главного управления казенного коннозаводства. Вернувшись из Сибири в столицу, Безобразов уже «имел» собственный взгляд на экономическую деятельность России в сопредельных странах — Китае и Корее.

Свою деятельность «безобразовская клика» начинала так. В 1898 году группа лиц из дворцового окружения императора Николая II образовала акционерное общество для эксплуатации естественных богатств Кореи и Маньчжурии. Наиболее видную роль в нем играл отставной кавалергард. Члены общества акционеров использовали свои высокие связи при дворе для получения из Государственного банка безвозвратных сумм под строительство различных предприятий на Дальнем Востоке, по ту сторону российской границы.

В состав «безобразовской клики» входили люди, чьи имена были известны в стране своей знатностью и богатством. Это были князья Юсупов и Щербатов, графы Воронцов-Дашков, адмирал Абаза, крупные помещики, царский егермейстер Балашов, Родзянко, Воронцов, а также великий князь Александр Михайлович. Именно им принадлежали основные капиталы акционерного общества. Именитых акционеров было бы гораздо больше, но многих останавливало то обстоятельство, что «интригу Безобразова» (так называл коммерческую предприимчивость отставного кавалергарда сам Витте) не поддерживал министр финансов.

Пользуясь своим несомненно определяющим влиянием в правящих кругах, Безобразов и его единомышленники-акционеры, считая слишком дорогостоящими и ненадежными «виттевские методы завоевания» Китая, проповедовали прямой военный захват Маньчжурии. «Безобразовцы» убеждали государя «не уходить» из нее вопреки заключенному с Пекином соглашению. Более того, предлагалось проникновение в соседнюю Ко

рею, в которой с 1898 года Россия «терпела» преобладающее влияние Японии.

«Безобразовская клика» во многом способствовала тому, что в российских правительственных кругах все большее распространение получала идея присоединения к империи северной части Маньчжурии. (Аналог присоединения к России в недавнем прошлом среднеазиатских территорий.) Даже неофициальное название нового владения появилось на устах безобразовцев и страницах печати — «Желтороссия».

Император Николай II в силу своей осторожности и известного такта открыто не поддерживал такую «завоевательную» идею. Но все же шаги к тому самодержец делал, как, например, утвердив в июле 1903 года на Дальнем Востоке, по примеру Кавказа и Польши, наместничество. Наместником стал адмирал Е.И. Алексеев, имевший родственные отношения с семьей Романовых.

«Безобразовское» акционерное общество («Восточно-Азиатская кампания») приобрело у владивостокского купца Ю.И. Бриннера в северной Корее частную лесную концессию. Ее территория охватывала бассейны рек Ялу и Тумынь и тянулась на 800 (!) километров вдоль китайско-корейской границы — от Корейского залива до Японского моря. Фактически она занимала всю приграничную зону казенных лесов корейского правительства. Формально лесная концессия была приобретена частным акционерным обществом, а на самом деле за ним стояло российское правительство.

Огромная концессия с девственными лесами, дешевые рабочие руки обещали высокую прибыль. У Бриннера (он стал обладателем корейских лесов в 1896 году) ее сначала хотел купить директор Петербургского международного банка А.Ю. Ротштейн. Однако ему пришлось уступить самому российскому министру финансов С.Ю. Витте, по инициативе которого в то время был создан Русско-Корейский банк. Первой крупной его операцией должна была быть покупка концессии у купца из Владивостока. Но с заключением с Японией договора по Корее 1898 года новое финансовое учреждение прекратило свое существование.

Тогда и заинтересовался лесной концессией отставной офицер лейб-гвардии А.М. Безобразов и его близкие компаньоны В.М. Вонлярлярский, Н.Г. Матюнин. Они быстро создали из именитых людей акционерное общество с огромными связями при

дворе. В тех условиях получение огромной концессии в стране, в которой Россия отдала на дипломатическом поприще привилегии Японии, выглядело откровенной авантюрой. Однако не это пошел некто иной, как сам император Николай II.

Поддавшись убеждениям «в финансовых и внешнеполитических перспективах» затеваемого лесного дела из уст великого князя Александра Михайловича и графа И.И. Воронцова-Дашкова, самодержец приказал купить концессию через подставное лицо. Предприятие сохранялось в строгой тайне от самого министра финансов Витте. Средства на первые шаги безобразовского акционерного общества были даны из «кабинетских», то есть личных денежных сумм монарха.

Идея Безобразова упрочения российского влияния в Корее через гигантскую лесную концессию стала предметом обсуждения на нескольких Особых совещаниях. О своей действительно непримиримой позиции к «интриге» С.Ю. Витте писал в мемуарах так:

«Во всех этих совещаниях я всегда являлся самым несговорчивым из членов. Всегда в самых резких и решительных выражениях я указывал, что вся эта авантюра приведет Россию и Государя к несчастью».

Император Николай II понимал, что и начало, и перспективы деятельности акционерного общества по эксплуатации богатств лесной концессии в такой далекой от берегов Невы Корее во многом зависят от позиции российского Министерства финансов. Даже не от всего министерства, а от одного человека в лице главы ведомства, от автора золотой реформы. Он обладал и опытом организации крупных финансовых операций, и ставил последним подпись под сметами государственных расходов. Николай II, известный своей тактичностью, старался убедить Витте в разумности «интриги» Безобразова и его единомышленников-акционеров. Витте вспоминал:

«Его Величеству было благоугодно стараться склонить меня если не к противоположному, то, по крайней мере, к тому, чтобы мои возражения не были столь решительны, а часто и резки. В последнем я признаю себя виновным, ибо нахожу, что в присутствии Государя его верноподданные должны уметь себя сдерживать. Но это ласковое внимание Его Величества не могло

поколебать меня в моих убеждениях, и я продолжал настаивать на своем мнении».

У безобразовцев в скором времени нашелся убедительный для Николая II и военного министра А.Н. Куропаткина довод в пользу важности для государства корейской лесной концессии. Они стали доказывать, что она в случае возникновения конфликта на Дальнем Востоке может использоваться и в стратегических целях — «для организации операционной базы с ее коммуникациями».

Идея Безобразова — его «Проект осуществления Восточно-Азиатской промышленной компании» получила императорское одобрение еще в марте 1900 года. Когда С.Ю. Витте ознакомился с «интригой», он не сразу решился выступить против нее, зная мнение монарха. Тогда он предложил вынести обсуждение устава компании на заседание Комитета министров. А через него устав стал проходить «туго».

Все же последнее слово оказалось за Николаем II. Его отчасти можно было понять: он поддался влиянию неудачливого в гвардейской службе отставного офицера, которого уже тогда за глаза называли проходимцем. Сами сподвижники Безобразова отзывались о своем лидере как о человеке, который «много говорит всякой бестолковщины, но посреди ее блещут довольно гениальные мысли».

Вскоре А.М. Безобразов в осуществление своей «интриги» получил новых влиятельных союзников в лице царского наместника на Дальнем Востоке и нового министра внутренних дел В.К. фон Плеве. Министр финансов, понимая, что дело с лесной концессией следует, в крайнем случае, в государственных интересах направить через отлаженный механизм Русско-Китайского банка, заявил об этом на переговорах с Безобразовым. Но тот отверг участие «международных банковских элементов» в созданном им акционерном обществе.

Отверг Витте и идею получения «безобразовцами» (читай — придворных сановников) в Корее горнорудной концессии. Для ее получения Россия должна была предоставить Сеулу крупный заем. Однако Сергей Юрьевич к этой идее отнесся отрицательно, посчитав, что ее реализация приведет только к внешнеполитическим осложнениям, прежде всего с Японией. Министр финансов настоял перед монархом на отказе от всякого участия казны в корейской рудной концессии.

Когда к Витте пришел для доверительного разговора представитель «безобразовской клики», Матюнин, то он услышал ответ, что их предприятие является делом несерьезным:

— Пусть его ведут те, кто затеял.

Все же министру финансов пришлось пойти на тактическую уступку «безобразовской клике». В июне 1901 года Комитет министров при участии С.Ю. Витте утвердил устав Восточно-Азиатской промышленной компании. После этого безобразовцы начали против ненавистного им главы финансового ведомства настоящую войну при дворе. Витте обвиняли прежде всего в превышении расходов на строительство КВЖД. Высказывалась мысль, что эта железная дорога должна стать частью созданной частной, не государственной компании.

Чтобы сломить сопротивление Витте, император решил продемонстрировать ему свои симпатии к его противникам в дальневосточных делах. В январе 1902 года Николай II повелел министру финансов открыть коммерсанту действительному статскому советнику А.М. Безобразову кредит на два миллиона золотых рублей «для придания веса и значения порученного ему мною (государем. — *Автор.*) делу».

Сергей Юльевич выполнил императорское повеление. Пожалуй, именно тогда он понял, что его противники решили «свалить» его с поста главы финансового ведомства, как лицо излишне самостоятельное в отстаивании интересов казны. Тем временем Безобразов действительно вошел в царское окружение, о чем свидетельствовали его встречи по самым различным вопросам с Николаем II. В самом конце 1902 года Безобразов совершил официальную поездку на маньчжуро-корейскую границу для организации лесной концессии на реке Ялуцзян. Вернулся он оттуда в начале следующего, 1903 года.

Хотя поездка носила частный характер, царский наместник на Дальнем Востоке получил предписание оказывать Безобразову на месте всякое содействие. Глава «интриги» свидетельствовал о своем предприятии, которому при дворе «придано было значение» по следующим обстоятельствам:

«1) как естественному оборонительному охранению всего нашего положения в Маньчжурии со стороны Корейского полуострова;

2) как средству для успешного перехода в наступление на

полуострове, когда обстоятельства этого потребуют или позволят;

3) как созданию реального крупного торгово-промышленного интереса на Дальнем Востоке, где вообще пока отсутствует русская предприимчивость».

Безобразов нашел в своих взглядах полное единение с наместником адмиралом Е.И. Алексеевым. Вывод русских войск из Маньчжурии, особенно из Квантунской области с Порт-Артуром, делал бы существование лесной концессии в Корее весьма проблематичным. Поэтому наместник принял решение приorganовать эвакуацию экспедиционных частей из Мукденской провинции.

Безобразов договорился с Алексеевым и относительно организации охраны лесных разработок. На территорию концессии вводились под видом лесной стражи подразделения регулярных войск, имевшие штатное оружие. Утверждалось, что подобная военная охрана создается «не для леса, а для нашего престижа, как действительно крупной силы, перед которой азиаты преклоняются».

Лично для Витте поездка Безобразова на Дальний Восток выглядела тревожной. Сергея Юльевича задело то, что государь решил ознакомиться с тамошним положением глазами открытого противника министра финансов. Тот до этого самолично докладывал Николаю II о положении дел в Китае, в частности в Маньчжурии с КВЖД, на Корейском полуострове и на Японских островах. Такую же информацию самодержец черпал и из уст министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа и генерала А.Н. Куропаткина. Теперь же ситуация менялась самым кардинальным образом и ничего хорошего не предвещала всем троим.

Действительно, вернувшись с Дальнего Востока, Безобразов в своем докладе крайне негативно высказался о деятельности российского МИДа, финансового и военного ведомств на восточной окраине Российской империи. Он обвинял их прежде всего в «некомпетентности». С мнением отставного офицера-гвардейца Витте, Ламздорф и Куропаткин могли и не посчитаться, если бы не одно но: император даровал тому свой портрет с собственноручной надписью «Благодарный Николай» и назначил в собственную свиту статс-секретарем.

В марте 1903 года император созвал под своим председательством Особое совещание по вопросу о положении России в дальневосточном регионе. В основу обсуждения легла записка «безобразовца» А.М. Абазы о деятельности Восточно-Азиатской компании в Маньчжурии и Корее. На совещание были приглашены, помимо автора записки, Витте, Куропаткин, Ламздорф, Плеве и генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович. Первым высказался император, сказав, что создание акционерного общества по разработке лесных богатств на обеих берегах Ялу служит противовесом японскому влиянию в Корее, которое в противном случае даст о себе знать и в Маньчжурии.

Витте выступил главным оппонентом представителя «безобразовской клики». Однако открыто возразить государю он просто не мог. Поэтому Сергей Юльевич сказал, что внешнеполитическими делами лучше заниматься правительству, чем акционерному обществу. Что ему может быть оказана помощь от казны, но по необходимости ограниченная. И что Восточно-Азиатская компания, как чисто коммерческое предприятие, должна функционировать и здравствовать без излишних государственных затрат.

Противодействие министра финансов наложило свой отпечаток на решение Особого совещания. Утверждение концессионных прав на корейские леса по реке Ялу было признано целесообразным. Но только с ограниченным участием казны. Компании отводилась только коммерческая деятельность. Однако общество предполагалось включить в сферу служебного влияния главного начальника Квантунской области, то есть адмирала Е.И. Алексева.

Явное нежелание Санкт-Петербурга выводить свои экспедиционные войска из Маньчжурии, усилившаяся коммерческая деятельность в Корее («безобразовская клика» секрета из своих намерений не делала) неизбежно вызывали дипломатические осложнения. В Токио стали поговаривать о том, что «всякая отсрочка» с уходом русских войск из Китая будет только «провоцировать» новую войну на Дальнем Востоке. И уж совсем там не хотели слышать о российских лесных и горнорудных частных концессиях на Корейском полуострове с собственной охранной стражей, больше похожей на армейскую пехоту.

Япония считала Корею главной сферой своих жизненных интересов на Азиатском континенте. И чье-либо присутствие

той стране считалось покушением на национальные интересы и государственное достоинство. Так считалось не только генералитетом, японскими политиками, но и самой широкой общественностью.

Витте понимал, в отличие от многих своих коллег по Кабинету министров, что затягивание корейского узла при посредстве лесной концессии и иных действий «безобразовской клики» неизбежно ведет к большой войне. А к ней Россия, при всей ее военной мощи, на то время готова не была.

«Безобразовцы» продолжали навязывать свои «дальневосточные взгляды» монарху, стремясь прежде всего отстранить от участия в маньчжурских и корейских делах Витте. На новом Особом совещании император уже открыто встал на сторону «интриги». По свидетельству самого Безобразова, министр финансов к концу заседания имел жалкий вид: «бледный, с опущенной головой, с блуждающим взглядом».

На том совещании позиция министра финансов потерпела полное фиаско. В постановлении прямо указывалось на необходимость включения Маньчжурии в сферу политико-экономических интересов России и было «признано излишним стеснять деятельность акционерного общества эксплуатацией лишь лесных богатств на Ялу». Участие казны в его деятельности не лимитировалось. Деятельность «безобразовской компании» фактически выходила из-под контроля Министерства финансов, поскольку содействие ему возлагалось на начальника Квантунской области адмирала Е.И. Алексеева, то есть на будущего царского наместника на Дальнем Востоке. Наместничество было учреждено в январе 1904 года.

Витте, да и не только он, посчитал итоги Особого совещания своим личным поражением в определении экономической и внешнеполитической позиции России на Дальнем Востоке. Его союзник в противостоянии «безобразовской клике» глава МИДа В.Н. Ламздорф даже подал прошение об отставке, но император Николай II уговорил его взять обратно. Известный отечественный юрист А.Ф. Кони, видевший в те дни в Сестрорецке С.Ю. Витте, писал:

«Я едва узнал в этом согнувшемся, мешковатом, с потухшим взором и тревожным лицом человеке самоуверенную и энергичную фигуру министра финансов».

Сергей Юльевич по многим признакам чувствовал, что его вес в глазах монарха уже далеко не тот. В своих «Воспоминаниях» Витте описывает довольно поучительный для него пример придворной жизни:

«Характерный пример такого отношения Его Величества ко мне, которое создалось благодаря разнообразным причинам, в особенности моей несговорчивости по вопросу о политике на Дальнем Востоке, произошел приблизительно в то же («бесобразовское». — *Автор.*) время. Тогда начальник конвоя свиты Его Величества был генерал-майор Мейндорф, очень милый, хороший человек, но в высшей степени пустой и бессодержательный.

Он женат на княжне Васильчиковой, женщине содержательной, в том смысле, что она понимает свои интересы и материальные расчеты.

В это время в Петербурге появился некий Завойко (будущий адъютант генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова во второй половине 1917 года. — *Автор.*). Как я узнал впоследствии, Завойко этот, желая получить значительные ссуды из Дворянского или Крестьянского банка, которые ему не были выданы, подал особую записку по поводу этих банков, которая в результате сводилась к тому, что высшее управление этими банками следует передать из Министерства финансов в Министерство внутренних дел.

Записка эта была внушена ему и составлена Плеве. Передана же она была Его Величеству через генерала Мейндорфа. Мейндорф сделал это для того, чтобы угодить Завойко, который предлагал барону Мейндорфу купить имение в Западном крае за очень дешевую цену, что, — по мнению Завойко, — должно было послужить к значительному обогащению Мейндорфа.

Нужно сказать, что ни барон Мейндорф, ни его супруга урожденная Васильчикова, личного состояния не имели, а если и имели, то крайне ограниченное. Поэтому супруга Мейндорфа искала каких-нибудь афер для мужа, которые могли бы воссоздать их материальное благосостояние.

Для покупки имения, о котором я только что упоминал, кроме дворянских ссуд, была еще необходима выдача 250 тысяч рублей.

Ко мне вдруг явился генерал свиты Его Величества барон

Мейндорф и заявил, что он приехал ко мне от Государя императора с повелением, чтобы ему была выдана ссуда из Государственного банка в 250 000 рублей.

Я сказал генералу Мейндорфу, что мне Высочайшее повеление могут передавать или статс-секретарь Его Величества, или генерал-адъютант. И так как он не то и не другое, а кроме того, дело, которое он мне передает, лично и непосредственно его, Мейндорфа, касается, то я, конечно, никакого Высочайшего распоряжения исполнить не могу, пока не получу от Государя приказа.

Через несколько дней я получил от Его Императорского Величества записку о выдаче ссуды. Хотя выдача этой ссуды совершенно не соответствовала уставу Государственного банка, тем не менее, ввиду резолюции Его Величества, конечно, она была немедленно выдана. Но инцидент этот, — как мне впоследствии сделалось известно, — послужил к тому, что Государю и Государыне императрице сказали, что, вот, мол, министр финансов Витте дошел до того, что не желает слушаться Государя императора».

Витте чувствовал, что его личное положение в правящей верхушке империи заметно пошатнулось. Прежде всего падение коснулось его авторитета в глазах Николая II, который стал открыто занимать в дальневосточных делах позицию «безобразовцев». А те стремились при дворе дискредитировать финансовые достижения и способности Витте. Тот лично с этим согласиться никак не мог в силу многих объективных причин. Сергей Юльевич так оценивал плоды своей энергичной деятельности на поприще главы финансового ведомства:

«Во время моего Министерства финансов наш бюджет окончательно укрепился. И не только в течение всего времени моего управления не было дефицита, но напротив, всегда был значительный излишек доходов над расходами. Что дало мне возможность всегда держать свободную наличность государственного казначейства в значительных размерах, доходивших до нескольких сот миллионов рублей».

Действительно, во времена Витте в российской казне, как оно и не звучит излишне громко, деньги всегда были. Лежали там в готовности к любым неожиданным тратам империи. А такие расходы были связаны прежде всего с войнами, неурожая-

ми, революционными потрясениями. Витте писал дальше в своих «Воспоминаниях»:

«Должен сказать, что Его Величество в отношении поддержания равновесия бюджета оказывал мне полное доверие. И только при таком отношении, со стороны Государя, я мог довести наш бюджет до такой прочности.

Вопрос о том, что я держал значительную свободную наличность, служил предметом постоянной критики. Многие, в особенности газеты, находили, что это неправильная система и что лучше эту свободную наличность употреблять на производственные цели. Говорили, что нигде такой системы накопления наличности не существует, причем ссылались обычно на страны с вполне благоустроенными финансами — на Францию, Англию и даже Германию.

Я эти мнения никогда не разделял и нахожу, конечно, и теперь, что Российская империя имеет такие особенности, что держать свободную наличность в несколько сот миллионов рублей не только всегда полезно, но часто и необходимо».

Именно эти триста миллионов рублей золотом и были «яблоком раздора» между военным и финансовым ведомствами. Куропаткин и Главный штаб достоверно знали, что дополнительные нужды армии могли быть профинансированы, но С.Ю.Витте продолжал вести жесткую политику экономии государственной казны. Он, как великий аналитик, понимал все несходство Российской империи с державами европейского Запада:

«Те лица, которые критикуют эту систему, не принимают во внимание, что, с одной стороны, Россия — страна исключительной иностранной задолженности. Ни Англия, ни Франция, ни Германия в этом отношении не сравнимы с Россией. Это есть одна из слабейших сторон русской государственной жизни. И раз страна имеет столь громадную задолженность за границей, необходимо держать такой резерв, который, при неблагоприятных обстоятельствах, мог бы остановить паническое движение русских фондов, находящихся за границей и в России, а, следовательно, и падение русских фондов.

С другой стороны, Россия, к несчастью, до настоящего времени, представляет собой такую страну, которая в смысле земледельческом живет при самой низкой культуре. Главный фактор ее — урожай — заключается в двух стихиях: один или два дождя,

которые упадут вовремя, могут дать прекрасные урожаи. И несколько недель бездождия во время сильной жары — уничтожают все хлебные посевы и производят полнейший неурожай.

Когда главный источник богатства страны — земледелие — находится в зависимости от стихии, необходимо всегда иметь в резерве значительные суммы на случай неурожая. И опять-таки в этом отношении нельзя сравнивать Россию с Германией, Англией, Францией и с прочими культурными странами».

Министр финансов С.Ю. Витте был из тех сановников, надежных большой властью, которые предвидели втягивание державы в какой-нибудь крупномасштабный военный конфликт. Не случайно Сергей Юльевич в мемуарах на этот счет высказывался вполне определенно:

«Наконец, я всегда старался держать значительную свободную наличность и потому, что я все время со вступления на престол Николая II чувствовал, что в ближайшее время должна вообще, в том или другом месте, разыгаться кровавая драма.

Это происходило от стечения двух обстоятельств: с одной стороны, явились многие лица и преимущественно военные — среди них первую роль играл Алексей Николаевич Куропаткин, — которые толкали Его Величество на создание таких международных отношений, которые могли получить разрешение посредством войны.

При таком настроении военных советчиков (...) было бы очень удивительно, если бы молодой император, с темпераментом, если не воинственным, то, во всяком случае, не спокойным и не миролюбивым, не поддавался искушению. Особенно, когда лица, которые входили в его доверие, уверяли, что те затеи, которые они проповедовали, не приведут к войне. Ибо, в конце концов, будто бы все должны преклониться перед желанием русского императора».

Витте считал правильность устройства его финансовой системы единственно правильной для России. И в доказательство этого он всегда приводил Русско-японскую войну 1904—1905 годов, которая стала для империи экзаменом на прочность (который она не выдержала прежде всего в политическом плане). Сергей Юльевич, среди прочего, так определял результаты деятельности Министерства финансов под «своим флагом»:

«В действительности, вследствие моей системы накопления наличности, когда я ушел, я оставил свободную наличность, приблизительно в 380 миллионов рублей, которая и дала возможность Российской империи, когда началась японская война, жить несколько месяцев без займа. Эта наличность дала возможность сделать заем более спокойно и на более выгодных условиях, нежели это имело бы место, если бы видели, что Россия так нуждается в деньгах для ведения войны, что должна во что бы то ни стало экстренно, немедленно, сделать большой заем».

Все это было, как сказано словами С.Ю. Витте выше, действительно так. Казна России имела при нем большой запас прочности на все случаи жизни. Более того, за все время пребывания Сергея Юльевича во главе финансового ведомства не было ни одного года, в котором сбор доходов в казну не выполнялся ниже исчисленных в запланированном бюджете сумм. Уже одно это свидетельствовало об успешной деятельности российского казначейства.

Цифры исполнения доходной части бюджета империи действительно впечатляли. Так, в 1894 году при плановых 1004 миллионах рублей в казну поступило доходов на 1153 миллиона рублей. То есть превышение составило почти 149 миллионов, в следующем, 1895 году — около 113, в 1896 году — свыше 129, в 1897 году — 98, в 1898 году — более 220, в 1899 году — 204, в 1900 году — более 110, в 1901 году — свыше 69, в 1902 году — около 105, в 1903 году — свыше 134 с половиной миллиона рублей. В последнем году было собрано доходов на сумму 2 031 800 813 золотых рублей. То есть налицо были все материальные доказательства успешной деятельности виттевского ведомства. Казна наполнилась, доходы всегда превышали расходы, экономика державы развивалась только поступательно, даже неурожайные годы не могли сдержать ее движение вперед.

Но судьба все же не уберегла творца золотого русского рубля, царской винной монополии и устроителя великих железных дорог от падения. Оно шло от императора Николая II, который стал тяготиться сильной личностью непреклонного в своей стратегии министра финансов, хотя и убежденного монархиста, которому государь, как и его отец Александр III, был многим обязан. Были и другие не менее веские причины субъективного характера.

Недругов при дворе у Витте становилось все больше и больше. Даже генерал А.Н. Куропаткин, с которым у него были давние дружеские отношения, все чаще высказывал открытое недовольство «предвзятым» отношением главы финансового ведомства к армейским нуждам, к военной готовности империи. Тот на Особых совещаниях все чаще и чаще оставался в гордом одиночестве. Не заметить такого монарх, человек достаточно прощительный, просто не мог, поскольку Николай II всегда заботился о единении своего ближайшего окружения.

Познав поражение в правящих верхах, Сергей Юльевич все же не упал духом настолько, как описывали его люди, видевшие в те дни. Предаваться горечи не приходилось: чувствовался накал событий на Дальнем Востоке. При содействии «безобразовской клики» все туже затягивался корейский узел. В такой ситуации России только и оставалось, как заботиться о наращивании своей военной силы на тихоокеанских берегах.

Витте в те предвоенные годы, особенно в 1900—1903-х, много занимается изысканием многомиллионных средств на удовлетворение нужд Военного и Морского ведомств. Казна лишних денег не имела, а военные расходные статьи в государственном бюджете были основными по их объему. Военные требовали все новых и новых средств на модернизацию армии и флота, на их перевооружение, особенно новыми артиллерийскими системами. Остро стояли вопросы материального благополучия офицества, улучшения бытовых нужд нижних чинов. Последним только перед самой японской войной, к примеру, стали выдавать чайное довольствие, а денег на постельные принадлежности все не находилось.

Как глава финансового ведомства Российской империи, С.Ю. Витте делал много для упрочения ее военной силы. Однако русская армия и флот к японской войне оказались не готовыми прежде всего по причине постоянного урезывания их бюджетов. И больше упреков сыпалось не в адрес самодержца Николая II и глав силовых ведомств, а его министра финансов, самого «депешного» человека в державе.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

РОССИЯ ОБНАЖАЕТ

ОРУЖИЕ

1

«ЭКОНОМНОЕ» ВООРУЖЕНИЕ АРМИИ И ФЛОТА. НАЧАЛО ВОЙНЫ

С утверждением генерала от инфантерии А.Н. Куропаткина в должности министра у Витте начались большие осложнения в отношениях с Военным министерством. Речь почти всегда шла о «недостаточном финансировании оборонных программ», то есть об отпуске запрашиваемых денежных сумм на содержание и вооружение русской армии.

Сотрудничество финансового ведомства с силовыми министерствами — Военным и Морским составляло особую страницу в повседневной работе С.Ю. Витте.

Военная расходная статья в российском государственном бюджете на протяжении всей истории империи превосходила прочие траты. Когда С.Ю. Витте занял пост главы финансового ведомства, он впрямую занялся делами русской армии и флота, естественно с казначейской стороны. Сергею Юльевичу вместе с военными министрами генералами П.С. Ванновским и А.Н. Куропаткиным, впоследствии и с генерал-лейтенантом В.В. Сахаровым, приходилось решать все важнейшие вопросы обороны. И, прежде всего, рассматривать затраты на вооружение.

При С.Ю. Витте средства из государственного казначейства по Военному ведомству отпускались не ежегодно. Определенные

сумма предназначалась ему по так называемому предельному бюджету на пять лет. Но это вовсе не означало, что Министерство финансов не держало под своим контролем военные статьи бюджета и не участвовало в обсуждении затрат на армию и флот, не говоря уже о сверхсметных расходах, в первую очередь на модернизацию вооружений и на ведение войны.

О таком устройстве финансирования Военного министерства и его месте в российских бюджетных расходах генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин в своих мемуарах «Русско-японская война 1904—1905. Итоги войны» писал так:

«Деятельность Военного министерства такого государства, как наше, не может и не должна быть случайной. Успех этой деятельности зависит как от денежных средств, отпускаемых на армию, так и целесообразности расходования этих средств. Государство, в ущерб удовлетворению массы неотложных нужд, расходует на содержание армии громадные суммы. Неудачная война, естественно, приводит к выводу, что расходование этих сумм было неправильно. Поэтому для суждения по сему вопросу необходимо ознакомиться с теми задачами, которые перед войной ставились Военному министерству, и со средствами, кои отпускались на их удовлетворение.

Задачи, которые были поставлены нашей армии перед войной, не могли быть случайными. Они должны были вытекать из всей предшествующей деятельности Военного ведомства, быть, так сказать, преемственными на XX века из XIX столетия. Жизнь нации идет непрерывно, и также непрерывно требуется, чтобы вместе с ростом нации совершенствовались силы и средства армии. Кроме того, рост и совершенствование армии зависят во многом от военной деятельности наших соседей. Мы не можем отставать от них, если хотим быть спокойными за целостность империи. Огромный рост вооружения Европы вынуждал и нас нести все тяготы вооруженного мира. Эти тяготы, при нашей сравнительно недостаточной культурности по некоторым сторонам боевой готовности армии, становились нам непосильными, средства для удовлетворения всех текущих и вновь нарождающихся нужд оказались совершенно недостаточными. Поэтому неизбежно приходилось удовлетворять наиболее важные нужды.

Между тем определение, какие же нужды надлежало признавать более важными, чем другие, являлось делом весьма сложным и трудным. Военное ведомство еще могло само разбираться при недостатке денежных средств, что в данное вре-

мя важнее: перемена, например, вооружения артиллерии, постройка крепостей, постройка казарм, заготовка разных запасов, улучшение быта войск и прочее. Но не в компетентности одного Военного ведомства было решать вопросы, какие же из границ России в данный период являются наиболее угрожаемыми нападению или с каких пограничных районов становилось необходимым сделать новый шаг к дальнейшему расширению границ России. По этим вопросам должна была существовать общая политическая программа, органически связанная как с выполненными уже программами прошлых столетий, так и с внутренним состоянием и нуждами государства.

Таким образом, Военное ведомство должно было руководствоваться в своей деятельности не только специальными военными требованиями, но и требованиями высшего порядка — государственными.

Но программы для государственной деятельности, зависимой от деятельности министерств внутренних дел, финансов и иностранных дел, не существовало».

Став министром финансов, С.Ю. Витте продолжил уже сложившиеся отношения его ведомства с военным. По отпуску и расходованию кредитов для вооруженных сил применялся так называемый предельный бюджет. Его суть, проверенная жизнью, состояла в следующем.

По предварительному соглашению главы Военного ведомства с министром финансов устанавливалась общая смета по Военному министерству на пятилетие. В основу сметы брались расходы постоянного характера, и к ним делалась прибавка на расходы единовременные. Все сметные исчисления на новые крупные расходы постоянного характера после рассмотрения высшим командованием армии и флота ранее их высочайшего утверждения рассматривались в Особом совещании. Рассмотрение проходило под председательством председателя Департамента государственной экономии. Обязательным в работе Особого совещания было участие министра финансов и государственного контролера. План всех расходов, обсужденный и сбалансированный, представлялся государю.

Хотя Военное министерство само рассчитывало, куда и сколько надо направить бюджетных средств, Витте гласно и негласно

контролировал все финансовые потоки, которые «вливались» в жизнь армии и флота. Так, было, например, в ходе подготовки бюджета Военного ведомства на 1899—1903 годы. Уже тогда С.Ю. Витте подвергся критике со стороны людей военных, в том числе и Куропаткина, который отмечал следующее:

«Крайне ограниченные ассигнования, производившиеся в течение почти 20 лет перед рассматриваемым периодом, сообразовывались не с потребностями армии, а со средствами Государственного казначейства, почему означенные потребности, все более нарастая, в 1898 году указали на необходимость серьезных жертв и усилий».

Составление новой пятилетней сметы военных расходов Витте проводил с генералом от инфантерии П.С. Ванновским, с которым у него сразу сложились самые доверительные отношения. Более того, военный министр не раз становился единомышленником Сергея Юльевича при обсуждении многих вопросов, вокруг которых в правительстве возникали серьезные разногласия. Так было, например, в ходе «таможенной войны» с Германией и заключении с ней первого торгового договора.

Тогда до начала бюджетной пятилетки ведомство Ванновского определило свои дополнительные потребности к предельному бюджету на сумму еще в 565 миллионов рублей. Разумеется, золотых рублей. Основные новые затраты пошли на перевооружение полевой артиллерии скорострельными пушками (90 миллионов рублей) и увеличение квартирных окладов офицерам, военным чиновникам и генералам (20 миллионов рублей). То есть в последнем случае речь шла о поднятии жалования командному составу армии и флота, которое виделось и действительно было явно малым. Остальные дополнительные расходы исчислялись в более малых цифрах, но в общей сумме выглядели для казны и рачительного Витте внушительными.

Ванновский и его ведомство при планировании бюджетных расходов исходили, прежде всего, из нужд армии и необходимости защиты интересов Российской империи. Наиболее важными требованиями, которые закладывались в проект предельного бюджета и дополнительных смет к нему, были:

1. В организации войск и усилении их боеспособности. В том числе требовалось усиление войск в восточных военных округах, особенно в Приамурском.

2. В улучшении быта войск, а именно: по увеличению денежного довольствия офицерского состава (их квартирных окладов) и по введению в армии для нижних чинов полевых кухонь, для того времени последнего слова отечественной военно-технической мысли.

3. Перед армейским интендантством стояли задачи по увеличению всех видов запасов в Приамурском и Туркестанском военных округах.

4. Задачей Главного Артиллерийского управления (ГАУ) являлось увеличение артиллерии в войсках Сибирского военного округа.

5. Предстояло сформировать новые инженерные части и продолжить работы по фортификационному усилению приграничных крепостей.

В итоге Военное ведомство запросило у государственной казны, то есть у Министерства финансов, дополнительно на пятилетие 455 миллионов рублей. В эту сумму не входили крупные расходы на перевооружение русской армии новыми артиллерийскими системами и 3-линейными винтовками. Когда началось обсуждение расходов сверх предельного бюджета, то С.Ю. Витте «высказался о невозможности по финансовым средствам страны произвести такой отпуск».

Примирителем в том ведомственном конфликте между Витте и Ванновским выступил сам государь. Сергей Юльевич смог доказать Николаю II реальные возможности государственной казны и несоответствие им сверхлимитных запросов Военного министерства. Новый его глава генерал А.Н. Куропаткин писал о конечном результате той «денежной баталии»:

«После долгой борьбы он (Витте. — *Автор.*) признал возможность отпустить вместо 455 миллионов рублей лишь 160 миллионов рублей. Эта сумма и была утверждена.

Таким образом, мы приступили к работе по Военному ведомству в пятилетие 1899—1903 годов, не получив на наши важные нужды около 300 миллионов рублей в пять лет или с недочетом по 60 миллионов рублей ежегодно.

Очевидно, что такое решение вопроса о военных нуждах неизбежно должно было иметь последствием еще большую отсталость нашу сравнительно с соседями, ибо мы вынуждены были приостановиться со многими мероприятиями по усилению на

шего положения как на западной границе, так и в азиатских округах».

Однако в ходе обсуждений статей дополнительных военных расходов С.Ю. Витте приходилось и уступать. Тот же военный министр А.Н. Куропаткин так резюмировал одну из «побед» своего ведомства над Министерством финансов:

«Весьма неотложной нуждой для нашей армии являлась необходимость перевооружения артиллерии. Его Величеству угодно было признать это дело особо важным и приказать министру финансов изыскать денежные средства для перевооружения сверхпредназначенных к отпуску по предельному бюджету».

Император Николай II при всех трудностях финансирования военной силы России мог быть доволен работой Министерства финансов. Его глава постоянно находил сверхбюджетные средства на военные расходы и настойчиво изыскивал новые поступления в государственную казну. И как ни конфликтовал военный министр с Витте по финансовым вопросам, дело перевооружения русской армии, как и многое другое из военных нужд, двигалось вперед. Причем решались насущные задачи действительно большой государственной важности.

Например, Витте энергично проводил финансирование перевооружения русской армии 3-линейными винтовками системы Мосина.

Первая партия трехлинейек (два миллиона) была изготовлена для русской армии за период с 1892 по 1896 год. Их производство было начато на отечественных оружейных заводах — Тульском, Сестрорецком и Ижевском. Для того времени это были крупные предприятия, обладавшие достаточной производственной базой и тысячами специалистов самой высокой квалификации.

Но за этот период три завода, работавших с полной нагрузкой, смогли изготовить только 1470 тысяч винтовок системы Мосина. Министерству финансов пришлось заняться вопросом размещения заказов на недостающие более чем полмиллиона винтовок за границей. После проработки возможных вариантов, заказ был передан французским заводам Шательро. Там по русским лекалам было изготовлено 503 359 винтовок.

Вторая очередь мосинских винтовок в 1290 тысяч штук была изготовлена в период с 1897 по 1903 год. Всего за четыре года

полевые армейские войска были перевооружены трехлинейками. В войска поступили 1 548 683 пехотные, 152 363 драгунские и 134 633 казачьи винтовки. После этого оставалось перевооружить только запасные пехотные части и государственное ополчение, для чего требовалось всего 163 940 винтовок, и создать их запас в арсеналах и на складах военных округов.

Поскольку государственный заказ на изготовление винтовок иссякал, то для того, чтобы не произошло свертывания деятельности оружейных заводов, было принято решение растянуть изготовление винтовок Мосина до 1903 года. Однако резкое уменьшение заказов на все три завода привело к оттоку квалифицированных рабочих. Так, если в 1900 году на Тульском оружейном заводе трудилось 7035 рабочих, то через три года осталось только 3565 человек. Увеличение заказов на стрелковое оружие с началом японской войны застало отечественное ружейное производство врасплох.

Снабжением армейских войск стрелковым оружием занималось Главное Артиллерийское управление. Озабоченное утечкой квалифицированных кадров с оружейных заводов, оно не раз обращалось со специальными докладами в Министерство финансов, требуя ассигнований на модернизацию производства. Но каждый раз ГАУ получало мотивированный отказ.

Русская армия получила на вооружение первые пулеметы в самом конце XIX века. Министерство финансов выделило средства для приобретения у фирмы «Виккерс» 174 пулеметов. Для крепостей в Германии закупили 224 единицы. Затем для пехоты было заказано еще 58 пулеметов.

В финансовом ведомстве сочли, что стоимость импортного автоматического оружия крайне завышена: стоимость одного пулемета составляла 2932 рубля золотом. Выход из положения все же был найден. Чтобы заметно сократить расходы, у фирмы «Виккерс» было приобретено право на производство пулеметной системы «Максим» в самой России. Военное министерство, согласно договора, обязывалось выплачивать фирме в течение десяти лет за каждый изготовленный пулемет по 50 фунтов стерлингов. Производство нового вида оружия было налажено на Тульском оружейном заводе.

Стремясь не допускать «раздувания» военного бюджета, С.Ю. Витте ограничил субсидирование производства винтовоч-

ных патронов. На рубеже двух столетий в России действовало три крупных патронных завода. Два из них — Петербургский и Луганский принадлежали казне. Третий — Тульский был частным, его владельцем являлось Акционерное общество меднопрокатных и патронных заводов. Предприятия имели хорошее оборудование и отвечали требованиям времени.

Заводы обеспечивали армию и арсеналы достаточным количеством патронов. Так, в 1900 году мощности Петербургского завода составляли 65,7 миллиона патронов в год, Луганского — 31 миллион, Тульского — 50 миллионов. Стоимость продукции была высокой из-за цен на металл (латунь и медь), который поставлялся частными (Чикина, Кольчугина, Кайданова и других) меднопрокатными заводами.

Экономия на патронном производстве привела к тому, что обеспеченность армии боеприпасами для стрелкового оружия была низкой. Перед русско-японской войной войскам недоставало почти 322 миллиона патронов. И хотя в годы войны все три патронных завода перешли на круглосуточный режим работы и объем производства увеличился в три раза, проблема полностью не была решена. Правительство прибегло в 1905 году к размещению заказов на патроны за границей. В Австро-Венгрии заказали 300 миллионов патронов. В Германии — еще 260 миллионов штук, но все эти боеприпасы поступили в Россию уже после войны с Японией.

Одной из самых крупных расходных статей Военного ведомства было изготовление орудий. Большинство заводов по их производству принадлежало Военному (Петербургский оружейный, арсеналы первого разряда в столице, Брянске, Киеве), Морскому (Обуховский сталелитейный) и Горному ведомствам (Пермский пушечный). Остальные предприятия по производству артиллерии являлись частными, среди которых были крупные — Путиловский, Брянский, Балтийский, Гельсингфорсский и другие. Однако из них орудия изготовлял только столичный Путиловский завод (в 1900 году — 12 440 рабочих), все остальные занимались ремонтом пушек, изготовлением лафетов и прочим делом. Существовала известная кооперация. Так, литье Пермского пушечного завода отправлялось для последующей обработки на Петербургский оружейный завод.

«Совладать» с запросами все новых и новых ассигнований на артиллерийское перевооружение министру финансов Витте оказалось делом одним из самых сложных. Причина крылась в отношении императора Николая II к артиллерии. Он понимал, что уровень артиллерийской вооруженности русской армии во многом определяет ее боевую силу. То же самое можно было сказать и о военном флоте. Поэтому многие высочайшие указания приводили к тому, что предельный расходный бюджет Военного ведомства благодаря статьям по артиллерии ежегодно заметно превышался.

Но именно поэтому русская армия обладала современной артиллерией. В начале XX века на вооружении полевых войск имелись орудия только двух калибров: 76-миллиметровая скорострельная пушка и 152-миллиметровая мортира. Переход к этим двум типам полевых орудий был осуществлен в 1900—1903 годы на основе конкурса, в котором по пушке победил авторский коллектив Путиловского завода. Ему и достался главный пакет заказа — 1250 орудий. Обуховский получил заказ на 164 орудия, а Пермский — на литье 277 орудийных стволов.

Мортира калибром в 152 миллиметра обладала высокими баллистическими качествами. Монопольное право на ее изготовление получил Пермский пушечный завод Горного ведомства. В 1900 году здесь было произведено 33 мортиры. Затем количественно их производство стало снижаться, и в 1903 году завод в Перми произвел всего шесть таких орудий.

Более дорогостоящим было производство тяжелой (осадной) и крепостной артиллерии крупных калибров. Субсидируя это производство, правительство не раз прибегало к отпуску затребованных сумм с отсрочкой до десяти лет. В отличие от полевой артиллерии, осадная отличалась большим многообразием: в начале века это были пушки калибром в миллиметрах 107 и 152, гаубицы — 152, 203 и 229, мортиры — 229 и 280. Производством тяжелых орудий в России на то время занимались два завода: столичный Обуховский и Пермский.

Финансирование производства крепостной артиллерии стало на несколько лет «головной болью» С.Ю. Витте. Причина заключалась в том, что в начале века Россия вела широкое крепостное строительство как на европейских, так и азиатских границах. На Дальнем Востоке создавались такие современные,

мощные морские крепости как Порт-Артур и Владивосток, на вооружение которых требовалось более тысячи различных орудий, в своем большинстве крупных калибров.

Сложность финансирования строительства и содержания крепости состояла еще в том, что имелся большой недокомплект орудий. Кроме того, артиллерию устаревших образцов предстояло постепенно заменять на новые системы. В 1899 году на вооружении сухопутных крепостей по штату должно было состоять 6983 орудия, в наличии же имелось 6573. Недокомплект выражался в 410 орудиях. В приморских крепостях полагалось иметь по штату 2914 орудий, не хватало же 847. Общий недокомплект крепостной артиллерии на тот год исчислялся в 1257 орудий.

Наряду с орудийным производством крупного финансирования требовало и производство артиллерийских боеприпасов. Военное ведомство не имело таких заводов. Поэтому правительство размещало заказы на производство снарядов на частных и горных предприятиях. Во времена С.Ю. Витте Государственный совет Российской империи, в котором он являлся неперменным членом, не разрешало размещение снарядных заказов за границей в интересах государственной безопасности.

Нормы артиллерийских выстрелов на одно орудие мирного времени позволяли отечественной военной промышленности вполне справляться с заказами. В начале века снаряды изготавливались на семи казенных и десяти частных заводах: Олонецком, Баранчихинском, Саткинском, Кусинском, Верхне-Туринском, Пермском, Златоустовском, Сормовском, Лиль поп-Рау, Радзском, Русского общества для изготовления снарядов, Петербургским механическим, Брянском, Лесснера, Николаевском, Путиловским и Петербургским механическим.

Обстановка в армии и на флоте с созданием необходимых стратегических запасов снарядов складывалась до и после русско-японской войны сложно. Министерство финансов любой такой попытке давало самый решительный отпор, давая на все запросы Главного артиллерийского управления один ответ: «излишних денег в казне на военные запасы нет». Такой политики следовали не только предшественники Витте, сам он, но и его последователи на посту главы финансового ведомства. Но генералитет доподлинно знал, что в подвалах казначейства всегда хранились наличными то 200, то 300 миллионов золотых руб-

лей, неприкосновенный запас прочности министра финансов. Не просто хранились, а лежали без движения на самый крайний случай.

Русско-японская война показала, что мощностей заводов по производству боевых припасов для артиллерии оказалось недостаточно. На полях Маньчжурии участвовало в боях 1276 полковых 76-миллиметровых пушек, которые произвели 912 тысяч выстрелов. Всего на каждый оружейный ствол приходилось по 720 выстрелов. Поскольку в 1904 году начался снарядный голод и склады артиллерийского боезапаса стали пустеть, то правительство пошло на закупку снарядов за границей. Министерство финансов отпустило на это 57 миллионов золотых рублей.

Экономия на военных статьях государственного бюджета отразилась и на состоянии запасов пороха. Норма запасов пороха для вооруженных сил еще в 1888 году была определена в количестве 2140 тысяч пудов. Однако из-за отсутствия реальных военных угроз Министерство финансов год от года значительно урезало финансирование производства пороха. Это привело к тому, что его запасы в 1903 году составляли всего 1 350 тысяч пудов, то есть около двух третей установленной нормы запаса.

В ходе русско-японской войны запас пороха быстро растаял. Правительству пришлось в срочном порядке изыскивать средства для закупки его за границей 1 500 тысяч пудов. Из войны с Японией русская армия вышла, имея на тыловых складах всего 20 процентов установленных пороховых запасов.

При составлении государственного бюджета С.Ю. Витте приходилось в отношении потребностей Военного ведомства применять малопопулярные в армии и на флоте «хирургические» меры. Это вызывало протесты министра А.Н. Куропаткина, который писал по этому поводу следующее:

«В предоставленном мной всеподданнейшем отчете о мероприятиях Военного министерства, выполненных в пятилетие 1898—1902 годов, значительно подробнее изложены результаты, достигнутые за этот короткий срок Военным ведомством. При тех денежных средствах, которые нам отпускались, эти результаты можно признать весьма значительными. Но нельзя скрывать, что недостаточность кредитов на единовременные расходы тяжело отражалась на нашей все увеличивавшейся отсталости от наших западных соседей.

Вместе с неудовлетворенными нуждами, предвиденными к исполнению в пятилетие 1898—1902 годов, но не приведенными в исполнение за не отпуском денежных средств, быстро нарастали новые нужды. Уже в 1902 году в Военном ведомстве начали составляться соображения о потребных нам кредитах на новое пятилетие 1904—1908 годов, требования командующих войсками в округах и на этот раз были положены в основание наших требований после возможного их сокращения. В 1903 году мною предъявлено было к министру финансов требование об отпуске нам сверх предельного бюджета на пятилетие 1904—1908 годов 825 миллионов рублей.

Министр финансов по состоянию государственного казначейства признал возможным отпустить 130 миллионов рублей. Очевидно, что такой отпуск снова поставил нашу армию в положение отсталости. Массу отложенных еще в 1899 году настоятельных нужд приходилось снова откладывать с надеждой, что в 1910 году, наконец, у России найдутся денежные средства для охраны самых насущных ее интересов — охраны целостности империи».

Генерал А.Н. Куропаткин, человек, которого по сей день считают главным виновником поражения России в японской войне, был не одинок в такой оценке отношения Министерства финансов к нуждам армии. Генерал-лейтенант А.Ф. Редигер (будущий военный министр), участвовавший в составлении новой сметы предельного бюджета на вышеназванную пятилетку, писал:

«Существенные недостатки организации и снабжения нашей армии являются прямым следствием недостаточности ассигнований, уделявшихся ей со времени войны с Турцией: ассигнования эти никогда не соотносились с действительными потребностями армии и с предстоящими ей задачами, а основывались на соображениях о предвидевшихся свободных средствах.

При составлении плана на текущее пятилетие выяснилось, что на удовлетворение настоятельных нужд требовалась бы прибавка к прежнему предельному бюджету, в течение пятилетия, 825 миллионов рублей, а между тем таковая была разрешена лишь в размере 130 миллионов рублей. Таким образом, сметные средства текущего пятилетия не дают никакой надежды сколько-нибудь заметно улучшить существующее положение».

Собственно говоря, тот же Куропаткин отчасти дал ответ на то, почему министр финансов С.Ю. Витте так сильно урезал запросы Военного ведомства. В своих мемуарах о русско-японской войне он писал следующее:

«Необходимо при этом принять во внимание всевозрастающие требования отпусков на Морское ведомство. Министру финансов приходилось безразлично отыскивать кредиты для морского и сухопутного ведомств, и повышение требований на Морское ведомство отражалось понижением отпусков на сухопутное ведомство».

Витте приходилось не раз слышать критику в свой адрес руководителей силовых министерств. Их руководители были вхожи в приемную императора, имели широкие, доверительные связи в среде великих князей Романовых. Сложность положения Сергея Юльевича состояла в том, что по своему положению он оказался не только собирателем доходов в государственную казну, но и «главным расходником» собранных денежных средств.

Чтобы избежать критики свыше и более мудро распоряжаться бюджетом Российской империи, С.Ю. Витте пошел на такой ответственный шаг, как создание в структуре подчиненного ему Министерства финансов отделов других министерств: Военного, Морского, Путей сообщения, Народного просвещения, Внутренних дел, Земледелия и Иностранных дел. Через эти отделы Витте регулировал поток финансирования других ведомств, более досконально зная их насущные нужды.

Исследователи и сегодня спорят о том, готовил ли С.Ю. Витте свое ведомство к возможной японской войне. То есть речь идет о некоем мобилизационном плане. Скорее, такого документа за подписью Витте не существовало, поскольку тому есть авторитетное свидетельство. Министр финансов видел генерала А.Н. Куропаткина последний раз перед его отъездом в Маньчжурию 19 января 1904 года на придворном балу в Зимнем дворце. Тогда между двумя министрами состоялся следующий разговор.

Витте сказал, что он не видит благополучного исхода переговоров с Японией. И указывал собеседнику на отсутствие финансового плана на случай возникновения на Дальнем Востоке военного конфликта и что это может поставить империю в тяжелое положение. Он предложил составить такой план, но при

условии, если ему будет дана военно-политическая ориентировка. Куропаткин записал в своем дневнике сразу после той беседы:

«Витте рисовал в мрачном виде финансовое положение России. У нас финансового плана на случай войны не выработано. (...)

Какие произвести финансовые операции важно выяснить: должны ли мы готовиться к войне только с Японией или после войны с Японией нам надо ждать войны европейской. Меры должны быть особые в том и в другом случае».

О своем месте в случае начала военного конфликта на Дальнем Востоке Сергей Юльевич высказался Куропаткину вполне определенно:

«Его (Витте. — *Автор.*) надо с объявлением войны призвать к власти. Иначе не справятся и испортят только то, что им сделано».

С.Ю. Витте был не одинок в мнении о том, что война на Дальнем Востоке России неизбежна. Так, царский наместник адмирал Е.И. Алексеев телеграфировал в столицу, в МИД:

«Существенное разногласие между Россией и Японией вполне выяснено. Способа для достижения соглашения взаимной уступчивости нет. Вооруженное столкновение с Японией неизбежно. Можно только отдалить его, но не устранить».

Из этой телеграммы видно, что царский наместник, в конце января назначенный императором Николаем II главнокомандующим вооруженными силами России на Дальнем Востоке, реально оценивал сложившуюся ситуацию. О том же с тревогой сообщали на имя главы Министерства финансов его агенты в Китае и Корее. Алексеев предлагал предпринять некоторые меры по повышению боевой готовности русской армии в восточных областях и ее частичному развертыванию.

Войну Япония начала нападением миноносцев Соединенного флота вице-адмирала Хейхатиро Того на русскую эскадру, стоявшую на внешнем порт-артурском рейде. А эскадра вице-адмирала С. Уриу попыталась завладеть крейсером «Варяг» и капонерской лодкой «Кореец», предъявив им ультиматум с требованием сдачи.

Известно, что С.Ю. Витте воспринял сообщение о начале военного конфликта внешне сдержанно: он был готов к такому известию. Но такое нельзя было сказать о его единомышленни-

ке в вопросах дальневосточной дипломатии министре иностранных дел В.Н. Ламздорфе. Он, прочитав телеграмму адмирала Алексева, в сердцах бросил посланным к нему чиновникам одну-единственную фразу:

— Доигрались-таки!..

Манифест императора Николая II об объявлении войны был обнародован 27 января. Манифест микадо — императора Японии последовал только на следующий день.

После обнародования высочайших манифестов о начале войны в столицах России и Японии состоялись торжественные официальные церемонии. 27 января, в 4 часа дня, в Зимнем дворце состоялся «Высочайший выход к молебствию» по случаю объявления войны.

Официальная церемония объявления войны в Японии выглядела достаточно сдержанно. 29 января в дворцовых покоях Токио были совершены богослужения и был прочитан императорский манифест. Обер-гофмаршал принц Инакура Томоаса посетил особо почитаемый храм Исе, где кроме участия в богослужении по поводу объявления войны совершил поклонение гробницам, где покоились останки основателя правящей династии и Комея — отца здравствующего императора.

С.Ю. Витте встречал русско-японскую войну в новом качестве: главой Комитета министров Российской империи.

2

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ. ОТСТРАНЕНИЕ ОТ ВОЕННЫХ ДЕЛ

Император Николай II не мог не понимать и не видеть того, что Российская держава нуждалась в обновлении управления. Но этому препятствовало его окружение, в первую очередь обер-прокурор Синода Константин Петрович Победоносцев.

Считается, что именно фигура К.П. Победоносцева натолкнула императора Николая II на мысль о том, что ему необходимо сформировать новое правящее окружение из людей, понимающих ход внутривластных событий и способных укрепить самодержавие. Одним из них был С.Ю. Витте. Самодержцу стало ясно, что именно такие люди должны прийти на смену верным ему Победоносцевым и Дурново, которые уже не могли владеть

ситуацией в стране. Время их уже ушло, хотя в их верности сомневаться не приходилось.

Витте так описывал в мемуарах свой уход с поста всесильного министра финансов и назначение главой российского правительства:

«В начале августа, в четверг перед 16 числом, вечером, я получил от Государя императора записку, в которой Его Величество угодно было мне приказать: когда я приеду завтра, в пятницу, к Государю с всеподданнейшим докладом в Петергоф, то чтобы привез с собой и управляющего Государственным банком Плеске.

У меня было убеждение, что при данном положении вещей я остаться министром финансов не могу, так как в противном случае приму на себя ответственность за все те последствия, которые произойдут в случае японской войны. Я отлично понимал, что если другие министры могли иметь оправдание, что, мол, так Государю императору было благоугодно, то я этого оправдания в общественном мнении не получу. Ибо Россия уже достаточно хорошо знала и мой характер, и мою решительность, и мою твердость, и никто не поверил бы, что я, со своей стороны, сделал все, чтобы не было войны, и что, только склонившись перед необходимостью, остался на своем посту.

Но тем не менее, мне казалось, что если Его Величеству и угодно будет кого-нибудь назначить, то это будет сделано обыкновенным порядком, что Его Величеству благоугодно будет меня вызвать и об этом мне сказать. И я вполне понимал это желание Государя императора, ибо, очевидно, если Государь решил вести политику совершенно обратную моим убеждениям, то я, оставаясь на посту влиятельного министра, министра, который имел такое большое значение в делах Дальнего Востока, буду всегда служить препятствием к введению нового курса. И какое бы ни было решение, то или другое, но самое худшее из них — это двойственность.

Итак, я все-таки не мог понять, для чего Его Величество угодно было, чтобы я привез к нему Плеске. Мне представлялось, что если Его Величеству угодно будет назначить вместо меня другого министра, то почему Государь остановился именно на Плеске, которого он совершенно не знал (...)

Я дал знать Плеске, чтобы он утром приехал ко мне на Елгин остров, а оттуда мы отправились на пароходе пограничной стражи, который обыкновенно возил меня в Петергоф.

Плеске спрашивал меня дорогой, для чего он вызван.

Я не мог ответить ему определенно, а только высказывал догадки, что может быть Государю императору угодно его назначить на какой-нибудь пост.

Затем, приехав в Петергоф, я вместе с Плеске в карете поехали к Его Величеству. Плеске остался в приемной комнате, а я пошел к Государю в кабинет.

Государь очень милостиво меня встретил. Как всегда, доклад мой продолжался около часа. Во время доклада я сообщил Его Величеству мои различные предположения относительно будущего. И просил разрешения Государя, когда он уедет за границу, поехать по обыкновению по России, во все те губернии, где я еще не был и где была открыта питейная монополия.

Его Величество это одобрил, сказав, что я хорошо делаю, что сам лично осматриваю учреждение этого весьма важного дела.

Когда я уже встал, чтобы проститься с Его Величеством, Государь император, видимо, несколько стесненный, сконфуженный, обратился ко мне с вопросом: привез ли я Плеске? Я сказал, что привез. Тогда государь спросил меня:

— Какого вы мнения о Плеске?

Я ответил, что самого прекрасного.

И действительно, я почитал и почитаю Плеске как человека в высокой степени порядочного, прекрасного, имевшего значительную практику и сведения в некоторых отраслях финансового управления. Он все время был одним из моих ближайших сотрудников.

После такой, сделанной мной, рекомендации Плеске Государь император сказал мне:

— Сергей Юльевич, я вас прошу принять пост председателя Комитета министров. А на пост министра финансов я хочу назначить Плеске.

Меня это неожиданное решение, — неожиданное, главным образом, по своей форме, — весьма удивило. Его Величество, заметив, вероятно, что я выразил на своем лице удивление, сказал мне:

— Что, Сергей Юльевич, разве вы недовольны этим назна-

чением? Ведь место председателя Комитета министров это есть самое высшее место, которое только существует в империи.

На это я сказал Государю, что, если это назначение не выражает собой признака неблаговоления ко мне Его Величества, то я, конечно, буду очень рад этому назначению. Но я не думаю, чтобы на этом месте я мог быть полезным, сколько я мог бы быть полезным на месте более деятельном.

Затем, простившись с Его Величеством, я ушел из кабинета и, согласно повелению Государя, сказал Плеске, чтобы он пошел к императору.

Вероятно, императрица Мария Федоровна (вдова императора Александра III. — *Автор.*) знала о том, что должно было произойти, а потому пригласила меня к себе завтракать.

Из дворца Государя императора я поехал к императрице. Императрица была ко мне в высокой степени милостива и любезна».

Было ясно и очевидно, что кандидатура Сергея Юльевича Витте на пост главы Комитета министров прошла заинтересованное обсуждение в узком кругу семьи Романовых. Известно, что больше всех за Витте «говорила» вдовствующая императрица Мария Федоровна, хорошо помнившая, с каким уважением к этому человеку относился ее покойный муж.

Высочайшим указом от 16 августа 1903 года действительный тайный советник Сергей Юльевич Витте был уволен от должности министра финансов и назначен председателем Комитета министров. При этом оговаривалось, что Витте остается статс-секретарем Его Императорского Величества. На него, как на человека, имеющего подобный опыт, возлагалось дальнейшее ведение по Министерству финансов переговоров о торговом договоре с Германией, что являлось важной государственной задачей.

Витте в новом качестве — в ранге главы правительства Российской империи предстояло пережить для отечественной истории еще немало взлетов, равно как и падений. Но ни один из взлетов не мог быть сравним со значением золотой денежной реформы.

С.Ю. Витте стал главой Комитета министров накануне военных событий на Дальнем Востоке и последующих за ними революционных потрясений. Император Николай II словно предчув-

ствовал, что на высшем правительственном посту именно в эти годы должна была находиться сильная личность.

Есть немало объяснений, почему выбор Николая II при смене главы кабинета пал именно на Сергея Юльевича Витте. Пожалуй, наиболее точно по этому поводу высказался В. Маклаков в своей работе «Власть и общественность на закате старой России», которая увидела свет в 1936 году в Париже. Он писал:

«Россия нуждалась в эволюционном развитии — как в политическом, так и в экономическом плане. Мало-помалу Николай обернул свой взор к Витте. Который, будучи верным слугою трона, держался вполне современного мышления. Рекомендацией этому персонажу в глазах юного царя служило то, что его открыл, вывел на большую дорогу и поддерживал обожаемый отец. В бюрократических кругах Санкт-Петербурга Витте почитался опасным и гениальным выскочкой. Сын скромного служащего немецких кровей, он имел возможность учиться только благодаря стипендии, а закончив учебу, вступил на работу в Управление Юго-Западных железных дорог, чтобы зарабатывать на жизнь.

Замеченный начальством, затем Александром III, он был назначен последовательно директором Департамента железнодорожных дел, министром путей сообщения и, наконец, министром финансов. Выйдя из низов, он общался с самыми различными слоями и накопил глубокие знания о российской действительности. Как раз этих-то знаний часто не хватало его коллегам, вышедшим из привилегированных классов. Эти последние не могли простить ему ни быстрого восхождения, ни женитьбы на разведенной женщине еврейских кровей. Его суровое бородатое лицо, категоричный тон, вспыльчивость и горячность имели резонанс в высших правительственных сферах».

Маклаков указывает на политическое кредо нового российского премьера: «Витте не подходил под шаблон ни консерватора, ни либерала». По мнению публициста-белоэмигранта, в Витте совмещались черты, которые редко встречаются вместе, и этим он приводил своих врагов (а их у него набиралось действительно много) в недоумение: «Когда же наш премьер искренен и где он хитрит?»

Исследователь заката старой России сам отвечает на этот вопрос, определяющий личность человека-государственника: «Ори

гинальность Витте была в том, что он совсем не хитрил, управляя Россией. Поэтому его политический облик и место, которое он мог занять в истории своего Отечества, не укладывались в шаблонные представления современников».

По Маклакову, известного глубиной своего исследования, Сергей Юльевич Витте «олицетворял собой то, что в обреченном на гибель, разрушающем себя Самодержавии еще оставалось здоровым и что могло спасти ему жизнь». С таким мнением трудно не согласиться.

По сути дела, деятельность С.Ю. Витте на посту главы финансового ведомства способствовала тому, что на рубеже веков Россия по абсолютным размерам промышленного производства вошла в число крупнейших индустриальных держав мира, заметно уступая, однако, им в производстве продукции на душу населения. Более половины стоимости фабрично-заводской продукции приходилось на пищевую и текстильную промышленность.

Деятельность Витте на посту министра финансов привела к тому, что в процессе принятия правительственных поощрительных мер (охранительных таможенных пошлин, предоставления предпринимателям крупных государственных заказов и субсидий) в России постепенно утверждались новые отрасли тяжелой индустрии. К ним относились машиностроение, обеспечивавшее железные дороги подвижным составом (паровозами и вагонами), и передельная металлургия, производившая для них рельсы. (Железнодорожное строительство велось в огромных масштабах.)

Мощный промышленный подъем, начавшийся в России с 1893 года и продолжавшийся до конца 90-х годов, изменил лицо отраслевой отечественной промышленности. Если продукция всей крупной промышленности за период с 1893 по 1900 год в целом выросла почти вдвое, то отраслей тяжелой промышленности — в три раза. Показательно то, что характер такого индустриального взлета во многом определялся размахом железнодорожного строительства, которое осуществлялось на государственные капиталы, поток которых контролировался Министерством финансов.

К 1892 году протяженность российской железнодорожной сети составляла 31 тысячу километров. За период же с 1893 по 1902 год,

то есть за время пребывания С.Ю. Витте во главе финансового ведомства, было построено 27 тысяч километров железных дорог. Это были Транссибирская магистраль, Восточно-Китайская железная дорога (КВЖД), Южно-Уссурийская и Северо-Уссурийская дороги, другие пути. Одновременно велась реконструкция старых, однопутных трасс.

Витте не случайно увидел в железных дорогах «козырную карту» в деле финансового обеспечения промышленного взлета Российской империи. Широкомасштабное, профинансированное государственной казной железнодорожное строительство создало устойчивый рынок для индустриальной продукции: металл и изделия из него, уголь для паровозных топков, лес для шпал и прочих строительных целей. То есть в последнее десятилетие XIX века именно строительство железных дорог «по Витте» стало одной из главных, если не основной, причин промышленного бума, захлестнувшего Россию.

Индустриализация России за это десятилетие на фоне мировой экономики выглядела достаточно впечатляюще. Выплавка чугуна увеличилась в 6 раз, стоимость продукции машиностроения — более чем в 4 раза. К началу нового, XX столетия отрасли группы «А» (производство средств производства) давали около 40 процентов стоимости всей российской промышленной продукции.

Естественно, что развитие промышленных районов по стране было неравномерным. В это время исключительно быстро росла горная и горнозаводская промышленность Юга России. За 1890—1899 годы доля Юга в общей добыче железной руды увеличилась с 21,6 до 57,2 процента, а выплавка чугуна — с 24,3 до 51,8 процента. Совсем иную картину представлял собой старый горнозаводской район Урал, лидировавший до этого с петровской эпохи. Доля его промышленности в металлургическом производстве снизилась с 67 процентов в 70-е годы до 28 процентов в 1900 году. При этом уральское горнозаводское хозяйство Урала заметно уступало Югу в современности оборудования и, естественно, его производительности.

Финансовая, организующая деятельность государственной казны стимулировала использование разработанных на Западе форм и технологий крупного капиталистического производства. Правительственные заказы и субсидии, мощные каналы иност-

ранного инвестирования способствовали возникновению и развитию крупных промышленных предприятий, которые определяли собой лицо отечественной индустрии. В России относительно рано возникли промышленные монополии. Этому процессу способствовало возникновение централизованных сбытовых объединений, которые действовали под видом предпринимательских союзов. Наиболее известными из них при С.Ю. Витте были Союз рельсовых фабрикантов, Союз фабрикантов рельсовых скреплений, Вагонный союз. Они в первую очередь ориентировали свою деятельность на железнодорожное строительство.

Министерство финансов России во многом способствовало процессу, в ходе которого с середины 90-х годов началось сращивание отечественных банков с промышленностью. Началось формирование финансово-промышленных групп, что выразилось в возникновении «сфер интересов» крупнейших банков (прежде всего Санкт-Петербурга) в быстро развивающейся индустрии. Так, уже в 1900 году Петербургский международный банк оказался заинтересованным более чем в 20, а Петербургский учетный и ссудный банк — почти в 30 крупных промышленных предприятиях. Известно, что Витте приветствовал такой процесс развития отечественной экономики, не забывая осуществлять над ним известный контроль через Государственный банк.

Бурные темпы промышленного подъема 90-х годов во многом стали возможны благодаря экономической политике С.Ю. Витте, использовавшего традиционные методы государственного вмешательства в экономику. Это был испытанный в России путь, но министр финансов смог дать ему новый импульс, новое организующее начало. Курс Витте на всемерное содействие промышленному развитию не был принципиально новым явлением. Он опирался, как считают исследователи, на традиции форсированного индустриального развития петровской эпохи, а также на опыт финансово-экономического регулирования последующих периодов.

Государство защищало отечественных производителей от иностранных конкурентов и содействовало развитию промышленности, как в административном порядке, так и финансами.

Российское государство в ходе реформаторской деятельности получило в мировой экономике «новое лицо». Согласно расчетам, выполненным сотрудниками аппарата Лиги Наций в рам-

ках сравнительного изучения процессов индустриализации и развития международной торговли, доля России в международном промышленном производстве в 1881—1885 годах составляла 3,4 процента. В 1896—1900 годах ее доля возросла до 5 процентов, а к 1913 году составила уже 5,3 процента. Общеизвестно, что такой старт был дан благодаря реформам Витте.

Оценивая такие позитивные сдвиги, многие исследователи обращают внимание на особенности Российской империи того времени. Так, английские историки А. Милворд и С. Соул в своем известном исследовании экономической истории континентальной Европы отмечали:

«Россия была страной крайностей — в климате, в роскоши и в нужде, в примитивном сельском хозяйстве и в самой современной сталелитейной промышленности в Европе.

Ее население было столь велико и росло столь быстро, что усилия, которые были бы успешными в других условиях, оказывали малое экономическое воздействие».

С таким выводом можно соглашаться только отчасти. Действительно, Россия по промышленным показателям отстала от, скажем, Великобритании или Германии. Но поступательное движение ее вперед на рубеже двух веков бесспорно. Более того, оно шло опережающими темпами, заставляя европейские державы по-иному смотреть на Российскую империю. И опасаться ее нынешней и особенно будущей мощи, как военной, так и экономической, финансовой. То есть «по Витте» у России в державном развитии была хорошая историческая перспектива.

Во время пребывания Витте на посту главы финансового ведомства Россия пережила первый промышленный кризис, который стал для Запада серьезным потрясением. А как же пережила тот кризис Российская империя? Можно сказать однозначно: менее болезненно, чем европейские державы. Если в целом промышленное производство в стране в 1900—1903 годах сократилось на пять процентов, то потребление хлопка текстильной промышленностью сократилось совсем незначительно — всего на 0,6 процента. Но в эти годы выплавка чугуна уменьшилась на 15 процентов, производство рельсов — на 32 процента, производство паровозов и вагонов сократилось на 25—37 процентов.

Промышленный кризис привел к разорению около четырех тысяч средних и мелких предприятий. Без средств к существова-

нию осталось 112 тысяч рабочих. В эти годы многие оставшиеся без работы люди со своими семьями на время вернулись из города в деревню.

Однако российская экономика в годы мирового кризиса не пошатнулась под его натиском. Прирост промышленного производства сократился до минимума, но не пересек критической черты, как это было в других государствах. При всей мрачности такой социальной картины, положение дел в европейских государствах с банкротством и безработицей выглядело более бедственно, чем это было в России. В особенно тяжелом 1902 году прирост производства промышленных товаров все же составил 0,1 процента (!). Такое стало возможным еще и в силу одновременности кризисных явлений в отдельных отраслях. И в итоге общего уменьшения объема выпускаемой продукции в России не наблюдалось.

Витте видел и такую взаимосвязанную сторону разразившегося промышленного кризиса, как гибель тысяч мелких предпринимателей, стимулировавшую появление монополистических объединений. Не без его участия в начале 1900-х годов была найдена организационная форма коммерческой легализации сбытовых монополий: синдикаты стали действовать, прикрываясь вывеской специально учреждаемого торгового общества, которому его учредители — участники монопольного объединения — передавали право на продажу продукции.

Такое явление в российской экономике привело к тому, что монополии в считанные годы утвердились в отраслях промышленности, производивших средства производства. Так, в черной металлургии господствующее положение заняли: Рельсовый картель (создан в 1900 году), синдикат «Продамет» (1902 год), Стрелочный синдикат (1902 год), картель заводов, изготовлявших кровельное железо, позднее преобразованный в синдикат «Кровля» (1906 год).

В машиностроении и металлообработке начали действовать синдикаты «Продпаровоз» (1901 год), «Продвагон» (1902 год), «Гвоздь». Все эти монопольные объединения занимались обеспечением железных дорог и железнодорожного строительства.

Подобные монополии в других отраслях отечественной промышленности не получили такого развития. Среди них можно выделить разве что монополизацию добычи угля в Донецком

каменноугольном бассейне синдикатом «Продуголь», образованном в 1904 году.

Витте обращал внимание, что монополии возникали преимущественно в наиболее концентрированных отраслях тяжелой промышленности, почти не затрагивая легкую. Однако сосредоточение в руках картелей и синдикатов важнейших источников сырья и топлива оказывало глубокое воздействие на всю структуру отечественного производства. В начавшийся процесс монополизации постепенно включались и ряд отраслей, производившие предметы народного потребления. Так, в текстильной промышленности быстро возникло большое число регионально-отраслевых объединений картельного типа.

Как министра финансов, С.Ю. Витте беспокоили прежде всего налоговые поступления в государственную казну, в том числе и с производителей промышленной продукции. Экономический кризис отразился на денежных потоках, составлявших доходные статьи казны империи. Особенно сократила свое производство уральская горная промышленность, обладавшая технически отсталыми заводами черной металлургии. Не случайно Урал справился с кризисными явлениями только в 1908 году. Криворожский же железнорудный бассейн перенес кризис с минимальными потерями, быстро наращивая экспорт железной руды (в 1908 году он составил 19 процентов от всей добытой руды).

В добыче угля экономический кризис сказался двояко. Если на шахтах Донбасса угледобыча сократилась на 2—3 (!) процента, то на Урале и в Сибири она увеличилась в два раза. Это было реакцией на все возрастающие потребности в паровозном топливе местных железных дорог. Но восточные районы еще не давали большого объема добычи угля, поскольку пальму первенства в начале столетия держал в своих руках Донбасс, дававший более 92 процентов российского угля.

За нефтяной промышленностью министр финансов С.Ю. Витте усматривал большое будущее, благо Бакинские и иные нефтепромыслы отличались богатством запасов. Но кризис привел к заметному падению цен на нефтепродукты. С другой стороны, нефтяные короли и не торопились выкидывать на рынок подешевевший керосин и мазут, придерживая его до лучших времен на складах. Когда ряд сенаторов и журналистов подвергли их критике за подобную торговую политику, то они ус

лышали (и Витте тоже) ответ бакинского нефтяного магната Эммануэля Нобеля:

«Да, запасы нефти у нас есть, и мы их придерживаем. Цены идут вверх, и кто же упрекнет нас, частных предпринимателей, что мы блюдем свой интерес?»

Чиновники Министерства финансов по заданиям Витте постоянно занимались анализом экономического состояния страны, уровня промышленного производства, состояния внутренней и внешней торговли.

По данным регулярно проводимых промышленных переписей (были в старой России и такие) с 1900 по 1908 год мощность оборудования на одного рабочего возросла с 0,7 до 1,4 лошадиных сил, то есть вдвое. За этот же период мощность применяемых двигателей внутреннего сгорания увеличилась в 8,5 раза, а электрических — в 7 раз.

Следовательно, кризисный период мировой экономики в целом для российской промышленности не был упадком или застоєм, а сопровождался существенной качественной перестройкой тяжелой промышленности. Заслуга здесь С.Ю. Витте, как министра финансов, виделась прежде всего в разумной и эффективной казначейской политике. Именно она позволила свести на нет многие кризисные явления, которые угрожали отечественной экономике. Здесь исследователи достаточно единодушны: финансовая система Российской империи с ее золотым рублем удары судьбы выдержала с подлинной честью.

В годы мирового кризиса первых лет XX века российская легкая промышленность не пострадала. Падения производства в ней не произошло, наоборот, она дала заметный прирост. На сельское хозяйство положительно сказалось строительство новых железных дорог, рост мировых цен на зерно и другие продовольственные товары, а также таможенная политика государства.

Витте, анализируя российские показатели мирового кризиса 1900—1903 годов, констатировал следующее: кризисные влияния, равно как и последовавшая за ними депрессия на крупную промышленность отразились в виде замедления (в два раза) темпов ее развития. Но при всем этом экономика России, ее финансовая система выстояли, подтвердив тем самым правильность избранного экономического курса.

Кризис по сути дела не затронул банковскую систему России, над устройством которой так много потрудился Витте. Концентрация банковского капитала шла под контролем Государственного банка: он (банк) со знанием дела контролировал силу своих исключительных прав деятельность акционерных коммерческих банков. Из них при Витте выдвинулись пять банков, сосредоточивших в своих руках почти половину денежных ресурсов. Это были банки: Русско-Азиатский, Петербургский международный, Русский для внешней торговли, Азовско-Донской и Русский торгово-промышленный.

Таковы были итоги экономического развития России в последнее десятилетие XIX столетия и годы мирового кризиса 1900-1903 годов. То есть итоги стратегии Витте в деле усиления экономической мощи России. Знал ли об этом достаточно полно самодержавный император Николай II? Бесспорно, знал. Хотя бы по ежегодным отчетным докладам Министерства финансов. Однако монарх не устоял под давлением «безобразовской клики» и отправил Витте «на повышение», лишив его тем самым реального влияния на ход экономического развития страны.

Была ли такая перестановка в правительстве стратегической ошибкой Николая II? Думается, что была.

Как же сам Сергей Юльевич расценивал свое действительное падение с кресла главы финансового ведомства, вполне самостоятельного в решениях и во многом доминирующего над другими министерствами? Как понимал свое предназначение на посту председателя Комитета министров Российской империи?

Витте всегда отличался определенной самокритичностью, но при этом никогда «не трогал» личность императора:

«Мой уход с должности министра финансов с высшим значением на бездеятельное положение председателя Комитета министров, как я говорил, объясняется почти исключительно моим несогласием с той политикой на Дальнем Востоке, которая привела нас к японской войне.

Естественно, рождается вопрос: почему же остался на своем посту граф Ламздорф, который с тех пор, как он был назначен министром иностранных дел, все время поддерживал одинаковые со мной взгляды.

Произошло это, с одной стороны, от разности характеров моего и графа Ламздорфа. А с другой стороны, от разности внешних приемов действий.

По этому предмету один из деятелей того времени, стоявший близко ко Двору, представил положение дела в форме следующего рассказа.

Он говорил: «Представьте себе отца семейства, который имеет сына и дочь. И представьте себе, что этот глава семейства делает нечто такое, что, по мнению его детей, губительно для самого отца семейства. Положим, например, что этот отец семейства, уже в пожилых годах, хочет развестись со своей женой и жениться на молодой девушке. Дети уговаривают его этого не делать, но способы отговоров сына и дочери совершенно различны».

Сын приходит к отцу и говорит: «Отец, не делай этого. Ведь если ты это сделаешь, ты повредишь себе, повредишь всем твоим родичам и потеряешь престиж». И говорит это в такой резкой форме, что, наконец, отец выходит из себя и, после многих предостережений сыну, чтобы он перестал говорить с ним на эту щекотливую тему, говорит ему: «Уходи вон», и удаляет сына из дома.

А затем приходит тихая и скромная дочка и говорит то же самое, но в другом тоне: «Милый папа, я тебе советую этого не делать. Ты знаешь, как я тебя люблю. Ты себе повредишь и потому, ради того, что я тебя так люблю и боюсь, что ты навредишь себе, я умоляю тебя, пожалуйста, не делай этого».

В таком случае отец семейства треплет свою дочку по щечке и говорит: «Ах ты милая, моя душечка, иди погуляй немножко, а вечером я поеду с тобой в театр».

Витте в этом иносказательном рассказе царедворца увидел суть своей отставки с поста «влиятельнейшего деньгами» министра. Глава Совета министров понимал, что прежнее влияние на положение дел в России он частично утратил, равно как и часть позиций при дворе. Его успокаивало то, что ему откровенно симпатизировали императрица-мать Мария Федоровна и великий князь Михаил Александрович. Три ключевых министра — иностранных дел Ламсдорф, военных — Куропаткин и финансов — Плеске остались дружны с ним. Более того, они оставались его союзниками в важнейших государственных делах.

Но С.Ю. Витте, как главу исполнительной власти в стране, тревожило другое обстоятельство. Как он впоследствии жаловался К.П. Победоносцеву, с государем он с августа 1903 года по март

1905 года виделся личным порядком всего шесть раз (и это председатель Совета министров!), а говорил наедине только два раза. То есть Сергей Юльевич утратил свое личное влияние на императора, будучи теперь лишен права на регулярные ему доклады. Докладывали министры, но не председатель их Совета. Подобную ситуацию в какой-либо тогдашней европейской стране с президентским или династическим правлением трудно было даже представить.

Собственно говоря, Россия с самодержавным, не конституционным правлением, не имела того Совета министров, который был в странах Европы, Северной Америке или в Японии. Министры, а не председатель их Совета, были лично ответственны за дела в своих ведомствах. Витте знал об этом прекрасно, познав всю силу власти главы Министерства финансов. Поэтому на него в новой должности, казалось бы более высокой, «пала масса административного хлама».

Это выражение пришло в отечественную историю, исследующую систему российского государственного управления из мемуаров С.Ю. Витте. Он, как большой ее знаток, писал много позднее следующее:

«Пост председателя Комитета министров представляется совершенно бездейственным. Комитет министров был уничтожен после преобразований, вызванных 17 октября 1905 года. До 17 октября 1905 года объединенного правительства (Кабинета министров) не было. Комитет представлял высшее административное учреждение, которое весьма мало служило к объединению правительства. В него вносились масса административного хлама — все, что не было более или менее точно определено законами, а также важные законодательные акты, которые рисковали встретить систематическое и упорное сопротивление со стороны Государственного совета.

Таким образом, через Комитет министров прошли почти все временные законы, ограничивающие права евреев, поляков, армян и иностранцев, различные полицейские меры о всевозможных охранах, всякие опеки различным лицам, протезируемым свыше, коль скоро давались льготы вне закона, и тому подобные дела.

Комитет состоял из всех министров или их заместителей, председателей департаментов Государственного совета и лиц по

назначению Государя. В Комитете играли роль обыкновенно два, три лица, которые в данное время пользовались особым благоволением Его Величества, а все остальные к ним прислушивались.

Таковыми лицами в мое время были граф Толстой (министр внутренних дел); И.Н. Дурново, очень недалекий человек, но житейски умный и хитрый; Плеве, очень умный агент тайной полиции, недурной юрист, оппортунист, поверхностно образованный, хитрый и ловкий карьерист-чиновник, вообще весьма неглупый, но без всякого государственного инстинкта.

Победоносцев, выдающегося образования и культуры человек, безусловно, честный в своих помышлениях и личных амбициях, большого государственного ума, нигилистического по природе, отрицатель, критик, враг созидательного полета. На практике поклонник полицейского воздействия, так как другого рода воздействия требовали преобразований, а он их понимал умом, но боялся по чувству критики и отрицания. Поэтому он усилил до кульминационного пункта полицейский режим в православной церкви.

Благодаря ему провалился проект зачатка конституции, проект, составленный по инициативе графа Лорис-Меликова и который должен был быть введен накануне ужасного для России убийства императора Александра II и в первые дни воцарения императора Александра III. Это его, Победоносцева, великий грех. Тогда бы история России сложилась иначе, и мы, вероятно, не переживали бы в настоящее время подлейшую и безумнейшую революцию и анархию».

Витте, знавший правительственный механизм Российской империи, такие резкие суждения о предназначении Комитета министров и его главных действующих лицах высказал совершенно не случайно, не в силу своего позднего негодования новым назначением. Как государствовник, у которого на поприще главы финансового ведомства получалось очень многое, с болью уязвленного самолюбия Сергей Юльевич высказывал свое личное отношение к смене назначенных ему императором кресел в системе власти. Думается, что такого поворота собственной судьбы он и не ожидал, и не предвидел.

Иначе говоря, Комитет министров Российской империи в своей практической деятельности «большой политики» не де-

лал. Вернее не сам Комитет, а его именитый председатель. Такое положение сохранялось до первой русской революции 1905 года. Только тогда император Николай II наконец-то понял, что главы исполнительной власти эта власть должна быть не на словах, а на деле. То есть он ее должен держать в руках и это должны чувствовать вся страна.

На новом посту Витте не пришлось порывать со своими недавними сослуживцами по Министерству финансов, среди которых было много его выдвиженцев. Государем ему поручалось важное дело — подготовка нового торгового договора с Германией. Однако прежде чем заняться ими, Сергею Юльевичу на посту председателя Совета министров пришлось пережить шок от состояния от случившегося падения, откровенной карьерной неудачи. Он писал с явной горечью:

«Я большей частью сижу дома и почти никого не вижу. Откровенно говоря, я чувствую род отвращения видаться с огромным большинством из моих петербургских знакомых; из-за угла критикуют и завидуют, а в глаза подличают».

Но поскольку управлять Комитетом министров все же было надо, то новый его председатель выработал собственную тактику поведения. Впрочем, он здесь не изобретал ничего нового. Поэтому в своих «Воспоминаниях» Витте был предельно откровенен:

«Будучи председателем Комитета министров, я подобно некоторым моим предшественникам употреблял все меры, чтобы уклониться по возможности от рогатых дел, которые обыкновенно сплавляли в Комитет, дабы не участвовать в одиозных решениях. И потому стремился передавать их по назначению Государственный совет или предоставить министрам испрашивать утверждения (решения. — *А.Ш.*) всеподданнейшими докладами».

После вышесказанного Витте откровенно сетует на свою судьбу: «Вообще председатель Комитета министров имел очень редкие доклады у Государя. Все доклады посылались управляющим Комитета. Я же, как находившийся в то время в некоторого рода опале, совсем Его Величества наедине не видел».

Подавленный «подарком» судьбы, Витте решил собраться силами для нового жизненного раунда. Он без особого труда выхлопотал для себя отпуск и отбыл с семьей за границу на отдых,

Но перед этим он выехал из министерской квартиры на Мойке в заранее облюбованный им и купленный трехэтажный особняк на Каменноостровском проспекте. Пришлось улаживать и другие домашние дела. Отпуск семья премьера проводила в Германии и во Франции. Путь в Париж лежал через Берлин.

Отпуск нового премьера совпал с поездкой императора Николая II в Европу. Семья Витте тронулась в путь после того, как монарх Балтийским морем убыл в немецкие земли, чтобы довольно долго стать гостем у брата императрицы Александры Федоровны в Дармштадте. Отношения Романовых с аристократическими домами Германии отличались традиционной теснотой, немало влияя на европейскую политику.

Витте об этом знал и потому провел свой отпуск на пользу государства. Отпуск нового главы российского Комитета министров на деле больше напоминал служебную заграничную командировку, о чем Сергей Юльевич не без известной гордости писал в мемуарах.

3

РОССИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ИЗОЛЯЦИИ

Совершив поездку в две европейские державы, которые во многом определяли внешнеполитический климат на континенте, глава российского правительства вел в их столицах переговоры со многими влиятельными лицами. Эти переговоры носили характер частных бесед, но порой значили многое. На таких неофициальных дипломатических раундах С.Ю. Витте больше всего интересовало отношение Германии и Франции к событиям на Дальнем Востоке, где неумолимо вызревала русско-японская война. В этом отношении новый премьер особых иллюзий не строил и своих умозаключений не скрывал.

В Берлине чета Витте долго не задержалась. В германской столице Сергей Юльевич имел обстоятельную беседу с известным банкиром Э. Мендельсоном, который был близок к императорскому окружению. Тот доверительно рассказал о том, что по сведениям немецких дипломатов, Япония усиленно готовится к войне, и что в Токио ее считают неизбежной. В Санкт-Петербурге же такого мнения придерживались немногие официальные лица.

Витте решил действовать, как говорится, на свой страх и риск. Через Мендельсона он обратился к германскому канцлеру Бюлову с советом организовать свидание двух императоров при возвращении Николая II с супругой из Дармштадта домой. Витте надеялся, что суровый во взглядах на Восток император Вильгельм II преподаст русскому царю должный урок благоразумия. Пожелание осталось пожеланием, хотя такое свидание и состоялось в Потсдаме:

«После этого свидания император Вильгельм рассказывал, что он был весьма удивлен, что в течение всего времени Государь с ним ни слова не говорил о политике вообще и, в частности, относительно дел на Дальнем Востоке. Может быть, это произошло вследствие того, что Государь чувствовал, что в сущности император Вильгельм его вовлек в капкан Дальнего Востока, вырвав согласие на Киао-Чау, или, может быть, вообще ему было неприятно выслушивать советы, может быть, благоразумные, а, может быть, коварные, немецкого императора».

В Париже Витте удивило то, что во Франции, по его мнению, недооценивали угрозу войны на Дальнем Востоке. Парижское правительство даже не собиралось оказывать сдерживающее влияние на Санкт-Петербург и Токио. Витте вспоминал в мемуарах:

«В Париже я прожил месяц времени, старался никого не видеть, в особенности официальных лиц. Тогда я был убежден, что война неизбежна и на носу, говорить же кому-либо это, или, вернее, проговориться, конечно, не хотел. Меня в Париже удивляло французское правительство, в особенности министр иностранных дел Делькассе, который, по-видимому, в возможность войны не верил, а потому так пела и французская пресса».

Во французской столице Витте виделся со многими банкирами, с которыми его связывали общие дела, прежде всего инвестиции в российскую экономику. Поскольку парижские банкиры всегда отличались известным влиянием на ход европейской политики, то Сергей Юльевич старался, как мог, использовать этот канал для стабилизации положения на Дальнем Востоке:

«В Париже я несколько раз виделся с главой дома Ротшильдов — бароном Альфонсом, 70-летним старцем, человеком большого государственного ума и отличного образования. Я был с

ним в прекрасных отношениях и любил говорить с этим умным и много знающим человеком. Он был в прекрасных отношениях с Наполеоном III и вообще со всеми выдающимися деятелями Второй империи. В душе империалист, уживался, но не любил республику. Много знал, видел и был весьма начитанным».

Вот через этого «единственно выдающегося из Ротшильдов», российский премьер и постарался воздействовать на дальневосточную политику французского правительства. Витте откровенно пугало то обстоятельство, что Россия в случае военного столкновения с Японией могла оказаться на европейском континенте если не «во враждебном окружении», то в лучшем случае в полном одиночестве. И действительно, когда началась русско-японская война, на стороне России оказалось на европейском континенте только княжество Черногория.

Вне всяких сомнений, С.Ю. Витте возвратился в Санкт-Петербург в самых тревожных раздумьях. Его коробило то, что он, как глава правительства, фактически не участвовал в процессе переговоров России и Японии по дальневосточным делам. Здесь большой вес имели такие люди как адмирал Е.И. Алексеев, пока еще только военный начальник Квантунской области, и все тот же Безобразов, бывший теперь статс-секретарем императорской свиты.

В столице к Витте, как к премьеру, обратился японский посланник С. Курино. Опытный дипломат жаловался на то, что переговоры между двумя странами российской стороной ведутся каким-то страным образом, через посредство адмирала Алексеева, царского наместника на Дальнем Востоке, а не через МИД. Это вызывало в Токио откровенное возмущение.

Витте составил докладную записку (без указания адресата) «Российской политике в Корее и Маньчжурии в связи с деятельностью лесопромышленного товарищества «безобразовцев» на реке Ялу». Записка была зачитана им на обеде у министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа, на котором присутствовали руководящие чиновники МИДа. Однако такой шаг Сергея Юльевича каких-то заметных для него последствий не имел. Ламздорф тогда только беспомощно развел руками и сказал, что царь в дальневосточных делах слушает только одного Безобразова, который теперь определял внешнеполитический «новый курс» России на берегах Японского и Желтого морей.

Японский посланник через день обратился к Витте за «частным интервью». Курино в доверительной беседе сказал, что токийский кабинет настроен самым решительным образом в отношении России, которая «умышленно затягивает переговорный процесс». Дипломат обратил внимание на то, переговоры ведутся так, что Россия, видимо, хочет войны. Япония дает ответы немедленно, а другая сторона делает это через недели и даже месяцы.

Витте, как «простой наблюдатель», посоветовал Японии удовольствоваться «естественной границей» — морем, занимаясь на Азиатском континенте только чисто коммерческой деятельностью. Российский премьер даже попытался припугнуть собеседника успехами сторонников решительного курса при императорском дворе и превосходством своей страны в военном, морском и финансовом отношении. Но у Курино был свой взгляд на сказанное Витте.

У Сергея Юльевича были все основания доверять сказанному посланником правительства микадо. Он знал Курино как дипломата, который «любил Россию, насколько японец мог ее любить», еще будучи начинающим министром финансов. Посланник Токио был к тому же известен как убежденный противник любого военного конфликта на Дальнем Востоке.

Витте навел справки о ходе переговоров между двумя государствами. В «Воспоминаниях» он довольно кратко изложил их опасную суть, стараясь при этом не бросить и тени на императора Николая II:

«Государь не возвратился прямо в Петербург, а пробыл несколько недель в Царстве Польском (в Скерневицах). Граф Ламздорф вернулся в Петербург, да он и не был нужен, так как переговоры с Японией вел Алексеев. Граф Ламздорф не терял еще надежды вывернуться и избежать войны, но при разговорах с ним я всегда разбивал его иллюзии, которые, впрочем, исходили не от разума, а от нервного желания, чтобы войны не было. Думать, что не будет войны, мог только тот, кто не знал характера (или бесхарактерности, если хотите) Государя и всю обстановку, неизбежно влекшую к войне.

Я чуял, что во главе всего стоит Плеве, но он не демонстрировался. Когда он был убит и стали разбирать его кабинет, то оказалось, что все документы, касающиеся дел Дальнего Вос-

тока, или в подлинниках, или в копиях, очутились у него. Бумаги его разобрал И.Н. Дурново.

Все бумаги, касающиеся Дальнего Востока, Его Величество приказал передать адмиралу Абазе, управляющему делами Комитета Дальнего Востока, сподручному и родственнику Безобразова».

19 января 1904 года Витте в последний раз перед войной виделся с военным министром генералом от инфантерии А.Н. Куропаткиным. Их беседа состоялась в Зимнем дворце во время бала, который давал император. Разговор шел о положении на Дальнем Востоке, и собеседники не высказывали иллюзий о мирном исходе переговоров. Витте сетовал на отсутствие государственного финансового плана на случай возникновения вооруженного конфликта. И что это может поставить страну в тяжелое положение. Речь шла о плане финансирования войны казной.

Куропаткин спросил собеседника, готов ли он разработать такой действительно необходимый план. Витте ответил, что он готов взяться за это важное дело, но при условии, что ему будет дана военно-политическая ориентировка. И сказал при этом, что «его надо с объявлением войны призвать к власти. Иначе не справятся и испортят только то, что им сделано».

Японский посланник продолжал тревожить Витте своими опасениями на счет исхода переговоров. Вспышка военного конфликта на берегах Тихого океана становилась вполне реальной. Сергей Юльевич побудил министра иностранных дел Ламздорфа обратиться к Николаю II с докладной запиской, в которой критиковалась дипломатическая позиция царского наместника на Дальнем Востоке. Глава МИДа прямо указывал на то, что адмиралу Алексею следует проявлять больше гибкости, чтобы избежать войны или хотя бы отсрочить ее.

Записка министра иностранных дел не возымела никакого действия. Впрочем, Витте и Ламздорфу ничего другого в той ситуации ожидать не приходилось: они понимали, что Россия «капитается» к совсем не нужной ей войне с Японией и что она не готова к ней.

Затем случилось то, что должно было случиться. Вечером 26 января председатель российского Комитета министров первым (!) из столичных сановников узнал о внезапном нападении японского Соединенного флота на русскую эскадру.

Витте сразу же проинформировал о начале войны военного министра А.Н. Куропаткина. Тот, в свою очередь, дежурного по своему министерству и морского министра. Тот, как ни странно, еще не получил о вражеском нападении из Порт-Артура ни одной телеграфной строчки.

27 января в России был обнародован высочайший Манифест о начале войны России с Японией. О событиях следующего дня, то есть 28 января, С.Ю. Витте рассказывал в мемуарах так:

«На другой день был торжественный молебен в Зимнем дворце. Молебен этот был довольно печальный в том смысле, что тяготело какое-то мрачное настроение.

Когда Его Величество вышел из церкви и направился в свои покои, я был недалеко от Его Величества. Когда Государь проходил мимо генерала Богдановича, Богданович закричал «ура», и это «ура» было поддержано только несколькими голосами.

Затем в тот же самый день я видел Его Величество проезжающим около моего дома на Каменноостровском проспекте в коляске с императрицей. Государь ехал с визитом к принцессе Альтенбергской. Его Величество, проезжая мимо моего дома, обернулся к моим окнам и, видимо, меня увидел, — у него были выражение и осанка весьма победоносные. Очевидно, происшедшему он не придавал никакого значения в смысле, бедственном для России».

Манифестации, состоявшиеся на улицах столицы, Москвы, в крупных городах по случаю объявления войны не встретили «сочувствия» народа. Витте мог на этом убедиться в том, что японская война крайне непопулярна. Это был верный признак того, что власти от нее ждать хороших результатов не могли.

Император Николай II поручил командование русской армией в Маньчжурии генералу А.Н. Куропаткину. Тот ушел с поста военного министра для того, чтобы дать Российской империи новые победы на поле брани, какие от него ожидало романовское окружение и немалая часть общественности, приветствовавшая такое назначение. Но права главнокомандующего на Дальнем Востоке получил не он, а адмирал Алексеев, царский наместник. Отдача полноты высшей власти на театре военных действий фактически в руки двух человек, да еще часто конфликтующих между собой, сослужило для русской армии самую плохую службу. Это показали уже первые события в Маньчжу-

рии. Но Николай II этого, как казалось окружающим, не замечал или не хотел замечать.

Новым главой военного ведомства стал генерал-лейтенант Виктор Викторович Сахаров, начальник Главного штаба, сделавший себе славу отличиями в боях на Шипкинском перевале и под Плевной. Военным министром Сахаров пробыл чуть больше года. Вскоре после отставки он был застрелен в собственном кабинете эсеркой А.А. Биценко, пришедшей к нему на прием. За совершенное преступление террористка была приговорена к пожизненной каторге, которую отбывала до Февральской революции 1917 года.

Куропаткин перед убытием в Маньчжурскую армию нанес несколько визитов официальным лицам. Общественности стал известен такой факт. Куропаткин в разговоре публично упрекнул министра внутренних дел В.К. Плеве:

— Вы, Плеве, один из тех министров, которые эту войну желаете и потому примыкаете к банде политических аферистов.

Плеве промолчал, но, уходя, сказал Куропаткину со всей откровенностью:

— Алексей Николаевич, вы внутреннее положение России не знаете. Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война.

Этот разговор, естественно, стал сразу же известен и председателю Комитета министров. Перепалка между Куропаткиным и Плеве дала ему повод сделать следующие дневниковые записи, вошедшие позднее в мемуары:

«Началось ужасное время. Несчастнейшая из несчастнейших войн и затем как ближайшее последствие — революция, давно подготовленная полицейско-дворянским или, вернее, полицейско-дворцово-камарильным режимом. Затем революция перешла в анархию.

Жаль царя. Жаль Россию».

По поводу же фразы Плеве о крайней необходимости для России «маленькой победоносной войны Сергей Юльевич высказался для истории вполне определенно:

«Вот вам государственный ум и проницательность. Государь был, конечно, глубочайше уверен, что Япония, хотя, может быть, с некоторыми усилиями, будет разбита вдребезги. Что же

касается денег, то бояться нечего, так как Япония все вернет посредством контрибуции».

Витте, ценивший Куропаткина как военного министра, с всем иначе относился к адмиралу Алексееву. Тот на войне не был, сухопутных войск не знал, а свою морскую карьеру сделал во многом благодаря близости к великому князю Алексею Александровичу, ставшему при императоре Александре III генерал-адмиралом, который и рекомендовал Алексеева на должность начальника Квантунской области. Витте близко познакомился с царским наместником в 1903 году, когда он, как шеф пограничной стражи, участвовал в смотре войск Порт-Артурского гарнизона.

Витте, на словах и пером крайне редко осуждавший действия самодержавного монарха, все же отрицательно отозвался о том, как вела себя царская власть в японской войне. Со всей сдержанностью он констатировал такой факт следующим образом:

«Само это назначение все-таки являлось довольно абсурдным. Оказывалось: русская армия будет под командой двух лиц — с одной стороны — главнокомандующего, наместника Дальнего Востока Алексеева, а с другой — командующего армией, бывшего военного министра, генерал-адъютанта Куропаткина. Очевидно, что такая комбинация противоречит самой азбуке военного дела, требующего всегда единоначалия, а в особенности во время войны. Поэтому от такого назначения, конечно, кроме сумбура, ничего произойти не могло».

Витте на перспективы развития войны смотрел, как в воду. Ради справедливости следует сказать, что в таком понимании развития событий он был в начале 1904 года совсем не одинок. Но к мнению таких людей император Николай II не прислушивался и с ними не считался.

Как человек, давно знавший Куропаткина и друживший с ним, Витте мог желать ему только побед и скорейшего окончания войны. Но Сергея Юльевича поражало поведение только что назначенного командующего: он отправлялся на войну «со всей возможной помпой, говорил различные речи, как будто бы он уже возвращался с войны победителем Японии».

Вечер перед отъездом в Маньчжурию Куропаткин провел у Витте, который всегда был готов дать ему дельный совет и сделать прогнозы на будущее. Между председателем Комитета

министров России и командующим состоялся следующий разговор:

«Он (А.Н. Куропаткин. — *А.Ш.*) говорил, что я как лицо, очень близко знающее Дальний Восток и положение дела как в Китае, так и в Японии, может быть, ему бы дал совет относительно общего плана ведения войны. Я просил Куропаткина изложить свой взгляд. Он мне сказал, что так как мы к ведению войны не подготовлены, потребуется много месяцев, для того чтобы усилить нашу действующую армию. То он полагает вести войну по следующему плану: пока не соберется армия в должном составе, с действующими нашими на Дальнем Востоке силами постоянно отступать к Харбину, замедляя лишь наступление японской армии. Порт-Артур предоставить своей участи, причем, по его соображению, Порт-Артур должен был держаться много месяцев. В это время собирать армию недалеко от Харбина, и когда наша отступающая армия дойдет до этого места, то лишь после этого начать наступление на японские силы и эти силы разгромить.

Я, со своей стороны, сказал ему, что его план действия разделяю. Что, по моему мнению, другого плана быть не может, так как мы к войне не подготовлены, а Япония к ней подготовлена. Театр военных действий находится почти под рукой Японии и в громадном расстоянии от Европейской России, центра всех наших как военных, так и материальных сил.

Когда мы обменялись мыслями, Куропаткин встал с кресла, на котором сидел, чтобы со мной проститься, и обратился ко мне с такой речью:

— Сергей Юльевич, вы человек такого громадного ума, таких громадных талантов. Наверное, вы на прощанье могли бы дать мне хороший совет, что мне делать.

Я ему сказал:

— Я бы мог вам дать хороший совет, но только вы его не слушаете.

Он с жадностью накинулся на меня, прося сказать, в чем заключается мой совет. Я его спросил:

— Вы с кем едете на Дальний Восток?

Он сказал, что с несколькими адъютантами и лицами, которые составят на месте его штаб, и на мой вопрос:

— Лица эти таковы, что можно им вполне доверять?

Он ответил:

— Конечно.

Тогда я ему сказал:

— Теперь главнокомандующий адмирал Алексеев находится в Мукдене. Вы, конечно, поедите прямо в Мукден. И вот что я бы на месте вас сделал: приехав в Мукден, я бы послал состоящих при мне офицеров к главнокомандующему, приказав этим офицерам арестовать главнокомандующего. Ввиду того престижа, который вы имеете в войсках, на такой ваш поступок не будут реагировать. Затем я бы посадил Алексеева в тот поезд, в котором вы приехали, и отправил бы его под арестом в Петербург и одновременно бы телеграфировал Государю императору следующее:

«Ваше Величество, для успешного исполнения того громадного дела, которое вы на меня возложили, я счел необходимым, приехав в действующую армию, прежде всего арестовать главнокомандующего и отправить его в Петербург, так как без этого условия успешное ведение войны невысказано. Прошу Ваше Величество за мой такой дерзкий поступок приказать меня расстрелять или же, в видах пользы родины, меня простить».

Тогда Куропаткин засмеялся, начал махать руками и сказал мне:

— Вот, Сергей Юльевич, вы всегда шутите.

На что я ему ответил:

— Я, Алексей Николаевич, не шучу, ибо я убежден, что в том двоевластии, которое обнаружится со дня вашего приезда, заключается залог всех наших военных успехов.

Куропаткин ушел, сказав:

— А вы правы.

Такой разговор двух государственных мужей случайным быть не мог. Витте, сам тонкий дипломат, видел, что в двойном назначении для руководства военными действиями на Дальнем Востоке император и его окружение закладывали определенный смысл. В случае победы над Японией полководческие лавры победителя вероятнее всего трудно делились на двоих. Тогда бы над адмиралом Е.И. Алексеевым и генералом от инфантерии А.Н. Куропаткиным вознеслась фигура самодержца Николая II, ибо он олицетворял собой Российскую империю-победительницу.

В случае неудачного исхода войны монарх мог переложить все пораженческое бремя на любого из этих двух высокопоставленных сановников. Или, в крайнем случае, сразу на двоих. То есть виновник понесенного в Маньчжурии поражения был бы конкретен и «лично» хорошо известен народу. А император оказывался в положении венценосного человека, которого подвели пользовавшиеся его полным доверием военные вожди.

Витте не ошибся (о чем свидетельствуют его записи), что таким «козлом отпущения» за поражение будет именно бывший военный министр А.Н. Куропаткин. И что ему при жизни не удастся оправдаться за поражение русской армии на полях Маньчжурии. Действительно, оно так и случилось. Опальному Куропаткину, отправленному высочайшим указом в деревенскую ссылку, пришлось писать оправдательные мемуары под классическим названием: «Русско-японская война. 1904—1905. Итоги войны».

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ ПОРАЖЕНИЕ В МАНЬЧЖУРИИ. ПОБЕДА В РОССИИ

1 ПОПЫТКИ ВЛИЯТЬ НА ЯПОНСКУЮ ВОЙНУ. ВТОРОЙ ТОРГОВЫЙ ДОГОВОР С ГЕРМАНИЕЙ

События японской войны развивались для россиян откровенно удручающе. Куропаткин слал в столицу бодрые телеграммы, рапортуя в них императору о том, что все идет в Маньчжурии нормально. Алексеев тоже слал телеграммы с грифом «срочно», в которых упрекал командующего Маньчжурской армией во всех неудачах. Император Николай II ответными телеграфными строками не требовал, а скорее выпрашивал побед, если не великих, то хотя бы звонких, в боях местного значения, чтобы верноподданные ощущали военную мощь империи.

Газеты любого толка, многие из которых имели в Маньчжурии фронтовых корреспондентов, сообщали совсем иное: русская армия при равенстве сил в схватках с врагом раз за разом отступала на все новые и новые позиции. Флот фактически бездействовал.

Некоторым утешением служили защитники Порт-Артурской крепости. Они держались не просто стойко, но и результативно, нанося вражеской осадной армии значительные потери в людях. Однако С.Ю. Витте, читая корреспонденции из Маньчжурии, даже не будучи человеком военным, понимал, что русская крепость может держаться, пока у нее имелись запасы боевых зарядов и провианта. Маньчжурская армия после каждого боя все дальше и дальше удалялась от Порт-Артура, не оставляя его защитникам никаких надежд на деблокаду и помощь извне.

Витте, при всем своем немногословии о ходе русско-японской войны, дал оценку ее начальному периоду. Он сумел «схватить» суть событий и подтвердил свои самые мрачные прогнозы. Пожалуй, С.Ю. Витте стал одним из немногих отечественных мемуаристов, увидевших истинные причины поражения русского оружия:

«Приехав в действующую армию, Куропаткин не только не обосновался в Мукдене, а еще было бы правильнее севернее его, не только не начал приводить в исполнение разумный план, им мне высказанный, но сразу начал проводить двойственный план. Смесь своего с планом или, вернее, мыслями Алексеева, ибо у последнего никакого плана не могло быть, да и мыслей своих не было. А было то, что казалось ему, что будет приятно Государю. А ведь тогда еще сохранились все остатки сумасбродных мыслей Безобразова и Компании. И Государь не мог отойти от того, что ему этими дельцами было внушено. Японцы это «макаки», мы их уничтожим.

Так как главная квартира главнокомандующего была в Мукдене, а Куропаткин не без основания не желал иметь свою главную квартиру там, где был Алексеев, то он обосновался значительно южнее Мукдена. Затем главнокомандующий Алексеев совсем не разделял системы пассивного отступления, а, напротив, проводил систему активного наступления, в особенности для вырочки Порт-Артура.

Командующий войсками Куропаткин не без основания считал Алексеева полным ничтожеством, гражданским моряком, а главное — карьеристом. Главнокомандующий же Алексеев ненавидел Куропаткина и желал ему в душе всяких неудач. Первый телеграфировал в Петербург одно, второй другое. Но первый все-

таки не хотел разрыва со вторым, а потому шел на полумеры, а второй покрывался высочайшими повелениями, иногда сам их внушая».

Витте в оценке событий русско-японской войны всегда стремился не бросать тени на императора Николая II. Сергей Юльевич понимал, что на плечи монарха, человека не самых выдающихся способностей, война взвалила непосильные тяжести. Они были, можно сказать с большой уверенностью, по плечу Александру II или Александру III, но никак не их внуку и сыну.

Поэтому С.Ю. Витте осторожно записал только следующее:

«Государь также желал в душе наступлений, но, по обыкновению, двоился: сегодня — направо, завтра — налево. А главное, желал, как всегда, обоих провести. Проводил же он всегда больше всего самого себя».

Глава правительства с началом войны оказался как бы в стороне. Император не привлекал его к участию даже в таких чисто пропагандистских кампаниях, как проводы войск на японскую войну. К слову сказать, Николай II не жалел ни сил, ни времени на то, чтобы лично воодушевить русское воинство, отправлявшееся на Дальний Восток. Он с этой целью ездил в Белгород и Тулу, Полтаву и Москву, Коломну и Пензу, Сызрань и Одессу, Ромны и Сувалки, Витебск и Бирзулу, Жмеринку. Государь посетил Ревельскую гавань, где готовились корабли для похода в Порт-Артур.

Витте потом вспоминал, что император воодушевлял полки, готовые к отправке в Маньчжурию, своим немногословием, личным присутствием на торжественных проводах, вручением образов святых Русской православной церкви, отдавая при этом предпочтение образу Серафима Саровского.

Когда Маньчжурская армия стала терпеть обидные поражения, то генерал Михаил Иванович Драгомиров (в свое время читавший наследнику-цесаревичу Николаю Александровичу курс военного искусства) публично отпустил злую шутку, которая распространилась по России:

— Вот мы японцев все хотим бить образами наших святых, а они нас лупят ядрами и бомбами. Мы их образами, а они нас пулями.

Как свидетельствуют близко знавшие С.Ю. Витте люди, он в

первые дни русско-японской войны находился в состоянии большого возбуждения. Это было неудивительно. Первые дни Россия еще не имела сообщений о результатах боев, но узнала о многих перестановках в высших эшелонах государственной власти. Лично для Витте это означало или утрату единомышленников в среде министров, или приобретение новых. У него самого была тайная мечта возвратиться на пост главы финансового ведомства, вновь получить реальную власть в стране.

В феврале был опубликован высочайший указ об уходе Плесске с поста министра финансов. Многие в столичных кругах считали, что в такие трудные для России дни император Николай II решил вернуть талантливого финансиста Витте. Но случилось неожиданное: государь назначил управляющим Министерства финансов В.Н. Коковцева. Витте оказался обойденным «вниманием» и остался «посторонним наблюдателем» за ходом японской войны. Финансировать ее поручалось Коковцеву.

Тем временем война явно принимала затяжной характер. Решительности в действиях генерала от инфантерии Куропаткина даже не просматривалось. В мае 1904 года Витте в частном письме графу С.Д. Шернemetеву писал:

«С войной все неважно. Будет ужасный удар, если возьмут Порт-Артур. Куропаткин, в конце концов, расколется врага. Все-таки ничего впереди хорошего от бойни для России не ожидаю».

При этом Сергей Юльевич вспоминал о том, насколько позитивно было оптимистическое отношение к войне с Японией у нашего генералитета. Когда война стала фактом, бывший военный министр П.С. Ванновский на одном из совещаний разошелся с Куропаткиным в вопросе относительно шансов на победу. Первый считал, что на театре военных действий достаточно для успеха выставить против двух японских солдат одного русского, а второй утверждал, что необходимо выставить одного солдата на полтора японских.

Будучи не обремененным военными заботами, Витте вел переписку с Куропаткиным, с которым его связывали дружественные отношения. В своих письмах он старается приободрить командующего Маньчжурской армией, дать ему разумный совет, лишний раз напомнить об ответственности момента. И о том,

что неудачное окончание японской войны грозит империи внутренними потрясениями. В одном из писем говорилось:

«Толчок к развязке будет зависеть от хода военных событий... во всяком случае придется пережить трудные времена. Особо я опасаясь за внутреннее положение».

В июне 1904 года по высочайшему повелению Вите был «отрван» от дальневосточных дел. Он писал в Маньчжурию терпящему поражением за поражение, однако не теряющему прежней бодрости Куропаткину:

«Завтра я уезжаю в Берлин, чтобы уладить с Германией экономические вопросы, дабы обеспечить нам ее содействие в настоящее время.

Пренеприятное поручение!»

Поручение Николая II действительно было не из разряда приятных. В 1894 году молодой министр финансов С.Ю. Витт удачно заключил первый торговый договор России с Германией, преодолев при этом упорное сопротивление самого «железного канцлера» Бисмарка, и сразу же приобрел европейскую славу авторитетного финансового дипломата. Но тогда за его спиной стояла держава с ее экономикой, которая развивалась опережающими темпами, не испытывавшая внутренних политических потрясений, с крупнейшей в Европе армией, сосредоточенной у западных границ империи.

Теперь же немецкая сторона за столом переговоров имела все преимущества. Россия втянулась в затяжную войну, которая шла без видимых успехов. Ее экономика работала на войну, которая популярностью в обществе не пользовалась, в воздухе попахивало революционным взрывом. У Романовых накопилось немало непримиримых политических противников самой различной масти. И в довершение ко всему Маньчжурская армия притягивала в себя все больше и больше войск из Европейской России, стоявших ранее на западной границе империи.

Все это председатель Комитета министров знал. Поэтому он и писал генералу А.Н. Куропаткину под Мукден с полной откровенностью:

«Пренеприятное поручение!»

Что понимал под этим Сергей Юльевич? Прежде всего то, что будущее торговое, чисто экономическое соглашение между

двумя державами будет иметь политическую окраску. В те дни Витте писал в одном из писем:

«Наш курс теперь сильно покосился по направлению к Берлину. Пожалуй, это в некоторых отношениях и хорошо. Но все-таки не следует забывать, что мы пролили много крови и потеряли много денег, чтобы сколотить Германскую империю без особой выгоды для нас. Уверен, что мы и теперь за любезности и дружбу германского императора заплатим большой счет. Но иначе и быть не может».

В самом начале XX столетия Германия стала крупнейшим торговым партнером России, уверенно обогнав Британию. По данным Министерства финансов, в Германию шло 34 процента русского экспорта, основу которого составляли традиционные товары: хлеб, сахар, продукция животноводства, лес. Германский же импорт составлял 25 процентов ввозимых в Россию товаров. Основу их составляли машины, промышленное оборудование, химикаты, прежде всего красители. Договор же 1894 года был заключен на десятилетие и в 1904 году срок его действия истек.

Стороны заранее подготовились к ведению торговых переговоров. Витте ставил перед собой задачу сохранить основы прежнего договора, уровень пошлины на русский хлеб и промышленные товары немецкого производства и смягчить ветеринарные ограничения на вывоз из России скота и мяса. Берлин, естественно, решил добиваться пересмотра прежнего договора в свою пользу, решив прежде всего поднять таможенные пошлины на русский хлеб и ужесточить ветеринарный надзор.

К тому времени оба государства уже приняли новые таможенные тарифы. Германия увеличила сборы с ввозимого русского хлеба. Россия в таможенном тарифе 1903 года ввела более высокое обложение импортных товаров (на 20 процентов), которые шли через сухопутную границу по сравнению с морской границей. Такая мера ударила в основном по карману немецких импортеров. Поэтому урегулирование российско-германских торговых отношений было значимо и для Санкт-Петербурга, и для Берлина. В противном случае могла возникнуть нешуточная торговая война. Первую такую войну в 1894 году С.Ю. Витте, тогда министр финансов, выиграл.

Сергея Юльевича перед новым переговорным раундом особо беспокоило одно определяющее обстоятельство. В 1894 году за ним стояла фигура императора Александра III, обладавшего известной всем твердостью при решении государственных дел. Его сын Николай II такой твердостью не обладал, да и к тому же неудачная японская война уже наложила на волю самодержца свой отпечаток. В своих «Воспоминаниях» Витте тонко уловил сложившуюся ситуацию на торгово-дипломатическом поприще:

«В начале 1904 года вспыхнула японская война, которую Вильгельм вполне предвидел, впрочем, это должны были предвидеть все не слепые, умеющие хоть немного разбираться в действующих политических элементах. Как только война вспыхнула, Вильгельм начал выражать Государю свою преданность и верность. Он удостоверил Государя, что он, Государь, может быть спокоен относительно западной границы — Германия не двинется. Но между прочим выразил желание, чтобы Россия помогла Германии заключить торговые договоры на началах нового таможенного тарифа, только что проведенного через рейхстаг, по которому значительно повышались таможенные пошлины, в особенности на сырье, сравнительно с прежним бисмарковским тарифом, по которому на это сырье и без того были весьма высокие пошлины».

Говоря иными словами, император Вильгельм II давал русскому царю «прозрачный намек» на то, что нейтралитет Германии в войне на берегах далекого от Европы Тихого океана стоит дорого. И только в таком случае его «Германия не двинется» на Восток через российские границы, военное прикрытие которых заметно ослабло.

В Берлине хорошо понимали, что Россия крайне нуждается в доброжелательном нейтралитете Германии. Только при таком условии она могла перебрасывать с западной границы армейские войска в Маньчжурию, размещать в европейских странах военные заказы и получать необходимые займы. Все это было сторонам предельно ясно и вполне объяснимо.

Император Николай II в преддверии торговых переговоров повелел созвать Особое совещание, поручив Витте руководить им. Обсуждалась прежде всего позиция германской стороны на

будущих переговорах в условиях идущей русско-японской войны, изложенная в известной просьбе кайзера Вильгельма.

Противником твердой воле С.Ю. Витте на том Особом совещании оказался не кто-нибудь, а сам великий князь Александр Михайлович, главноуправляющий торговым пароходством. Его «сила» при дворе состояла в том, что он был женат на сестре императрицы, и потому участники совещания «опасались», что он выражает в своих словах волю самодержца:

«Великий князь Александр Михайлович особенно настаивал на необходимости оказать внимание императору Вильгельму и во всяком случае не доводить дело торгового договора до резкости, и тем более до разрыва».

Из всех участников Особого совещания твердость проявил, пожалуй, только председатель Комитета министров. Витте прямо заявил, что с экономической точки зрения делать уступки против существующего торгового равновесия России крайне не выгодно. Он говорил о том, что в случае поднятия германской стороной таможенных пошлин, правительство должно пойти на ответные адекватные меры, чтобы сохранить равновесие в торговом партнерстве.

Совещание постановило, что российской делегации на переговорах необходимо достигнуть торгового соглашения с Германией, не доводя дело до резкостей. По настоянию Витте, в постановлении говорилось о готовности идти на известные экономические уступки, но при условии сохранения для России германского денежного рынка. Из-за дипломатических соображений вопроса о неприкосновенности западной государственной границы было решено не поднимать, как и о «нравственном содействии» Берлина в ходе японской войны. Участники совещания отнесли эти важные вопросы к «области личных сношений» двух монархов.

Берлин настаивал на скорейшем начале торговых переговоров. Там опасались, что русско-японская война может вдруг закончиться и тогда Германия лишалась главного своего козыря за столом переговоров. В конце марта кайзер Вильгельм написал Николаю II о своем желании поскорее покончить с волокитой вокруг заключения нового торгового договора. Он настойчиво просил прислать в Берлин на встречу с рейхсканцлером

Б. Бюловым «кого-нибудь выдающегося по способностям и компетентного в таких делах» сановника. Думается, что германская сторона ожидала увидеть во главе российской делегации именно председателя Комитета министров, которого знала достаточно хорошо.

Российская делегация выехала в Германию в конце июня. Помощниками Витте на переговорах были товарищ министра финансов В.И. Тимирязев, управляющий отделом промышленности Н.П. Ланговой и чиновник для особых поручений Полежаев. В Берлине они должны были получить содействие русского посла графа Н.Д. Остен-Сакена.

Германскую делегацию возглавил канцлер Бюлов. Его основным помощником в ходе переговоров стал статс-секретарь (помощник рейхсканцлера) по внутренним делам граф А.Посадовский. Делегации имели в своем составе опытных экспертов. По взаимному соглашению переговоры велись на курорте Нордерней.

В своих мемуарах С.Ю. Витте оставил довольно детальное описание атмосферы, в которой проходили переговоры о новом торговом договоре между двумя империями. В частности, он писал о своих личных контактах с главой германского правительства:

«В Нордерней я пробыл около двух недель. Там почти все время я проводил с рейхсканцлером Бюловым. Днем на официальном заседании, а после обеда глаз на глаз или вместе с графиней. Графиня Бюлова итальянка, вероятно, была очень красива, женщина образованная и большая музыкантша. Наедине мы говорили о политике, а в присутствии графини на общие темы.

В то время графиня читала книгу о декабристах. Она увлекалась графом Л. Толстым. Она, вероятно, думала и во мне встретить поклонника графа Толстого, но насколько я преклонялся перед ним как перед великим художником, настолько я отрицательно отношусь к его политико-религиозным проповедям. Все, что исходит из его пера, изложено чрезвычайно талантливо, но что касается сути его учений, то все это старое младенчество. Ни одной новой идеи, ни одной мысли, все и всегда повторение того, что провозглашено ранее Евангелием и философами, но в популярно-талантливой форме со старческо-младенчески

ми заключениями и выводами. Великий художник, наивный мыслитель и большой поклонник своего «я».

(Думается, что графиня Бюлова была не только хорошей собеседницей, но и нужной помощницей для своего мужа-сановника в ходе трудных переговоров.)

«С графом Бюловым мы говорили прежде всего о войне. Он между прочим сказал мне, что в их Министерстве иностранных дел хранится досье, из которого видно, что еще при захвате Киао-Чао, а затем Порт-Артура я предупреждал, что это есть начало больших катастроф для России, что тогда они (немцы. — А.Ш.) сомневались в моих предсказаниях, но теперь оказалось, что я прав, что император Вильгельм еще недавно требовал это досье к себе, для того, чтобы возобновить все факты в своей памяти.

Бюлов очень интересовался моим мнением о ходе войны. Я высказал, что на море мы потерпим неудачи, но на суше в конце концов явемся победителями. Высказывая это мнение, я тогда не сомневался в Куропаткине и в его уверенности победить японцев на суше. Бюлов часто возвращался к разговору о том, что Вильгельм делает все, чтобы быть приятным нашему Государю, что в последнее время отношения между двумя монархами установились самые интимные, так как Вильгельм показал, что он истинный друг России».

Такие беседы личного характера позволили Витте сделать вывод, что рейхсканцлер уверен в том, что он переговоров не прервет. Чувствовалось, что германская делегация серьезно опасалась резких противоречий сторон, помня о той атмосфере, в которой состоялись переговоры 1894 года. Было ясно и то, что Берлин имел достаточно ясное представление о тех инструкциях, которые российский премьер получил в своей столице. То есть о том, что император Николай II повелел ему «мирно кончить дело торгового договора».

Витте за время хода переговоров в Нордернее не раз сносился с Санкт-Петербургом, получая оттуда новые инструкции. Более того, переписку между собой вели и два императора. В одном из своих писем Николай II доверительно сообщал Вильгельму II о том, что Витте им поручено быстро закончить дело и «идти возможно дальше навстречу германским предложениям».

Витте в первый же день, когда стороны сели за стол переговоров, изложил те уступки, на которые готово пойти его правительство. То есть не требовать понижения минимальных пошлин на русский хлеб, отказаться от репрессивных пошлин против германских картелей, согласиться на уравнивание таможенных сборов на сухопутной и морской границе. Это в известной степени устраивало немецкую сторону, но тут же С.Ю. Витте стал добиваться экономической компенсации за такие уступки:

«Еще перед окончанием переговоров о торговом договоре я начал вести с Бюловым беседу о том, что вследствие войны нам придется делать займы и что в случае заключения торгового договора мы, между прочим, рассчитываем на германский денежный рынок.

Граф Бюлов ежедневно сносился по телеграфу с императором, который в это время находился в норвежских водах. На мое заявление о займе он мне ответил, что со своей стороны находит это естественным и не видит препятствий. Но что император в последнее время вообще против открытия германского денежного рынка для иностранных держав, провозглашая принцип «немецкие деньги для немцев». В подтверждение этого он показал мне несколько телеграмм, полученные им по этому поводу от императора.

Я со своей стороны предложил подписать договор в Берлине, куда и выехал. На другой день туда приехал Бюлов. Тогда я заявил, что не подпишу договора, который уже лежал на столе в готовом виде, пока не получу официального обязательства об открытии немецкого денежного рынка. Бюлов, увидев с моей стороны такую решимость, через четверть часа дал мне письмо, разрешающее заем, а я со своей стороны подписал договор».

Время переговоров о новом берлинском торговом соглашении совпало с первой дипломатической попыткой русско-японского примирения. Причем она исходила из Токио. Японский посланник в Англии Т. Гаяши через посредника (отставного немецкого дипломата, проживавшего в Лондоне) выразил желание российской стороне встретиться с ним и поделиться мнениями о возможности покончить с распрями и заключить

почетный мир. Гаяши давал понять, что эта его личная инициатива получила одобрение официального Токио.

Гаяши знал ситуацию в Маньчжурии ничуть не хуже тех, кому делалось подобное предложение. Поэтому японский высокопоставленный дипломат заявил, что «в таком случае условия мира будут более легкие для России, нежели после того как Порт-Артур будет взят японцами».

С получением такого негласного предложения агент Российского Министерства финансов в Англии М.В. Рутковский передал просьбу как послу А.К. Бенкендорфу, так и непосредственно Витте, как главе правительства. Тот, естественно, запросил из Нордернея у Санкт-Петербурга указаний на сей счет. При этом Сергей Юльевич не скрывал своей позиции, считая представившийся случай удобным для заключения «мира неунизительно». Однако ответа на свой запрос он не получил.

Мнение Витте в корне расходилось с «боевым» настроением императорского окружения и самого самодержца, не говоря уже о «безобразовцах». Это Сергей Юльевич почувствовал сразу же после возвращения из Берлина в Санкт-Петербург. Он писал, что император Николай II после сделанного им доклада его «холодно поблагодарил за заключение торгового договора, но ни о чем — ни о внутренних, ни о внешних делах, не говорил» со своим премьер-министром.

Можно много спорить о реальности прекращения летом 1904 года войны между Россией и Японией. Витте же видел такую реальную возможность. Такая уверенность давала ему возможность записать в мемуарах свое убежденное личное мнение:

«Если бы тогда мне было поручено вести переговоры, то, вероятно, дело ограничилось бы тем, что мы потеряли бы Квантунскую область с Порт-Артуром и влияние наше в Корее. Но за нами осталась бы вся южная ветка Восточно-Китайской железной дороги и весь Сахалин. А главное — в нашей истории не было бы позорных Ляоянов, Мукденов и Цусим».

День подписания торговой конвенции с Германией совпал с террористическим актом, прозвучавшим на всю Россию. Известный социалист-революционер Е.С. Сазонов, ставший после казни кумиром радикально настроенной оппозиции, убил министра внутренних дел В.К. Плеве. Такой приговор ему вынесла

боевая организация партии эсеров. Покушение было совершено близ Варшавского вокзала: «бомбист» Сазонов удачно бросил разрывной снаряд под карету Плеве.

В столице прошел слух, что Николай II решил поставить на ответственный пост министра внутренних дел решительного и твердого в поступках Витте. О его монархических убеждениях знали достоверно многие. Поэтому, когда Сергей Юльевич вернулся из Берлина, «все министры поехали к нему на поклон». Но не как к председателю Комитета министров, а как к будущему могущественному главе Министерства внутренних дел, «правой руке» самодержца.

Однако слух остался слухом. Новым главой полицейского ведомства был назначен князь Петр Дмитриевич Святополк-Мирский, только назначенный виленским, ковенским и гродненским генерал-губернатором. Доблестный офицер-кавказец Русско-турецкой войны 1877—1878 годов, герой боев под крепостью Карс и на Аладжинских высотах, дослужился до чина генерал-лейтенанта и должности командира Отдельного корпуса жандармов.

На посту министра внутренних дел, однако, князь Святополк-Мирский не продержался и полгода. В январе революционного 1905 года ему дали полную отставку, и он оказался не у дел. Император Николай II вспомнил о нем только в 1913 году, произведя высочайшим указом за год до смерти в генералы от кавалерии.

Сын П.Д. Святополка-Мирского — Дмитрий был офицером Белой армии. Впоследствии стал в эмиграции членом Английской коммунистической партии. В 1932 году он вернулся в СССР для того, чтобы через семь лет закончить жизнь в лагере под Магаданом.

Витте хорошо знал князя Святополка-Мирского и был дружен с ним. Сергей Юльевич, среди прочего, предупредил нового министра внутренних дел о возможных кознях против него «безобразовцев». И посоветовал не придерживаться прежней политики Плеве во всем «давить» общественное движение. Тот послушался ценного совета, и в России впервые было дано решение на проведение вполне явно и официально так называ-

емого съезда общественных деятелей, которые «проводили идею водворения конституции» в стране. Витте замечал в мемуарах:

«При Плеве съезды эти собирались конспиративно, на частных квартирах, но затем решения их делались всем известными. Теперь они (общественные деятели, будущие члены конституционно-демократической партии. — *А.Ш.*) обратились к Мирскому с просьбой разрешить им этот съезд гласно. Мирский разрешил, с тем, чтобы съезд собрался в Петербурге, и затем поставил некоторые ограничительные условия».

Та холодность, с которой Витте после возвращения из Берлина был встречен при дворе, напомнила ему о его опале у императора Николая II. Тогда он, ссылаясь на необходимость поправить здоровье, в расстроенных чувствах отпросился в отпуск и уехал в Сочи. Там он получил известие о поражении Куропаткинской армии в битве под Ляояном и новом отступлении на север.

Вскоре пришло сообщение о том, что царский наместник на Дальнем Востоке адмирал Е.И. Алексеев отозван в столицу, а главнокомандующим вместо него назначается генерал А.Н. Куропаткин. Но Витте, как человек искушенный в делах тайной дипломатии, понимал, что это запоздалое решение, которое не могло повлиять на ход японской войны.

Пребывая в Сочи, председатель Комитета министров Сергей Юльевич Витте «смотрел» не без грусти в будущее Российской империи. Такие размышления дали ему основания написать в одном из писем Куропаткину о том, что внутреннее положение в стране персональными перестановками не выправишь: «нужно крутое изменение всего режима». Под этим Витте понимал, разумеется, крутые меры по укреплению монархии в России.

Ощущение опальности перед императором Николаем II не покидало Витте. Кроме холодного приема в Зимнем дворце у него было еще одно доказательство того, что он попал в опалу. Сразу же по его приезду из Берлина в столицу к нему явился чиновник из Министерства иностранных дел и сказал, что директору Департамента полиции Лопухину дворцовым комендантом ге-

нерал-лейтенантом Гессе дан приказ найти какую-то брошюру за подписью Витте, «написанную по поводу войны».

Такая брошюра действительно была написана Витте еще в бытность пребывания на посту министра финансов. Но она посвящалась не войне, а российской политике на Дальнем Востоке до 1901 года. Когда военный конфликт с Японией стал реальностью, автор пошел на уничтожение своей «брошюры академического характера», которая становилась для него опасной.

«Брошюра эта самого невинного содержания при обыкновенном нормальном положении вещей. Когда начались сумасшествия, приведшие к войне, опасаясь, чтобы факты, изложенные в записке, не попали в печать и не отяготили положение лиц, ответственных за безумие, приведшее к войне, я приказал все экземпляры этой брошюры сжечь, оставив лишь у себя несколько экземпляров». Князь Святополк-Мирский на правах министра внутренних дел имел с премьером беседу по этому поводу. Витте описал ее в мемуарах так:

«Рассмеявшись по поводу сообщения Мирского, я вынул из шкафа экземпляр этой брошюры и сказал ему, чтобы он передал ее от моего имени Государю, доложив ему, что я очень сожалею, что Государь не обратился за этой брошюрой прямо ко мне. После я спрашивал Мирского, передал ли он брошюру Государю и сказал ли то, что я просил сказать. Мирский ответил утвердительно. Тогда я спросил:

— А что сказал Государь?

Мирский ответил, что он только спросил, наверно ли эта брошюра не распространена?

На что Мирский ему ответил, что лучшим доказательством тому служит тот факт, что департамент полиции несколько месяцев старался ее достать, не жалея денег, а достать не мог».

Председатель Комитета министров вернулся из Сочи в Санкт-Петербург в большой тревоге. Военные неудачи в Маньчжурии, деятельность политической оппозиции, эсеровский террор, аграрные беспорядки, всеобщее недовольство существующим положением вещей привели к началу революционного брожения в стране. Но пока в «дискомфорте Российского общества» вырели только начальные признаки приближавшейся Первой русской революции.

РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА

Князь П.Д. Святополк-Мирский, возглавив Министерство внутренних дел, совсем по-иному смотрел на действительное положение дел внутри Российской империи. Отвечая за ее внутреннее спокойствие, он решил предложить монарху ряд реформ в общественной жизни страны, которые могли заметно оздоровить страну. Но Святополк-Мирский скорее всего не ожидал, что все его здравомыслящие начинания могут сразу же натолкнуться на глухую стену непонимания и отчуждения.

Уже в самом начале своей министерской деятельности бывший шеф Отдельного корпуса жандармов подал государю императору проект высочайшего указа о даровании верноподданым различных вольностей. Это было и привлечение выборных в Государственный совет, и дарование полной свободы вероисповедания старообрядцам, которые продолжали притесняться государством даже в начале XX столетия. Это были только первые шаги во внутреннем преобразовании российского общества.

Министр привлек к составлению проекта указа двух знающих дело людей. Это были служащий министерства Крыжановский и будущий обер-прокурор князь А.Д. Оболенский. Последнего Витте хорошо знал, характеризуя как человека, который «по обыкновению, всюду вмешивался, всюду высказывал свои идеи, часто неглупые, а большей частью внушенные беспокойной душой, в сущности неврастенией».

Доклад был представлен на рассмотрение государю. Тот не мог не понять жизненной важности сделанных предложений. Чтобы их обсудить, было созвано совещание, на которое были приглашены Витте, все министры, ряд членов Государственного совета и великий князь Александр Михайлович. Отношение Николая II к теме разговора высших сановников империи Витте выразил так:

«Самый вопрос, поставленный на совещании, для меня был признаком того, что Государь далеко ушел в своем политическом мировоззрении, ибо ранее, когда мне приходилось на докладе говорить — таково общественное мнение, то Государь иногда с сердцем говорил:

— А мне какое дело до общественного мнения?»

Для Николая II такой взгляд был вполне объясним: ему внушали, что за него весь народ. Для старой России это было верно: народ всегда был за царей, которые стояли за народ.

Насколько император Николай II был убежден, что народ всегда будет за него, свидетельствует разговор императрицы Александры Федоровны с князем Святополком-Мирским незадолго до его ухода с поста министра внутренних дел.

Заговорив с императрицей о внутривластическом положении в стране, Святополк-Мирский заметил императрице, что в России все против существующих порядков. На это Александра Федоровна резко заметила «свободно мыслящему» министру:

— Да, интеллигенция против царя и его правительства. Но весь народ всегда был и будет за царя.

На сказанное Святополк-Мирский ответил достаточно твердо и ответственно:

— Да, это верно. Но события всегда творит интеллигенция. Народ же сегодня может убивать интеллигенцию за царя, а завтра — разрушит царские дворцы. Это стихия.

Тот разговор между Александрой Федоровной и главой «силового» министерства стал доподлинно известен С.Ю. Витте. Это дало ему повод дать императрице следующую характеристику:

«Императрица Александра Федоровна, которая руководит волей и склонностями Государя, больше всего виновата в том, что царствование Николая II так несчастно для него и для России».

То совещание высших государственных мужей, собранных для обсуждения проекта императорского указа о даровании россиянам различных вольностей, не выработало какой-то стратегической линии в «умиротворении» страны. Такое положение дел навело председателя Комитета министров, крайнего монархиста по убеждениям, на мысль, что настала новая пора для его реформаторской деятельности. Только теперь на внутривластическом поприще. И опять же на благо Российской империи, династии Романовых.

На совещании Витте в целом поддержал идеи министра внутренних дел П.Д. Святополка-Мирского. По сути дела, уже тогда Сергей Юльевич впервые высказался против морально устарев-

шей политики политической реакции в стране. Он высказался за уступки «умеренной и благоразумной» части общества. Реакцией императора Николая II стало предложение премьеру принять участие в составлении проекта указа с обещаниями назревших реформ в государстве.

Первые шаги Витте на новом поприще не выходили дальше пожеланий. Об этом лучше всего свидетельствует его записка по крестьянскому вопросу, которая имела обсуждение на Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В записке Витте предлагал ликвидировать обособленность крестьян от других сословий, приблизить сельский правопорядок к общему по стране, представить желающим выход из сельской общины. Эти мысли несколько опередили время: такая политика будет проведена П.А. Столыпиным.

Более смело и категорично повел себя председатель Комитета министров при выработке положений высочайшего указа от 12 декабря 1904 года «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». После обсуждений в своем дворцовом окружении, император всецело возложил разработку указа на Комитет министров. Это можно было считать победой Витте, но она не прибавила ему оптимизма: уж слишком хорошо он знал систему самодержавного правления и настрой российской общественности, «подогреваемой» поражениями в японской войне.

Премьер понял главное в сложившейся ситуации: продолжавшаяся война способна только затянуть осуществление любых государственных реформ. По личному опыту С.Ю. Витте знал, что «в России необходимо проводить реформы быстро и спешно, иначе они большей частью не удаются и замораживаются». Витте это понимал лучше многих, и среди царского окружения равных ему государственников не было.

Все же Николай II счел необходимым «подкорректировать» главу правительства, руководившего разработкой реформ. Витте был приглашен к императору в Царское Село. В беседе принял участие московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович. Вдвоем они убедили Сергея Юльевича в том, что в составе Государственного совета «выборным от общественности

делать нечего». Тот, впрочем, особо и не возражал против такой поправки в проекте.

Революционный взрыв, который так долго таился, вызрел 20 декабря 1904 года. В этот день пала после долгой и героической эпопеи обороны крепость Порт-Артур. Бурные, стихийные события не заставили себя долго ждать.

Разработанный Комитетом министров высочайший указ был опубликован в собрании узаконений 12 декабря 1904 года. Однако умиротворения в умы миллионов россиян он не внес, но наделал много шума на газетных страницах.

Дальнейшее развитие событий в империи С.Ю. Витте охарактеризовал следующим образом: «В 1905 году революционная завиха в России начала разыгрываться быстрыми шагами».

События в столице начались в день 6 января. Во время традиционной процессии крещения, в которой вместе с иерархами Русской православной церкви принял и Николай II с императрицей Александрой Федоровной, привычно прозвучал оружейный залп из Петропавловской крепости. И вдруг в отзвуках холостого пушечного залпа прозвучал снарядный разрыв. Оказалось, что одно из орудий было заряжено боевым снарядом, пусть и устаревшим.

Следственная комиссия назвала происшествие чистой случайностью, простой оплошностью. Тем не менее этот случай во многих слоях общества трактовался как покушение, если не на царскую жизнь, то на царское спокойствие.

Затем наступило известное в отечественной истории «кровавое воскресенье» — день 9 января 1905 года. Мирная демонстрация рабочих столичных предприятий, ведомая священником Гапоном, агентом охранного отделения, на Дворцовой площади была встречена ружейными залпами войск императорской гвардии. Демонстранты шли с иконами и портретами государя, желая подать «царю-батюшке» петицию со своими требованиями.

Перед этим, вечером 8 января, Витте, как главу правительства, посетила делегация столичной общественности, в составе которой наиболее известным человеком был писатель Максим Горький. Депутация приходила переговорить по поводу дела чрезвычайной важности. Витте описал встречу кратко:

«Они начали мне говорить, что я должен, чтобы избежать великого несчастья, принять меры, чтобы Государь явился к рабочим и принял их петицию, иначе произойдут кровопролития. Я им ответил, что дела этого совсем не знаю и потому вмешиваться в него не могу. Кроме того, до меня, как председателя Комитета министров, (это дело) совсем не относится. Они ушли недовольные, говоря, что в такое время я привожу формальные доводы и уклоняюсь».

Реакция на кровопролитие, учиненное в столице 9 января, выглядела для правящих кругов устрашающе. В ряде городов появились баррикады, начались вооруженные схватки рабочих дружин с полицией и гарнизонными войсками. К концу января число участников забастовочного движения перевалило за 400 тысяч человек. Университеты превратились в «гнезда бунтовщиков». Смутное время наступило для губернского дворянства: начались погромы усадеб помещиков. Признаки волнения были отмечены в армии и на кораблях флота.

Обо всем этом председатель Совета министров знал из ежедневных докладов чиновников ведомства Святополка-Мирского. Сам князь такие всеподданнейшие доклады делал лично императору. Меры по подавлению «возмущений» принимались минуя Витте, обычно на уровне генерал-губернаторов, которые начальствовали над военными силами, располагавшимися в пределах их губерний. В крайних случаях приказы на перемещение войск, прежде всего казачьих, отдавались из Зимнего дворца.

Российский премьер в начале 1905 года стал сторонним свидетелем того, как император Николай II, к примеру, для наведения должного порядка в стране объявил о мобилизации полков и отдельных сотен второй и даже третьей очереди всех одиннадцати казачьих войск. Под ружье привычно встали казаки Донского и Кубанского, Терского и Астраханского, Оренбургского и Уральского, Сибирского и Семиреченского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского войск. Полной мобилизации подлежали даже небольшие числом иркутские, енисейские и якутские казаки. Последние — Якутский пеший городской казачий полк — подчинялись непосредственно Министерству внутренних дел.

Витте понимал, что главные события начавшейся стихийной революции, для него больше напоминавшей разгул анархии, еще впереди. На заседаниях Совета министров, которые собирались не часто, он требовал от своих коллег твердости в защите устоев монархии. И еще раз твердости.

18 января Витте собрал на заседание министров и высших правительственных сановников, на политическую мудрость которых он мог положиться. Обсуждались проекты обращения государя к народу, его высочайший Манифест и императорские указы Сенату. Время не ждало с появлением на свет таких документов.

Витте в своем вступительном слове сказал, что Манифест подлежит самому срочному обнародованию в церквях. В нем, по мнению премьера, должны были главенствовать две мысли. Во-первых, царь существует независимо от правительства и опирается в своем венценосном правлении на народ. Во-вторых, венценосец скорбит о происшедшем не по его воле кровопролитии 9 января. Проект такого высочайшего Манифеста был принят на заседании большинством голосов.

На том заседании обсуждался вопрос о превращении правительства в коллегиальный орган. Но единодушия здесь среди своих министров Витте не встретил.

Идея главы правительства обратиться к народу через высочайший Манифест не пришлась по душе Николаю II. Было решено, что он только примет делегацию «представителей» от столичных обывателей, в том числе и рабочих. И назначит комиссию по выяснению народного недовольства в Санкт-Петербурге. Витте понял, что настаивать на обращении к россиянам через высочайший Манифест дальше ему не следует, что это дело сегодня бессмысленное и даже для него лично опасное.

Созданное на третий день после «кровавого воскресенья» столичное генерал-губернаторство уже действовало по наведению порядка в Санкт-Петербурге и его окрестностях. Генерал-губернатор Д.Ф. Трепов, опиравшийся прежде всего на поддержку офицеров гвардейской кавалерии, оказался человеком решительным и крутым, способным на самые непопулярные меры в подавлении беспорядков. С противниками существующего режима

он не заигрывал, не шугил и не заискивал, особенно когда дело касалось применения оружия.

Трепов оказался одним из тех приближенных к императору людей, которые настояли на отставке генерал-адъютанта князя П.Д. Святополка-Мирского, «допустившего в государстве революционные беспорядки». Он был снят 18 января. Новым министром внутренних дел стал Александр Григорьевич Булыгин, удержавшийся на своем посту только девять месяцев. С председателем Совета министров, естественно, этот вопрос не обсуждали.

Булыгин был достаточно хорошо известен Витте. Гофмейстер Двора Его Императорского Величества, долгое время исполнял обязанности московского генерал-губернатора во время отсутствия великого князя Сергея Александровича и был только-только введен в состав Государственного совета. По своему положению он напрямую подчинялся императору. (После Февральской революции жил в своем имении Рыбное Рязанской губернии, отойдя от всякой политической деятельности. В 1919 году арестован ГубЧК и расстрелян «за реакционную политику в 1905 году».)

По Витте можно понять, что Булыгин был назначен с подачи Трепова, который стал главным действующим лицом в деле подавления революционных волнений. Сергей Юльевич так характеризовал нового члена Совета министров:

«Булыгин представлял собой человека в высокой степени порядочного, честного, благородного, очень неглупого, человека с обширными государственными познаниями. Но по характеру и натуре человека благодушного, не любящего ни особенно трудного положения, ни борьбы, ни политической суеты.

Именно такой человек был самым подходящим для Трепова. Будучи министром внутренних дел, он, в сущности говоря, вел лишь только вопросы спокойные, а все вопросы беспокойные, которые и составляли в то время всю суть положения дела, велись или самим Треповым или под его влиянием на самого Булыгина и в особенности на Его Величество».

Такие характеристики главных действующих лиц по подавлению революционного движения в России в начале 1905 года показывают отношение С.Ю. Витте к личностям Булыгина и

Трепова. Характеристики из разряда «лестных», поскольку в то бурные дни компромиссных решений властями принималось немного, так как требовалось силой «обуздать революционную анархию».

Витте в силу своего служебного положения все же принял самое деятельное участие в умиротворении Российской империи. Николай II возложил на Комитет министров своим указом от 12 декабря 1904 года решение «мирных проблем». Премьеру предписывалось озаботиться изысканием мер по водворению законности в стране, расширению свободы слова, веротерпимости, местного самоуправления, устранения излишних стеснений инородцев и всяких исключительных законов. Иначе говоря, какими-то репрессивными мерами Витте по долгу службы не занимался, хотя на политическом счету радикалов он был уже давно заклеямен «царедворцем».

Сделать же из всего этого удалось немного. Были приняты законы по вопросу веротерпимости, о школе в западных губерниях, о старообрядцах и сектантах. Остальные вопросы, вынесенные высочайшим указом на обсуждение, как-то затерялись в революционной круговерти или «приказали долго жить» под противодействием все еще влиятельного обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева и его единомышленников из Государственного совета. Императору же было просто не до премьерских забот. Витте особенно удручало то, что правительством и Сенатом не решался едва ли не самый важный вопрос для государства — крестьянский. Он писал:

«По мере заседаний Комитета министров по указу 12 декабря 1904 года чувствовалось, что исполнение тех идей, которые были внесены в этот указ, встречает все большее и большее нерасположение и препятствие, а посему я счел соответственным закрыть заседания по указу 12 декабря.

Таким образом, этот шаг, принятый Государем в самых скромных размерах по отношению водворения законности и разумной свободы в России, встретил такие препятствия, которые свели в значительной степени благие намерения этого указа к нулю. А между тем смута в России и революционное движение все более и более бродило и бродило. И все время усиливалось по мере постыдных поражений на Дальнем Востоке и по мере

нашего реакционного шатания по отношению внутреннего управления Россией. Шатания, в котором иногда проявлялась искра напускного либерализма, как бы для успокоения смуты и революционного движения в низах».

Витте продолжала заботить японская война, вернее будущий мир. Он писал Куропаткину, переписка с которым не прерывалась все время дальневосточных событий:

«А теперь я не знаю, что лучше — сознаться в грехе и теперь же пойти на мир или продолжать кровопускание? Не будет ли наше положение через несколько месяцев еще безвыходнее, не придется ли через несколько месяцев принять мир еще худший?»

В начале 1905 года Сергей Юльевич стал вполне определенно высказываться в пользу мира с Японией. Впервые он сделал это на заседании Комитета финансов, проходившего под председательством графа Д.М. Сольского и рассматривавшего экстренные внебюджетные расходы. Витте тогда заявил, что продолжение войны едва ли может принести России какие-либо существенные выгоды.

Когда император Николай II в феврале 1905 года созвал совещание, на котором решался вопрос о Государственной думе, С.Ю. Витте выступил против ее созыва, не поддержав министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова. Тот видел в созыве «народных представителей» единственный выход из «настоящего смутного положения». Монарх поручил решать вопросы сбора думцев министру внутренних дел А.Г. Булыгину, отчего в истории первая Государственная дума получила название Булыгинской.

Вскоре после этого совещания глава Комитета министров обратился с письмом к Николаю II, в котором впервые доказывал бесперспективность и крайнюю опасность для государственных устоев продолжения войны с Японией. Он указывал, что война требует все больше денег и новобранцев. Финансовое и экономическое положение империи заметно ухудшилось. Это привело к увеличению бедности, усилению озлобления и «поумрачению духа» народа. Витте предупреждал, что Россия может потерять иностранных кредиторов, и тогда заграничные держатели акций станут ее врагами.

В письме затрагивались и чисто военные проблемы. Витте указывал, что новая мобилизация в действующую армию сегодня «может быть сделана лишь при содействии силы. Таким образом воины для Дальнего Востока начнут свое боевое поприще на месте их призыва». При неурожае и эпидемии холеры (что ожидалось на тот год) общественные беспорядки могли развиться для властей в «ураган». Письмо монарху заканчивалось на трагичной ноте: пока все это будет происходить на просторах империи, на маньчжурском фронте «дальнейшее отступление приведет к потере Уссурийского края».

Такая катастрофическая перспектива виделась С.Ю. Витте вполне реальной. Поэтому для стабилизации положения в империи он предлагал сделать незамедлительно следующее. Во-первых, без затяжки начать мирные переговоры с Японией: «Россия покуда имеет еще такой престиж, что можно надеяться, что мирные условия не будут ужасающими» для нее. Конец войны позволит высвободить армию для решения задач по поддержанию внутреннего порядка в стране: «по теперешнему времени войско нужно в самой России».

Во-вторых, нужно осуществить данные свыше народу обещания, «чтобы хотя немного успокоить Россию». Письмо заканчивалось словами: «Нельзя медлить, нужно немедленно открыть мирные переговоры, и нужно немедленно в широком размере привести в исполнение ваше поручение А.Г. Булыгину». То есть речь шла о поручении императора Николая II министру внутренних дел заняться подготовкой к созыву первой Государственной думы.

Насколько своевременными оказались «пожелания» главы Комитета министров, показал следующий случай: прибывшие в российскую столицу представители французских банков, уже согласовавшие с министром финансов В.Н. Коконцевым условия нового займа, не явились для его парафирования и, по указанию из Парижа, спешно покинули Санкт-Петербург. В дело срочно вмешался сам Витте с его широкими личными связями в европейских финансовых кругах, но тщетно.

На письмо Витте Николай II не счел нужным ответить. Но отказ союзной Франции от предоставления России кредита на выгодных для нее условиях царя всерьез обеспокоил. Из Зимне-

го дворца российскому послу в Париже А.И. Нелидову была отправлена телеграмма, в которой впервые определялась платформа российской стороны в отношении возможного мира с Японией, включая четыре положения:

во-первых, исключалась возможность уступки какой-либо части территории государства на Дальнем Востоке;

во-вторых, исключалась уплата военной контрибуции в любом ее размере;

в-третьих, исключалось «изъятие» железнодорожной линии к Владивостоку, то есть КВЖД;

и, в-четвертых, не допускалась возможность «уничтожения» русского военно-морского флота на Тихом океане.

Собственно говоря, это были положения инструкции, которая была вскоре дана С.Ю. Витте как главе российской делегации на мирных переговорах с японской стороной.

Попытка французских дипломатов и министра иностранных дел Т. Делькассе стать посредниками в мирных переговорах закончилась неудачей. Токио отказался принять такие предварительные условия российской стороны, чувствуя себя полным победителем в еще не закончившейся войне.

Тогда сам Витте решил действовать через посредничество британской дипломатии, в марте имея беседу с английским послом в России Ч. Гардингом. Тот отправил донесение королю Георгу VII, обеспокоенному в то время остротой противоречий с Германией, которая свои отношения с Николаем II строила достаточно успешно. Король написал на донесении Гардинга: «Замечания Витте бьют в самую точку».

Казалось, дело с договоренностью о начале мирных переговоров сдвигалось с мертвой точки. Однако самодержец Николай II самым категоричным образом отверг идею посредничества. Англия к тому же последнее время являлась фактическим союзником Японии на международной арене. То есть речь шла о державном престиже России.

Известие о невиданном доселе поражении русского флота в морском сражении при Цусиме всколыхнуло, без преувеличений, всю мыслящую Россию. В своих мемуарах С.Ю. Витте писал ясно и откровенно:

«14 и 15 мая произошел несчастнейший цусимский бой, и вся наша эскадра была похоронена в японских водах. Это был последний удар той несчастной затее, которая привела нас к японской войне.

После этого поражения у всех появилось сознание, что необходимо покончить войну миром. И это течение так сильно начало появляться, что дошло, наконец, и до трона.

Его императорское Величество начал склоняться к мысли «примирении».

Цусимская трагедия заставила Николая II воспринять всю правоту внешнеполитических предложений премьера. Гибель балтийской эскадры адмирала З.П. Рожественского означало одно: Россия, еще воюя на полях Маньчжурии, войну на море проиграла бесповоротно. Замена Куропаткина на посту главного командующего генералом Н.П. Линевичем по сути дела не изменила общего хода войны. В конце мая император согласился принять посреднические услуги президента Соединенных Штатов Теодора Рузвельта.

На такой шаг Николая II, по всей видимости, подтолкнуло «частное» письмо С.Ю. Витге на имя начальника Походной канцелярии императора графа А.Ф. Гейдена. Тот, разумеется, счел своим служебным долгом познакомить с содержанием письма монарха. Сергей Юльевич писал с известным для маститого сановника откровением:

«Я держался мнения, что нужно было заключить мир до Мукденского сражения, тогда условия мира были хуже, чем до падения Порт-Артура.

Я держался мнения, что нужно заключить мир, когда Рожественский появился в Китайском море. Тогда условия были бы почти такие, как и после Мукденского боя.

Наконец, я держусь мнения, что следует попытаться заключить мир до нового боя с армией Линевича.

Конечно, условия будут очень тяжелые, но в одном я уверен, что после боя с Линевичем они будут еще тяжелее. После взятия Сахалина и Владивостока они будут еще тяжелее».

Почти месяц ушел на то, чтобы подобрать такой состав делегации на предстоящих мирных переговорах, который бы устраивал лично императора. Когда министр иностранных дел

В.Н. Ламсдорф предложил на пост главы делегации председателя Комитета министров, то Николай II наложил на докладную записку краткую и выразительную резолюцию:

«Только не Витте».

Однако все возможные кандидаты на «позорную» должность главы делегации на переговорах о мире по разным причинам отказывались. Так поступили посол в Париже опытнейший дипломат А.И. Нелидов и министр юстиции Н.В. Муравьев. Никто из них «подвергать себя опасности» не хотел. Самодержцу пришлось лишний раз убедиться в том, как трудно найти для непопулярного дела верного исполнителя. Оставался только Витте, который «самолично рвался в бой за столом переговоров».

По поручению государя глава МИДа прибыл к премьеру. Обрисовав ситуацию, Ламсдорф, как вспоминал Сергей Юльевич, «начал взывать к моему патриотизму, чтобы я не отказался. Я ответил, что, не считая по моему положению возможным уклониться от этой миссии, я ее приму, но если Государь лично меня попросит или прикажет».

Вечером я уже получил приглашение Его Величества на следующий день приехать к нему. На следующий день утром, это было 29 июня, последовало мое назначение главным уполномоченным по ведению мирных переговоров с Японией.

Государь меня благодарил, что я не отказался от этого назначения, и сказал мне, что он желает искренне, чтобы переговоры пришли к мирному решению, но только он не может допустить ни хотя бы одной копейки контрибуции, ни уступки одной пяди земли».

Министр финансов Владимир Николаевич Коковцев, оставивший после себя мемуары «Из моего прошлого (1903—1919)», рассказывает в них о реакции премьера на назначение главным уполномоченным для ведения переговоров о мире с Японией:

«Он сказал мне, что государь «заставил» его ехать в Америку. «Когда нужно чистить каналы, так посылают Витте, а когда предстоит работа почище и полегче, то всегда находятся другие охотники», — добавил он».

ПОРТСМУТСКИЙ МИР. ГРАФ «ПОЛУ-САХАЛИНСКИЙ»

Все подробные инструкции глава российской делегации на мирных переговорах с Японией получил лично от императора Николая II. Беседы с С.Ю. Витте у него состоялись в Царском Селе, где царская семья проводила лето. Впрочем, премьер сам достаточно полно определился в своих задачах и возможностях на американской земле, где предстояло вести переговоры с японской делегацией.

По желанию государя, Витте встретился для консультации по военным вопросам с главнокомандующим войсками Петроградского военного округа и председателем Совета обороны великим князем Николаем Николаевичем (Младшим). Тот раскрыл перед премьером истинное положение дел на Маньчжурском театре войны, которое он знал досконально. Великий князь обрисовал ход войны в перспективе следующим образом:

во-первых, усилившаяся за счет прибытия в Маньчжурию значительных подготовленных резервов русская армия уже не может более потерпеть таких поражений, которые случились с ней под Ляояном и Мукденом;

во-вторых, при благоприятных обстоятельствах с возможным усилением армии в Маньчжурии имеется полная вероятность, что японцы будут оттеснены до Квантунского полуострова и пределы Кореи, то есть за реку Ялу. Для этого, по мнению великого князя, потребуется около года времени, миллиард рублей на военные расходы и возможны людские потери в 200—250 тысяч убитых и раненых;

в-третьих, дальнейших успехов после контрнаступления Маньчжурии Россия без флота иметь не могла;

и в четвертых, за это время японцы могли занять остров Сахалин и значительную часть Приморской области.

Витте остался доволен беседой с великим князем Николаем Николаевичем за его откровенность и доверительность. Сергей Юльевич встретился и с управляющим Морским министерством (министром) вице-адмиралом Алексеем Алексеевичем Бирилевым. В начале мая он был назначен командующим флотом Тихо-

го океана, отправился к месту назначения, но после Цусимы вернулся в Санкт-Петербург. Бирилев без обиняков сказал Витте:

— Вопрос с флотом покончен. Япония сегодня является хозяином вод Дальнего Востока.

Витте из этих слов понял, что дальнейший ход войны даже после возможных успехов на суше, в Маньчжурии в лучшем случае выглядит если не гадательным, то малоперспективным. Он напрямую спросил морского министра:

— Раз море в руках Японии, то мы победить ее в сущности не можем? Так ли это?

— Так. Даже победив в Маньчжурии и Корее, мы ничего не сможем предпринять против Японских островов.

Глава делегации провел консультации с министром иностранных дел Ламздорфом и министром финансов Коковцевым. Он договорился с ними, что они будут держать его в курсе всех внутренних событий. Свое беспокойство ими Сергей Юльевич высказал в словах:

— Внутри у нас полное разложение, можно сказать, что мы находимся в первой фазе революции.

Перед отъездом Витте имел несколько деловых встреч с французским послом в России М. Бомпаром, английским — С. Спринг-Райсом и американским — Г. Мейером. Они представляли те державы, которые в случае возможных трудностей с заключением мирного договора могли повлиять в силу разных обстоятельств на позицию официального Токио.

Подбором делегации ее главе заниматься не пришлось, поскольку ее члены были назначены ранее. Вторым уполномоченным был посол России в Вашингтоне Р.Р. Розен. Экспертов по экономическим вопросам — Д.Д. Покотилова и И.П. Шипова — премьер хорошо знал лично по дальневосточным делам, когда занимал пост министра финансов. Авторитетным специалистом по международному праву считался профессор Ф.Ф. Мартенс. Из сопровождавших чиновников МИДа Витте выбрал в качестве личного секретаря И.Я. Коростовца, а секретарем делегации на переговорах назначил опытного Г.А. Плансона.

Военное ведомство прикомандировало к делегации генерал-майора Ермолова и полковника Самойлова, Морское министерство — капитана 2-го ранга Русина. Они должны были ориенти-

ровать главного уполномоченного России на переговорах в военной ситуации, которая складывалась в Маньчжурии и на море в ходе переговоров.

Свою деятельность в качестве главного уполномоченного Российской империи за столом переговоров С.Ю. Витте начал с общения с прессой. 4 июля он дал интервью корреспонденту американского агентства Ассошиэйтед Пресс, которое прошло по первым страницам многих крупнейших газет мира. Витте утверждал в интервью, что Россия отнюдь не ищет мира во что бы то ни стало. Условия, ущемляющие ее достоинство, для нее неприемлемы и побудят весь народ сплотиться в борьбе за будущее Отечества. Витте в заключение сказал, что ему поручено лишь выяснить, возможно ли уже заключение мира, а окончательное решение всецело остается в руках государя императора Николая II.

Вне всякого сомнения, это интервью стало известно в Токио. И, естественно, оно внесло определенные коррективы в позицию японской делегации на переговорах.

Большая часть российской делегации ехали в США через Германию и Францию. До французского порта Шербур Витте сопровождали супруга, приемная дочь и ее муж, племянник графа Воронцова, молодой дипломат К.В. Нарышкин. В Берлине состоялась встреча Сергея Юльевича со старым знакомым Э. Мендельсоном, который согласился в случае необходимости повлиять на кайзера Вильгельма.

В Париже Витте имел беседы с председателем Совета министров и министром иностранных дел М. Рувье и президентом Франции Э. Лубе. Собеседники высказались за скорейшее заключение мира, чтобы Россия могла вернуть свои войска с Дальнего Востока в европейскую часть страны, к западной границе. Союзная Франция была крайне озабочена своим конфликтом с Германией из-за Марокко и потому «нуждалась» в русской поддержке. В Париже вновь зашел разговор о займе, на что Рувье прямо заявил своему собеседнику:

«Россия при продолжении войны не будет иметь ни малейшей надежды найти деньги во Франции. Необходимая предпосылка для получения займа — мир с Токио».

Российская делегация отплыла из Шербурга в Америку на

немецком пароходе «Кайзер Вильгельм дер Гроссе» 14 июля. Через шесть дней судно прибыло в Нью-Йорк, где С.Ю. Витте сразу же пришлось выдержать «натиск» американских журналистов. Среди прочего, он назвал президента Рузвельта «гениальным пождем» и с уважением отозвался о Японии и японцах.

Во время плавания Сергей Юльевич наметил тактику поведения российской делегации на переговорах. Она, по его словам, состояла из следующих взаимосвязанных составных:

«1) Ничем не показывать, что мы желаем мира, вести себя так, чтобы внести впечатление, что если государь согласился на переговоры, то только ввиду общего желания почти всех стран, чтобы война была прекращена.

2) Держать себя так, как подобает представителю России, то есть представителю величайшей империи, у которой приключилась маленькая неприятность.

3) Иметь в виду громадную роль прессы в Америке, держать себя особенно предупредительно и доступно ко всем ее представителям.

4) Чтобы привлечь к себе население в Америке, которое крайне демократично, держать себя с ним совершенно просто, без всякого чванства и совершенно демократично.

5) Ввиду значительного влияния евреев, в особенности в Нью-Йорке, и американской прессы вообще не относиться к ним враждебно».

Из Нью-Йорка обе делегации отправились к назначенному месту переговоров на пассажирских судах. Витте же большую часть пути проделал по железной дороге, осмотрев город Бостон и посетив престижный Гарвардский университет. Он старался понравиться через прессу американцам, по окончании поездки пожал руки паровозным служащим, а машиниста обнял и поцеловал.

Мирные переговоры между двумя империями — Российской и Японской начались с предварительной встречи сторон 6 августа 1905 года в небольшом тогда американском городе Портсмуте в штате Нью-Гемпшир, на борту президентской яхты Теодора Рузвельта «Мэй флауэр». Спустя два дня после этой ознакомительной встречи мирная конференция, ход которой освещался всей серьезной мировой прессой, открылась.

Работа мирной конференции проходила в адмиралтейской дворце «Неви-Ярд». На первом этаже здания хозяева оборудовали телеграф — для каждой делегации свой. Дипломаты и журналисты (около 80 человек) проживали все в единственной городской гостинице «Вентворт», в то время деревянной.

Японскую делегацию в Портсмуте возглавлял министр иностранных дел барон Ютаро Комура, получивший, как и Витте, четкие инструкции относительно требований к России. Переговоры велись на французском языке, английский язык был признан «дополнительным». О том, как складывалась рабочая обстановка на мирной конференции, описано С.Ю. Витте в его «Воспоминаниях»:

«Японцы держали себя на конференции сухо, но корректно, только часто прерывали заседания, чтобы посоветоваться. На конференции присутствовали только уполномоченные, то есть я, барон Розен, Комура, японский посол в Вашингтоне и три секретаря с каждой стороны. Говорили я и Комура, только несколько раз в дебатах участвовали вторые уполномоченные. Я хотел, чтобы присутствовали также ассистенты, но Комура, не знаю почему, решительно этому воспротивился. Некоторые ассистенты были приглашены только на одно заседание.

Я и барон Розен ездили на конференцию без ассистентов, а Комура брал их с собой и держал их в комнатах, отведенных для японских уполномоченных. С ним был один советник, бывший адвокат, американец в Японии, который затем несколько лет тому назад поступил на службу в японское министерство иностранных дел и там играет большую роль, хотя и не показную. С этим-то советником Комура постоянно ходил советоваться».

После необходимых дипломатических формальностей открытия Портсмутской мирной конференции, барон Ю. Комура предъявил российскому главному уполномоченному японские условия мира, написанные на почтовом листке бумаги. Они состояли из двенадцати пунктов.

Принимая ноту японской стороны, С.Ю. Витте ограничился замечанием, что условия мира не должны представлять слишком больших выгод одной стороне. Так в американском городе Портсмуте началась напряженная борьба двух дипломатических

миссий, длившаяся долгих четыре недели. Ее результатов ждали не только в Токио и Санкт-Петербурге, Японии и России, в Маньчжурии, где друг против друга в бездействии замерли две огромные армии, но и во всем цивилизованном мире. Исход русско-японской войны напрямую затрагивал интересы Китая и Кореи, США и Франции, Германии и Британии, и даже маленького княжества Черногории, князь которой Николай Негош встал на сторону воюющей России, объявив войну Японии и послав в русскую действующую армию черногорских добровольцев...

Полностью неприемлемыми для России, о чем шла речь на беседе у императора Николая II с Витте, было шесть пунктов. Один из них касался полного отторжения острова Сахалина (по-японски Карафуто). Второй — передачи железных дорог южнее главной линии КВЖД. Третий — ограничений в использовании трансманьчжурской магистрали от Забайкалья до Владивостока. Четвертый — военной контрибуции. Пятый — передачи японцам русских кораблей, интернированных в иностранных портах западного побережья Тихого океана. И шестой — ограничение военно-морских сил Российской империи в водах Дальнего Востока.

После телеграфных консультаций с российским МИДом, который в свою очередь ставил в известность государя, находившегося в Петергофе, Витте дал ответ японской стороне по каждому пункту ее требований.

Затем конференция начала обсуждение каждого пункта японских мирных условий. Исследователи истории дипломатии считают, что в Портсмуте С.Ю. Витте оказался в споре с бароном Комура значительно сильнее, стараясь использовать японские аргументы для подкрепления доводов российской стороны. Особенно это показательно при обсуждении вопроса о Сахалине. Сергей Юльевич резюмировал японское требование в следующих пяти пунктах:

«1) народное чувство в России гораздо более серьезно, чем чувство японского народа, потому что оно основано не на сожалении, что Япония не завладела соседней территорией, когда это было возможно, но на сожалении по поводу потери интегральной части Российской империи;

2) обладание Сахалином является не только вопросом интереса для России, но кроме того вопросом национальной безопасности, потому что этот остров, по самому своему географическому положению, защищает подступ к амурской провинции;

3) обладание Сахалином Россией хорошо показало, что этот остров никогда не был и не может быть угрозой против Японии и опасностью для мира на Дальнем Востоке;

4) у России есть только один способ действовать, ввиду занятия Сахалина, — не признавать этого занятия правовым актом и предоставить истории время произнести свое суждение;

5) русские уполномоченные полностью разделяют взгляд Комуры, что было бы выгодно для дружественных отношений двух стран в будущем теперь же разрешить этот вопрос удовлетворительным образом по обоюдному соглашению; вот почему они надеются, что японские уполномоченные пересмотрят свои мнения по вопросу о Сахалине».

Переговоры шли с «большим перенапряжением нервов», не раз грозя или затянуться, или прерваться. Особенно остро стоял вопрос о Сахалине, захваченном японскими войсками. Император Николай II даже раз отступил от правила своего «личного неучастия» в переговорном процессе, прислав первому уполномоченному телеграмму за своей подписью однозначного содержания:

«Ее величество и я искренне благодарим вас. Стойте крепко за землю русскую».

Сахалин становился точкой преткновения на мирной конференции. Скорее всего, Витте не ожидал, что для воздействия на позиции России в этом вопросе американская, а затем французская дипломатия предпримут настойчивые шаги давления. В итоге имевший до этого твердую позицию Николай II дал согласие на уступку японцам южной части Сахалина «в вечное и полное владение». Витте писал в мемуарах:

«Единственную существенную уступку в смысле инструкции Государя, мне данной, которая была сделана, — это уступка южного Сахалина, и ее сделал сам Государь. Эта честь принадлежит лично Его Величеству. Я, может быть, ее не сделал бы хотя нахожу, что Государь поступил правильно, так как без этой уступки едва ли удалось заключить мир.

Я был убежден в том, что мир для нас необходим, так как в противном случае нам грозят новые бедствия и полная катастрофа, которые могут кончиться свержением династии, которой я всегда был и ныне предан до последней капли крови. Но, с другой стороны, как-никак, а мне приходилось подписать условия, которые превосходили по благоприятности мои надежды, но все-таки условия не победителя, а побежденного на поле брани.

России давно не приходилось подписывать такие условия. И хотя я был ни при чем в этой ужасной войне, я, напротив того, убеждал Государя ее не затевать, пока он меня не удалил, чтобы развязать безумным авантюристам руки. Тем не менее судьбе было угодно, чтобы я явился заключителем этого подавляющего для русского самолюбия мира. И поэтому меня угнетало тяжелое чувство.

Не желаю никому пережить то, что я пережил в последние дни в Портсмуте».

23 августа около 3 часов 45 минут дня в зале переговоров в «Неви-Ярде» состоялась церемония подписания договора между Россией и Японией о мире. Она завершилась рукопожатием С.Ю. Витте и барона Ю. Комура. В тот же день первый уполномоченный получил от императора Николая II благодарственную телеграмму. На следующий день делегация России покинула Портсмут. Она отправлялась тем же путем на родину в дни, когда мировая печать много писала о несомненной победе русской дипломатии на мирной конференции.

Прежде чем покинуть территорию США, Витте имел беседу с ее президентом Теодором Рузвельтом. Председателем Комитета министров России была сделана попытка добиться принципиального согласия американских финансистов на получение у них займа на 400 миллионов долларов. После встречи с миллиардером Джоном Морганом на борту его яхты «Корсар» Витте понял, что крупного займа здесь не получить и что главным кредитором России будет оставаться все та же Франция, ее денежный рынок и банкиры Парижа в лице дома Ротшильдов и его коллег.

Так в американском городе Портсмуте была подведена черта под Русско-японской войной 1904—1905 годов. Сергей Юльевич

Витте назвал заключенный мир «почти благопристойным» для Российской империи, в котором ее великодержавное величие на удивление дипломатическому сообществу почти не пострадало.

Последним договорным актом Портсмутской мирной конференции стало определение размеров «вознаграждения за содержание военнопленных». Из предъявленного японской стороной такого счета были вычтены расходы России на содержание военнопленных неприятеля. В итоге на долю Японии пришлось 45 967 620 рублей и 52 копейки. Это, в перерасчете на доллары, было значительно больше, чем в свое время американцы заплатили за Аляску — Русскую Америку.

Монархи Европы поздравили всероссийского императора с заключением мира. Тот, в свою очередь, поздравил первого уполномоченного с победой на дипломатическом поприще. Высочайшая награда за Портсмутский мир не заставила себя долго ждать: действительный тайный советник Сергей Юльевич Витте, он же великий отечественный реформатор и председатель Комитета министров, был возведен в графское достоинство Российской империи.

Есть свидетельства о том, в каком горьком, тревожном состоянии находился С.Ю. Витте в день подписания мирного договора, который к победным не относился. Первый уполномоченный отчасти объяснял свое положение тем, что ожидал отказа японской делегации подписать обговоренный по всем пунктам документ. Витте тогда не знал, что высшее командование императорской армии в Маньчжурии и флота Страны восходящего солнца выступили за прекращение войны. Огромные потери в людях восполнялись последними резервами.

Если бы Витте и знал такую ситуацию в стане противника, она бы все равно не сняла с него тревогу за личную ответственность в подписании мира от имени побежденной в войне России. Пусть даже подписанный мир дался ей с минимальными потерями. Моральная ответственность за поставленную под итоговым документом мирной конференции подпись была чрезвычайно велика, даже без учета большого самолюбия Витте. Он писал в мемуарах:

«Самое ужасное состояние человека, когда внутри, в душе

его, что-то двоится. Поэтому как сравнительно несчастны должны быть слабовольные. С одной стороны, разум и совесть мне говорили, какой будет счастливый день, если завтра я подпишу мир, а с другой стороны, мне внутренний голос подсказывал:

«Но ты будешь гораздо счастливее, если судьба ответит твою руку от Портсмутского мира, на тебя все свалят, ибо сознаться в своих грехах, своих преступлениях перед отечеством и Богом никто не захочет, и даже русский царь, а в особенности Николай II».

Я провел ночь в какой-то усталости, в кошмаре, в рыдании и молитве».

Убежденный монархист С.Ю. Витте не ошибся в предчувствиях. На столичном вокзале его встречали лишь несколько чиновников, близких знакомых и случайных лиц. В Санкт-Петербурге официальные лица поздравляли главу правительства с дипломатической победой в сдержанных тонах. Такой прием подействовал на Сергея Юльевича удручающе, всколыхнув едва улегшиеся переживания по поводу реакции государя на мирное соглашение в Портсмуте.

Холодность чувствовалась и в отношении к нему со стороны монарха (встреча состоялась на царской яхте «Полярная звезда» в финских водах) и его супруги Александры Федоровны. Оппозиция также себя не сдерживала ни в печатных словах, ни в публичных выступлениях, называя заключенный мир «позорным» и даже «преступным».

Буквально с первых дней возвращения домой за теперь уже графом Витте в столичном обществе закрепилось обидное для него прозвище — «граф полу-Сахалинский». Пожалуй, случилось то, чего Сергей Юльевич опасался больше всего: пораженческий мир приписывался прежде всего ему лично, а уже потом хозяину Зимнего дворца и его ближайшему окружению. Он писал:

«Указ об этом (о возведении в графское достоинство. — А.Ш.) возбудил все мерзкие страсти в болоте русского правящего класса... Все левые — революционеры, а тогда многие сегодняшние черносотенцы были революционерами, остались недовольны тем, что мир в Портсмуте не был так позорен, как вся война, а потому старались в прессе умалить мое значение в этом деле как

слуги самодержавного Государя, а для того приписывали всю честь этого акта Рузвельту. Ведь Рузвельт — президент республики, и они хотят республики, да еще какой — распродемократической.

Правые газеты, которые все время наталкивали Россию на Японию, само собой, начали говорить в свое оправдание, что не следовало заключать мира, что если бы мы продолжали войну, то победили бы. Витте, заключив мир, сделал ошибку. Идя по этому пути, когда у нас революция вырвалась наружу, самые крайние правые начали кричать, что я обманул Государя и заключил мир помимо его желаний. Особенно они ставили мне в вину, что я уступил южную часть Сахалина.

Этот тон стали проводить и некоторые военные царедворцы, различные генерал-адъютанты, флигель-адъютанты и просто генералы и полковники. Одним словом, дворцовая челядь, которая делает свою военную карьеру, занимаясь дворцовыми кухнями, автомобилями, конюшнями, собаками и прочими служительскими занятиями.

Этот тон был весьма на руку всем военачальникам, которые шли на войну для хищений и разврата. И в особенности для главных виновников нашего военного позора — генерала Куропаткина с «душой штабного писаря», и старой лисицы, никогда не забывающего своих материальных выгод, генерала Линевича, недурного фельдфебеля для хорошей роты, ведущей партизанскую войну на Кавказе.

Они подняли головы и начали трубить направо и налево: «Как раз когда мы начали громить японцев, Витте заключил мир».

Думается, что уже в первые дни своего возвращения «граф полу-Сахалинский» стал осознавать, что его государственная карьера близится к закату. Триумфального возвращения из Портсмута в Санкт-Петербург не случилось. Обвинения сыпались со всех сторон: ведь надо же было винить кого-то из высокопоставленных лиц в понесенном военном и моральном поражении.

Истории, прежде всего отечественной, потребовалось немало времени, чтобы расставить в финальной точке военного конфликта на Дальнем Востоке в начале XX века все по своим местам. Но это было сделано гораздо позже того, как улеглись пос-

левоенные политические страсти. Всего лишь одно тому свидетельство.

Один из зарубежных историков Кристофер Мартин, автор книги о Русско-японской войне 1904—1905 годов, сделал такое умозаключение о сути Портсмутского мирного договора:

«Это был некоторым образом скорее вынужденный мир, чем победа одной из сторон. Японцы выиграли все сражения, но у русских было больше сил в Маньчжурии, чем когда бы то ни было раньше. Было очевидно, что они могут попытаться выиграть на суше, если уж они проиграли на море.

Фактом было то, что русские больше не хотели воевать и того же не хотели японцы. Война оказалась слишком дорогой. Русские помнили ужасный разгром своего флота. Японцы истощили свои физические и людские ресурсы. Они уже призывали самые молодые категории своих резервистов, потому что понесли тяжелые потери в живой силе и в сравнении с Россией они были катастрофическими. Война теперь была непопулярна в Японии, и японские части в Маньчжурии начали сдаваться русским в плен мелкими отрядами. Русские теперь отходили почти по всей старой линии фронта, считая, что так проще, чем защищаться.

Война закончилась на поразительно мягкой ноте (по сравнению с безусловной капитуляцией в Порт-Артуре). Война вообще могла бы не начаться, если бы русские дипломаты были достаточно мудры, чтобы понять японские требования, позволить им удовлетворить некоторые их интересы в Корее, и если бы адмирал Алексеев, царский наместник на Дальнем Востоке, не был бы так политически наивен, так упрям и так свое нравен».

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

ОТСТАВКА

1

ПОРТСМУТСКИЙ ТРИУМФАТОР ПОД ОГНЕМ КРИТИКИ

Витте вернулся к своим обязанностям председателя Комитета министров с первых шагов по возвращении на европейский континент.

В Париже С.Ю. Витте ожидали два приглашения: английский король Эдуард VII и германский император Вильгельм II желали видеть его у себя. Приглашение посетить Англию было передано через первого секретаря российского посольства в Лондоне С.А. Поклевского-Козелла, специально по такому случаю приехавшему в столицу Франции. Но от визита в Британию пришлось вежливо отказаться, поскольку на нее разрешения император Николай II премьеру на его телеграфный запрос не дал. Витте попросил Поклевского-Козелла передать королю, что он по возвращении в Россию употребит «все средства для того, чтобы установить между Россией и Англией нормальные, добрые отношения».

Что же касается Германии, то на визит к кайзеру С.Ю. Витте получил прямое указание государя. Вильгельм II и Николай III заключили между собой известное соглашение в Бьерке. Но во Франции предстояло получать заем, для чего требовалось определенное смягчение натянутых франко-германских отношений, чему могла содействовать заинтересованная Россия. Витте перед

отъездом в Берлин нанес визит президенту Франции Э. Лубе и имел с ним конфиденциальную беседу.

В Берлине русский премьер встретился с канцлером Б. Бюловым и статс-секретарем по иностранным делам О. Рихтгофеном. Кульминацией его пребывания в Германии явилось официальное свидание с Вильгельмом II в охотничьем замке кайзера «Гросс Роминтен». Разговор шел о взаимоотношениях с Лондоном, с которым у германцев и Николая II были самые прохладные отношения. Кайзер телеграфировал канцлеру Бюлову:

«Встреча превзошла все ожидания. Витте был чрезвычайно откровенен и искренен».

Так в Европе стал намечаться тройственный союз — Германии, России и Франции. Правда, он так и не сложился. Но в Берлине тогда делали на него большую ставку: до коалиционной мировой войны уже оставалось менее десяти лет, и дипломатические баталии шли полным ходом.

Позиция Витте обнадеживала германского императора. Сергей Юльевич уезжал из Берлина обласканный и награжденный за устройство мира портретом кайзера с многозначительной надписью «Портсмут — Бьерке — Роминтен». Эта награда добавилась к немецким орденам Прусской Короны, Красного Орла и Белого Орла.

Витте попытался, по приезде в Петербург, разобраться в собственном положении и в ситуации, которая складывалась в столице вокруг него. Он сразу же нанес визиты вежливости главе Особого совещания по разработке проектов государственных преобразований Д.М. Сольскому, министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу и управляющему делами Комитета министров Э.Ю. Нольде, провел доверительные беседы с хорошо осведомленными чиновниками Министерства финансов, своими выдвигенцами.

После этого Витте оказался в «лагере» министра иностранных дел, который был против ратификации Бьеркского договора двух императоров. Все упиралось в позицию Франции, историческим недругом для которой являлась Германия. Витте предупреждал членов Комитета министров о важном внешнеполитическом обстоятельстве: главным кредитором России являлись не берлинские, а парижские банки.

В области внутренней политики глава правительства, «определившись на месте», стал на стороне тех в правящих кругах, которые уповали на подавление «революционной анархии» репрессивными методами в сочетании с серьезными реформами. Их противники стояли за «лобовое» подавление революции военной силой. Шел октябрь 1905 года, не утихали забастовки, в ряде городов лилась кровь на баррикадах. Монархии мерещились новые «Потемкины» не под Андреевскими, а под красными флагами.

Дело дошло до того, что к середине октября обстановка в России настолько накалилась, что правительство (вернее — двор) утратило контроль за ситуацией. Повсюду проходили митинги и демонстрации с требованием Конституции. Столичный генерал-губернатор Д.Ф. Трепов, в ведении которого находились Департамент полиции и Отдельный корпус жандармов, приказал войскам «патронов не жалеть, холостых залпов не давать». Но надежных военных сил у самодержавия для скорого подавления революционных выступлений было мало.

О Витте, как главе правительства бунтующей страны, писали разное. Он мечтал о сильной власти, о роли «русского Бисмарка» в спасении монархии Романовых. Но, с другой стороны, инстинкт говорил ему: «Не дай снова бросить себя в костер» Портсмута и стать всему творившемуся в России козлом отпущения.

Можно утверждать, что С.Ю. Витте реально смотрел на происходящее и считал войска главным аргументом при подавлении революционных выступлений. Председатель Комитета министров не без труда (!) добился аудиенции у императора Николая II в Петергофе и выразил ему свое мнение о том, как выйти из сложившегося в России положения:

«1) Облечь неограниченную диктаторскую властью доверенное лицо, дабы энергично и бесповоротно в самом корне подавить всякий признак проявления какого-либо противодействия правительству, хотя бы ценою массового пролития крови. (В роли диктатора Витте себя не видел.)

2) Перейти на почву уступок общественному мнению и начертать будущему кабинету указания вступить на путь конституционный; иначе говоря, Его Величество предрешает дарова

ние конституции и утверждает программу, разработанную графом Витте».

Николай II на аудиенции не ответил на предложения Витте. Посоветовавшись с самым близким ему человеком и единомышленником — императрицей Александрой Федоровной, он попросил у премьера письменный текст предложений.

При дворе предложения премьера признали откровенно либеральными и даже дерзкими. Витте продолжал настаивать на конституционном пути подавления «русского бунта». По его просьбе А.Д. Оболенский составил проект высочайшего манифеста, в котором были заложены его идеи. Он был представлен на рассмотрение государю на совещании в Петергофском дворце, в котором, кроме премьера, участвовали великий князь Николай Николаевич, министр двора барон В.Б. Фредерикс, генерал-адъютант О.Б. Рихтер, известные своими консервативными взглядами И.Л. Горемыкин и барон А.А. Будберг. С проектом манифеста был ознакомлен и столичный генерал-губернатор Д.Ф. Трепов.

Поскольку «тянуть» время не приходилось, император Николай II в присутствии Витте, великого князя Николая Николаевича и Фредерикса 17 октября подписал Манифест. Одновременно он подписал указ о Совете министров и назначении его председателем действительного тайного советника графа С.Ю. Витте.

На Совет министров возлагалось «направление и объединение действий» различных ведомств «по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления». О таком полномочном правительственном органе пекся именно Витте: теперь он стал обладателем части высшей власти, которой ранее единолично распорядился самодержец. Одновременно Сергей Юльевич продолжал оставаться председателем (последним) Комитета министров с его прежними функциями.

Два императорских указа стали триумфом Витте как русского премьера. Ставший после Портсмута его недругом генерал А.Н. Куропаткин, пребывавший не у дел, записал в своем дневнике:

«Сергей Витте торжествует. Так отомстить, как он отомстил государю, даже и ему не всегда представлялось возможным. Он

в своем кабинете, потирая руки, может говорить, что это он, подписав в Портсмуте позорный мир, заставил государя подписать ограничение своего самодержавия».

Бывший военный министр России и главнокомандующий русской армии в Маньчжурии был здесь прав в главном. Впервые самодержавие пошло на ограничение своей власти правительством. Сам С.Ю. Витте отзывался о Манифесте так:

«Манифест 17 октября, в редакции, на которой я настаивал, отсекает вчера от сегодня, прошедшее от будущего. Можно и должно было не спешить с этой исторической операцией, сделать ее более осторожно, более антисептически, но операция эта, по моему убеждению, немного ранее или немного позже, была необходима. Это неизбежный ход истории, прогресса бытия».

Манифест стал как бы ответом самодержавия за неудачную попытку создать «булыгинскую» думу, выборы в которую так и не состоялись. Они были по «Положению» многоступенчатые, по трем куриям: землевладельческой (помещики-дворяне), крестьянской и городской. Рабочие и военнотружущие правом голоса не обладали. Половинчатыми мерами столичные власти смогли избежать нежелательных для них выборов в орган общегосударственной власти.

Первые шаги российской власти на пути к конституционной монархии произвели сильное впечатление на Запад и внесли раскол в ряды революционного движения. Но парижские банкиры не спешили распахивать двери денежного рынка перед Витте, хотя его личный авторитет в финансовых кругах Европы был достаточно высок. Они хотели убедиться в надежности положения Романовых при начатых государственных преобразованиях и одновременно настаивали на изменении дружественной позиции в отношении Германии.

Главу нового правительства — уже не Комитета, а Совета министров — Сергея Юльевича Витте озаботило то, что по стране в ряде городов стали создаваться параллельные (альтернативные) органы власти в лице Советов, не подконтрольные властям. Они и рассматривались политической оппозицией как органы местного самоуправления, а большевиками — как органы подготовки вооруженного восстания против царизма, руководства им.

Правительству в конце 1905 года в своих решениях пришлось впервые столкнуться с сильным противодействием Петербургского совета, председателем которого сперва был Г.С. Хрусталева-Носарь, а затем Л.Д. Троцкий (Бронштейн).

Правительство не принимало самостоятельных решений, будучи фактически подконтрольно императору. Николай II мог снять старого и назначить нового министра, сменить самого премьера, с которым по многим вопросам советовался чисто формально, чтобы излишне не возбуждать против себя и без того недоброжелательное к нему общественное мнение.

Со стороны С.Ю. Витте его деятельность в ранге председателя Совета министров, человека не властного в решениях, сводилась к тому, что он в основном давал советы государю. Но такое ему приходилось делать не часто, поскольку право на личный доклад монарху имели министры, а не их премьер. Все же советы в революционной ситуации Витте давались главе династии Романовых «дельные», большей частью через «правую царскую руку» Трепова. В.И. Ленин писал о тех событиях:

«Царю одинаково нужны и Витте, и Трепов: Витте, чтобы подманивать одних; Трепов, чтобы удерживать других; Витте — для обещаний; Трепов для дела; Витте для буржуазии, Трепов для пролетариата».

Считается, что именно премьер посоветовал самодержцу назначить во «взбунтовавшуюся» Москву генерал-губернатором Ф.В. Дубасова, который сразу использовал для подавления беспорядков в огромном городе военную силу. Глава правительства, действительно, знал способности этого человека достаточно хорошо.

Обвинения Витте в том, что именно он посоветовал Николаю II послать в Москву именно такой-то гвардейский полк, мало состоятельны. В окружении императора находилось много военных профессионалов в генеральских мундирах, которые могли дать верный совет, какую воинскую часть столичного гарнизона можно послать в Москву для «усиления» нового генерал-губернатора, который сразу же столкнулся с нешуточным вооруженным противостоянием.

Московский совет смог организовать политическую стачку, которая вскоре переросла в Декабрьское вооруженное восста-

ние. Соппротивление дружинников в ходе баррикадных боев в Москве удалось сломить только с помощью войск гарнизона (гренадерских полков и 1-й кавалерийской дивизии) и прибывшего из столицы лейб-гвардии Семеновского полка под командованием полковника Г.А. Мина. В ряде мест (особенно в «Пресненском квартале с Прохоровской мануфактурой») для разгрома восставших на баррикадах использовалась артиллерия.

Витте приходилось читать копии донесений воинских начальников на имя Дубасова, который оказался главным руководящим лицом в подавлении революционных выступлений в стране. Российского премьера поражало то, что столкновения войск с дружинами революционеров-боевиков часто носили характер ожесточенного боя. К примеру, командир 18-го пехотного Ладожского полка полковник Мельников рапортовал, что за время усмирения восставшей Москвы пехотинцы-ладожцы «выпустили 40 100 боевых винтовочных и 832 боевых револьверных патронов. Эти десятки тысяч патронов были расстреляны за два с небольшим месяца пребывания полка в Москве.

Но больше всего С.Ю. Витте поражали донесения командира лейб-гвардии 1 Семеновского полка Мина, который руководил боевыми действиями войск против дружинников, оборонявших Пресню. Предчувствия революционного бунта, которые испытывал Сергей Юльевич с первых неудач куропаткинской армии в русско-японской войне, сбывались: правящую царскую династию пытались свалить уже не террористы-«бомбисты», а боевые дружины, состоявшие из революционно настроенных лиц совсем не обязательно рабочего происхождения. И которым помогали, если можно было судить по донесениям из Москвы, в строительстве уличных баррикад «женщины интеллигентного вида».

Командир гвардейцев-семеновцев доносил в штаб Московского военного округа (копии переправлялись в столицу) о мерах борьбы с революционными проявлениями и их проявлениями в Москве несколько обнадеживающе:

«Общее впечатление, что у мятежников нет организации и никаких массовых сборищ нет и не может быть, так как, если бы что-либо подобное было, то они действовали бы более энергично и более наносили вреда. Все эти дни обстановка стоянки

войск позволяла им действовать более активно, а между тем ничего подобного не замечалось».

Зато сам генерал-адъютант полковник Г.А. Мин действовал на редкость решительно. Этого от него требовало командование в лице начальника штаба Московского военного округа генерал-майора барона Рауша: «Оказывающих малейшее сопротивление и дерзость, и взятых с оружием в руках расстреливать».

Глава правительства, обремененный проблемами внесения конституционного устройства в государство с самодержавной монархией, поиска иностранных займов и улаживания послевоенных дел на Дальнем Востоке, столкнулся с так называемой министерской чехардой. Причем министры снимались и назначались не им, а императором. Николай II считал своим долгом только ставить в известность главу Совета министров, не всегда советуясь с ним о кандидатурах на тот или иной министерский пост. Особенно это касалось тех министров, которые по долгу своей службы были ответственны за борьбу с революцией.

Примером мог быть пост министра юстиции. В начале 1905 года опытного Н.В. Муравьева на этом посту сменил сенатор С.С. Манухин (позже, в 1912 г. он «погорел» на разбирательстве обстоятельств Ленского расстрела, когда было убито 270 рабочих золотых приисков: все расследование было сведено к возбуждению уголовного дела против жандармского ротмистра Н.В. Терещенкова. Тот был первоначально поощрен Министерством внутренних дел за твердость при подавлении беспорядков премией в 2400 рублей, суммой по тому времени довольно значительной. С ротмистром «разбирались» до самого начала Первой мировой войны, то есть до его убытия на фронт, где он, все же признанный «виновным» в Ленском расстреле, погиб в одном из боёв).

В декабре 1905 года Манухина сменил бывший председатель Одесской судебной управы М.Г. Акимов. Он продержался на посту министра юстиции всего четыре месяца, но успел своей властью возбудить десятки политических процессов против представителей либеральной интеллигенции из числа оппозиционеров монархии Романовых. Таким путем глава российской «фемиды» рассчитывал остановить революционное движение в стране.

В апреле 1906 года Акимов сменил И.Г. Щегловитов, бывший до этого директором 1-го Департамента Министерства юстиции и получивший известность исполнением обязанностей прокурора в Особом присутствии Сената в Москве «для создания дела о злодеянии, жертвой коего пал Его Императорское Высочество великий князь Сергей Александрович». Во время Первой русской революции Щегловитов оказался тем полномочным министром юстиции, который действовал «кроваво и результативно». Именно он ввел в России военно-полевые суды для подавления «революционных беспорядков». На военно-полевых судах вся процедура дознания и вынесения приговора завершалась в течение 48 часов. Приговор обжалованию не подлежал и приводился в исполнение в течение 24 часов. (Щегловитов занимал пост главы Министерства юстиции до 1 января 1915 года, когда он с большими почестями был уволен от должности, оставаясь членом Государственного совета. После отречения Николая II от престола сразу же был арестован Временным правительством и посажен в Петропавловскую крепость. После Октябрьского переворота вновь оказался в ней, став узником Тубецкого бастиона. В августе 1918 года перевезен в Москву и там расстрелян по приговору Совета Народных Комиссаров (СНК) на Братском кладбище во Всехсвятском.)

После подавления московского Декабрьского восстания революция быстро пошла на убыль. Но отступала она медленно, «зигзагообразно». В начале 1906 года при дворе все еще ожидали нового революционного «девятого вала». Глава правительства С.Ю. Витте писал, что «все находилось на острие» до получения займа от французских банкиров и возвращения русской армии из Маньчжурии.

Положение председателя Совета министров осложнялось еще тем, что с большим трудом решался вопрос о новом французском кредите, который обсуждался министром финансов В.Н. Коковцевым с банкиром Э. Нейцлином. Парижу уже казалась малой российской поддержка на переговорах с Германией в Алжезирасе (Альхесирассе) по «марокканскому кризису». В ходе переговоров был даже такой эпизод, весьма тягостный для российского премьера. Этот эпизод был описан Коковцевым в его мемуарах:

«Сама внешняя обстановка была в высшей степени тягостна: нас окружал давящий мрак, электричество не горело, у подъезда стоял по желанию генерал-губернатора Трепова усиленный наряд полиции, под эскортом которого наши французские гости вернулись в гостиницу. Мы договорились, что наутро участник этой экспедиции специалист по контрактным тонкостям служащий Парижско-Нидерландского банка господин Жюль-Жак подготовит основания договора.

На самом деле никакой новой нашей встречи не произошло.

Утром Нейцлин сказал мне по телефону, что чувствует себя совершенно разбитым от всех пережитых впечатлений, просит отложить свидание до следующего дня. А когда наступил этот «следующий» день, в двенадцатом часу я получил от него письмо из гостиницы с уведомлением, что им удалось нанять финский пароход, на котором они и уехали спешно из России».

Все же в немалой степени благодаря личному авторитету Сергея Юльевича во французских финансовых кругах, 4 апреля заем был наконец получен. Номинальная сумма его составила 2,25 миллиарда франков. То есть на полмиллиарда меньше, чем добивался Витте. Правда, поступления до конца года должны были составить 40 процентов, что давало российскому правительству необходимый минимум средств для покрытия бюджетного дефицита революционных 1905—1906 годов. Заем предоставлялся на 50 лет, до 1956 года.

Министр финансов В.Н. Коковцев, который возглавлял делегацию России на переговорах о долгосрочном кредите, не без возмущения писал, что правительство Французской республики взяло его «за горло категорическим требованием не обращаться два года к французскому кредиту». То есть это было свидетельством того, что сейфы банков Парижа бездонными для союзной России не были.

Ситуация в стране требовала изменений в правящих верхах. Против главы правительства, которого обвиняли во многих грехах и военных насилиях (не винить же было самого государя!), ополчились не только левые, но и правые. Группа киевских землевладельцев, то есть помещиков, подала на имя Николая II петицию, в которой утверждалось, что правительство и лично сам Витте «не пользуются доверием страны». Дворянство и сам

«первый помещик» — царь, были встревожены слухами о том, что премьер для решения аграрного вопроса «задумывает» закон о принудительном отчуждении у землевладельцев «излишков земли».

Витте действительно представил самодержцу свои соображения по крестьянскому вопросу, и тот одобрил их, но, разумеется, только на словах. Николай II в условиях, когда революционное «брожение» шло по всей России на убыль, стал меньше считаться с премьером. Так, о назначении министром земледелия А.В. Кривошеина, а министром торговли и промышленности — С.В. Рухлова император известил главу правительства запиской.

Скорее всего, Сергей Юльевич осознавал, что отношение общественности к нему резко изменилось к худшему. Его в бытность пребывания на посту министра финансов избирали на всевозможные почетные должности, перечень которых был на удивление длинен. На посту же председателя Совета министров общественность о нем вспомнила лишь один раз. В ноябре 1905 года он был избран пожизненным почетным членом Екатеринбургского сельского попечительства детских приютов в Тульской губернии. И все.

Много «несогласований» между графом Витте и двором вызвал вопрос созыва Государственной думы. Если Сергей Юльевич настаивал на том, чтобы дума имела действительные законодательные полномочия, то император и его окружение стремились урезать думские права до крайности, превратить российский парламент в подобие совещательного органа, чтобы его созывом «выпустить пар» из все более политизирующегося общества. Выступления премьер-министра на заседаниях Государственного совета стали звучать все резче и резче. Витте писал:

«Наиболее важным является скорейшее окончание подготовительных работ по крестьянскому делу, так как вопрос об устройстве быта крестьян является бесспорно наиболее жизненным и насущным».

То есть своими мыслями Сергей Юльевич как бы предопределял содержание столыпинской аграрной реформы. Но в 1906 году время преобразований П.А. Столыпина еще не подошло.

В начале апреля Витте стало известно, что император сильно разгневан на него за мысли о принудительном отчуждении земли у помещиков в пользу крестьянской общины. Стало известно, что Николай II советовался со своими приближенными о том, как ему отделаться от ставшего негодным главы правительства.

14 апреля 1906 года С.Ю. Витте послал императору Николаю II прошение об отставке. На следующий же день оно было удовлетворено. Император прислал собственноручное письмо: «Граф Сергей Юльевич.

Вчера утром я получил письмо Ваше, в котором Вы просите об увольнении от занимаемых должностей. Я изъявляю согласие на Вашу просьбу.

Николай II».

2

ЧЛЕН ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА. «ПОСЛЕДНИЙ БОЙ» НА СТРАНИЦАХ МЕМУАРОВ

Получив официальную отставку, С.Ю. Витте нанес прощальный «визит вежливости» в императорский дворец. Государь и его супруга Александра Федоровна внешне любезно приняли ушедшего в отставку премьера. Николай II сообщил ему, что свой выбор на освободившееся место главы правительства он уже сделал. Председателем Совета министров стал Иван Логгинович Горемыкин. (Он продержался на этом государственном посту всего три месяца. Правда, в годы Первой мировой войны Горемыкин еще раз занимал эту должность, но уже на два года. И опять без больших достижений.)

Действительный тайный советник граф Сергей Юльевич Витте ушел в отставку, остался статс-секретарем, членом Государственного совета и Комитета финансов. Ему разрешалось отлучаться из Санкт-Петербурга и за границу, по мере личной и семейной надобности, без особого на то разрешения государя или Министерства внутренних дел.

Денежное жалованье отставному премьеру устанавливалось в 20 тысяч рублей. Граф Витте к числу состоятельных людей не

относился. За ним из всего «имения» в 1915 году, в последнем году его жизни, числилось два каменных дома в Петрограде и дача около Сочи. Большими банковскими счетами он тоже не обладал.

В том же апреле 1906 года император Николай II, все же осознавая значение С.Ю. Витте для его «трудного и хлопотного» правления, высочайшим указом наградил отставного сановника одним из высших орденов — орденом Святого Александра Невского с алмазными знаками.

Столь высокая награда отставному премьеру вызвала много толков при дворе. Уж слишком многие там радовались тому, что неуживчивый Витте наконец-то отлучен от власти и отправлен в отставку. Супруга генерала Богдановича записала в своем дневнике:

«Поражены все, что царь отпустил Витте и дал ему такой теплый рескрипт».

О графе С.Ю. Витте при дворе вспоминали не часто, хотя на заседаниях Государственного совета Российской империи он при обсуждении ряда вопросов смотрелся видной фигурой. Особенно яркими были выступления против строительства Амурской железной дороги, которая соединяла Читу и Хабаровск, что могло привести, по его глубокому убеждению, к новому военному конфликту на Дальнем Востоке все с той же Японией. Но тогда предложение Витте получило при голосовании только треть голосов.

Бывший премьер за все время своей думской деятельности так и не примкнул ни к одной политической партии: ни к октябристам, ни к трудовикам, ни к фракции кадетов (конституционно-демократической партии). Витте до конца принадлежал к так называемой внепартийной группе, при этом продолжая оставаться убежденным монархистом. Не удалось ему сколотить в Государственном совете и какой-то, пусть и небольшой, группы единомышленников, в которой он стал бы политическим лидером.

Его финансовые способности и познания использовались правительствами П.А. Столыпина, В.Н. Коковцева и И.Л. Горемыкина не часто. Министрами финансов становились люди

(В.Н. Коковцев — дважды и И.П. Шипов), многим не обязанные Витте, и потому они довольно ревниво относились к стороннему вмешательству в их министерские дела. Впрочем, Сергей Юльевич с годами растерял свою прежнюю напористость, а царя бывший премьер видел только на официальных приемах и не близко.

Но все же в 1911 году С.Ю. Витте назначили председателем Комитета финансов. Дело шло к большой войне в Европе, уже сложилась Антанта, и русская армия заметно увеличилась. Потребовался авторитетный человек с недюжинным опытом финансиста, который мог бы подсказывать, как правильно строить государственный предвоенный бюджет, поскольку русско-японская война так и не стала поучительной, в том числе и в области финансовой.

Витте на первых порах обрадовался представленной возможности еще раз потрудиться на финансовом поприще на пользу Российской империи. Однако в Комитете финансов он столкнулся с полным непониманием его позиции по многим вопросам строительства бюджета, прежде всего в военной области. К реформе русской армии и широким кораблестроительным программам, начатым после Русско-японской войны 1904—1905 годов, Сергей Юльевич относился с позиции «экономии» государственных средств. Поддержки в этом председатель Комитета финансов не получал, хотя Николай II понимал сложившуюся в стране финансовую ситуацию.

Последние труды графа Витте на финансовом поприще империи государь оценил очень высоко, наградив его орденом Святого Владимира 1-й степени. (Перед этим Сергей Юльевич получил высочайшую благодарность за труды по сооружению в столице памятника императору Александру III, о котором до конца жизни отзывался с величайшей благодарностью и откровенной признательностью.)

Остаток своей жизни Сергей Юльевич провел в частых отъездах за границу, в Европу. Он там то подолгу отдыхал, то лечил жену Матильду Ивановну, то гостил у приемной дочери, которая проживала с мужем в Брюсселе. К тому же он оказался сильно

привязан к своему внуку Леве. Б. Глинский в «Материалах для биографии графа Сергея Юльевича Витте» писал:

«Тут в жизнь Витте вплелась удивительно красивая страница, согретая сердечною теплотою, где действующими лицами являлись он, стареющий дед, и горячо любимый им внук (...), с которым с годами его отношения становились все более трогательно прочными и нежными».

Витте, откровенно говоря, в Санкт-Петербург особо не манило. Он знал, что при дворе он чужд почти всем. Слухи о том, что императрица Александра Федоровна обвиняла его во всех смутах, к огорчению графа, подтверждались не раз. Друзей же среди сановников почти не осталось. Так что с годами приходило «отчуждение» от столичной жизни, ее тягот и забот.

Оставшись не у дел, если не считать совсем не обязательного присутствия на заседаниях Государственного совета, Сергей Юльевич стал писать свои знаменитые мемуары. Первая глава из них под названием «Возникновение русско-японской войны» была готова уже весной 1907 года. Большую помощь в написании рукописи Витте оказал Н.А. Гурьев, известный российский журналист, одно время редактировавший правительственный официоз «Русское государство».

«Воспоминания» преследовали достаточно ясную цель: свести счеты со своими политическими противникам (а их у Витте было много) и оставить у потомков о себе добрую память. Автор трудился над своими мемуарами преимущественно за границей, прекрасно зная, что в России у него слишком много недоброжелателей, которые догадывались о том, какими красками они «выводятся» в «Воспоминаниях».

О возможном содержании мемуаров отставного премьера в столичном обществе судили-рядили немало. Опасались и опальный Куропаткин, и все еще влиятельный Трепов, опасались многие бывшие и не бывшие министры, генерал-губернаторы, военачальники времен японской войны и «сильные личности» в окружении императрицы Александры Федоровны. «Видел» себя не в самом лучшем свете на страницах рукописи и сам государь Николай II.

Вне всякого сомнения, будь «Воспоминания» С.Ю. Витте опубликованы при его жизни, они сыграли бы роль политичес-

кой «бомбы». Примечательно, что исследователи жизни великого реформатора-финансиста в такой оценке виттевских мемуаров почти не расходятся.

При дворе публицистическая деятельность графа Витте не осталась незамеченной. Император Николай II прислал к нему своего министра двора с высочайшей просьбой не издавать эту книгу, содержание которой могло вызвать всплеск политических страстей. Отказать монарху Сергей Юльевич, разумеется, не мог.

Свой обвинительно-оправдательный труд автор не решился хранить в собственном доме в Санкт-Петербурге. Рукопись сперва хранилась у зятя в Брюсселе, а затем перекочевала в более надежный сейф одного из парижских банков. Несколько позднее Витте упрятал свой труд еще в более надежное место: в хранилище небольшого частного банка в небольшом французском городке Байонне и под чужой фамилией.

Почти до самого конца жизни великий реформатор России диктовал свои воспоминания стенографистам. Считается, что С.Ю. Витте закончил свои мемуары в конце 1912 года на собственной вилле в Биаррице, во Франции. Последнее, что он продиктовал, было:

«Таким образом в своих воспоминаниях я дошел до 1912 года. Временно я прекращаю свою работу».

Первую мировую войну, которую он предвидел и ожидал, Витте встретил в Петербурге. Считается, что к созданию антигерманского русско-французского союза, ставшего основой Антанты, российский министр финансов и председатель Совета министров постарался много.

В конце декабря 1915 года Сергей Юльевич сильно простудился и заболел. Болезнь прогрессировала, и в ночь на 28 февраля графа Витте не стало. Он не дожил совсем немного до 65 лет. Согласно предсмертному желанию он был похоронен скромно, «по третьему разряду», на кладбище Александро-Невской лавры.

Смерть С.Ю. Витте вызвала на страницах российских и не только их многочисленные публикации. Газетные заголовки го-

ворили сами за себя: «Исполин мысли», «Великий реформатор», «Памяти большого человека», «Отец золотого русского рубля», «Строитель КВЖД». Должное памяти Сергея Юльевича отдавали крупнейшие отечественные издания — «Биржевые ведомости», «Речь», «Русская мысль», «Вестник Европы», «Киевская мысль».

Великий государственный муж Российской державы ушел из жизни, так и не «хлопнув дверью» перед своими политическими недругами и даже перед самим императором Николаем II, которому в последних главах «Воспоминаний» доставалось «не сладко». Его мемуары в трех томах впервые увидели свет в 1922 году в Берлине, когда старая Россия и династия Романовых канули в Лету.

Витте оказался в истории Российской империи, при императорах Александре III и Николае II замечательной личностью в делах управления державой. Он оставил в ее историческом летописании поистине знаковые вехи: золотая денежная реформа, винная монополия, Транссибирская железнодорожная магистраль, Китайская Восточная железная дорога, Портсмутский мирный договор с Японией и Манифест 17 октября 1905 года.

Все же главная заслуга графа С.Ю. Витте перед Российской империей заключается в том, что он стал для нее подлинным финансовым гением. Признанным сперва в европейских столицах, а потом, запоздало, и в родном Отечестве.

Неоспоримых и спорных заслуг перед российским Отечеством у Сергея Юльевича Витте много. Даже очень много. Потому исследователи (историки, экономисты, юристы) и писатели, публицисты обращаются к его многосложному образу и великим деяниям по сей день. Иначе Витте не был бы тем Витте, имя которого обрело известность в отечественной и мировой истории на рубеже двух столетий.

ПРИЛОЖЕНИЯ

АВТОБИОГРАФИЯ

С.Ю. ВИТТЕ

17.06.1949 — Родился в Тифлисе.

1866 — Выдержал экзамен при Кишиневской гимназии. Поступил на физико-математический факультет одесского Новороссийского университета.

1870 — Закончил университет. Поступил на службу чиновником в дирекцию Одесской железной дороги.

1871 — Поступил на государственную службу в канцелярию новороссийского и бессарабского генерал-губернатора с чином коллежского секретаря.

1873 — Назначен помощником столоначальника канцелярии генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии.

1874 — Назначен чиновником сверх штата в Департамент общих дел Министерства путей сообщения. Одновременно служил в управлении казенной Одесской железной дороги. Получил чин титулярного советника.

1877 — Утвержден помощником управляющего по движению и начальником эксплуатации Одесской железной дороги.

1878 — Избран и утвержден почетным мировым судьей города Одессы. Назначен заведующим отделением эксплуатации правления Юго-Западных железных дорог в Санкт-Петербурге. Участвовал в работе Комитета для исследования железнодорожно-

го дела в России и составлении Устава российских железных дорог.

1880 — Назначен начальником эксплуатации Юго-Западных железных дорог.

1886 — Утвержден в должности управляющего Юго-Западными железными дорогами.

1888 — Был вызван в Харьков в качестве основного эксперта по вопросу о причинах катастрофы императорского поезда в Борках.

1889 — Получил чин действительного статского советника. Назначен директором Департамента железных дорог Министерства финансов.

1890 — Представлен от Министерства финансов членом в Совет Министерства путей сообщения. Сопровождал министра финансов И.А. Вышнеградского в Туркестан.

1891 — Представлен от Министерства финансов членом Комитета при Министерстве государственных имуществ для обсуждения о мелиорационном кредите, Комитета при Министерстве финансов по торговому судостроению и мореплаванию, Особого комитета для оказания помощи губерниям, пострадавшим от неурожая.

1892 — Назначен управляющим, а затем министром Министерства путей сообщения.

1893 — Получил чин тайного советника. Утвержден в должности министра финансов. Утвержден членом Комитета Сибирской железной дороги.

1895 — Назначен председателем совета Дома призрения и ремесленного образования бедных детей в Санкт-Петербурге.

1896 — Во время коронационных торжеств Николая II пожалован в статс-секретари к Его Императорскому Величеству.

1897 — Назначен членом Комитета по избранию типа императорских вагонов и членом Особого совещания по делам дворянского сословия.

1899 — Получил чин действительного тайного советника.

1902 — Утвержден председателем Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

1903 — Назначен председателем Комитета министров, чле-

ном Государственного совета и Комитета финансов с сохранением полномочий министра финансов в деле руководства Особым комитетом по сооружению памятника императору Александру III в Санкт-Петербурге. Глава делегации на переговорах о торговом договоре с Германией.

1905 — Командирован в Портсмут в качестве 1-го уполномоченного (главы делегации) для заключения мира с Японией. Назначен председателем Совета министров и членом Особого совещания для разработки изменений в деятельности Государственного совета, Особого совещания по осуществлению Высочайшего Манифеста от 17.10.1905 года, Особого совещания об оказании материальной помощи лицам, пострадавшим в ходе аграрных беспорядков, а также паровозным и транспортным предприятиям, понесшим ущерб в ходе волнений на юге страны.

1906 — Назначен членом Особого совещания для рассмотрения предложенных в учреждениях Государственного совета и Государственной думы изменений, Особого совещания для рассмотрения вопроса об отношении казны к судостроительному заводу «Ланге и сын». Уволен от должностей председателя Совета и Кабинета министров с оставлением членом Государственного совета и Комитета финансов.

1911 — Утвержден председателем Комитета финансов.

28.02.1915 — Умер в Петрограде.

ОРДЕНСКИЕ НАГРАДЫ

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ТАЙНОГО СОВЕТНИКА С.Ю. ВИТТЕ

1881 — Орден Прусской Короны (Германия).

1885 — Орден Такова 4-й степени (Сербия); Офицерский крест ордена Спасителя (Греция).

1891 — Орден Станислава 1-й степени; Золотые знаки ордена Звезды (Бухарский эмират).

1892 — Офицерский крест ордена Почетного легиона (Франция).

1893 — Орден Льва и Солнца 1-й степени (Персия); Алмазные знаки ордена Звезды 1-й степени (Бухарский эмират).

1894 — Орден Анны 1-й степени; орден Такова 1-й степени (Сербия); Большой крест ордена Леопольда (Бельгия); орден Почетного легиона высшей степени (Франция); орден Красного Орла (Германия); орден Леопольда (Австро-Венгрия).

1895 — Большой крест ордена Данеброга (Дания).

1896 — Орден Двойного Дракона 1-й степени (Китай); орден Восходящего Солнца 1-й степени (Япония).

1897 — Алмазные знаки ордена Леопольда (Австро-Венгрия); Большой крест ордена Вазы (Швеция); орден прусского Черного Орла (Германия).

1898 — Большой крест ордена Спасителя (Греция); ордена Румелийской Звезды 1-й степени и Святого Александра 1-й степени (Болгария).

1900 — Портрет шаха с алмазами на голубой ленте для ношения на шее (Персия).

1901 — Орден Владимира 2-й степени; орден Османье 1-й степени (Турция); орден Белого Орла 1-й степени (Сербия).

1904 — Орден Белого Орла.

1906 — Орден Александра Невского с алмазными знаками.

1913 — Орден Владимира 1-й степени.

ДОГОВОР О СОЮЗЕ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ РОССИЕЙ И КИТАЕМ 22 МАЯ 1896 ГОДА В МОСКВЕ

Его Величество Император Всероссийский и Его Величество Император Китайский, желая укрепить счастливо восстановленный на Дальнем Востоке мир и охранить азиатский материк от нового иностранного вторжения, решили заключить между собою оборонительный союз и назначили для этой цели своих уполномоченных.

Его Величество Император Всероссийский — князя Алексея Лобанова-Ростовского, министра иностранных дел, статс-секретаря, сенатора и действительного тайного советника и господина Сергея Витте, министра финансов, статс-секретаря и тайного советника, и

Его Величество Император Китайский — графа Ли-Хун-Чана,

старшего государственного секретаря, Чрезвычайного посла и уполномоченного при Его Величестве Императоре Всероссийском, которые, обменявшись полномочиями, найденными в надлежащей и законной форме, договорились о нижеследующих статьях:

Статья I

Всякое нападение Японии как на Русскую территорию в Восточной Азии, как и на территорию Китая или Кореи, будет рассматриваться, как повод к немедленному применению настоящего договора.

В том случае, обе высокие договаривающиеся стороны предпримут совместные действия, никакой мирный договор с противной стороной не может быть заключен одною из них, без согласия с другой.

Статья II

Как только обе высокие договаривающиеся стороны предпримут совместные действия, никакой мирный договор с противной стороной не может быть заключен одною из них, без согласия другой.

Статья III

Во время военных действий все порты Китая будут, в случае необходимости, открыты для русских военных судов, которые встретят со стороны китайских властей всякое содействие, какое понадобится.

Статья IV

Чтобы облегчить доступ русским сухопутным войскам в угрожаемые пункты и для обеспечения их съестными припасами, китайское правительство соглашается на сооружение железнодорожной линии через китайские провинции Амурскую и Ги-

ринскую в направлении на Владивосток. Соединение этой железной дороги с русской железной дорогой не может служить предлогом к какому-либо захвату китайской территории или покушению на верховные права Его Величества Императора Китайского. Постройка и эксплуатация этой железной дороги будут представлены Русско-Китайскому банку, и статьи контракта, который будет заключен для этой цели, будут надлежащим образом обсуждены китайским посланником в Санкт-Петербурге и Русско-Китайским банком.

Статья V

Постановлено, что во время войны, предусматриваемой статьей I, Россия будет свободно пользоваться железной дорогой, упомянутой в статье IV, для перевозки и снабжения своих войск. В мирное время Россия будет иметь то же право транзита своих войск и припасов, лишь с теми остановками, которые вызываются требованиями транспортной службы.

Статья VI

Настоящий договор войдет в силу с того дня, когда контракт, обусловленный в статье IV, будет утвержден Его Величеством Императором Китайским. С тех пор он будет иметь силу и действие в течение пятнадцати лет. За шесть месяцев до истечения этого срока, обе высокие договаривающиеся стороны войдут в соглашение о продлении этого договора.

Учинено в Москве, 22 мая 1896 года.

Подписано:
Лобанов Витте Ли Хун Чап

КОНТРАКТ НА ПОСТРОЙКУ И ЭКСПЛУАТАЦИЮ КИТАЙСКОЙ ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Между нижеподписавшимися, его превосходительством Сюй-Цзин-Ченом, полномочным министром его величества императора китайского, в Санкт-Петербурге, действующим на основании Императорского указа от 22 года, 2 месяца царствования Гуан-Сюй (16/28 августа 1896), с одной стороны, и Русско-Китайским банком, с другой стороны, было установлено нижеследующее:

Китайское правительство внесет сумму 5 000 000 (пять миллионов) купин-таэлей в Русско-Китайский банк и будет участвовать, пропорционально этому вкладу, в прибылях и убытках банка, на условиях, предусмотренных особым договором.

Китайское правительство, решив построить железнодорожную линию, устанавливающую прямое сообщение между городом Читой и русской Южно-Уссурийской железной дорогой, доверяет постройку и эксплуатацию этой линии Русско-Китайскому банку на следующих условиях:

1

Русско-Китайский банк учреждает для постройки и эксплуатации означенной железнодорожной линии компанию под названием: «Общество Китайской Восточной железной дороги».

Печать, которой это Общество будет пользоваться, будет дана ему китайским правительством. Устав общества будет согласован с русскими уставами железнодорожных обществ. Акции Общества могут быть приобретаемы только китайскими или русскими подданными. Председатель этого Общества будет назначаться китайским правительством, но получать содержание от Общества. Он может иметь местопребывание в Пекине.

Председателю вменяется в особую обязанность наблюдать за строгим исполнением обязательств Банка и Общества железной дороги по отношению к китайскому правительству; независимо от сего, на него возлагаются отношения Банка и Общества же-

лезной дороги с китайским правительством и местными властями.

На председателе Общества Китайской Восточной железной дороги будет, равным образом, лежать обязанность по проверке всех расчетов китайского правительства с Русско-Китайским банком.

Для облегчения всех переговоров на месте Русско-Китайский банк будет содержать агента в Пекине.

2

Направление линии будет установлено представителями председателя Общества, назначенного китайским правительством, по взаимному соглашению с инженерами Общества и местными властями. При трассировке этой линии, кладбища, могилы, равно как города и деревни, должны быть, по возможности, обходимы и оставляемы в стороне.

3

Общество обязано начать работы в течение 12-месячного срока, считая со дня санкционирования настоящего контракта императорским указом, и вести их таким образом, чтобы вся линия была окончена в течение 6-ти лет с того дня, когда направление линии будет окончательно установлено и необходимые земли будут отведены Обществу. Ширина колеи должна быть та же, как и на русских железных дорогах (5 русских футов соответствуют приблизительно 4 китайским футам и 2 с половиной дюймам).

4

Китайское правительство даст приказание местным властям о содействии Обществу, всеми мерами, в получении, по существующим ценам, потребных для постройки железной дороги материалов, равно как рабочих, средств для водной и сухопут-

ной перевозки, необходимого продовольствия для людей и лошадей и прочего.

Китайское правительство обязуется, по мере надобности, принимать меры к обеспечению этих перевозок.

5

Китайское правительство примет меры к обеспечению безопасности железной дороги и состоящих на ее службе лиц от всякого нападения.

Общество будет иметь право нанимать, по своему выбору, иностранцев или туземцев, как оно признает необходимым в интересах управления и тому подобное.

Преступления, процессы и прочее на территории железной дороги должны быть урегулированы местными властями на основании постановлений трактатов.

6

Земли, действительно необходимые для постройки, эксплуатации и охраны линии, равно как и земли в окрестностях линии, потребные для добычи песку, камня, извести и прочего, будут переданы Обществу бесплатно, если эти земли составляют собственность государства. Если же они принадлежат частным лицам, то они будут отведены Обществу за единовременное вознаграждение или ежегодную наемную плату владельцам по существующим ценам.

Земли, принадлежащие Обществу, будут свободны от всяких поземельных налогов.

Обществу предоставляется право безусловного и исключительного управления своими землями.

Общество будет иметь право воздвигать на этих землях всевозможные постройки, а также соорудить и эксплуатировать телеграф для нужд линии.

Точно так же доходы Общества, все его поступления и тарифы для перевозки пассажиров и товаров, телеграфы и так

далее освобождаются от всяких пошлин и налогов. Исключением являются копи, относительно которых последует особое соглашение.

7

Все предметы и материалы, необходимые для сооружения, эксплуатации и ремонта линии, освобождаются от оплаты всякими таможенными пошлинами и сборами, а равно всякими внутренними пошлинами и налогами.

8

Общество ответственно за то, чтобы войска и русские военные материалы, отправляемые транзитом по этой линии, направлялись прямо с одной русской станции на другую, без остановки в пути под каким бы то ни было предлогом дольше, чем это вызывается крайней необходимостью.

9

Пассажиры, не состоящие в китайском подданстве, в случае желанья проехать за пределы территории дороги, должны быть снабжены китайскими паспортами. Общество ответственно за то, чтобы пассажиры, не китайские подданные, не оставляли территории железной дороги, если у них нет китайских паспортов.

10

Багаж пассажиров, равно товары, перевозимые транзитом от одной русской станции до другой, не будут подлежать таможенным пошлинам; равным образом они будут освобождены от всяких внутренних налогов и сборов. Общество обязуется отправлять эти товары, за исключением пассажирского багажа, в специальных вагонах, которые, по прибытии на китайскую границу, печатаются китайской таможей и могут оставить китайс-

кую территорию лишь после того, как таможня установит целостность печатей; если будет доказано, что эти вагоны открывались без разрешения в пути, то товары конфискуются.

Товары, ввозимые из России в Китай по означенной железной дороге, а также вывозимые из Китая в Россию тем же путем, будут уплачивать соответственно ввозную или вывозную пошлину в размере на одну треть меньше пошлины, взимаемой в китайских морских таможнях.

Если товары отправляются внутрь страны, то они подлежат, кроме того, оплате транзитной пошлиною, равною половине взысканной с них ввозной пошлины, что освобождает их от всякого дополнительного обложения.

**ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ
ВСЕРОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II
С ОФИЦИАЛЬНЫМ ОБЪЯВЛЕНИЕМ
ВОЙНЫ С ЯПОНИЕЙ
ОТ 27 ЯНВАРЯ 1904 ГОДА**

В заботах о сохранении дорогого сердцу Нашему мира Нами были приложены все усилия для упрочения спокойствия на Дальнем Востоке. В сих миролюбивых целях Мы изъявили согласие на предложенный японским правительством пересмотр существовавших между обеими империями соглашений по корейским делам. Возбужденные по сему предмету переговоры не были, однако, приведены к окончанию, и Япония, не выждав даже получения последних ответных предложений правительства Нашего, известила о прекращении переговоров и разрыве дипломатических отношений с Россией.

Не преуведомив об этом, что перерыв таковых сношений знаменует собой открытие военных действий, японское правительство отдало приказ своим миноносцам внезапно атаковать Нашу эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура.

По получении о сем донесения Наместника Нашего на Дальнем Востоке, Мы тотчас же повелели вооруженной силой ответить на вызов Японии.

Объявляя о таком решении Нашем, Мы с непоколебимой

верой в помощь Всевышнего и в твердом уповании на единодушную готовность всех верных Наших подданных встать вместе с нами на защиту Отечества, призываем благословление Божие на доблестные Наши войска армии и флота.

**ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ
МИКАДО (ИМПЕРАТОРА) ЯПОНИИ
О НАЧАЛЕ ВОЙНЫ С РОССИЕЙ
ОТ 28 ЯНВАРЯ 1904 ГОДА**

Мы объявляем войну России и приказываем нашим армии и флоту всеми вооруженными силами начать враждебные действия против этого государства, а также Мы приказываем всем поставленным от нас властям употребить все силы при исполнении своих обязанностей во всем, согласно полномочиям, для достижения народных стремлений при помощи всех средств, дозволенных международным правом.

В международных сношениях мы всегда стремились поощрять мирное преуспевание нашей Империи в цивилизации, укреплять дружественную связь с другими державами и поддерживать такой порядок вещей, который обеспечивал бы на Дальнем Востоке прочный мир, и нашим владениям безопасность, не нарушая при этом права и интересы других государств. Поставленные от нас власти исполняли до сих пор свои обязанности, сообразуясь с нашим желанием, так что наши отношения к державам становились все более сердечными.

Таким образом, вопреки нашим желаниям, нам, к несчастью, приходится начать враждебные действия против России.

Неприкосновенность Кореи служила всегда для нас предметом особой заботы, не только благодаря традиционным сношениям нашим с этой страной, но и потому, что самостоятельное существование Кореи важно для безопасности нашего государства. Тем не менее Россия, невзирая на торжественное обещание в договорах с Китаем и на неоднократные уверения, данные другим державам, продолжает занимать Маньчжурию, утвердилась и укрепилась в этих провинциях, стремясь к их окончательному присоединению. Ввиду того, что присоединение к России Мань-

чжурии сделало бы для нас невозможным поддерживать неприкосновенность Кореи и отняло бы всякую надежду на поддержание в будущем мира на Дальнем Востоке, мы решили ввиду этих обстоятельств начать переговоры по этим вопросам, чтобы таким путем обеспечить прочный мир. Имея в виду такую цель, поставленные от нас власти вошли по нашему приказанию в переговоры с Россией и в течение шести месяцев происходили частые совещания по затронутым вопросам.

Россия, однако, ни разу не пошла навстречу нашим предложениям в духе примирения и умышленными проволочками старалась затянуть решение этого вопроса. Заявляя о своем желании поддерживать мир, она, с другой стороны, усердно готовилась к войне на море и суше, стараясь таким образом выполнить свои эгоистические планы.

Мы никоим образом не можем поверить тому, что Россия с самого начала переговоров была воодушевлена серьезным и искренним желанием мира. Она отклонила предложения нашего правительства. Независимость Кореи в опасности. Это угрожает жизненным интересам нашей Империи.

Нам не удалось обеспечить мир путем переговоров. Теперь нам остается обратиться к оружию.

Наше искреннее желание, чтобы преданностью и храбростью наших верных подданных был бы скоро восстановлен вечный мир и сохранена слава нашей Империи.

**УСЛОВИЯ МИРА,
ПРЕДЛОЖЕННЫЕ ЯПОНСКИМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ
28 ИЮЛЯ 1905 ГОДА В ПОРТСМУТЕ**

1. Россия, признавая, что Япония имеет в Корее преобладающие политические, военные и экономические интересы, обязуется не чинить препятствий или не вмешиваться ни в какие меры по руководству, защите и контролю, которые Япония сочтет необходимым принять в Корее.

2. Обязательство со стороны России полностью эвакуировать Маньчжурию в срок, который может быть определен, и отказаться от всех территориальных преимуществ и преференциаль-

ных и исключительных концессий и привилегий в этой области, нарушающих китайский суверенитет или несовместимых с принципом равных возможностей.

3. Япония обязуется вернуть Китаю, если будет дана гарантия, что будет сформировано и улучшено управление, все те части Маньчжурии, которые ею оккупированы, за исключением только районов, на которые распространяется аренда Ляодунского полуострова.

4. Япония и Россия взаимно обязуются не противиться никаким общим мерам, касающимся всех стран, какие Китай может принять для развития торговли и промышленности в Маньчжурии.

5. Сахалин и все острова, к нему принадлежащие, и все государственные предприятия и собственность уступаются Японии.

6. Аренда Порт-Артура, Галиенвана и принадлежащих к ним территорий и территориальных вод, включая все права, привилегии, концессии и льготы, приобретенные Россией у Китая, в связи с арендой или как часть ее, и все государственные предприятия и собственность должны быть переданы Японии.

7. Россия обязуется передать Японии железную дорогу между Харбином и Порт-Артуром свободною от всяких претензий и обязательств, а также все ее ветки, включая все права, привилегии и собственность, сюда принадлежащие, и все угольные копи, принадлежащие железной дороге или ею эксплуатируемые.

8. Россия сохраняет за собой и эксплуатирует Транс-Маньчжурскую железную дорогу, на точном основании концессии на ее постройку и при условии, что она будет использоваться исключительно в торговых и промышленных целях.

9. Россия возмещает Японии действительные расходы войны. Сумма, равно как время и способ такого возмещения, будут согласованы.

10. Все русские военные корабли, которые вследствие повреждений, полученных в бою, искали убежища в нейтральных портах и были там интернированы, должны быть переданы Японии, как законный приз.

11. Россия обязуется ограничить свои морские силы в водах Дальнего Востока.

12. Россия предоставит японским подданным неограниченные права на рыбную ловлю вдоль берегов и в заливах, гаванях, бухтах и реках, находящихся в ее владениях в Японском, Охотском и Беринговом морях.

ОТВЕТ РУССКИХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ 30 ИЮЛЯ 1905 ГОДА НА МИРНЫЕ УСЛОВИЯ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ ЯПОНИЕЙ

1. Первый пункт не вызывает возражений. Императорское правительство, признавая, что Япония имеет в Корее преобладающие политические, военные и экономические интересы, готова дать обязательство не чинить препятствий и не вмешиваться в то, что касается мер по руководству, защите и контролю, которые Япония сочтет необходимым принять в Корее. Само собою разумеется, что Россия и русские подданные будут пользоваться всеми правами, которые принадлежат или будут принадлежать другим иностранным державам и их подданным. Условлено равным образом, что приведение в действие Японией вышеуказанных мер не нарушит суверенных прав корейского императора. Что касается в частности военных мер, то Япония, во избежание всякого повода к недоразумению, воздержится от принятия мер, которые могли бы угрожать безопасности русской территории, граничащей с Кореей.

2. Императорское правительство готово принять первую часть этого пункта и согласно вывести свои войска из Маньчжурии одновременно с эвакуацией японских войск; детали и сроки эвакуации могли бы быть определены впоследствии. Что касается последней части этого пункта, императорское правительство готово заявить, что оно не претендует ни на какие территориальные привилегии, концессии или исключительные льготы, способные угрожать суверенным правам Китайской империи и несовместимые с принципом равноправия. Императорское правительство готово дать по этому предмету необходимые гарантии. Установив этот принцип, русские уполномоченные пред-

лагают уполномоченным Японии уточнить желания японского правительства относительно этой части пункта 2-го, и заявляют, что императорское правительство расположено избежать всего, что могло бы нанести ущерб интересам Японии или других держав.

Единственное частное русское предприятие в Маньчжурии, имеющее государственный характер, — это китайская восточная железная дорога; рассмотрение вопросов, относящихся к этой железной дороге, будет, впрочем, специальным предметом дальнейших пунктов.

3. Императорское правительство готово принять этот пункт, но разумеется само собою, что Россия и русские подданные сохраняют в этих частях Маньчжурии все права, которые принадлежат или будут принадлежать другим иностранным державам и их подданным. Что касается областей, на которые распространяется аренда Ляодунского полуострова, Россия расположена уступить Японии свои права на сказанные области. Однако, принимая во внимание суверенные права Китая на эти области и договоры, заключенные по этому предмету с китайским правительством, подобная уступка не могла бы быть сделана иначе, как в силу соглашения с последним.

4. Полностью присоединяясь к принципам, изложенным в этом пункте, императорское правительство заявляет, что если бы это требование не было бы включено в предложенные условия Японией, Россия почла бы долгом предложить его сама.

5. Давние права России на остров Сахалин уже существовали в эпоху, когда Япония не обладала или по крайней мере не пользовалась никакими правами собственности на большую часть этого острова. С другой стороны, Сахалин является только естественным продолжением русских владений в Азии, поскольку этот остров отделен от континента проливом очень малой глубины и шириной в 7 верст. В силу этих соображений Россия не может согласиться на уступку этого острова, но она в то же время расположена признать за Японией право широкой эксплуатации морских рыбных ловель и других коммерческих предприятий на этом острове. Условия подобной эксплуатации могли бы стать предметом особого соглашения.

6. Императорское правительство не возражало бы против этого пункта, но, принимая во внимание суверенные права Китая на перечисленные территории, Россия не может уступить Японии свои права без предварительного соглашения с Китаем. Само собой разумеется, что права частных лиц во всей области, на которую распространяется договор аренды, заключенный между Россией и Китаем, должны будут остаться неприкосновенными.

7. Императорское правительство принимает в принципе этот пункт, при условии, однако, что оно может отказаться только от той части железной дороги, которая теперь действительно занята японскими войсками. Конечная станция дороги, подлежащей уступке, в этих условиях должна быть установлена с общего согласия. Необходимо, однако, иметь в виду, что концессия на постройку и эксплуатацию линии была предоставлена Китаем частной компании, что Китай сохраняет на нее все суверенные права и что военная оккупация не должна нанести никакого ущерба правам этой компании.

Императорское правительство готово взять на себя войти в соглашение с сказанной компанией относительно предоставления Китаю теперь же воспользоваться правом выкупа этой линии. Сумма выкупа, причитающаяся компании, будет уступлена Японии.

8. Этот пункт не вызовет возражений. Железнодорожная компания будет строго придерживаться — в том, что касается эксплуатации маньчжурской магистрали, равно как и части южно-маньчжурской ветви, которая остается в ее обладании — условий концессионного акта от 27 августа (8 сентября), параграф 8 которого требует, чтобы войска и русские военные материалы, перевозимые по дороге, не делали остановок на китайской территории.

9. Россия не может согласиться с условиями этого пункта. Только побежденные страны возмещают военные издержки, но Россия не побеждена. Никакая страна не может признать себя таковой, когда ее территория была едва атакована врагом. Даже если бы Япония овладела всей Приморской областью, жизненные силы России не понесли бы от этого никакого ущерба, и

она продолжала бы борьбу. Только в том случае, если бы победоносные японские армии вторглись внутрь России, нация могла бы понять, почему поднят вопрос о возмещении военных издержек.

Русские уполномоченные считают долгом привлечь внимание японских уполномоченных к тому факту, что даже на Парижском конгрессе, имевшем место после взятия Севастополя, союзники не сочли возможным поднять вопрос о возмещении военных издержек. Эти последние возмещались только странами, которые не имели более средств продолжать войну, что ни в коей мере не относится к России в данный момент.

Но, отказываясь возместить военные издержки, императорское правительство сочтет справедливым возместить Японии те расходы, которые она произвела не на саму войну и не во вред России, но для блага тех русских людей, которые пострадали от самого факта войны. Таковы расходы по содержанию военнопленных, по попечению о больных и другие.

10. Россия не может согласиться на это требование. Представляется затруднительным найти в практике международных отношений прецеденты, которые могли бы послужить опорой подобному требованию. Сверх того это требование не согласуется с мирными намерениями, которые должны бы воодушевлять обе договаривающиеся стороны. Материальные выгоды, которые приобрела бы Япония, если бы русские корабли, находящиеся в нейтральных портах, были ей переданы, были бы сравнительно незначительны, но согласие на подобное условие было бы несовместимо с достоинством России.

11. Россия не может согласиться на такое обязательство, навязанное иностранной державой, потому что это было бы равным образом несовместимо с ее достоинством. Императорское правительство считает, тем не менее, возможным заявить, что в его виды не входит в близком будущем содержать в тихоокеанских водах значительные морские силы.

12. Россия готова войти в соглашение с Японией относительно предоставления японским подданным прав рыбной ловли на берегах Японского, Охотского и Берингова морей. Эти права могут, однако, простирались только на собственно морские бе-

рега, не касаясь бухт и рек. Само собой разумеется, что права, принадлежащие в этой области как русским, так и иностранным подданным, должны остаться в силе.

**МИРНЫЙ ДОГОВОР
МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЯПОНИЕЙ,
ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В ПОРТСМУТЕ 23 АВГУСТА
1905 ГОДА**

Император Японии, с одной стороны, и Император Всея Руси, с другой стороны, воодушевленные желанием восстановить благословенный мир в своих странах, решили заключить договор о мире и для этой цели назначили своих полномочных представителей, с которыми от лица Его Величества Императора Японии являются барон Комура Ютаро, Юсами, министр иностранных дел, и Его Высочество Такахира Когоро, его министр в Соединенных Штатах, а от Его Величества Императора Всея Руси — Его Превосходительство Сергей Витте, его Государственный секретарь и Председатель совета министров России, и Его Превосходительство барон Роман Розен, Его Высочество посол в Соединенных Штатах, которые, после обмена своими полномочиями, найденными правильными и соответствующими форме, подписали следующие статьи договора.

Статья I

Да будет в дальнейшем мир и дружба между Их Величествами Императором Японии и Императором Всея Руси и между их уважаемыми государствами и подданными.

Статья II

Российское Императорское правительство признает, что Япония имеет в Корее высшие политические, военные и экономические интересы, и обязуется не препятствовать ему и не вмешиваться в меры, принимаемые для руководства, защиты и управления, которые Императорское правительство Японии

найдет необходимым принять в Корее. Оно понимает, что к российским подданным в Корее должно быть такое же отношение, как к субъектам и гражданам других иностранных государств; то есть они должны быть поставлены в те же условия, что и субъекты и граждане большинства стран, платящих по пониженную пошлину. Также соглашаемся, чтобы избежать поводов для непонимания, что две Высокие Договаривающиеся Стороны будут воздерживаться на российско-корейской границе от любых военных действий, которые могли бы угрожать безопасности российской или корейской территории.

Статья III

Япония и Россия взаимно обязуются:

Первое. Полностью и немедленно вывести войска из Маньчжурии, за исключением территорий, на которые распространяется лицензия Ляодунского полуострова, в соответствии с положением, предусмотренным дополнительно статье III, аннексированной этим договором, и

Второе. Возвратить целиком и полностью под исключительное управление Китаем все оккупированные сейчас части Маньчжурии или под контроль японских или российских войск, за исключением территорий, упомянутых ранее.

Императорское правительство России заявляет, что не имеет в Маньчжурии никаких территориальных преимуществ или льготных или исключительных концессий, ухудшающих китайский суверенитет или несовместимых с принципом равных возможностей.

Статья IV

Япония и Россия взаимно обязуются не препятствовать никаким обычным мерам, общим для всех стран, которые Китай будет принимать для развития торговли или промышленности Маньчжурии.

Статья V

Российское Императорское правительство передает Императорскому правительству Японии, с согласия правительства Китая, в долгосрочную аренду Порт-Артур, Далянь и прилегающие территории и территориальные воды и все права, привилегии и концессии, связанные или составляющие часть этого соглашения. Также передаются Императорскому правительству Японии все общественные работы и собственность на этих территориях.

Обе договаривающихся стороны взаимно обязуются признавать согласие китайского правительства, заключенное в вышеупомянутом условии.

Императорское правительство Японии, со своей стороны, обязуется, что права, составляющие собственность России, субъектов на территории, упомянутой выше, будут полностью уважаться.

Глава VI

Российское Императорское правительство обязуется передать права Императорскому правительству Японии без компенсации и с согласия китайского правительства железную дорогу между Чанчунфу и Кванченцзы и Порт-Артуром и все ее ветки вместе с правами, привилегиями и собственностью, относящимися к ней в этом регионе, так же как все угольные шахты в упомянутом регионе, принадлежащие или работающие на прибыль железной дороги. Две Высокие Договаривающиеся Стороны взаимно обязуются признавать согласие правительства Китая в вышеупомянутом условии.

Глава VII

Япония и Россия обязуются эксплуатировать свои соответственные части железной дороги в Маньчжурии исключительно в коммерческих и промышленных целях и никогда — в стратегических целях. Они понимают, что эти ограничения неприме-

нимы к железной дороге, проходящей по территории Ляодунского полуострова, подпадающей под аренду.

Глава VIII

Императорские правительства Японии и России, намереваясь способствовать и продвигать взаимоотношения и торговлю, как только возможно, заключают отдельное соглашение для регулирования связывающей их железнодорожной службы в Маньчжурии.

Глава IX

Правительство Императорской России уступает правительству Императорской Японии во владение на вечные времена и полный суверенитет южную часть острова Сахалин и все прилегающие к нему острова и государственные сооружения и собственность там. Параллель пятидесяти градусов северной широты принимается как северная граница уступаемой территории. Точное определение этой территории будет произведено в соответствии с дополнительной подстатьей к статье IX настоящего договора.

Япония и Россия взаимно согласны не сооружать на соответственно принадлежащих им частям острова Сахалин или прилегающих островах никаких укреплений или других подобных военных сооружений. Они также соответственно обязуются не предпринимать никаких военных мер, которые могут препятствовать свободной навигации в проливе Лаперуза и Татарском проливе.

Статья X

Для российских подданных, жителей территории, уступаемой Японии, сохраняется возможность продать их действительную собственность и выехать в их страну, но, если они предпочтут остаться на уступленной территории, то они будут содержаться и защищаться в полном действии их усердия и прав собственности на условиях соблюдения японских законов и юрисдикции.

Япония имеет полную свободу отзывать права резидентов или депортировать их с этой территории, если ее законы и уложения не исполняются. Она обязуется, кроме того, что права собственности таких обывателей будут полностью соблюдены.

Статья XI

Россия обязуется условиться с Японией о даровании японским подданным права рыболовства вдоль берегов российских владений в Японском, Охотском и Беринговом морях.

Она согласна, что вышеприведенное обязательство не будет действовать на права, уже принадлежащие российским или иностранным подданным в этих районах.

Глава XII

Договор о торговле и навигации между Японией и Россией, аннулированный из-за войны, Императорские правительства Японии и России обязуются принять как основной для своих торговых отношений, предполагая заключение нового договора о торговле и навигации на основе того, который был ранее в силе. Сохраняется система взаимных договоров на основе наибольшего благоприятствования государству, в которую включаются обязанности по импорту и экспорту, таможенные формальности, транзитные и тоннажные обязанности и уступки и договор о посредниках, подданных и судах одной страны на территории другой.

Статья XIII

Как только настоящий договор вступит в силу, все пленные будут взаимно обменены. Императорские правительства Японии и России назначат специальные комиссии по военнопленным. Все пленные, находящиеся в руках одного правительства, будут доставлены и получены уполномоченными другого правительства или его полноправным представителем в таком удобном

количестве и в таких удобных портах доставляющего государства, какие доставляющее государство укажет заранее уполномоченному получающего государства.

Правительства Японии и России предоставят друг другу, как только станет это возможным, после доставки пленных, заявление о прямых расходах, соответственно понесенных ими на попечение и содержание пленных с момента взятия в плен (сдачи) и до момента смерти или доставки. Россия обязуется выплатить Японии, в возможно более короткие сроки, свыше указанного, разницу между действительным количеством потраченных Японией средств и действительным количеством подобным образом потраченных Россией.

Статья XIV

Настоящий договор будет ратифицирован их Величествами Императором Японии и Императором Всея Руси. Ратификация состоится в возможно более короткие сроки, но не позднее пятидесяти дней со дня подписания договора, который будет объявлен Императорским правительствам Японии и России соответственно французским министром в Токио и Послом Соединенных Штатов в Санкт-Петербурге, и с того дня, когда последний будет объявлен, этот договор во всех своих частях вступает в полную силу. Формальный обмен ратификационными грамотами будет иметь место в Вашингтоне.

Статья XV

Настоящий договор будет подписан в двух экземплярах на английском и французском языках. Тексты его находятся в абсолютном соответствии друг другу, но в случае разногласий французский текст считается превалирующим.

Подстатьи

В соответствии с обеспечением выполнения статей III и IX договора о мире между Японией и Россией с этого дня ниже-

подписавшиеся полномочные представители приняли следующие дополнительные статьи.

Подстатья к статье III

Императорские правительства Японии и России взаимно обязуются начать вывод войск с территории Маньчжурии одновременно и незамедлительно после того, как договор о мире вступит в действие, и в течение восемнадцати месяцев после этой даты армии обеих стран будут полностью выведены из Маньчжурии, за исключением арендованной территории Ляодунского полуострова. Войска обеих стран, занимающие передовые позиции, должны быть выведены первыми.

Высокие Договаривающиеся Стороны оставляют за собой право содержать охрану для защиты их железнодорожных линий, соответственно, в Маньчжурии. Количество такой охраны не должно превышать пятнадцати человек на километр, и в пределах этого количества максимальное число командиров японской и российской армии должно быть фиксированным и совместно согласованным с числом такой охраны, чтобы держать на службе по возможности меньшее количество, не забывая про действительную необходимость.

Командиры японских и российских войск в Маньчжурии должны договориться о деталях эвакуации, в соответствии с вышеизложенными принципами, и должны по согласованию принять меры, необходимые для скорейшей эвакуации, но в любом случае не позднее, чем через восемнадцать месяцев.

Подстатья к статье IX

После того как подписанный договор вступит в силу, комитет по разграничению границ, составленный из равного числа членов, соответственно назначенных обеими Высокими Договаривающимися Сторонами, на месте обозначит точную границу между японскими и российскими владениями на острове Сахалин. Комиссия будет заниматься топографическим уточнением, позволяющим следовать пятидесятой парал-

лели северной широты как пограничной линии, а в случае любых отклонений от этой линии — находить необходимые компенсации, которые будут производиться коррелированным отклонением в других точках. Также обязанностью упомянутой комиссии будет подготовка списка и описаний принадлежащих островов, включенных в список уступок, и, наконец, комиссия будет готовить и подписывать карты, показывающие границы уступленных территорий. Работа комиссии будет предметом контроля со стороны Высоких Договаривающихся Сторон.

Вышеупомянутые дополнительные статьи должны быть рассмотрены при ратификации договора о мире, к которому они прилагаются, и ратифицированы.

В доказательство чего соответствующие полномочные представители подписали и приложили печати к настоящему договору о мире.

Составлено на английском языке в Портсмуте, Нью-Гемпшир, пятого дня девятого месяца тридцать восьмого года Мэйджи, соответствующего двадцать третьему дню августа тысяча девятьсот пятого года.

(Подписал) Ютаро Комура.

(Подписал) Сергей Витте.

(Подписал) К. Такахира.

(Подписал) Розен.

ПИСЬМО С.Ю. ВИТТЕ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II

С ПРОШЕНИЕМ ОБ ОТСТАВКЕ С ПОСТА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

«Ваше императорское Величество.

Я имел честь всеподданнейше просить Ваше императорское Величество, для пользы дела, освободить меня от обязанностей председателя Совета Министров до открытия Государственной думы, когда я кончу дело о займе, и Ваше Величество соизволили милостиво выслушать мои соображения. Позволяю себе всеподданнейше формулировать основания, которые побужда-

ют меня верноподданнически поддерживать вышеизложенную просьбу.

1. Я чувствую себя от всеобщей травли разбитым и настолько нервным, что я не буду в состоянии сохранять то хладнокровие, которое потребно в положении председателя Совета Министров, в особенности при новых условиях.

2. Отдавая должную справедливость твердости и энергии министра внутренних дел, я тем не менее, как Вашему императорскому Величеству известно, находил несоответственным его образ действия и действия некоторых местных администраторов, в особенности, в последние два месяца, после того, когда фактическое проявление революции скопом было подавлено. По моему мнению, этот прямолинейный образ действий раздражил большинство населения и способствовал выборам крайних элементов в Думу, как протест против политики правительства.

3. Появление мое в Думу вместе с П.Н. Дурново поставит меня и его в трудное положение. Я должен буду отмалчиваться по всем запросам по таким действиям правительства, которые совершались без моего ведома или вопреки моему мнению, так как я никакой исполнительной властью не обладал. Министр же внутренних дел, вероятно, будет стеснен в моем присутствии давать объяснения, которые я могу не разделять.

4. По некоторым важным вопросам государственной жизни, как например крестьянскому, еврейскому, вероисповедному и некоторым другим, ни в Совете Министров, ни во влиятельных сферах нет единства. Вообще, я не способен защищать такие идеи, которые не соответствуют моему убеждению, а потому я не могу разделять взгляды крайних консерваторов, ставшие в последнее время политическим кредо министра внутренних дел.

5. В последнем совещании об основных законах член Государственного совета граф Пален и считающийся в некоторых сферах знатоком крестьянского вопроса член Государственного совета и председатель крестьянского совещания Горемыкин высказали свои убеждения не только по существу этого вопроса, но и по настоящему образу действия правительства.

Крестьянский вопрос определяет весь характер деятельности Думы. Если убеждения их (Панина и Горемыкина) правильны, то, казалось бы, они должны были бы иметь возможность провести их на практике.

6. В течение шести месяцев я был предметом травли всего кричащего и пишущего в русском обществе и подвергался систематическим нападениям имеющих доступ к Вашему императорскому Величеству крайних элементов. Революционеры меня клянут за то, что я всем своим авторитетом и с полнейшим убеждением поддерживал самые решительные меры во время активной революции; либералы за то, что я по долгу присяги и совести защищал, и до гроба буду защищать, prerogative императорской власти; а консерваторы потому, что неправильно мне приписывают те изменения в порядке государственного управления, которые произошли со времени назначения князя Святополк-Мирского министром внутренних дел.

Покуда я нахожусь у власти, я буду предметом ярых нападков со всех сторон. Более всего вредно для дела недоверие к председателю совета крайних консерваторов — дворян и высших служилых людей, которые, естественно, всегда имели и будут иметь доступ к царю, а потому неизбежно вселяли и будут вселять сомнения в действиях и даже намерениях людей, им неугодных.

7. По открытии Думы политика правительства должна быть направлена к достижению соглашений с ней или же получить направление весьма твердое и решительное, готовое на крайние меры. В первом случае изменение состава министерства должно облегчить задачу, устранив почву для наиболее страстных нападков, направленных против отдельных министров и особенности главы министерства, по отношению которых за бурное время накопилось раздражение той или другой влиятельной партии, в таком случае все соглашения будут достигнуты гораздо легче.

При втором решении правительственная деятельность должна сосредоточиться в лице министров внутренних дел, юстиции и военных властей, и при таком направлении дела я мог бы быть только помехой и, как бы я себя не держал, в особенности крайние консерваторы будут подвергать меня злобной критике.

Я бы мог всеподданнейше представить и другие, по моему мнению, основательные доводы, говорящие в пользу моей просьбы освободить меня от поста председателя Совета Министров до открытия Думы, но мне представляется, что и приведенных доводов достаточно, чтобы моя просьба была милостиво принята Вашим Величеством.

Я бы гораздо раньше обратился с этой просьбой, уже тогда, когда я заметил, что положение мое, как председателя Совета Министров, было поколеблено, но я не считал себя вправе этого сделать, пока финансовое состояние России внушало столь серьезные опасения. Я сознавал своей обязанностью приложить все мои силы, дабы Россию не постиг финансовый крах. Или, что еще хуже, чтобы не создались такие условия, при которых Дума, пользуясь нуждой правительства в деньгах, могла заставить идти на уступки, отвечающие целям партий, а не пользам всего государства, неразрывно связанным с интересами Вашего императорского Величества.

Все революционные и антиправительственные партии не даром ставят мне в особенную мою вину мое преимущественное, если не исключительное влияние в этом деле. Теперь, когда заем окончен и окончен благополучно, когда Ваше императорское Величество можете, не заботясь о средствах для ликвидации счетов минувшей войны и при наступившем, до известной, по крайней мере, степени, успокоении, обратить все Высочайшее внимание на внутреннее устройство Империи, направив в надлежащее русло деятельность Думы, я считаю за собой некоторое нравственное право возобновить перед Вашим Величеством мою просьбу.

Поэтому осмелюсь повергнуть к стопам Вашего императорского Величества всеподданнейшее мое ходатайство о все милостивейшем соизволении на увольнение меня от должности председателя Совета Министров.

Граф Витте».

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПОРА НАДЕЖД И УСПЕХОВ

1. СЕМЬЯ. РОДОСЛОВНАЯ. ЖИЗНЬ В ТИФЛИСЕ И КИШИНЕВЕ.
НОВОРОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ 5
2. ЧИНОВНИК ЮЖНЫХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ.
КАТАСТРОФА В БОРКАХ. ТАМОЖЕННЫЙ ТАРИФ 18
3. МИНИСТР ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ.
ХОЛЕРНАЯ ЭПИДЕМИЯ НА ВОЛГЕ 33

ЧАСТЬ ВТОРАЯ УПРАВИТЕЛЬ ФИНАНСОВ ИМПЕРИИ

1. МИНИСТР ФИНАНСОВ. ДЕЛО РАФАЛОВИЧЕЙ 43
2. ШЕФ ПОГРАНИЧНОЙ СТРАЖИ РОССИИ.
ВОЙНА КОНТРАБАНДИСТАМ 55
3. ДЕЛА МИНИСТЕРСКИЕ.
ТАМОЖЕННАЯ ВОЙНА С БИСМАРКОМ 75

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ РЕФОРМЫ, ИЗМЕНИВШИЕ ЛИЦО РОССИИ

1. СУДЬБА РУССКОЙ ВОДКИ.
ПИТЕЙНАЯ МОНОПОЛИЯ ВИТТЕ 97

2. УСТРОИТЕЛЬ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ МАГИСТРАЛЕЙ. ТРАССИБ — СТРОЙКА ВЕКА	114
3. ВОЦАРЕНИЕ ПОСЛЕДНЕГО РОМАНОВА. ХОДЫНКА	144
4. ОТЕЦ ЗОЛОТОГО ИМПЕРИАЛА. ПРИЗНАНИЕ ЕВРОПЫ	157

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ПОЛИТИКА ВИТТЕ В МАНЬЧЖУРИИ

1. ИМПЕРСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ. УХОД С АЛЯСКИ. ПРИХОД В МАНЬЧЖУРИЮ	187
2. КВЖД. САНОВНИКИ ДВУХ ИМПЕРИЙ	204
3. АРЕНДА ЛЯОДУНА. НАЧАЛО СКРЫТОГО РАЗДЕЛА КИТАЯ	222

ЧАСТЬ ПЯТАЯ ПЕРЕД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНОЙ

1. «БОКСЕРСКОЕ» ВОССТАНИЕ. ПОГРОМ КВЖД	243
2. СТРОИТЕЛЬСТВО ПОРТ-АРТУРА	268
3. БЕЗОБРАЗОВСКАЯ КОМПАНИЯ	279

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ РОССИЯ ОБНАЖАЕТ ОРУЖИЕ

1. «ЭКОНОМНОЕ» ВООРУЖЕНИЕ АРМИИ И ФЛОТА. НАЧАЛО ВОЙНЫ.	294
2. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ. ОТСТРАНЕНИЕ ОТ ВОЕННЫХ ДЕЛ	308
3. РОССИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ИЗОЛЯЦИИ	325

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
ПОРАЖЕНИЕ В МАНЬЧЖУРИИ.
ПОБЕДА В РОССИИ

1. ПОПЫТКИ ВЛИЯТЬ НА ЯПОНСКУЮ ВОЙНУ. ВТОРОЙ ТОРГОВЫЙ ДОГОВОР С ГЕРМАНИЕЙ	336
2. РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА	351
3. ПОРТСМУТСКИЙ МИР. ГРАФ «ПОЛУ-САХАЛИНСКИЙ»	364

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ
ОТСТАВКА

ПОРТСМУТСКИЙ ТРИУМФАТОР ПОД ОГНЕМ КРИТИКИ	376
ЧЛЕН ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА. «ПОСЛЕДНИЙ БОЙ» НА СТРАНИЦАХ МЕМУАРОВ	387
ПРИЛОЖЕНИЯ	393

Шишов А.В.

Ш 65 Витте. Финансовый гений последних Романовых. — М.: Вече, 2004 — 432 с., илл. (16 с.) (Досье без ретуши).

ISBN 5-9533-0323-8

Безо всякого спора и сомнения можно утверждать, что Сергей Юльевич Витте являлся крупнейшим государственным деятелем Российской империи за два последних царствования. В истории России среди государственных деятелей Витте — автор «золотой реформы» — стоит в одном ряду с М.М. Сперанским и Г.Ф. Канкрином. Во время правлений императоров Александра III и Николая II. Витте определял финансовую политику, будучи одним из самых влиятельных людей в стране и при дворе.

В этой книге на основе изучения самого широкого круга документальных источников рассказывается о судьбе этой замечательной личности, оставившей в истории России глубокий след. Витте предстает перед нами как устроитель гигантских железных дорог — Транссиба и КВЖД, инициатор введения винной монополии, финансист, автор промышленных и оборонных программ, ряда проектов в области науки, культуры, образования и освоения Дальнего Востока. Показывается дипломатическая и политическая деятельность убежденного монархиста, его отношение к революционному движению, русско-японской войне 1904—1905 годов и проводимым в России реформам. И, наконец, Витте, этот «рыцарь империи Романовых», описывается просто как человек, со всеми его слабыми и сильными чертами характера.

Книга удачно сочетает в себе информативность, научность и популярность и рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей России.